ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕМИИ Hugo

Роберт Ч. УИЛСОН

СПИН

«Уилсон, возможно, лучший автор научной фантастики на сегодняшний день».
Стивен КИНГ

Спин

Роберт Чарльз Уилсон

Аннотация
Роберт Ч. Уилсон. Спин
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Большой дом
Доживаем до совершеннолетия в кипящей воде
Местное время Земли
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Слухи об апокалипсисе доходят до Беркшира
Ничто не пребывает…
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Беспокойные ночи
Сняв покровы
Небесные сады
Мгновения истории экопойезиса
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Гостеприимство
Четыре снимка дельты реки Кирилодж
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Точки холода во Вселенной
Ритуалы жертвоприношения
Под тиканье старинных часов

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Эйфория отчаяния
Домой до наступления темноты
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
В окружении снов
Утро и вечер одного дня
«Спин»
Огненная бездна
Ars moriendi
Четыре миллиарда лет от Рождества Христова
Севернее всего на свете
Послесловие автора
Художественное оформление книги
Разворот обложки

Аннотация

Однажды поздним октябрьским вечером двенадцатилетний мальчик Тайлер Дюпре вышел во двор и посмотрел на небо. Как будто дожидаясь этого, звезды вдруг все разом ярко вспыхнули и погасли. Их поглотила тьма. Тайлер и его лучшие друзья, Джейсон и Диана Лоутон, стали свидетелями явления, которое получило название «Спин» и определило течение их жизни.

Мир изменился. Солнце практически прекратило своё астрономическое существование, хотя продолжало посылать Земле тепло. Луна исчезла — но приливы по-прежнему чередовались с отливами. Искусственные спутники просто посыпались с неба, но по их уцелевшим фрагментам можно было подумать, что пробыли они на орбите во много раз дольше, чем в действительности.

Когда Тайлер, Джейсон и Диана выросли, зондаж околоземного космического пространства обнаружил барьер вокруг Земли, созданный гигантскими объектами неизвестного происхождения. За барьером время

ускорило бег, за один земной день там пролетает сотня миллионов лет. Этот темп предвещает смерть Солнца всего лишь через четыре земных десятилетия…

Роберт Ч. Уилсон
Спин

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Все куда-то падают и куда-то попадают. И вот мы сняли комнату на третьем этаже «колониального» отеля в Паданге — устранились и уединились.

За девятьсот евро в сутки здесь, оказывается, тоже можно уединиться. И любоваться с балкона на Тихий океан. В ясную погоду — а такая и стояла в последние дни — мы видели на горизонте начало Арки. От горизонта вертикально взмывала и таяла в небе туманная полоса. Конечно, с западной оконечности Суматры всей Арки не увидишь. Вторым концом она упиралась в горы подводного хребта Карпентера, за тысячу километров, похожая на обручальное кольцо, упавшее на ребро в мелкую лужу. На суше она могла бы перекрыть всю Индию от Бомбея до Мадраса. Или, грубо говоря, достала бы от Нью-Йорка до Чикаго.

Диана весь день проторчала на балконе, нежилась под вылинявшим полосатым зонтом и восхищалась видом. Я же втихомолку радовался, что она после всего случившегося не утратила

способности хоть чем-то восхищаться.

На закате я присоединился к ней. Закат — лучшее время суток. Сухогруз, обвесившись ожерельями огней, спешил вдоль берега в порт Телук-Байюр и продвигался, как казалось нам с балкона, бесшумно и без усилий. Видимый отсюда конец Арки пылал, как раскалённый гвоздь, скрепивший небо и море. Мы следили, как наползает на Арку тень суши, как темнеет город.

Пресловутая «техника на грани фантастики». Чем, как не фантастикой, объяснишь свободное перемещение огромных водных и воздушных масс из Бенгальского залива в Индийский океан и обратно и целенаправленное перемещение судов в удалённые порты назначения? Какое чудо инженерной мысли позволяет конструкции радиусом в тысячу километров выдерживать свой собственный вес? Каким образом, из чего, из какого материала это умудрились соорудить? Как эта структура функционирует?

Возможно, Джейсон Лоутон смог бы всё это популярно растолковать, но Джейсон от нас далеко.

Диана уютно устроилась в шезлонге, её жёлтый сарафан и смешная соломенная шляпа с непомерными полями едва различимы в темноте.

Угадывается её чистая, гладкая, смуглая от загара кожа. Глаза, отражающие последние отблески солнечного света, глядят настороженно. В этом она не изменилась.

Она взглянула на меня:

— Весь день места себе не находишь.

— Надо бы что-нибудь написать, пока не началось. Сохранить впечатления для памяти.

— Боишься что-то потерять? Боишься что-то забыть? Нечего бояться, Тайлер. Память тебе никто не сотрёт.

Не сотрёт, но воспоминания и сами смажутся, расплывутся, потеряют чёткость. Другие побочные последствия этого средства носят характер временный, вполне терпимы, но возможность потери памяти меня приводила в смятение.

— В любом случае у тебя все шансы. Ты и сам это должен понимать. Конечно, риск… Есть какая-то вероятность, остаётся… Но ведь ничтожная, так?

И если эта вероятность выпадет на её долю, то, скорее всего, можно будет считать, что ей повезло.

— Всё равно лучше записать, пока не поздно, — не сдавался я.

— Не хочешь — не надо. Никто тебя не торопит. Убеди себя, приготовься как следует.

— Нет-нет, я готов… — В этом я, во всяком случае, пытался себя убедить.

— Тогда сегодня и приступим.

— Да-да. Но потом…

— Потом тебе, может, и самому ничего писать не захочется.

— Кто знает… — Графомания — один из наиболее терпимых побочных эффектов.

— Посмотрим, что ты запоёшь, когда тебя укачает. — Она улыбнулась мягкой, утешающей улыбкой. — Каждый боится что-то утратить.

Это меня беспокоило, об этом я старался не думать.

— Диана, может, пора?

Воздух дышал тропиками; снизу до нашего балкона, до третьего этажа, поднимался от бассейна запах хлорки. Паданг превратился в крупный международный порт, забитый иностранцами. Индусы, филиппинцы, корейцы, даже американцы попадались, вроде нас с Дианой, шушера, не имеющая возможности обеспечить себе достаточного комфорта и не подпадающая под программы переселения ООН. Город бурлящий, во многом беззаконный — особенно с тех пор, как власть в Джакарте захватили новые реформазы.

Но отель плюёт на политические перемены,

держит марку, звёзды его, в отличие от небесных, не меркнут. В небе всё затмевала вершина Арки, похожей на перевёрнутую латинскую U, выписанную неумелой рукой полуграмотного Бога. Символ непознаваемого, ворота в неизвестность. Не отрывая взгляда от Арки, я сжал руку Дианы.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том вечере, когда я в последний раз видел старые созвездия.

Дева, Стрелец, Скорпион… Теперь всего лишь термины из лексикона этих ловких жуликов, составителей гороскопов, пометки на полях книги истории.

— Отсюда они, наверное, выглядели бы иначе. Южное полушарие… — Я подумал о широтном смещении.

Уже совсем стемнело, когда мы вернулись в комнату. Я включил свет, а Диана задёрнула шторы и уверенными движениями распаковала шприц и ампулу. Я мысленно похвалил себя как способного учителя. Она наполнила шприц, нахмурилась, выгнала из него пузырёк. Руки у неё всё же дрожали. Я снял рубашку и улёгся на кровать.

— Тайлер…

Она колебалась.

— Смелее, смелее, — подбодрил её я. — Я всё прекрасно представляю. Мы уже сто раз всё обговорили.

Она кивнула, тщательно протёрла спиртом моё предплечье у локтевого сгиба. Шприц в её правой руке, поднятый вверх, перестал дрожать. Содержимое его с виду ничем не отличалось от воды из-под крана.

— Давно это было, — проронила она негромко, нерешительно.

— Что?

— В это же время суток. Мы смотрели на звёзды.

— Спасибо тебе, что не забыла.

— Такое не забывается… Ладно, работай кулачком.

Боль укола. Обычная. Во всяком случае, сначала.

Большой дом

В тот вечер, когда звёзды исчезли с неба, мне было двенадцать, близнецам по тринадцать.

В октябре это произошло, за несколько недель до Хэллоуина. Родители устроили вечеринку для взрослых, а нас выгнали в подвал дома Лоутонов. Мы называли этот дом «большим».

Подвал нам вовсе не казался местом заключения. Диану и Джейсона оттуда силком не вытащишь, да и я там у них отирался целыми днями. Их папаша чётко разграничил «взрослую» и «детскую» части дома, но у нас не возникало желания нарушать навязанные границы. К чему? Подвал оснащён классной игровой платформой, дисков с киношками навалом, прикольные мультики, приключения… Даже бильярдный стол настоящий. И полная свобода, никаких надсмотрщиков, если не считать одну из их домработниц, пожилую миссис Труэл, под предлогом присмотра за малолетками сбегавшую время от времени от шумной компании в подвал и сообщавшую нам очередные новости «сверху»: парень из «Хьюлет-Паккард», слышь ты, жмёт сок из жены обозревателя «Пост», глаза бы не глядели… Се-

натор надрался, как свинья, стыд-то какой… Не хватало нам лишь тишины, как считал Джейсон. Вверху утробно урчала «взрослая» танцевальная музыка, как кишки в брюхе голодного людоеда. И неба из подвала не увидишь.

Тишина и небо. Джейсон решил, что нам необходимо и то и другое.

Диана и Джейсон, разумеется, двойняшки разнояйцевые, не «стопроцентные». Собственно, никто их, кроме матери, близнецами и не называл. Джейсон безапелляционно утверждал, что они представляют собою результат «поражения биполярным сперматозоидом противоположно заряженных яйцеклеток». Диана, «коэффициент интеллекта» которой почти не отличался от джейсоновского, с таким же апломбом пользовалась определением из иного словаря: «два совершенно разных узника, вырвавшихся из одной и той же клетки».

Я балдел от обоих.

Джейсон в свои тринадцать уже вымахал шести футов ростом. Парень подтянутый, мускулатурой не отличался, но вынослив, силён, всегда бодр. По физиономии его почти постоянно гуляла несколько смущённая кособокая улыбка. С детства блондин, волос жёсткий, как солома.

Диана ростом на пять дюймов меньше брата, смуглее. Кожа у неё на диво чистая, если не считать веснушек вокруг глаз. «Маска енота» — так называла она эту россыпь конопушек. Что мне в ней больше всего нравилось — это улыбка. Я уже дорос до возраста, когда такие детали ещё не осознаются, но уже производят сногсшибательное впечатление. В отличие от брата она улыбалась редко. Зато как улыбалась! Она вбила себе в голову — и совершенно напрасно, — что у неё слишком «лошадиные» зубы, и то и дело прикрывала рот рукой, особенно когда смеялась. Мне нравилось смешить её, но больше всего я балдел от её улыбки.

Как раз накануне Джейсон получил от отца отличный астрономический бинокль, мощный, дорогой прибор. Джейсон всё время крутил его в руках, наводил на плакат турфирмы, приклеенный над телеэкраном, воображая, что рассматривает юкатанский прибрежный городишко из-под Вашингтона. Наконец, он встал, вздохнул и решительно заявил:

— Надо всё-таки на небо глянуть.

— Вот ещё, — тут же отозвалась Диана. — Там холод собачий.

— Зато ясно. Давно уже не было ясных ночей.

И не холодно вовсе, а приятная свежесть, прохладно.

— Утром на газоне снег лежал.

— Не снег, а иней, — поправил Джейсон.

— Уже поздно, за полночь.

— Ну и что. Пятница, ночь на выходной.

— Нам нельзя выходить из подвала.

— Нам нельзя мешать взрослым. Никто ни слова не говорил, что нельзя выходить из подвала. И никто нас не увидит, если ты боишься, что поймают.

— Ничего я не боюсь.

— Тогда в чём дело?

— Большая мне радость, слушать твой бубнёж, когда у меня ноги мёрзнут.

Джейсон повернулся ко мне:

— Тайлер, ты как считаешь? На небо стоит глянуть?

Вот чего я не люблю, так это их привычку притягивать меня в качестве арбитра. Невыигрышная позиция. Согласись я с Джейсоном — конечно, это не понравится Диане. Но если слишком часто соглашаться с Дианой, может создаться впечатление, что я в неё… ну, в общем…

И я вильнул:

— Даже не знаю, Джейсон, но что там не жарко,

это уж точно.

Диана протянула мне руку помощи. Она и вправду положила ладонь мне на плечо и сказала:

— Да ладно. Лучше глотнём свежего воздуха, чем всё время выслушивать его причитания.

Мы похватали свои куртки в обширном тамбуре подвального этажа и выскочили наружу.

Не скажешь, что «большой дом» такая уж грандиозная постройка, ненамного он и больше среднего строения в нашем отнюдь не бедном пригороде. Вот участок он занимал на самом деле приличный. Гладко выстриженный газон тянулся чёрт знает докуда и переходил в неухоженный сосновый лесок, который пересекал средней загаженности ручеёк, чуть ли не речка. Для наблюдения за звёздами Джейсон почему-то выбрал середину луга-газона, на полпути к сосновому борку.

Октябрь выдался в том году мягкий, тёплый, но за день до того в бабье лето врубился грубиян-мороз с ледяным томагавком, и Диане, пожалуй, не приходилось слишком притворяться, усердно растирая замёрзшие бока. Мне, правда, воздух казался лишь приятно прохладным, на диво свежим. Небо оставалось ясным, трава почти

сухая — значит, к рассвету её снова прихватит мороз. Ни луны, ни облаков. «Большой дом» сиял, как пикниковый пароход на Миссисипи, бросал из окон снопы хищного света, но мы по опыту знали, что, стоит лишь шагнуть за дерево, и ты как будто провалишься в чёрную дыру, как будто тебя и не было.

Джейсон улегся на спину и уставил бинокль в звёздное небо.

Я уселся возле Дианы, по-индейски скрестив ноги. Она вытащила из кармана куртки сигарету. Наверное, стащила у мамаши. Её мать, Кэрол Лоутон, кардиолог, заявляла, что больше не курит, но почему-то всегда прятала пачки сигарет в туалетном столике, в письменном столе и в кухне. Мне об этом сообщила мать.

Диана сунула сигарету меж своих пухлых губ, и пламя зажигалки просветило её прозрачные пальцы. Она выдула клуб дыма, тут же растаявшего во тьме.

Глянув на меня, она спросила:

— Хочешь затянуться?

— Ему двенадцать, — сурово одёрнул сестру Джейсон. — У него и без того есть над чем ломать голову. Не хватает ему ещё рака лёгких.

Теперь это вопрос чести.

— Конечно, — киваю я.

Диана передала мне сигарету. Я потянул в рот дым, стараясь не вдыхать его, чтобы не закашлять. Она вынула сигарету у меня изо рта:

— Не увлекайся.

— Тайлер, — обратился ко мне Джейсон. — Ты в звёздах разбираешься?

Я глубоко дышал, проветривая лёгкие свежим холодным воздухом.

— Ну дак…

— Я не о том, что ты вычитал в своей макулатуре. Хоть какие-нибудь названия звёзд знаешь?

Покраснеешь от такого вопроса… Но, слава богу, темно, незаметно.

— Арктур. Альфа Центавра, Сириус, Полярная…

— А где живут клингоны?

— Кончай придуриваться, — возмутилась Диана.

Они оба до чёртиков образованные, кто ж спорит.

Я тоже не дурак, но из другого диапазона, мне до них не доплюнуть. Они учатся в школе для вундеркиндов, а я ползаю в школьном автобусе до обычной местной средней. Одно из социальных различий. Они живут в Большом Бунгало, я с маманей в домишке на окраине их усадьбы. Их

предки делают большие бабки — ну, приличные, во всяком случае — на своих рабочих местах, а моя мать следит за их домом. Мы эти различия сознаём, но на них не зацикливаемся, и они нам не слишком мешают.

— Ну ладно, — уступил Джейсон. — А Полярную найти сможешь?

Полярная звезда, путеводная. Читал я книжки о борьбе с рабством, о Гражданской войне XIX века. Встречалась там песня беглых рабов:

Вернётся солнце, под крик перепёлки —
Иди за большим ковшом.
Там ждёт белый дед у колючей у ёлки —
К свободе иди за ковшом.

Вернётся солнце — значит, после зимнего солнцестояния в декабре. Перепёлки зимуют на юге. Большой ковш — Большая Медведица, ковш указывает краем черпака на север, к свободе. Я разыскал в небе ковш и не слишком определённо махнул рукой в его направлении.

— Видал? — торжествующе спросила брата Диана, как будто я помог ей выиграть очко в каком-то их споре, мне неизвестном.

— Ну, молоток, — похвалил меня Джейсон. — О

кометах слыхал?

— Угу.

— Хочешь глянуть?

— А то…

Я кивнул и подвинулся к нему, всё ещё ощущая во рту гадостный привкус от сигареты. Джейсон показал, как лучше упереть локти в землю, вручил мне бинокль и помог навести фокус. Расплывчатые пятна превратились в сияющие точки, и я нашёл — или мне показалось, что нашёл — пятнышко в тёмной бездне меж звёзд, оставшееся расплывчатым.

— Комета… — учительским тоном начал Джейсон.

— Знаю, знаю, — затараторил я. — Снежный ком, летящий к солнцу.

— Можно, конечно, и так выразиться, — снисходительно согласился Джейсон. — Знаешь, откуда они прилетают? Из-за границы нашей Солнечной системы, из пространства за Плутоном, и до половины расстояния до ближайшей звезды. Холод там такой, что и представить невозможно.

Я несколько неуверенно кивнул. Космической фантастики я начитался предостаточно, чтобы развился во мне священный ужас перед необъятными, не знающими жалости межзвёздными

просторами. Об этом приятно было размышлять с замиранием сердца, хотя и чувствовал я себя в результате таких размышлений жалкой козявкой.

— Госпожа, не желаете взглянуть? — обратился Джейсон к сестре.

— Это приказ?

— Не хочешь, не надо. Сиди, дыми своей вонючкой, разрушай лёгкие, если тебе так нравится.

— Верблюд ослячий, — буркнула Диана, вдавила окурок в траву и величественно вытянула руку приблизительно в моём направлении. Я передал ей бинокль.

— Поосторожнее, — предупредил Джейсон. Он успел влюбиться в свой новый инструмент. От бинокля ещё пахло упаковочной плёнкой и полистирольной пеной.

Диана поднесла бинокль к глазам, настроила его. Помолчала. Вздохнула устало и разочарованно:

— И знаешь, что я вижу сквозь эту штуку, глядя на звёзды?

— Ну?

— Звёзды. Всё те же звезды.

— Головой работай. Используй фантазию, воображение! — кипятился Джейсон.

— А на кой мне чёрт тогда бинокль?

— Я имею в виду, думай о том, что видишь.

— А-а-а… — протянула она и тут же с энтузиазмом воскликнула: — О-о-о! Джейсон! Я вижу…

— Ну что, что?

— Знаешь, ведь это же… Да-да, это Боженька! У него длинная белая борода. И в руке плакат. А на плакате большими буквами:

ДЖЕЙСОН КОЗЁЛ!

— Ах, как остроумно! Отдай, бестолочь. Играй в куклы.

Джейсон протянул руку за биноклем, но Диана, не обратив на него внимания, перевела бинокль на окна «большого дома».

Пьянка у них началась довольно поздно вечером, как обычно. Мать моя эти мероприятия считала чуть ли не правительственными встречами на высшем уровне, на которых заключались крупные сделки, но она склонна преувеличивать. Большинство гостей, по словам Джейсона, немалые фигуры в аэрокосмическом бизнесе и в политике. Не самые верхи вашингтонского истеблишмента, однако всё же «сливки общества» со связями на западе и в военно-промышленном комплексе. И-Ди Лоутон, пахан Дианы и Джейсона, устраивал такие вечеринки регулярно,

примерно раз в квартал.

— Всё путём, — комментировала Диана. — На первом этаже пьют и пляшут. Больше пьют, чем пляшут. Жрать, похоже, уже перестали, прислуга сворачивается и скоро намылится по домам. Кабинет зашторен. И-Ди в библиотеке, точит лясы с парой пиджаков. Ф-фу! Один дымит сигарой!

— Ай-ай-ай! Ваше возмущение разыграно неубедительно, мисс Мальборо.

Не обратив внимания на замечание брата, Диана продолжила обзор с комментариями.

— Вот так всегда, — сокрушался Джейсон. — Сунь её носом во Вселенную, а она отвернётся и примется мух считать на потолке.

Я не нашёлся что ответить Джейсону. Как и многое другое, сказанное им, это казалось слишком высоколобным и слишком остроумным для меня, недосягаемым. Не созрел я для беседы с ним на равных.

— Моя спальня… Слава богу, пусто. Джейсона спальня… Тоже пусто, если не считать журнала под матрасом. «Пентхауз», раскрыт на развороте, естественно.

— Бинокль, конечно, что надо, но под матрас всё же не заглядывает, — проворчал Джейсон.

— Спальня предков… Пусто, — продолжила об-

зор Диана. — Гостевая спальня… — Она смолкла на полуслове.

— Что там? — заинтересовался Джейсон. Диана молча глядела, не говоря ни слова.

— Диана, — не выдержал я.

Прошло ещё несколько секунд. Диана вдруг передёрнула плечами, отвернулась и запустила биноклем в Джейсона, протестующе взвившегося и бросившегося спасать свою драгоценность от возможных повреждений. Мы не понимали, что с ней стряслось, но спросить не успели.

Звёзды исчезли.

* * *

Ничего особенного.

Именно так говорили очевидцы. Как будто ничего особенного и не случилось. Я смотрел в небо, не обращая внимания на очередную перепалку брата и сестры. Ничего особенного, лишь какое-то сияние, вспышка, что ли… и краткий миг полного ослепления. Я моргнул.

— Что там? Молния? — спросил Джейсон. А Диана вообще ничего не сказала.

— Джейсон… — Я продолжал моргать.

— Ну, что? Диана, если ты что-нибудь сломала…

— Да заткнись ты…
Я заклинающе поднял обе руки.
— Подождите, оба. Гляньте. Где звёзды?
Джейсон и Диана враз вздёрнули головы.

* * *

Из нас троих лишь Диана могла всерьёз поверить, что звёзды вдруг «погасли», как будто свечки, задутые порывом ветра. Джейсон настаивал, что это невозможно. Ведь свет от звёзд доходит до нас за сто, сто тысяч, сто миллионов лет, в зависимости от того, как далеко звезда от нас находится. И если они вдруг разом погаснут, то свет от них не исчезнет одновременно. К тому же, добавил я, солнце-то не погасло, а оно ведь тоже звезда. Оно ведь светит, хоть и на другую сторону планеты.

Конечно светит, поспешно согласился Джейсон и тут же добавил:

— А если нет, то мы к утру превратимся в сосульки.

Значит, звёзды продолжали светить, но мы их почему-то перестали видеть. Они не исчезли, но что-то затмило их. Да, небо почему-то вдруг покрылось тьмой. Да, это тайна… гм… покрытая мраком, в буквальном смысле. Но не катастрофа.

Однако реплика Джейсона застряла у меня в сознании. Что, если солнце и вправду… погасло?.. исчезло? Я представил снег, медленно парящий в воздухе, во мраке, затем сам воздух, кристаллизирующийся в снег, и всех людей планеты, погребённых под снежным одеялом выдыхаемого пара. Куда комфортнее предположить, что звёзды просто скрылись за какой-то завесой. Но за какой?

— Очевидно, что-то громадное. И быстрое. Тайлер, ты это видел. Как это выглядело, они все сразу исчезли, или что-нибудь успел заметить, какое-нибудь движение?

Я сказал, что звёзды как будто вспыхнули ярче и потом все одновременно исчезли.

— В жопу ваши гребаные звёзды! — взорвалась Диана.

Я вздрогнул. Не её словарь всё-таки. Хотя мы с Джейсоном, учитывая наш «двузначный» возраст, уже весьма свободно обходились со словами, ранее считавшимися запретными. Многое тем летом здорово изменилось.

Джейсон понял, как напугана Диана.

— Не думаю, что произошло что-то слишком опасное, — с деланым равнодушием заявил он. Не слишком убедительно это у него прозвучало.

— Я замёрзла, — капризным тоном объявила Диана.

И мы поплелись к «большому дому», поглядеть, что покажут Си-Эн-Эн и Си-Эн-Би-Си. Почерневшее небо безмерно раздражало нас, давило на плечи. Такого неба я в жизни ещё не видел.

* * *

— Надо сказать И-Ди, — решил Джейсон.

— Вот и скажи, — сердито буркнула Диана.

Джейс и Диана называли родителей по именам, потому что Кэрол Лоутон считала такой способ общения с детьми прогрессивным. Реальность оказалась сложнее. Кэрол проявляла себя матерью терпеливой, спускала детям многое, но слишком глубоко в их жизнь не вникала. И-Ди же сосредоточивался на наследнике, то есть на Джейсоне. В результате сын отца боготворил, а дочь боялась.

Я же и мысли не допускал, что осмелюсь показаться во «взрослой зоне» их дома, да ещё и в разгар этакого разгула. И мы с Дианой скрылись в демилитаризованной зоне, поджидая Джейсона за дверью, в соседней комнате. Деталей контакта мы, конечно, не разобрали, но по раздражённому тону И-Ди можно было понять, что беседа оказа-

лась несколько односторонней. Джейсон вылетел оттуда покрасневший: он еле сдерживал слёзы. От греха подальше я распрощался и направился к задней двери.

В коридоре меня догнала Диана. Она схватила меня за запястье, остановила:

— Тайлер, оно взойдёт? Солнце. Утром, я имею в виду. А что, если миру конец, а, кроме нас троих, об этом никто и знать не желает?

Нельзя сказать, что голос её звучал оптимистически. Я хотел ляпнуть что-нибудь легкомысленное, вроде «хуже смерти ничего не случится», но тон её и на меня повлиял.

— Да ничего страшного, — улыбнулся я через силу. Она поймала мой взгляд:

— Ты уверен?

Я снова попытался улыбнуться.

— На девяносто процентов.

— Но ты ведь сегодня не заснёшь.

— Пожалуй… — Действительно, ко сну меня, не смотря на поздний час, не клонило.

Она изобразила рукой телефонную трубку:

— Я позвоню тебе.

— Конечно, звони.

— Я тоже вряд ли засну. И… Конечно, это звучит глупо… Но, если я засну, позвони мне, как только

покажется солнце.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Как я мог ей отказать…

* * *

Мы с матерью занимали аккуратный дощатый домик на восточной окраине поместья Лоутонов. С обеих сторон от крыльца за заборчиком из сосновых реек росли и цвели несколько кустов поздних садовых роз. Последние лепестки опадали уже глубокой осенью, их сдували порывы ледяного ветра. Этой безлунной, безоблачной, беззвёздной ночью электрическая лампочка над крыльцом сияла путеводным маяком.

Я вошёл, не поднимая шума. Мать давно заснула. В жилой комнате полный порядок, если не считать пустого стопарика. Пять дней в неделю мать не пила ничего, крепче чаю, но под выходные позволяла себе расслабиться и доставала из буфета бутылку виски. Она охотно признавалась, что есть у неё два порока. Один из них — выпивка наедине с собою в пятницу вечером. Насчёт второго я её как-то спросил, и она, смерив меня долгим взглядом, процедила с усмешкой:

— Твой папочка.

Я не стал развивать тему.

Я растянулся на диване с книгой, углубился в чтение. Вскоре позвонила Диана и сразу спросила:

— Ты телевизор включал?

— Нет. А стоит?

— Не трудись. Ничего там нет.

— Ну-у… Может, потому что два ночи?

— Нет, не в этом дело. Абсолютно ничего. Только местный кабельный, дует инфорекламу. Что бы это значило, Тайлер?

А означало это, что все спутники исчезли с орбит, как и звёзды. Телекоммуникационные, метеорологические, военные, навигационные — все «выключились» в мгновение ока. Но я этого ещё не знал и потому не смог объяснить Диане.

— Да много чего могло бы значить.

— Я, знаешь, боюсь.

— Брось, нечего особенно бояться.

— Надеюсь. Хорошо, что ты не спишь. Мне так спокойнее.

Она снова позвонила через час, сообщила, что сдох Интернет. Местное телевидение начало передачу об отмене полётов из аэропорта Рейгана и из региональных аэропортов. Людям предлага-

лось наводить справки по телефонам.

Но я видел из окна своей спальни огни самолётов и сообщил об этом Диане. Очевидно, летали военные. Как будто фальшивые звёзды метались по небу.

— Может быть, что-нибудь контртеррористическое, — предположил я.

— Джейсон у себя возится с приёмником. Поймал Бостон и Нью-Йорк. О военных полётах сообщали, о закрытии аэропортов тоже, но ни слова о террористах. И вообще ничего о звёздах.

— Не могли они не заметить.

— Если и заметили, то не говорят. Может, им приказали молчать. О восходе солнца тоже молчат.

— А с чего бы им упоминать восход? Оно когда взойдёт, через час? Над океаном его уже видно. На Атлантическом побережье. С морских судов. Да и мы скоро увидим.

— Надеюсь, — её голос звучал обеспокоенно. — Надеюсь, что ты прав.

— Вот увидишь.

— Мне нравится тебя слушать, Тайлер. Я не говорила тебе об этом? У тебя голос такой… успокаивающий.

Даже если я этим голосом несу несусветную

чушь.

То, что она мне сказала, не могло мне не понравиться. Я ей, конечно, в этом не признавался, но думал, когда она повесила трубку. Думал о тёплом чувстве, вызванном её словами. Недоумевал, что бы всё это означало. Диана старше меня на год, куда образованнее. С какой же стати я вдруг ощутил себя каким-то её защитником, что ли… чуть ли не покровителем. Захотелось оказаться рядом, прикоснуться к её лицу, заверить, что всё будет хорошо. Эти ощущения оказались для меня почти столь же загадочными и тревожными, сколь и внезапное зачернение неба.

В следующий раз она позвонила без десяти пять. Сон меня уже почти одолел, хоть я и лежал полностью одетый. Я выхватил трубку из кармана и рявкнул спросонья:

— Алло!

— Снова я, Тайлер. Ещё темно.

Я покосился в окно. Действительно, тьма. Потом перевёл взгляд на часы:

— Да ведь… рановато ещё, Диана.

— Ты спал? Я тебя разбудила?

— Нет-нет.

— Спал, спал. Счастливчик. Темно, холодно. Я глянула на наружный термометр за окном в

кухне — тридцать пять по Фаренгейту. Нормально, что такая температура?

— Вчера то же самое было.

— Джейсон заперся у себя, химичит с радио. Родичи… э-гм… дрыхнут родичи, отсыпаются. А у тебя мать встала?

— Рано ещё, Диана. Да и выходной у неё. — Я исподлобья глянул в окно. Разумеется, в это время тьма уже должна бы понемногу разбавляться светом. Хоть лучик бы… Всё легче стало бы на душе.

— Ты её не будил?

— Ну, Диана, зачем? Что, она звёзды вернёт, что ли?

— Вряд ли. — Она помолчала. — Тайлер…

— Я слушаю, слушаю.

— Что ты помнишь…. самое первое?

— Э-э… сегодня?

— Нет. Вообще. Самое первое воспоминание в жизни. Может, вопрос и дурацкий, но мне кажется, стоит минут на десять отвлечься, поговорить о чём-то другом, не о небе и звёздах.

— Первое, что я помню… — я призадумался. Пожалуй, это в Лос-Анджелесе. Перед тем как мы переехали на восток. То есть когда отец ещё был жив и работал на И-Ди и его молодое предприятие в Сакраменто. — У нас была большая квартира

с белыми шторами в спальне. И я помню, как эти шторы развевались на ветру. Солнце, окна распахнуты, свежий ветер… — Я снова увидел эти развевающиеся шторы, как будто ощутил дуновение ветерка. Потом видение растаяло, и я спросил: — А ты?

Первое воспоминание Дианы тоже относилось к Сакраменто, но имело совершенно иной характер. И-Ди устроил детям экскурсию по предприятию, уже тогда имея в виду, в первую очередь, Джейсона как своего наследника. Диане запомнились громадные перфорированные балки, металлические полы, громадные барабаны сверкающей алюминиевой фольги, постоянный шумовой фон. Всё такое громадное, подавляющее, как будто замок сказочного гиганта, захватившего в плен её отца.

Гнетущее воспоминание. Она чувствовала себя там брошенной, забытой среди множества металлических монстров.

Поговорили о воспоминаниях, и Диана снова забеспокоилась:

— Посмотри на небо.

Я выглянул в окно. Над горизонтом появился свет. Достаточно света, чтобы разбавить ночную черноту каким-то сине-фиолетовым оттенком.

Не хотелось выдавать своего облегчения.

— Ну вот, ты оказался нрав, — облегчённо вздохнула Диана. — Солнце всё-таки встаёт.

Только это оказалось не солнце. Хитрая фабрикация, умелое надувательство. Но мы тогда ни о чём не догадывались.

Доживаем до совершеннолетия в кипящей воде

Те, кто помладше, часто меня спрашивают: почему не было паники? Почему никто не метался сломя голову? Грабежи, мародёрство, погромы — где всё это? Почему ваше поколение согласилось на это без тени протеста?

Иногда я отвечаю: да ведь случались же всякие ужасы.

Иногда иначе: но мы ничего не понимали. А если бы поняли, то что бы могли поделать?

А иной раз отвечаю притчей, байкой о лягушке.

Сунь лягушку в кипяток — она тут же выпрыгнет оттуда.

Положи её в горшок с приятной тёплой водицей, поставь горшок на плиту, разогрей медленно, без спешки — и лягушка сварится, так ничего и не успев сообразить.

Конечно, угасание звёзд медленным процессом не назовёшь, но оно не повлекло за собою прямых сиюминутных несчастий катастрофического масштаба. Конечно, для астронома или стратега

это сильнейший удар, повергающий в состояние ужаса. Но для парня с улицы, скажем, для водителя автобуса или продавца, бармена, официантки это лишь тёплая водица.

Англоязычные средства массовой информации окрестили это явление «Октябрьским феноменом». Термин «Спин» прижился не через год и не через два. Первым очевидным следствием стало крушение многомиллиардного бизнеса орбитальной спутниковой индустрии. Системы телевизионного вещания, коммуникации, в том числе телефонной связи, навигационные локаторы, системы разведки, интернет… Метеорологам пришлось вернуться к древним процедурам вычерчивания изобар и изотерм, вместо небрежного просматривания подаваемых спутниками карт. Безуспешными остались многочисленные попытки установить связь с международной космической станцией. Коммерческие запуски с мыса Канаверал, из Байконура и Куру пришлось отложить «на неопределённый срок».

Ничего доброго не принёс этот феномен таким корпорациям, как «Дженерал Электрик» — «Амери-ком», AT&T, «Комсат», «Хьюз коммюникейшнз» и множеству подобных.

На мир посыпались кошмары, но сведения об

этих кошмарах распространялись медленно, так как системы связи оказались парализованными. Новости не успевали просачиваться сквозь трансатлантический оптоволоконный кабель. Лишь через неделю до нас дошло известие об ошибочном или случайном запуске пакистанской ракеты «Хатф-5», оснащённой ядерной боеголовкой. Сбившись с курса, ракета уничтожила плодородную долину в Гиндукуше. Этот первый случай боевого применения атомного оружия с 1945 года, к счастью — можно и так выразиться, несмотря на трагические его последствия, — остался единичным, а ведь на грани уничтожения оказались Тегеран, Тель-Авив, Пхеньян.

* * *

Успокоенный состоявшимся, несмотря на мои опасения, восходом, я заснул и проспал до полудня. Когда я встал, оделся и вышел в наш «парадный зал», мать стояла перед телевизором, всё ещё в своём стёганом халате, нахмурившись, глядела на экран. Я спросил, завтракала ли она. Она ответила отрицательно, и я отправился на кухню готовить завтрак на двоих.

Той осенью ей было сорок пять. Если бы меня

попросили описать её одним словом, я бы сказал, что она «серьёзная». Сердилась она крайне редко, а плакала на моих глазах лишь один раз, когда полицейские сообщили ей — это было ещё в Сакраменто, — что отец разбился на скорости в восемьдесят миль в час возле Вакавиля, возвращаясь домой из деловой поездки. Я видел её лишь такой, но кто-то видел её и другой. На полке в жилой комнате стоял портрет стройной красавицы, вызывающе глядящей в объектив. Я аж вздрогнул, когда мать в ответ на мой вопрос сказала, что на портрете изображена она — ещё до моего рождения.

Сейчас она не скрывала, что телевизор её не радовал. Местная станция без передышки давала новости, повторяя сообщения, полученные от коротковолновиков-любителей, и расплывчатые успокаивающие пресс-релизы федерального правительства.

— Тайлер, — сказала она, кивнув мне на стул, — я ничего не понимаю… Что-то ночью произошло.

— Знаю. Я сам видел, прежде чем лёг.

— Сам видел? А почему меня не разбудил?

— Да… не знаю…

Но она не рассердилась.

— Да и к лучшему, Тай. Ничего я не потеряла.

Смешно, у меня такое ощущение, как будто я всё ещё сплю.

— Звёзды… — изрёк я глубокомысленно.

— И Луна, — добавила мать. — О Луне ещё не слыхал? Никто нигде во всем мире ни звёзд, ни Луны не видел.

* * *

Луна — ещё тот фокус.

Я посидел рядом с матерью, потом оставил её перед телевизором и под её напутствие: «Вернёшься засветло сегодня!» — поплёлся к «большому дому». Я постучал в заднюю дверь, которой пользовались повариха и дневная горничная, хотя Лоутоны демократично избегали называть этот вход «служебным» или «для прислуги». Через эту же дверь по рабочим дням входила моя мать, чтобы заняться хозяйством Лоутонов.

Впустила меня миссис Лоутон, мать близняшек. Она посмотрела на меня пристально и кивнула в направлении лестницы. Диана ещё спала, дверь её комнаты была закрыта. Джейсон ещё не ложился и не собирался. В своей комнате он уткнулся носом в шкалу коротковолнового приёмника.

Комната Джейсона мне казалась пещерой Алад-

дина, полной сокровищ, о которых я и мечтать не смел. Компьютер самоновейшей модификации, канал подключения к интернету шириной с Гудзон, выбор провайдеров — хоть задом ешь. И телевизор, хоть и бэушный, но вдвое больше, чем в нашей гостиной. На всякий случай я сообщил ему то, что узнал от матери:

— Луна тоже пропала.

— Интересно, да? — Джейсон встал и с наслаждением потянулся. Затем запустил пальцы в разлохмаченные космы. Со вчерашнего дня он ещё не переодевался. Небывалое явление. Записной кандидат в гении, он обычно вёл себя не так, как положено гению из телесериалов. Не спотыкался о собственные пятки, не заикался, не корябал алгебраических уравнений на стенках. В этот раз он, однако, выглядел несколько более «телегениальным». Казался рассеянным, во всяком случае. — Ну, Луна-то, положим, никуда не делась. Да… Куда бы ей деваться… М-м… Если верить радио, приливы и отливы на Атлантическом побережье такие же. Значит, здесь она. А если Луна здесь, то и звёзды тоже… можно думать…

— Так почему же мы их не видим?

Он насупился:

— Спроси что-нибудь полегче. Ну, можно,

конечно, сказать, что явление оптического характера. Хотя бы отчасти.

— Глянь в окошко, Джейс. Солнце-то тут. Что за оптика пропускает Солнце, но прячет звёзды и Луну?

— Опять же: откуда я знаю? А что ещё, если не оптика? Кто-то спёр Луну и звёзды и удрал с ними?

Я подумал, что, скорее, кто-то спёр Землю, засунул её в мешок для какой-то неизвестной даже Джейсону надобности.

— Насчёт Солнца всё-таки интересно, — продолжал Джейсон. — Значит, не оптический заслон, а оптический фильтр. Интересно…

— И кто же этот фильтр установил?

— Откуда я… Что-то ты много гадаешь. Почему кто-то обязательно должен что-то устанавливать? Мало ли что случилось по неизвестной нам причине… Раз в миллион лет чего не стрясётся… Там, магнитные полюса перевернутся… Местами поменяются. Если что-то произошло, необязательно за этим кроется какой-то шибко умный злоумышленник.

— Может, и кроется.

— Знаешь, много чего может быть.

Я немало натерпелся насмешек над моей чрез-

мерно горячей любовью к научной фантастике и потому не выронил вертевшееся на языке слово «инопланетяне». Но о чём ещё мог я подумать? И не только я один. Даже Джейсон вынужден был согласиться, в свете развития событий, что мысль о вторжении постороннего, неземного разума вовсе не столь уж абсурдна.

— Следующий вопрос, — напирал я, — какая у них цель?

— Я бы предложил два варианта: спрятать что-то от нас или спрятать нас от чего-то.

— А отец твой что думает?

— Не спрашивал. Весь день висит на телефоне. Может, пытается сбыть свой пакет «Дженерал телефон энд электроникс». — Он, конечно, шутил, но для меня его шутка послужила первым намёком на возможные последствия событий для аэрокосмической промышленности в целом и для семьи Лоутонов в частности. — Я сегодня не спал, боялся пропустить что-нибудь интересное. Завидую сеструхе. Дрыхнет без задних ног. «Разбудите меня, если что-нибудь интересное…»

Я, конечно, обиделся за Диану:

— Она тоже не спала.

Вот я и влип!

— Откуда ты знаешь?

— Ну… мы по телефону говорили.
— Она тебе звонила?
— Ну да… Перед рассветом.
— Ха, Тайлер, а чего ты покраснел как рак?
— Ничего я не краснел…
— В зеркало глянь!

Меня спас резкий стук в дверь. В комнате появился И-Ди Лоутон, по виду которого можно было заключить, что и он не слишком долго спал в эту ночь.

Папаша Джейсона и с виду не сахар, и на вкус. Крупный, крепкий, плечи широкие, вспыхивает легче керосина, угодить ему крайне трудно. В выходные, когда дома, носится грозой, гремит громом и мечет молнии. Мать как-то сказала, что он не из тех, чьё внимание приятно. И что она не понимает Кэрол, как она решилась выйти за такого.

Его не назовёшь самородком, добившимся делового успеха своими собственными силами. Дед его, основатель весьма солидной юридической конторы в Лос-Анджелесе, уже удалившись от дел, поддерживал своим капиталом начинания внука. Но и внук деда не подвёл, продвинулся в высотном приборостроении и в технологии воздухоплавания, пробился, не гнушаясь в случае

необходимости и применением локтей.

Вошёл Лоутон-старший насупленным. Он упёрся в меня взглядом и пророкотал:

— Извини, Тайлер, но мне нужно потолковать с Джейсоном наедине. Отправляйся пока домой.

Джейс не возражал, да и я не горел желанием оставаться. Натягивая на ходу куртку, я спустился по лестнице и покинул дом тем же путём, через заднюю дверь. Затем провёл не один час на берегу ручья, пуская «блинчики» и наблюдая за белками, без устали таскавшими припасы в свои тайные зимние хранилища.

* * *

Солнце, Луна, звёзды…

В последующие годы подросли дети, никогда не видевшие Луны собственными глазами. Люди на пять-шесть лет младше меня уже не могли вспомнить звёзд, кроме как по фильмам да рассказам. Мне было лет тридцать, когда я поставил для дамы, несколько меня младшей, песню Антонио Карлоса Жобима «Ночная тишь, затихли звёзды». Глядя на меня серьёзными глазами, она спросила:

— А что, звёзды здорово звенели?

Мы лишились не просто светящихся точек в

небе. Исчезло ощущение своего места. Земля кругла, Луна обращается вокруг Земли, Земля колесит вокруг Солнца — большей космологии и не надо обычному человеку, и после школы мало кто задумывался над этими зазубренными истинами. Но люди лишились знакомых точек опоры и почувствовали себя обокраденными.

Насчёт Солнца официальное сообщение огласили лишь на вторую неделю после исчезновения звёзд.

На первый взгляд ничего с ним не стряслось. Светило продолжало двигаться по расчётной орбите, восходы и заходы чередовались по расписанию, дни Северного полушария укорачивались согласно времени года. Вроде и не о чем беспокоиться. Многое на Земле — да и сама жизнь — зависит от солнечного излучения. В этом отношении всё казалось в полном порядке. Глянь на него невооружённым глазом — та же жёлтая звездулька класса G, на которую мигали и щурились бессчетные поколения живых существ. А иные и не мигая смотрели.

Однако куда-то исчезли с Солнца пятна, протуберанцы и вспышки.

Солнце — организм буйный, непредсказуемый. Оно кипит, бушует, гремит энергетическими гро-

мами. Оно окатывает окружающее пространство потоками заряженных частиц, и эти частицы уничтожили бы на Земле всё живое, если бы не магнитное поле земного шара. Но с момента превращения наше Солнце стало однородным геометрически правильным шаром без каких-либо изъянов, постоянной яркости. С севера пришли сообщения об исчезновении полярного сияния, вызываемого взаимодействием магнитного поля Земли с исходящими от Солнца потоками заряженных частиц. Как будто неудачную пьесу сняли со сцены.

Ещё одного атрибута лишилось ночное небо: падающих звёзд. Ежегодно Земля прибавляла в весе на восемьдесят миллионов фунтов за счёт падения на неё фрагментов космического вещества, звёздной пыли. Большая часть этих даров Вселенной сгорала в атмосфере. Но после Октябрьского феномена нигде на Земле не смогли более зарегистрировать ни падения метеоритов, ни даже микроскопических частиц Браунли. В астрономическом смысле ситуацию можно было обозначить как оглушительное молчание.

Даже Джейсон не сумел это объяснить.

* * *

Итак, Солнце оказалось вовсе не солнцем, но оно продолжало светить и греть, даже поддельное. Дни тянулись, бежали, сменялись; недоумение росло и крепло, но ощущение опасности притупилось. Вода вокруг лягушки, стало быть, не кипела, а оставалась приятно тёплой.

Материала для размышлений, обсуждений и сплетен хватало. И не только в небе, но и на земле. Разлаженные спутники не только нарушили связь, они лишили возможности наблюдать за местными войнами. Умные бомбы мгновенно поглупели, лишившись системы навигации. Волоконная оптика переживала бум. Вашингтон со скучной регулярностью издавал извещения о том, что «не существует данных о враждебных намерениях со стороны какой-либо страны или организации» и что «лучшие умы нашего поколения неустанно работают с целью понять, объяснить характер происшедшего и устранить негативные последствия изменений, убрать преграду между нами и остальной Вселенной».

Утешительный словесный салат прикрывал неспособность администрации определить врага, земного или внеземного, способного на подобные

действия. Враг ускользал. Начали поговаривать о «гипотетическом доминирующем интеллекте». Не в состоянии выглянуть за стены тюрьмы, мы принялись обследовать её закоулки.

Джейсон весь остаток октября не покидал своей комнаты. Всё это время я с ним не общался, увидел его мельком, лишь когда близнецов увозил мини-автобус школы Райса. Но Диана звонила мне почти каждый вечер, обычно часов около десяти-одиннадцати, когда вероятность поговорить без помех достигала максимума. Я с плохо поддающимся объяснению трепетом ожидал её звонков.

— Джейсон не в духе, как в воду опущенный, — сказала она мне однажды. — Он говорит, что, если мы не знаем, что случилось с Солнцем, то мы ничего вообще не знаем.

— Он, пожалуй, прав.

— Но для него это случай почти религиозный. Он просто влюблён в карты, чуть не с рождения. Ты знал это, Тайлер? Он разбирался в картах, ещё не умея читать. Ему нравилось знать, где он находится. Это придавало смысл вещам, так он говорил. Я любила слушать его рассуждения о картах. А теперь он расстроен больше, чем большинство народу. Он не знает, где он, не знает, где

что находится. Он потерял свою карту!

Конечно, кое-что начало выясняться чуть ли не сразу. Военные принялись собирать осколки свалившихся спутников. Зная орбиты, нетрудно было приблизительно определить, куда они должны были свалиться. О многом говорили эти обломки. Но немало потребовалось времени, чтобы информация достигла даже располагающего весьма обширными связями И-Ди Лоутона.

* * *

Первая зима беззвёздных ночей выдалась душной, стесняла, как смирительная рубашка. Выпал снег, причём рано и надолго. Мы жили под самым Вашингтоном, федеральной столицей, но Рождество выдалось, как в традиционно заснеженном Вермонте. Мировые новости не радовали. С трудом сколоченный мир между Индией и Пакистаном подрывали пограничные инциденты. Работы под эгидой ООН по обеззараживанию местности в Гиндукуше привели к потере ещё десятков человеческих жизней. В Африке войны тлели и вспыхивали, хромали от войны к резне и обратно. Войска развитых стран оттянулись для перегруппировки. Цены на нефть постоянно летели вверх. Мы с матерью в течение всех

холодов держали термостат ниже комфортной температуры, до самой весны — когда вернулось солнце под крик перепёлки.

Знаменательно, однако, что род человеческий под давлением необъяснимой угрозы не поддался соблазну ввергнуть планету в хаос всеобщей войны — к чести его будь помянуто. Коррекция приоритетов привела к переориентации деловой жизни и к её нормализации на определённом уровне, и весной эту «новую нормализацию» уже обсуждали вовсю. Все понимали, что в новых условиях на дальнюю перспективу придётся учитывать рост затрат… только ведь на дальнюю перспективу все мы оказывались покойниками.

Заметно изменилась моя мать. Она как-то смягчилась, с наступлением тёплых дней лицо её стало менее напряжённым. Джейсон тоже изменился, покончил, наконец, со своим добровольным затворничеством. Диана вызывала у меня беспокойство. О звёздах она вообще говорить не хотела, а недавно принялась допрашивать меня, верю ли я в Господа. И не думаю ли я, что Он стоит за всеми этими октябрьскими дрязгами. Я ей сказал, что над этим не задумывался. Наша семья набожностью не отличалась. Честно говоря, божественная тема меня раздражала.

* * *

Летом мы в последний раз пустились на велосипедах на Фэйруэй-Молл. Туда мы уже тысячу раз гоняли. Джейсон и Диана для такого мероприятия уже числились переростками, но за семь лет жизни на участке «большого дома» эта летняя субботняя прогулка стала традицией. Дождливые или слишком жаркие дни мы, конечно, пропускали, но при хорошей погоде как-то само собой получалось, что мы встречались у въезда на территорию Лоутонов.

В тот раз воздух, солнце, ветерок ласкали всё живое, грех было не прокатиться. Окружающий мир как будто убеждал нас, что всё вокруг в полном порядке, а ведь вот уже десять месяцев прошло… Даже если мы, как Джейс иной раз скептически замечал, превратились из «дикорастущей» в «возделываемую планету», огороженную неизвестным садовником.

Джейсон щеголял на дорогом «горном» велосипеде, Диана ёрзала по седлу «дамского» экземпляра той же ценовой категории. Я оседлал вполне созревший для помойки экземпляр, купленный для меня матерью по случаю на каком-то блошином рынке. Неважно. Главное — приятный

хвойный воздух, часы досуга в нашем распоряжении. Я остро ощущал это, Диана тоже. Кажется, даже Джейсон чувствовал то же самое, хотя в движениях его, пожалуй, чувствовалась какая-то нерешительность. Я отнёс это на счёт напряжения, вызванного надвигающимся учебным годом. Дело было в августе. Джейс учился по уплотнённой программе, а «Раис» и без всяких уплотнений известна как школа «высокого давления». В течение прошлого года он специализировался на физике и математике и сейчас мог бы их запросто преподавать. Но следующий семестр его озадачивал. Латынь! Мёртвый язык. «Кому она, на хрен, нужна! Кто читает её, кроме самих преподавателей? Всё равно что учить „Фортран“. Всё, что надо, уже давно перевели. Что, я лучше стану, если смогу читать Цицерона на латыни? Нет, надо же — Цицерона! Алан Дершовиц Римской республики…»

Я не слишком серьёзно воспринимал его причитания. Дело в том, что эти поездки традиционно сопровождались чьими-то ламентациями. Кто такой Алан Дершовиц, я тоже представления не имел. Вероятно, кто-то из его одноклассников. Но Джейсон относился к своим горестям серьёзнее. Он привстал на педалях и слегка оторвался от

нас.

Дорога скользила мимо ухоженных участков с вылизанными газонами перед пряничными пастельных тонов домами. На газонах крутились реактивные поливалки, рассыпая радужные брызги. Пусть солнце и фальшивое, но свет его всё же преломлялся во множество радуг под сенью вековых дубов.

Через десять-пятнадцать минут лёгкой, приятной езды впереди замаячил верх Бантам-Хилл-роуд — последнее препятствие на пути к цели. Подъём крутой, зато спуск с холма пологий, длинный и приятный, до самой стоянки Фэйруэй-Молл. Джейс уже одолел четверть подъёма. Диана повернулась ко мне:

— Догоняй!

Только этого мне и не хватало. У двойняшек день рождения в июне, у меня — в октябре. Каждое лето наступал период, когда они оказывались старше меня не на один, а на целых два года. Им уже по 14, а мне ещё целых четыре долгих месяца жалких 12. Эта разница каким-то образом автоматически приносила с собой и физическое превосходство. Конечно, Диана прекрасно знала, что мне не догнать её на подъёме, но это не помешало ей налечь на педали. Я вздохнул и

попытался выжать из своей скрипучей развалины всё, что можно. Куда там! Диана на своей цельноалюминиевой хреновине отрывалась всё дальше. Троица малышек, рисовавших мелом на тротуаре, прыснула от неё по сторонам. Она на мгновение обернулась ко мне, как бы подбадривая, одновременно дразня.

Подъём давался ей не так уж легко, но она переключила скорость и продолжала взбираться на холм. Джейсон уже остановился на самом верху, опёрся на одну ногу и разглядывал нас с непонятным выражением лица. Я пыхтел, выбиваясь из сил, но древняя конструкция неумолимо замедляла ход. Пришлось, в конце концов, слезть и вести её дальше за руль.

Диана улыбалась мне, и я её поздравил:

— Ты выиграла.

Её реакция на поздравление меня удивила:

— Ладно, Тайлер, не сердись. Я понимаю, что это несправедливо.

Далее дорога упиралась в тупик, а окружающие участки размечали столбики с натянутыми между ними бечевками. Дома здесь ещё предстояло выстроить. К рынку в западном направлении вёл песчаный склон с плотно убитой земляной тропой, пронизывающей заросли подлеска и

кустарника.

— Внизу увидимся, — бросила Диана, срываясь с места.

* * *

Мы заперли велосипеды в стойке на автостоянке и вошли в стеклянный пассаж торговых помещений.

Здесь с октября мало что изменилось. Газеты и телевидение могли бить во все колокола, но до рынка этот трезвон как будто не доходил. Ассортимент, однако, учитывал события внешнего мира. Никто не торговал больше блюдцами параболических спутниковых антенн, а книжные стойки пестрели обложками, обещавшими разложить по полочкам все секреты «октябрьского феномена». Джейсон ткнул пальцем в глянец попугайной синей с золотом обложки, связывающей событие с библейскими пророчествами, и презрительно фыркнул:

— Провидцы хреновы… Напророчили то, что уже произошло.

Диана придавила его строгим взглядом:

— Не следует смеяться над чем-то лишь потому, что сам в это не веришь.

— Уточняю: меня рассмешила эта идиотская

обложка. Книжицу-то я, сама понимаешь, не читал.

— Может, и стоило бы прочесть.

— На кой? С чего это ты в неё так влюбилась с первого взгляда?

— Я ни во что не влюбилась. Но Бог и «Октябрьский феномен»… Может быть, не мешало бы рассмотреть, как это связано. И ничего смешного я тут не вижу.

— Нет, дорогая, именно это курам на смех.

Диана закатила глаза, горестно вздохнула и отошла прочь. Джейс пожал плечами и сунул книжку обратно на стойку.

Я сказал ему, что народ хочет разобраться в сути явления, потому и бросается в разные стороны. Он скривил губы:

— Чаще твой «народ» симулирует глубокие познания в предмете, в котором ни черта не смыслит, игнорируя очевидное. Защитный механизм отрицания. Слушай, Тайлер, хочешь узнать кое-что интересненькое?

— Ну дак…

— Это пока что совершенно сверхсекретно. — Он понизил голос до шёпота, чтобы даже Диана, шагавшая чуть впереди, не смогла услышать дальнейшее: — Не для разглашения.

Одна из занятных особенностей Джейсона — он часто узнавал о важных решениях и событиях за день-два до того, как о них сообщали вечерние новости. «Райс-академи», конечно, солидная школа, но не единственный источник образования Лоутона-младшего. Может быть, более важным источником знаний стала для него «вечерняя школа», в которой его наставником выступал И-Ди, просвечивавший для него грязные кишки бизнеса, связи между технологией, наукой и рычагами политической машины, посвящавший сына в тайны среды, в которой тёрся сам. Потеря спутников связи заставила обратить внимание на высотные аэростаты (стратостаты) — как раз то, чем, в частности, занималась фирма Лоутона. «Попутная» технология покинула свою нишу, вышла на передний план, и И-Ди оказался в числе первых, до ушей которых доходили важнейшие новости. Потому-то его четырнадцатилетний сын иной раз узнавал то, о чём, упаси бог, не должны были пронюхать конкуренты.

И-Ди, разумеется, не подозревал, что Джейс выбалтывал эти секреты мне. Но я свято хранил тайну — да и с кем бы я ею мог поделиться? Других друзей у меня, по сути, не было. В этом предместье нуворишей сын матери-одиночки,

зубрила без явной склонности к лидерству и хулиганству, конечно же, не считался завидным знакомым местной малолетней публики.

Джейсон склонился к моему уху и перешёл на еле слышный шёпот:

— Слышал о троих русских космонавтах? Тех, что были на орбите в прошлом октябре.

Конечно, я помнил, что этих ребят полагали погибшими тогда, в момент Большого Затмения.

— Один из них жив. Он в Москве. Русские не слишком разговорчивы, но болтают, что он совершенно свихнулся.

Я уставился на Джейсона широко раскрытыми глазами, но больше он ничего мне не поведал.

* * *

Больше десятка лет пролетело, прежде чем огласили правду об этом случае. Прочитав об этом — случай упоминался вскользь в истории ранних лет «Спина», — я сразу вспомнил разговор с Джейсоном. Произошло примерно следующее.

Трое русских космонавтов в тот роковой вечер находились на орбите, вне обречённой станции. Завершив задачу, они как раз в неё возвращались. Чуть за полночь (по времени нашего Атлантического побережья) их старший, полковник Леонид

Главин, заметил исчезновение сигнала наземного командного центра и попытался выйти на связь — безуспешно.

Само по себе происшествие не из приятных, но космонавтов поджидало куда более страшное открытие. Когда капсула «Союз» вышла из ночной полосы, оказалось, что вместо привычной «голубой планеты» под ними застыла мрачная чёрная сфера.

Полковник Главин описывал эту сферу как некое абсолютно чёрное тело, видимое, лишь когда оно оказывалось между наблюдателем и источником света. Только цикличная смена «восходов» и «закатов» убеждала космонавтов, что планета ещё существует. Солнце внезапно появлялось из-за силуэта чёрного диска, совершенно не отражавшего света, и так же внезапно за ним исчезало.

Космонавты никак не могли истолковать происшедшего и, естественно, ощущали невыразимый ужас. Через неделю бесцельного вращения вокруг Земли космонавты в результате длительного обсуждения приняли единогласное решение попытаться вернуться домой в режиме самонаведения, не заходя на мёртвую станцию, а в случае неудачи умереть на Земле, вместо того, чтобы

угасать на орбите. Спуск производили без всяких ориентиров, без наводки, не имея возможности определиться, лишь по собственным расчётам, опираясь на последнюю известную позицию. В результате капсула вошла в атмосферу под опасно крутым углом, испытала воздействие чрезмерных отрицательных ускорений и потеряла основной парашют.

Рухнул «Союз» довольно удачно, скользнув по лесистому склону холма в Рурской долине. Однако космонавт Василий Голубев при этом погиб, а Валентина Кирчева умерла через несколько часов в результате черепно-мозговой травмы. Оглушённый полковник Главин, отделавшись переломом запястья и поверхностными ссадинами, смог самостоятельно покинуть капсулу. Его подобрали германские спасатели и по оказании неотложной медицинской помощи передали русскому руководству.

Естественно, с Главиным беседовали неоднократно и основательно, однако пришли к выводу, что в результате всех невзгод и потрясений он лишился рассудка. Полковник упорно настаивал, что он и его погибшие товарищи провели на орбите три недели. Явная чушь.

Потому что капсула «Союза», как и все другие

космические объекты, упала на поверхность Земли в ночь Затмения.

Мы заглянули в обширный зал рыночной забегаловки и решили перекусить. Тут Диана заметила трёх клуш из своей «Райс-академи», старше нас. Куда как клёвые чувихи! Космы синерозовые, на задницах низкосидящие колокола дорогущих модных юбок, с курьих шей свисают к чахлым бюстам крохотные золотые крестики. Диана подхватила свою мексиканскую мешанку и перескочила за их столик. Оттуда тут же послышался развесёлый смех, сразу закупоривший мне глотку. Буррито и чипсы как будто сцементировались в бетон.

Джейсон сочувственно следил за моей физиономией.

— Да ладно, — промурлыкал он почти нежно. — Никуда от этого не денешься.

— От чего?

— Она теперь живёт не в нашем мире. Ты, я, Диана… Большой дом и маленький домик, суббота на велосипедах, воскресенье в кино — всё это осталось в детстве. А мы уже не дети.

Да, пожалуй, мы уже не дети. Конечно, не дети, но задумывался ли я о том, что это означает? К чему это ведёт?

— У неё уже с год менструации, — ляпнул Джейсон.

Я побелел. Этого бы мне лучше не знать. Одновременно уколола ревность: он-то знает, а я нет… Она мне, разумеется, не сообщала о том, что из неё кровь льётся. И о подружках из «Райс» тоже не сообщала. Не моё это дело. В чём-то она доверялась мне по телефону, да, но я вдруг понял: все телефонные темы не выходили за рамки детских впечатлений и переживаний. О родителях, о том, что ей «насильно впихивали в глотку» за обедом, об «этом задаваке Джейсоне»… Но скрывала она от меня столько же, сколько и доверяла, если не больше. Отделённая от меня несколькими пустыми столиками, сидела другая Диана, не похожая на привычную.

— Пожалуй, домой пора, — сказал я Джейсону.

Он глянул на меня, как будто с жалостью, и поднялся:

— Как скажешь…

— Надо Диане сказать.

— Она слишком занята, ты ж видишь.

— Но нам ведь нужно вместе вернуться.

— Ты так считаешь?

Меня заело. Не может же она просто забыть о нас. Не такая она. Я встал, подошёл к их столику.

Четыре пары глаз упёрлись в мою физиономию. Я гипнотизировал Диану, не замечая остальных.

— Пора домой, — выдавил я из себя.

Три клуши заржали. Диана смущённо улыбнулась:

— Ладно, Тай, езжайте. Всё путём. Позже увидимся.

— Но…

Что «но»? Она уже отвернулась и как будто обо мне забыла.

Удаляясь, я услышал вопрос одной из клуш:

— Ещё один братик?

— Нет, — ответила Диана. — Так, знакомый. Друг детства.

* * *

Сочувствие Джейсона меня раздражало. Он предложил мне поменяться великами. В тот момент мне было, честно говоря, не до великов, но я подумал, что этот обмен поможет замаскировать мои расстроенные чувства.

И мы покатили обратно, к макушке Бантам-хилл, к началу Бантам-хилл-роуд, к скользящей под раскидистыми кронами чёрной ленте асфальта. Мексиканская кухня здоровенным шлакоблоком распирала желудок. Наверху я

задержался, оглядывая дорогу внизу.

— Давай, давай, — подбадривал Джейсон. — Разгонись по ветерку.

Разгонит ли скорость моё смятение? Развеет ли ветер мою тоску? Я ненавидел себя за то, что сдуру вообразил себя центром мира Дианы. «Так, знакомый. Друг детства».

Но классная машина у Джейсона. Я замер в седле, предоставив работу земному тяготению. Покрышки шуршали по пыльному асфальту, велосипед скользил, как по шёлку, цепи и переключатель скоростей молчали, лишь слегка прослушивалось ровное жужжание подшипников. Шум воздуха в ушах уже начал заглушать все остальные звуки. Скорость возрастала. Я летел мимо прилизанных газонов, мимо дорогих колымаг, припаркованных возле домов, обездоленный, но свободный. Ближе к подножию холма начал слегка прижимать ручные тормоза, придерживая инерцию, но не гася скорость. Останавливаться не хотелось. Хотелось унестись чёрт знает куда.

Однако спуск закончился, я затормозил, остановился, упёрся левой ногой в асфальт и обернулся.

Джейсон всё ещё стоял на вершине Бантам-

хилл-роуд, вздымаясь над моей развалюхой. Издали он выглядел одиноким всадником из старого телевизионного вестерна. Я махнул ему рукой. Его очередь.

Конечно, он тысячу раз одолевал этот холм в обоих направлениях. Только не на груде ржавого железа.

Джейсон лучше подходил к моему велосипеду, чем я. Ноги у него длиннее, он гораздо гармоничнее смотрится в седле, не теряется на фоне рамы. Но ему совершенно неизвестны многочисленные старческие капризы и немощи моей машины, мною усвоенные назубок. Не знал он, что из-за сколиоза рамы нельзя резко поворачивать вправо, не знал, как бороться с вихлянием, как шутит переключатель скоростей. Он не ожидал сюрпризов, а холм замер в предвкушении. Мне захотелось крикнуть ему, чтобы он спускался помедленнее, но я укатил слишком далеко, он бы меня не услышал. Вот он принялся крутить педали, перебирать ногами, как какое-то причудливое насекомое. Тяжел мой велосипед, массивен и неизящен, скорость набирает медленно, но и остановить его ещё труднее. Я инстинктивно, желая, чтобы он сделал то же самое, нажал на рукоятки тормозов.

Несчастья начались, когда Джейсон одолел уже три четверти спуска. Проржавевшая цепь лопнула, хлестнув его по лодыжке. Расстояние уже уменьшилось достаточно, чтобы я услышал его вскрик и увидел, как он дёрнулся. Велосипед завилял, но чудом удержался на колёсах.

Конец разорванной цепи хлестал по заднему колесу, тарахтел по спицам, как неисправный отбойный молоток. Женщина, занятая прополкой палисадника возле одного из ближайших домов, зажала уши ладонями и уставилась на терпящего бедствие велосипедиста.

Больше всего меня, пожалуй, удивило, как долго смог Джейсон удерживаться в седле. Он, конечно, не спортсмен, но со своим длинным нескладным телом управлялся на диво ловко. Оставив бесполезные педали, он балансировал ногами, сохраняя равновесие, удерживал направление передним колесом, в то время как заблокированное заднее скользило по дорожному покрытию. Он держался. Интересно, что тело его не оцепенело, не застыло, а, напротив, казалось расслабленным и свободным. Он как будто погрузился в процесс решения сложной задачи, доверяя своему уму, его способности управлять телом и механизмом, поставив целью достиже-

ние состояния безопасности.

Первой в этой комбинации отказала механика. Беспорядочно мотавшийся из стороны в сторону конец покрытой запыленной смазкой цепи вклинился между ободом колеса и рамой. И без того ослабленное колесо выпучилось и сложилось, взорвавшись резиновыми ошмётками камеры и покрышки, брызнув фрагментами сломанных подшипников. Джейсон отделился от велосипеда и кувыркнулся в воздухе, как манекен, вывалившийся из витрины. Ударился о мостовую сначала ступнями, затем коленями, локтями, головой. Мимо него проскрежетал сломанный велосипед, въехал в кювет, задрав в воздух вращающееся переднее колесо, брякающее, как коровий колокольчик. Я бросил велосипед Джейсона и понёсся к нему.

Он перевернулся на спину, ошарашенным взглядом уставился на меня. Штаны и рубаха в клочья. Со лба и с кончика носа содрана кожа, кровь течёт, лодыжка разодрана. В глазах слёзы — от боли.

— Тайлер… Извини, друг, я твою машину не сберёг.

Не слишком серьёзный инцидент, но я неоднократно вспоминал о нём в последующие годы.

Вспоминал конгломерат машины и человека, их опасное ускорение и несокрушимую веру Джейсона в то, что он сам, без посторонней помощи, способен найти решение, выход, если приложит достаточно усилий, если не потеряет способность здраво мыслить.

* * *

Мой бывший велосипед остался в канаве. Я повёл высокотехнологичный велик Джейсона за рога, сам Джейсон хромал рядом, стараясь не выдать боли, прижимая ладонь к кровоточащему лбу, как будто унимая головную боль. Конечно же, после такого голова у него гудела церковным колоколом.

На ступенях «большого дома» нас встретили родители Джейсона. И-Ди, заметивший нас из окна кабинета, выглядел рассерженным и встревоженным, сверлил нас волчьим взглядом из-под сошедшихся на переносице бровей. За ним маячила матушка Джейсона, реагировавшая менее эмоционально — возможно, из-за лёгкого подпития. Я заметил, что, выходя на крыльцо, она слегка качнулась и схватилась за косяк, удерживая равновесие.

И-Ди освидетельствовал Джейсона, сразу как-то

потерявшего уверенность и ставшего как будто младше, и отправил его мыться.

Тут он повернулся ко мне:

— Тайлер. — Весьма серьёзным тоном.

— Да, сэр?

— Надеюсь, это не твоя работа.

Конечно, он подметил своим орлиным взором, что мой велик куда-то подевался. Что велосипед Джейсона без помарочки. Что он вообразил? Обвиняет меня в чем-то? Что ему ответить? Я перевёл взгляд на газон.

И-Ди вздохнул:

— Позволь, я тебе кое-что объясню. Ты друг Джейсона. Это хорошо. Это Джейсону на пользу. Но ты должен понять, как это прекрасно понимает твоя мать, что ваше присутствие здесь связано с определённой ответственностью. Если ты хочешь дружить с Джейсоном, ты должен следить за ним. Я надеюсь на твоё благоразумие. Может быть, он кажется тебе обычным парнем. Но он не обычный. Джейсон очень талантливый юноша с большим будущим. И мы не можем позволить каким-то посторонним факторам помешать наступлению этого будущего.

— Точ-чно, — отозвалась сзади Кэрол Лоутон, подтвердив мои наблюдения. Хозяйка дома и

вправду изрядно поддала. Покачнувшись, она чуть не свалилась с крыльца на гравий. — Он, блин, у нас гений г-грёбаный, fuck его мать… Самый молодой гений будет в Масс… Массачусском…. Техноло-гогическом. Ты, блин, Тайлер, не разбей его. Он у нас хрупкий, хрустальный.

И-Ди, не спуская с меня глаз, проронил:

— Иди приляг, Кэрол. Отдохни. Тайлер, мы с тобой друг друга поняли?

— Да, сэр! — соврал я, не задумываясь.

По чести, я бы не сказал, что я его понял. Но кое в чём из сказанного меня не надо было убеждать, я и сам это видел. Да, Джейсон не такой, как другие. Да, я должен следить за ним, это моя работа.

Местное время Земли

«Спин». Правду о нём я впервые узнал через пять лет после Затмения, холодной зимней ночью, во время санного пикничка. Узнал, естественно, от Джейсона.

Вечер начался с обжираловки у Лоутонов. Джейсон прибыл из университета на рождественские каникулы, что воспринималось как событие неординарное, несмотря на «семейный» характер ужина. Меня пригласили, конечно, по настоянию Джейсона и, вероятнее всего, преодолев сопротивление И-Ди.

— Жаль, что твою маму не удалось пригласить, — шепнула Диана, открыв мне дверь. — Я попыталась, но И-Ди такой зануда… — Она пожала плечами.

— Ничего страшного, — заверил я её; сказал, что Джейсон уже к нам заходил и с матерью моей пообщался, что она лежит в постели — с чего-то разболелась голова. А на И-Ди жаловаться я и права не имел: в прошлом месяце он предложил мне стипендию для медицинского колледжа, если я получу туда допуск. «Потому что твоему отцу это бы понравилось», — так он выразился.

Жест эмоционально фальшивый, но, бесспорно, щедрый. И я, разумеется, не волен выбирать.

Маркус Дюпре, мой отец, был ближайшим (некоторые говорили — единственным) другом И-Ди Лоутона в прежние времена, в Сакраменто, когда они проталкивали свои аэростаты в метеослужбу, предлагали их пограничным патрулям. Я плохо его помнил, а рассказы матери ещё больше размывали воспоминания. Зато никогда не забуду стук в дверь в тот вечер, когда он погиб. Он был единственным отпрыском весьма энергичной, но не слишком успешной франко-канадской семьи, проживавшей в Мэйне и гордившейся успехами сына-инженера. Человеком он был талантливым, но с деньгами обращаться не умел, в результате чего и прогорел, неосторожно играя на бирже. Мать осталась с ипотекой на шее, и вынести эту финансовую ношу ей оказалось не по силам.

Переселившись на восток, Кэрол и И-Ди наняли мать домоправительницей, можно считать, что в память о погибшем друге. Стоило ли обращать особое внимание на то, что И-Ди не упускал случая напомнить ей о своём благодеянии? Что он рассматривал её как предмет домашнего обихода? Что он сконструировал своеобразную кастовую систему, в которой семья Дюпре рас-

сматривалась явно второсортной? Как знать… «Щедрость любого рода — зверь в природе редкий», — любила повторять моя матушка. Может быть, я преувеличиваю, а то и просто вообразил, что И-Ди рассматривает меня как портновский метр, которым можно измерить неординарность его сына, как спарринг-партнёра, необходимого для тренировки его гениального наследника.

Во всяком случае, на моих отношениях с Джейсоном эти родительские соображения никак не сказывались.

Диана и Кэрол уже сидели за столом, когда я занял своё место. Кэрол оказалась трезвой — или, во всяком случае, казалась трезвой. Свою медицинскую практику она оставила и из дому отлучалась редко, дабы не оказаться задержанной за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии.

— А, Тайлер… Привет, Тайлер, — улыбнулась она мне и приветственно сделала ручкой.

Через минуту-другую в столовую спустились Джейсон и его отец. Они хмурились, бросали друг на друга взгляды из-под насупленных бровей.

Как чаще всего у Лоутонов и бывает, трапеза прошла в сердечной, но напряжённой обстановке. «Ещё горошку?» да «ля-ля-ля» о природе,

моде и погоде. Кэрол витала где-то в эмпиреях; непривычно молчаливый И-Ди позабыл о своих обычных прописных истинах и директивах. Диана и Джейсон по обыкновению обменивались уколами, поддерживая «атмосферу», но между отцом и сыном явно пробежала чёрная кошка. Обсуждать случившееся они, однако, не собирались, по крайней мере за столом. Джейс настолько изменился, что я опасался, не болен ли он. Он пристально всматривался в содержимое своей тарелки, не прикасаясь к нему, как кот, несущий вахту у мышиной норы. Когда ужин подошёл к концу, Джейсон, очевидно, намеревался извиниться и удалиться, но И-Ди опередил его:

— Нечего, нечего… Отвлекись, развейся. На пользу пойдёт.

От чего следовало отвлечься Джейсону?

Мы уселись в машину Дианы, непритязательную «хонду», жанра «мои первые колёса» — так определяла свой первый мотор Диана. Я устроился на заднем сиденье, за Дианой. По-прежнему мрачный Джейс втиснулся на пассажирское место рядом с сестрой, воткнув колени в бардачок.

— Что он над тобой изобразил? — спросила его Диана. — По попе надавал?

— Не заметил.

— Судя по твоему виду…

— Ну, извини.

Небо оставалось привычно чёрным, фары метались по заснеженным лужайкам, пересчитывали стволы оголённых деревьев. Диана свернула к северу. Три дня назад после рекордного снегопада ударил мороз, сковавший снежную массу коркой. Снегоочистительная техника не справлялась с уборкой. Встречные машины осторожно нащупывали путь.

— Что стряслось? — напирала Диана. — Что-то серьёзное?

Джейсон пожал плечами.

— Война? Чума? Голод?

Он снова пожал плечами и поднял воротник куртки.

* * *

Когда мы приехали, поведение его не изменилось. Сборище оказалось немноголюдным и довольно-таки замкнутым. Присутствовали бывшие одноклассники и знакомые Джейсона и Дианы по «Райс-академи». Место сбора — дом выпускника «Райс», вернувшегося на каникулы из какого-то колледжа «Лиги Плюща». Родители его постарались выдержать тематическое единство

мероприятия: мини-сандвичи, горячее какао, катание на санях с неопасного пологого склона сразу за домом. Но большинство присутствующих, угрюмые прыщавые приготовишки разных престижных университетов, чуть не с пелёнок освоили склоны Церматта и Гстаада и горели мрачным огнём в предвкушении момента, когда можно будет вырваться из лап всяких родителей и надзирателей, чтобы более или менее конспиративно надраться сверх кондиции. Снаружи, под гирляндами, из рук в руки переходили бутылки с пёстрыми этикетками; в подвале некто по имени Брент бойко продавал граммульками экстази.

Джейсон припаялся к угловому креслу и невидящим взглядом отпугивал всех желающих с ним заговорить. Диана приставила меня к большеглазой девице по имени Холи и удрала. Холи тут же завела монолог о фильмах, которые она просмотрела за год. Она таскала меня за собой, время от времени подхватывая с подноса калифорнийские рулетики. Наконец, она отпросилась в туалет, и я напал на Джейсона, предложив ему выйти на наружу.

— Меня что-то не тянет на санки.

— Меня тоже. Просто выйдем.

Мы натянули сапоги и куртки, вышли нару-

жу. Ночь тихая, без ветра, без снега. На крыльце прошли сквозь группу «райсовцев», окутанных клубами табачного дыма. Курящие — и обкуренные — проводили нас мутными взглядами. Мы побрели по снегу к вершине невысокого холма, на склоне которого безудержно веселились несколько энтузиастов санного спорта, в основном тараня друг друга и кувыркаясь в снегу. Для затравки разговора я пожаловался Джейсону на Холи, прилипшую ко мне, как узкие штаны к заднице. Он передёрнул плечами и отделался замечанием:

— У каждого свои проблемы.

— Судя по внешнему виду, твои проблемы, конечно, гораздо серьёзнее.

Он уже открыл рот для ответа, но тут у меня в кармане заверещал мобильник. Из дома звонила Диана:

— Парни, вы куда девались? Холи себе места не находит. Нехорошо, Тайлер. Бросил даму, удрал…

— Слушай, пусть она кому-нибудь другому о киношках лапшу на уши вешает.

— Она нервничает. Никого почти тут не знает.

— Извини, но при чём тут я?

— Я думала, что вы поладите.

Прекрасно!

— Поладим? — Очень интересно, что она имела в виду. — Ты что, нагрузила меня этой Холи?

— Тайлер! — Она выдержала суровую паузу. — Прекрати.

Пять лет Диана то приближалась, то удалялась, как будто хреновый кинолюбитель в своей домашней кинопродукции не мог справиться с фокусировкой объектива. Бывали периоды, особенно во время пребывания Джейсона в университете, когда я ощущал себя её лучшим другом. Она часто звонила, мы подолгу беседовали, ездили по магазинам. Настоящие закадычные приятели. Если в отношения и вкрадывался какой-то сексуальный подтекст, то лишь для меня, и я старался скрыть и подавить свои эмоции, чтобы не разрушить того, что между нами наладилось. Хрупкость наших отношений была для меня очевидной. Если она чего-то от меня и ждала, то уж никак не амурных излияний.

И-Ди, разумеется, никак не потерпел бы между нами иных отношений, кроме детских и полудетских, поднадзорных и не грозящих никакими неожиданностями, Диана удерживала меня на достаточном расстоянии, месяцами я её почти не видел. Когда Диана ещё училась в школе «Райс», она иной раз махала мне рукой, вскакивая в

школьный мини-автобус, но даже не звонила, а если я звонил ей сам, не изъявляла охоты вести долгие разговоры.

В эти периоды я иногда связывался с девицами из своей школы, чаще всего с робкими созданиями, втайне предпочитавшими мне героев более выпуклых, помирившихся с моей тусклой индивидуальностью за неимением ничего лучшего. Надолго эти связи не затягивались. В семнадцать я «потерял невинность» с весьма привлекательной и ужасно длинной Элен Боуленд. Я пытался убедить себя, что люблю её пылко и нежно, однако месяца через два отношения наши сами собою расстроились, мы с нею расстались «с улыбкой и в слезах», с сожалением и облегчением.

Потом Диана вдруг звонила и говорила, говорила, спрашивала, выслушивала. Конечно, я не упоминал ни Элен Боуленд, ни Тони Хикок, ни Сару Берстейн. Диана тоже не посвящала меня в подробности своего времяпрепровождения в периоды «эфирного молчания» — и слава Богу, потому что через некоторое время мы снова замыкались в своих оболочках, подвешенные между искренностью и притворством, галантностью и насмешливым бахвальством, между детством и зрелостью.

Я сдерживал себя, убеждал не добиваться большего, однако не мог не желать общения с ней, жаждал его. И льстил себя надеждой, что ей необходим контакт со мною. Ведь она сама, по собственной инициативе возобновляла этот контакт. Я замечал, что она успокаивалась, расслаблялась, когда я входил в комнату, улыбалась. Её улыбка говорила: «Вот и отлично, Тайлер пришёл. Пока он рядом, мне нечего бояться».

— Тайлер!

Интересно, что она сказала Холи. «Тайлер душка, но он мне так надоел… Сколько лет таскается за мной. А вы с ним прекрасная пара».

— Тайлер! — В голосе её ощущается беспокойство. — Тайлер, если ты не хочешь со мной разговаривать…

— С чего это ты взяла?

— Тогда дай мне Джейсона, пожалуйста.

Я передал трубку Джейсону. Он послушал, потом сказал:

— Мы на холме. Нет. Нет. Сама придёшь к нам. И вовсе не холодно. Нет. Нет.

Зачем она мне? Я отвернулся, шагнул прочь. Джейсон придержал меня за рукав, сунул мне мобильник:

— Не валяй дурака. Мне надо переговорить с

вами обоими.

— О чём?

— О будущем.

Ничего себе, разъяснил.

— Ну, тебе, может, и не холодно, а я, честно говоря, замёрз. — Я не врал ему.

— Эта проблема серьёзнее, чем твои неувязки с моей дорогой сестрицей, Тайлер. — Его серьёзность показалась мне чуть ли не комичной. — А я понимаю, что эта балда для тебя значит.

— Ничего она для меня не значит.

— Ты бы соврал, даже если бы вы с ней были просто друзьями.

— Да мы и есть просто друзья, и ничего больше, — с жаром заверил я его. Ни разу ещё мы с ним о Диане не говорили, эта тема оставалась как будто табуированной. — Да хоть её спроси.

— Ты не в себе из-за того, что она тебе подсунула эту бедолагу Холи.

— Слушай, давай сменим пластинку.

— Дело в том, что Диана у нас теперь святая. Её новый бзик. Начиталась этих тупых книжек.

— Что за книжки?

— Всякий апокалиптический бред. Теология. Этого нового гуру. Ты слышал, конечно. Си-Ар Рейтел, «Молитва во мраке». Отрекись от мирско-

го «я» и тому подобное. В общем, бабки гони в мой гениальный карман. Э-э, батенька, в телевизор тоже иногда заглядывать надо. Она не хотела тебя обижать. Это своего рода жест. У неё теперь что ни шаг, то жест.

— Ну, и мне теперь плясать, что ли? — Я снова отвернулся и шагнул прочь, обдумывая, как бы попасть домой, не пользуясь попутками.

— Тайлер… — Что-то в его голосе заставило меня остановиться. — Слушай, Тайлер. Ты тут закинул насчёт серьёзных проблем… — Он вздохнул. — Так вот. И-Ди кое-что сообщил мне насчёт Феномена. Это пока не для печати. Я обещал ему молчать. Но я не могу молчать, потому что в мире есть три человека, которых я могу считать своей семьёй. Один из них — отец, двое других, как ты понимаешь, ты и Диана. Так что я бы попросил тебя потерпеть моё общество ещё минут пять.

По склону спешила к нам Диана, тычась на ходу в рукав полунатянутой белоснежной парки.

Я перевёл взгляд на несчастное лицо Джейсона, подсвеченное дальними гирляндами. Отчего-то вдруг стало страшно.

* * *

Он прошептал что-то на ухо подбежавшей Диане. Она глянула на брата расширенными глазами, шагнула в сторону от нас обоих. И Джейсон начал рассказ. Спокойно, методично, каким-то утешающим тоном излагал он кошмарную историю, подавая её на манер вечерней сказки для малышей.

Узнал он это, разумеется, от И-Ди.

У Лоутона-старшего дела после Затмения пошли в гору. Спутники отказали, и «Лоутон индастриз» рванулась в нишу с проектом эрзац-технологии, системы высотных летательных аппаратов легче воздуха, парящих там, где не страшны ураганы, в стратосфере. Прошло пять лет, и стратостаты И-Ди, подняв в небо соответствующую электронику, выполняли почти всё, чем занимались ранее спутники. Кроме, разве, астрономии да глобальной навигации. Недавно он основал лоббирующую фирму «Перигелион фаундейшн», к которой всё чаще обращалась за консультациями федеральная администрация. Одним из таких случаев стал закрытый проект с использованием возвращаемых космических аппаратов (ВКА).

НАСА уже несколько лет работала над этим проектом. Цель его — исследование Октябрьского феномена, созданного им космического щита. Возможно ли пробить его, проникнуть наружу, получить данные о нём и за его пределами?

Первая попытка представляла собою выстрел вслепую, в буквальном смысле. ВКА смонтировали вместо боеголовки модифицированной ракеты «Локхид-Мартин Атлас-2А8» и зашвырнули ввысь с полигона авиабазы Ванденберг. Результат никого не удивил. Система, запрограммированная на неделю пребывания в космосе, тут же свалилась обратно, плюхнулась в Атлантику рядом с Бермудами. Как будто, по выражению Джейсона, натолкнулась на упругий барьер и отскочила.

Однако она не отскочила.

— Когда ВКА выудили из воды, оказалось, что он полностью выполнил недельную программу.

— То есть как? — разинул я рот. — Разве такое возможно?

— Дело не в том, что такое возможно, а в том, что такое случилось. То есть полезная нагрузка провела неделю в космосе, но вернулась в тот же день. Причём то же самое повторилось и в следующий, и ещё раз…

— Так что же случилось, Джейс? Скачки во времени?

— М-мм… Не совсем.

— Не совсем?

— Не перебивай, — тихо сказала Диана.

Джейсон сказал, что происшедшее можно оценивать с разных точек зрения. Наземные службы зафиксировали исчезновение ускорителей в барьере, как будто их туда втянуло, как муху в пылесос. Бортовые данные этих наблюдений не подтверждают, эти два набора данных противоречат один другому.

Наземные службы зафиксировали пролёт спутниками барьера и немедленное их падение обратно. Бортовые данные показывают, что спутники гладко вышли на предписанные орбиты, выполнили программы и вернулись через предписанный период времени. Неделя, месяц… Я тут же вспомнил русского космонавта, которому никто не верил. Если предположить, что оба набора данных верны, то допустимо лишь одно объяснение:

ВРЕМЯ ЗА БАРЬЕРОМ ВЕДЁТ СЕБЯ ИНАЧЕ.

Или, то же самое иными словами, время на Земле течёт медленнее, чем за барьером, в остальной Вселенной.

— Понимаете, что это означает? — спросил Джейсон. — Нам казалось, что мы попали в какую-то электромагнитную клетку, регулирующую энергию, которая облучает Землю. И это на самом деле так. Но это лишь незначительный фрагмент куда более крупной картины. Побочное следствие.

— Побочное следствие чего?

— Градиента времени. Понимаешь? На каждую земную секунду за барьером приходится куда как больше.

— Чёрт знает что… — У меня это не укладывалось в голове. — И какова физика всего этого бардака?

— Куда более опытные люди, чем мы с тобой, не могут пока что найти ответ на твой вопрос. Но идея градиента времени кое-что поясняет. Если время у нас и «у них», во Вселенной, течёт по-разному, то излучение из окружающего пространства на Землю — видимое, рентгеновские лучи, иные энергетические потоки — увеличивается соответствующим образом. Годовое излучение Солнца, сконцентрированное в десять секунд, мгновенно убьёт всё население планеты. Таким образом, электромагнитный барьер вокруг Земли не просто скрывает от нас Вселенную

— он защищает нас. Отражает излишнюю — да ещё, полагаю, модифицированную фиолетовым смещением — радиацию.

— Фальшивое солнце, — проронила Диана.

— Точно. Они дали нам фальшивый солнечный свет, потому что свет реального Солнца смертелен. Дали положенную дозу, распределили. Изобразили времена года, климат, приливы и отливы, нашу траекторию вокруг Солнца. Масса, момент, гравитационное взаимодействие… Всё было организовано с целью сохранить нам жизнь.

— Организовано… Значит, это не природного характера штука. Технология, — решил я.

— Кажется, придётся это признать, — кивнул Джейсон.

— Значит, они проделали это над нами.

— Толкуют о «гипотетическом доминирующем» либо же «контролирующем интеллекте».

— Но кому и зачем это надо?

— Не знаю. Никто не знает.

Диана прищурилась. Запахнув парку и обхватив свой торс руками, она пристально смотрела на брата. Её била дрожь — и, конечно же, не от холода.

— Какова разница во времени, Джейсон? Нас-

колько быстрее там бежит время?

Там — за чернотою неба. Джейсон медлил, колебался:

— Намного.

— Скажи.

— Ну… замеров много. Но в последний запуск они прозондировали Луну. Луна постепенно удаляется от Земли, с примерно постоянной скоростью. Вы это знаете? Если замерить увеличение расстояния, можно определить, за какое время оно выросло. Ну, звёзды разбегаются там, тоже с определённой скоростью…

— Сколько, Джейсон?

— С момента Затмения прошло пять с лишним лет. За барьером за это время пролетело больше пятисот миллионов лет.

У меня аж дыхание перехватило. Что сказать? Да я и языком пошевелить не мог. Казалось, что воздух не перенесёт звука.

Диана, заглянув в сердцевину, в самую суть проблемы, спросила:

— И… сколько нам осталось?

— Трудно сказать точно. Мы под защитой барьера, но сколько он протянет, насколько он эффективен? Существуют, однако, и кое-какие бесспорные, неотвратимые факторы. Солнце

смертно, как и любая другая звезда. Оно сжигает водород и расширяется, становится горячее. Земля находится в комфортной зоне его системы, постепенно отодвигающейся наружу. Как я уже сказал, сейчас мы под защитой. Но потом Земля войдёт в гелиосферу. Солнце проглотит её. Какой барьер это выдержит?

— Сколько, Джейсон?

На него было жалко смотреть.

— Ну… лет сорок… может, пятьдесят. Чёрт знает.

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Боль стала донимать больше, невзирая на морфин, купленный Дианой тут же, в Паданге, в соседней аптеке по просто смешной цене. Меня трясло, бросало в жар.

Состояние это было переменчивым. Приливы и отливы, волнами, приступами. В голове как будто лопались жаркие пузыри. Тело капризничало, отказывалось повиноваться. Однажды ночью я схватил воображаемый стакан воды и разбил реальную настольную лампу, разбудив соседей.

На следующее утро я об этом не мог вспомнить. Однако я видел свои порезанные пальцы и слышал ворчание коридорного, с которым Диана рассчитывалась за разрушенное гостиничное имущество.

— Что, я действительно лампу кокнул?

— Боюсь, что да.

Она сидела подле кровати в плетёном кресле. В номер доставили яичницу и апельсиновый сок, из чего я заключил, что ещё утро. За прозрачными шторами синело небо. Дверь на балкон открыта,

впускает в комнату свежий воздух, запах океана.

— Извини, — пролепетал я.

— Ты был не в себе. Я бы велела тебе всё забыть, но ты и так всё забыл. — Она положила руку на мой лоб. — И ещё, к сожалению, не всё позади.

— Сколько?

— Уже неделя.

— Всего неделя?

— Увы.

Ещё половины не промучился.

* * *

Но интервалы просветления давали возможность кое-что записать.

Графомания. Одно из побочных последствий средства. Диана, находясь в аналогичном состоянии, исписала враз четырнадцать двойных листов библейским каиновым «Разве я сторож брату моему?» — отнюдь не крупным почерком. Собственная моя графомания несколько более упорядочена. Я аккуратно складываю исписанные листки на прикроватный столик; поджидая начала приступа, перечитываю написанное, чтобы запечатлеть его в памяти.

Диана целый день где-то пропадала. Когда она вернулась, я поинтересовался, где она гуляла.

— Налаживала связи.

Она рассказала, что познакомилась с транзитным брокером из Минанга по имени Джала. Его импортно-экспортные операции служили прикрытием для более выгодного нелегального эмиграционного брокеража. Известный персонаж, все в порту его знают и уважают. Она предлагала ему за судовые койки чёртову кучу чокнутых кибуцев, так что сделка не состоялась — пока. Но Диана не теряла ни трезвой расчётливости, ни оптимизма.

— Будь осторожнее, — предупредил я её. — Мало ли, кто-то ещё на нас выйдет.

— Пока ничего не заметила, но… — Она пожала плечами и кивнула на блокнот в моей руке. — Сочинял?

— Отвлекает от боли.

— Ручку держать не больно?

— Как при запущенном артрите, однако справляюсь, — произнёс я вслух и мысленно добавил: «…пока что». — Болеутоляющий эффект стоит дискомфорта.

— Очень неплохо у тебя получается.

Ужаснувшись, я украдкой глянул на неё.

— Ты… Ты читала?

— Ты сам мне предложил, Тайлер.

— В бреду, должно быть.

— Выходит, что так. Хотя я бы не сказала тогда. Выглядел ты вполне нормально.

— Я, видишь ли, писал не на читателя. — Меня испугало то, что я забыл, как всё это ей демонстрировал. Что ещё ускользнуло из памяти?

— Ладно, больше не буду. Но то, что ты там изобразил… — Она чуть склонила голову к плечу. — Удивил ты меня. И польстил, конечно. Никак не думала, что ты ко мне питал такие чувства, тогда, в таком зелёном возрасте.

— Чему тут дивиться…

— Нет-нет, это удивительно. Но вот в чём парадокс, Тайлер: твоя девица на страницах — холодная, равнодушная тварь, почти жестокая.

— Я тебя такой никогда не считал.

— Меня не твоё мнение беспокоит. Меня беспокоит то, что ты увидел. И моё собственное мнение.

Я с некоторым усилием держался сидя, гордясь своей выносливостью, но, скорее всего, способностью сидеть, а не безвольно валяться, меня наделили болеутоляющие. Трясло — значит, близился очередной приступ.

— Ты хочешь знать, когда я в тебя влюбился? Пожалуй, следовало об этом написать. Немало-

важная деталь. Это произошло, когда мне было десять.

— Тайлер, в десять не влюбляются.

— Я точно помню. Когда умер Святой Августин.

Сент-Августин — имя непоседливого чёрно-белого спаниеля, крупного породистого пса, любимца Дианы. Она звала его «Сент-Дог». Диана передёрнула плечами:

— Жуть какая.

Но я не преувеличивал. И-Ди Лоутон купил пса, повинуясь непонятно какому движению души. Возможно, хотел декорировать им прикаминное пространство. Что-то вроде кованой подставки для дров или кочерги с художественной бронзовой рукоятью. Но Сент-Дог не пошёл на поводу у судьбы. Он и вправду отличался выраженной декоративностью, однако из-за переполнявших его любопытства и жажды деятельности никак не подходил на роль коврика или напольной вазы. И-Ди его постепенно возненавидел, Кэрол не замечала с самого момента появления в доме. Джейсона пёс несколько ошеломил. Двенадцатилетняя Диана почувствовала в собаке родственную душу. Они с Сент-Догом выявляли друг в друге лучшие черты характера. В течение полугода пёс мотался за Дианой повсюду, только

что в школу не ездил. Летними вечерами они играли на травке перед домом. Именно тогда я увидел Диану в особом свете. Мне приятно было просто любоваться ею. Они носились по газону до изнеможения, она, естественно, уставала первой, и пёс терпеливо ждал, пока его подружка восстанавливала дыхание. Она больше заботилась о собаке, чем любой другой из Лоутонов, чутко воспринимала изменение настроения Сент-Августина — на основе полной взаимности, кстати сказать.

Не знаю, почему мне это в ней правилось, но в драматичном, эмоционально заряженном пространстве дома Лоутонов её отношения с собакой казались оазисом простой привязанности без всяких искусственных украшательств. Будь я собакой, я бы ревновал. Не будучи собакой, на своём месте, я пришёл к заключению, что Диана — существо особое, отличающееся от своих родственников весьма важными качествами. Она оказалась открытой миру, воспринимала его иначе, чем брат и родители.

Святой Августин умер внезапно и преждевременно, едва выйдя из щенячьего возраста, той же осенью. Диана тяжело переживала, и я вдруг понял, что люблю её.

Это, конечно, звучит странновато, но ведь я влюбился в неё не потому, что она скорбела о собаке, а потому, что она оказалась в состоянии скорбеть о собаке, к которой её родственники не испытывали особых эмоций, а то и ощутили облегчение, избавившись от докуки.

Диана отвернулась от меня, не мигая, глядела в окно, на освещённые солнцем кроны пальм.

— Я чувствовала тогда, что сердце у меня разбито.

Мы похоронили Сент-Дога в лесочке, под деревьями. Диана собрала пирамидку из камней, которую каждой весной обновляла, пока не оставила дом десятью годами позже. И иной раз молилась над пёсьей могилой, молча, сложив руки. Кому, о чём? О чём люди молятся — мне это неизвестно. Не думаю, что смогу это понять.

Но именно эта молитва показала мне, что Диана живёт в мире, большем, чем «большой дом», в мире, где печаль и радость накатывают, как прилив и отлив, весомо, поддержанные массой океана.

* * *

Ночью снова накатила лихорадка. Ничего о ней не помню, кроме повторяющихся каждый

час приступов страха перед потерей памяти. Я опасался, что сотрётся больше памяти, чем потом восстановится. Меня охватывало отчаяние, ощущаемое при осознании безвозвратной утраты. Вроде сна, в котором ищешь, ищешь что-нибудь потерянное: кошелёк, часы, самосознание… Мне казалось, что марсианское средство гуляет по организму, атакует иммунную систему, заключает с ней временные перемирия, завоевывает плацдармы в извилинах, захватывает в плен хромосомные наборы…

Когда я снова пришёл в себя, Дианы в номере не было. Отгороженный от боли введённым ею морфином, я прошаркал до туалета, потом выполз на балкон.

Время к вечеру. Солнце ещё высоко, но небо над закатным горизонтом уже слегка потемнело. Воздух пахнет кокосовым молоком и дизельным выхлопом. Арка на западе поблескивает, как замороженная ртуть.

Меня неудержимо потянуло к перу и бумаге — отзвук лихорадки. При мне блокнот, наполовину заполненный полуразборчивыми каракулями. Надо попросить Диану купить ещё один. Или даже два. И тоже их заполнить. Слова, слова, слова…

Слова — якоря, которыми память пытается удержаться в виду берега, чтобы шторм не унёс её в открытое море.

Слухи об апокалипсисе доходят до Беркшира

После того зимнего пикника я несколько лет не встречался с Джейсоном, но постоянно поддерживал с ним контакт. Мы снова увиделись, когда я окончил свою медшколу, летом, на даче в Беркшире, в предгорьях Аппалачей, в двадцати минутах езды от Тэнглвуда.

Куда как занятым парнем был я тогда. Оттарабанил четыре года в колледже плюс интернатуру в местной клинике, готовился к очередным вступительным тестам. Мой средний балл, результаты тестов, куча рекомендаций преподавателей и разных авторитетов — плюс, разумеется, щедрость И-Ди — дали мне возможность ещё на четыре года обосноваться в медицинском кампусе университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук. После всего этого мне предстояли ещё три года специализации, чтобы я мог приступить к работе.

Благодаря этим обстоятельствам я жил той же жизнью, что и большинство людей планеты, как будто воображая, что о конце света ничего не известно.

Конечно, будь точно известен день и час, народ бы реагировал иначе. Паника, самоотречение и покорность судьбе — каждый действовал бы соответственно своим наклонностям и обстоятельствам. Но высказываемые догадки и предположения такой реакции не вызывали. Все видели данные орбитальных зондов НАСА, но ведь нас защищал невидимый барьер, природы которого никто не понимал… Если и предстоял кризис, то предвестников его тоже не ощущалось, кроме очевидного отсутствия звёзд. Просто не было звёзд. И всё.

Как организовать жизнь, которая должна исчезнуть? Этот вопрос стал основным для нашего поколения. Джейсону было легче. Он с головой окунулся в проблему «Спина», «Спин» стал его жизнью. Со мной тоже всё относительно просто. Я полностью погрузился в медицину, что на первый взгляд казалось мудрым выбором перед лицом надвигающегося кризиса. Пожалуй, я воображал себя спасителем жизней при наступлении конца света, который, естественно, затянется на длительный период. Но есть ли смысл в спасении обречённой жизни? Собственно, медики не спасают жизнь, а лишь несколько продлевают её, а если невозможно продлить, хотя бы облегчают

страдания, снимают боль и так далее. Возможно, это самое полезное, на что они способны.

Но главное — колледж, медшкола представляют собою нелёгкую ношу, эффективно отвлекающую от мирских забот.

Так что со мной всё нормально. С Джейсоном ещё более нормально. Но многим приходилось нелегко. К последним относилась и Диана.

* * *

Джейсон позвонил средь бела дня. Я занимался уборкой своего жилого закутка в Стоуни-Брук. Липовое солнце наяривало вовсю. Мой секонд-хендовский «хюндай», уже загруженный, ждал меня — я собирался домой, хотел провести пару недель с матерью, а потом примерно столько же не спеша помотаться по стране. Свой последний отпуск перед интернатурой в «Харборвью» (Сиэтл) я собирался использовать, чтобы бросить взгляд на мир или, по крайней мере, на часть его, заключённую между Мэйном и Вашингтоном — штатом, не городом. Но Джейсон отмёл мои планы. Едва поздоровавшись и дав мне ответить тем же, он перешёл к основной теме:

— Слушай, Тайлер, тут редкая возможность. И-Ди снял на лето дачку в Беркшире.

— Ну, молодец.

— Но ему теперь не до дачи. На прошлой неделе он инспектировал алюминиевое производство в Мичигане, свалился с погрузочной платформы и сломал бедро.

— Сочувствую от всей души.

— Да ничего смертельного, он уже поправляется, однако с костылей ещё не скоро слезет, и радости ему переться в Массачусетс, чтобы сидеть там на веранде да сосать «Перкодан», сам понимаешь… Ну а Кэрол и вообще не хотела туда ехать.

Ничего удивительного. Кэрол уже спивалась окончательно. Пила бы в Беркшире так же, как дома. Какая ей разница, где напиваться.

— А от найма отказаться он не может, контракт подписан, — продолжал объяснения Джейсон. — Три месяца. Вот я и подумал, что ты от своей медицины мог бы отдышаться там недельку-другую. Встретимся, потолкуем. Диану уговорим приехать. Фестиваль посетим, концерты. По лесу погуляем. Как в детстве. Я уже туда собираюсь. Что скажешь на это, Тайлер?

Конечно, надо было отказаться. Я и собирался отказаться. Но… Диана… Вспомнились несколько писем, звонков «по случаю» — Рождество там,

дни рождения… Невыясненные вопросы… Конечно, рассудком я понимал, что надо отказаться. Но слова сорвались с губ сами собой:

— Ну дак…

* * *

По этой причине я провёл ещё ночь на Лонг-Айленде, утром запихнул последние пожитки в багажник и дунул по Северной Парк-уэй до сквозного Лонг-Айлендского автобана.

Машин на шоссе негусто, погода до смешного благоприятная. Перевалило за полдень, погода всё ещё радовала, и я расслабился, «захорошел». Вот бы задёшево загнать «завтра» первому встречному и осесть в этом июле, в этом втором его числе. Я совершенно отупел от какого-то идиотского наплыва счастья.

Счастливым движением счастливой руки я врубил приёмник.

Возраст у меня достаточный, чтобы помнить время, когда «радиостанция» представляла собой немалое здание с высоченной вышкой-антенной, когда радиосигнал замирал и исчезал по мере удаления от этой радиостанции. Иные из таких станций-долгожителей существуют и поныне, но аналоговый приёмник моего «хюндая» бла-

гополучно издох через неделю после истечения гарантийного срока. Остался цифровой, получающий сигнал через один из лоутоновских релейных стратостатов. Обычно я слушаю старые джазовые записи XX века, вкус к которым привил мне отец, — я рылся в его дисках и считал своим реальным наследством, семейным достоянием вещи Дюка Эллингтона, Билли Холидея, Майлса Дэвиса — музыка эта считалась старой уже во времена молодости Маркуса Дюпре. Под настроение я бы прослушал «Гарлем эйршафт», но парень, проводивший профилактику моей машины перед поездкой, скинул все мои фиксированные настройки и выставил канал новостей. И на меня навалились стихийные бедствия да эскапады знаменитостей. Шла речь и о «Спине».

Тогда мы уже начали называть это «Спином».

Хотя почти всё население планеты в этот «Спин» и не верило.

Агентство НАСА обнародовало данные, полученные от орбитальных зондов. Эти данные подтвердили и запуски европейского космического агентства. И всё же, даже через восемь лет, лишь меньшая часть населения Европы и Северной Америки считала «Спин», согласно данным опросов общественного мнения, «непосредствен-

ной угрозой для себя и своих близких». В Азии, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке подавляющее большинство народу полагало всю затею со «Спином» происками коварных американцев или очередной несуразицей в их военно-космических затеях.

Однажды я спросил Джейсона, почему так происходит. Он ответил:

— Подумай, чего мы от них хотим. Мы обращаемся, в массе, к населению, погрязшему в доньютоновских астрономических воззрениях. Много ли тебе нужно знать о Луне и звёздах, если вся твоя жизнь сосредоточена на добывании биомассы для прокормления себя и своей семьи? Для того чтобы доступно разъяснить этим людям значение «Спина», нужно начать издалека. Сказать им, что возраст Земли — несколько миллиардов лет. Для начала дать им прочувствовать, что такое миллиард лет, может быть, впервые в их жизни. Не так уж легко это проглотить, особенно если ты вырос в мусульманской теократии, в глухих джунглях, в американской глубинке Юга или Среднего Запада. Затем придётся внушить им, что Земля меняется, что было когда-то время, когда океаны кипели, когда воздух был ядовитым. Рассказать, как появились живые

существа, через миллиарды лет развившиеся в человека. Затем перейти к Солнцу и к тому, что Солнце тоже меняется, что оно не вечно, что оно возникло из пылегазового облака, что оно сжимается и расширяется, что оно через ещё какие-то миллиарды лет проглотит Землю, а после этого, возможно, сожмётся в сверхплотное образование. Введение в космологию, так? Ты впитал это из своих фантастических романов, у тебя это уже в крови, но многим такие истины покажутся просто неприемлемыми, противоречащими их убеждениям. Мало того. Как только люди проглотят всё это, придётся перейти к следующей теме. Время. Оказывается, и оно живёт своей самостоятельной жизнью. Мир, который представлялся незыблемым, вдруг закачался. Его засунули в какую-то клетку, в камеру хранения. Почему? Кто? Как убедить сомневающихся, если сам этого не знаешь? Кто-то учинил всё это умышленно, кто-то столь могущественный, что его вполне можно назвать и богом. Не понравимся мы этому богу, и он снимет защиту. И расплавятся горы, и закипят океаны. Не верите нам на слово — у нас есть доказательства. Плюньте на восходы и закаты, на дождь и снег, у нас есть расчёты, логические выводы, фотоснимки космических

зондов. Улики — пальчики оближешь. — Джейсон улыбнулся. — Но жюри присяжных этим уликам почему-то не верит.

И не только невежественная масса противится истине. Я услышал по радио ламентации главы крупной страховой компании. Он жаловался на экономические последствия «некритического подхода и безответственной информационной кампании относительно так называемого „Спина“». Ведь народ начинает воспринимать эту информацию всерьёз, ужасался страховой босс. А это губительно сказывается на бизнесе. Народ ведёт себя непредсказуемо. Рушатся моральные устои, растёт преступность, процветает безудержное расточительство. Страховая статистика зашаталась. Завершил он выступление весьма изящным выводом: «Если мир через тридцать-сорок лет не погибнет, нас ждёт катастрофа».

С запада появились облака. Через час они затянули все небо, от синевы не осталось и следа. В ветровое стекло ударили первые капли. Я включил ближний свет.

Страховая статистика сменилась новостями, касающимися «Спина». За барьером, в сотнях милях над полюсами планеты, зонды обнаружили громадные серебристые коробки, размером

с Нью-Йорк, а то и с Лос-Анджелес. Они парили над полюсами, но при этом не вращались по орбитам. Объект может казаться неподвижным над экватором, вращаясь по геостационарной орбите, но ничто, подчиняющееся обычной небесной механике, не в состоянии торчать неподвижно над полюсами. А эти штуковины всё же там находились. Сначала их засекли радары, затем были получены и фотоснимки. Ещё одна тайна «Спина», совершенно непостижимая для большинства, включающего и меня. Захотелось потолковать об этих штуках с Джейсоном.

* * *

К даче И-Ди я подкатил в разгар грозы. Молнии лупили в верхушки холмов, грохотали раскаты грома, тучи безжалостно хлестали землю ливневыми потоками.

И-Ди снял английский сельский дом с четырьмя спальнями, выкрашенный какой-то зеленовато-бледной немочью и живописно упрятанный в сотне акров образцово-показательного «девственного» леса. Дом сиял в сумерках штормовым фонарём. Джейсон уже приехал, его белый «феррари» стоял под навесом.

Он услышал шорох покрышек моей машины и

распахнул дверь прежде, чем я успел постучать.

— Тайлер! — приветствовал он меня широкой улыбкой.

Я вошёл, опустил подмокший чемодан на керамическую плитку пола.

— Уж сколько лет Тайлер, — ухмыльнулся я.

Мы поддерживали контакт по электронной почте и по телефону, но, если не считать пары мимолетных встреч в «большом доме» во время каникул, впервые оказались наедине за все восемь лет. Конечно, время изменило нас обоих, можно было бы по каталогу проверять. Я за это время забыл, какое впечатление производит его внешность. Высоким он был всегда, в детстве не по возрасту. И сейчас он выглядел стройным, худым. Никак не нежным и хрупким, но тонко сбалансированным, как будто швабру перевернули щёткой вверх, поставили на пол, и она умудряется не упасть. Щетина щётки, венчавшей его голову, не превышала по длине четверти дюйма. Несообразно его белому «феррари» висел на нём мешковатый свитер с парой затяжек и уймой шерстяных катышков; джинсы тоже зияли потёртостями и парой прорех, а кроссовки, хотя и без дырок, явно видели лучшие дни.

— Давно ел? — спросил он меня почти сразу.

— Поздний ланч.

— Иначе: есть хочешь?

Голода я не испытывал, но от чашки кофе бы не отказался, что от него и не утаил. Медшкола сделала из меня кофемана.

— Вот везуха-то! — обрадовался Джейсон. — Я как раз купил фунт гватемальского.

Гватемальтеки, мало озабоченные грядущим концом света, продолжали выращивать кофе.

— Сейчас поставим воду, и я покажу тебе дом.

Мы обошли помещения. Интерьеры оказались какими-то нервными, возбуждающими. Стены цветов то яркого зелёного яблока, то интенсивного оранжевого, мебель капитальная, антикварная, «амбарной распродажи», кровати с латунными спинками; на окнах кружевные занавеси. По волнистому оконному стеклу всё ещё колотил дождь. Кухня и гостиная современные, большой телевизор, музыкальный центр, интернет. Уютно, особенно в дождь. Мы вернулись в кухню, Джейсон разлил кофе по чашкам, и, усевшись за стол, мы попытались сориентироваться в обстановке.

Он не слишком распространялся о своей работе, не знаю уж, из скромности или по соображениям секретности. За эти восемь лет он защитил док-

торскую по астрофизике, но почти сразу же ушёл из науки в «Перигелион фаундейшн», фирму отца. Возможно, верный выбор, так как И-Ди стал авторитетным членом президентского комитета по глобальным кризисным ситуациям. Кроме того, по словам Джейса, «Перигелион» вот-вот должен реорганизоваться из аэрокосмического исследовательского центра в официальный орган с властными политическими функциями.

— Но… как с точки зрения законности? — поинтересовался я.

— Ну, И-Ди же не мальчик. Он уже дистанцировался от «Лоутон индастриз». Вышел из совета директоров, а его акциями управляет «слепой» трастовый фонд. Юристы, разумеется, проследили за законностью.

— А ты чем в этом «Перигелии» занимаешься?

Он улыбнулся:

— Я веду себя паинькой, слушаю старших и вежливо высказываю свои соображения и предложения. Расскажи лучше о своей медицине.

Он спросил меня, не удручающе ли действует столкновение вплотную с человеческими слабостями, болезнями. И я рассказал ему о классе анатомии на втором курсе, когда я с десятком однокурсников анатомировал человеческий

труп и сортировал его составляющие по размеру, весу, цвету, функциям. Ничего приятного в этом занятии, утешает лишь его абсолютная, голая правда и полезность для себя самого и для общества. Своего рода веха на жизненном пути. После этого от детства ничего не остаётся.

— Бог мой, Тайлер, тебе, пожалуй, надо бы чего-нибудь покрепче кофе.

— Да нет, ничего особенного. Это, кстати, и шокирует больше всего — что ничего особенного. Отходишь от человеческого трупа и топаешь, к примеру, в кино.

— Да, далеко от детства, от «большого дома».

— Оба мы далеко ушли. — Я поднял чашку к губам.

Потом мы перешли к воспоминаниям детства, рассеялись, оживились. Старые времена. Выработался стереотип: Джейсон называл место — ручей, подвал, рынок… — и я сразу вспоминал события, с этим местом связанные. Как мы влезли в винный шкаф, как засекли девицу из «Райс-академи» — звали её Келли Уимс — за кражей презервативов из аптеки «Фарма-сэйв», как Диана заставила нас читать надутые пассажи из Кристины Розетти, как будто бы они того стоили.

— Большой газон, — бросил Джейсон.

— Ночь, когда исчезли звёзды, — тут же откликнулся я.

И мы оба смолкли.

— Так… она приедет или нет? — прервал я молчание.

— Пока не решила. У неё что-то там намечено, надо переносить. Обещала позвонить завтра и сказать наверняка.

— Она всё ещё на юге?

Последнее, что я о ней слышал от матери. Диана училась в каком-то южном колледже. Не помню, чему. Социальная география, океанография… только что не хореография.

— Да, на юге… — Джейсон заёрзал на своём стуле. — У неё, знаешь, многое изменилось.

— Ничего удивительного.

— Она что-то вроде как помолвлена. Замуж собирается.

Я принял эту новость с большим достоинством:

— Что ж, пусть ей повезёт.

Ревности я, кажется, не ощущал. Да и какая может быть ревность? Между нами ничего «такого» не было. Да и быть не могло. И не виделись мы… Сколько? К тому же и сам я чуть ли не женился в Стоуни-Брук. Нам со студенткой-второкурсницей

Кэндис Бун очень нравилось признаваться друг другу в любви. Пока не надоело. Кажется, ей надоело первой.

Только вот что означает «что-то вроде как помолвлена»?

Меня подмывало спросить. Но Джейсону это направление беседы явно не нравилось. Вспоминалось, как однажды он привёл домой девицу, познакомить с родителями. Девица как девица, правда, некрасивая, но очень приятная. Он встретился с ней в шахматном клубе Райс. Скромная, немногословная. Кэрол в тот вечер напиться не успела, вела себя прилично, но И-Ди новую знакомую явно не одобрил. Он её обхамил, только что не укусил, а когда она ушла, напустился на Джейсона за то, что он «такое» в дом приводит. Видишь ли, «высокий интеллект повышает ответственность», так он загнул. И он не желает, чтобы Джейсон увяз в низкопробном браке и развешивал пелёнки во дворе, вместо того, чтобы расставлять ориентиры на пути человечества. Всего только-то.

Другой на месте Джейсона просто не стал бы приводить своих девиц домой.

Джейсон перестал общаться с девицами.

* * *

Утром я проснулся в пустом доме. На кухонном столе Джейсон оставил записку — сообщил, что поехал закупать провизию для барбекю.

«Вернусь не раньше полудня». Времени половина девятого, выспался я отлично, но отпускная лень цепко держала за пятки.

Дом эту лень лишь лелеял. Гроза миновала, ситцевые шторы колыхались от лёгкого сквозняка. Солнечные лучи выискивали дефекты в поверхности кухонных рабочих поверхностей. Я позавтракал у окошка, следя за ползущими по небу в полном парусном вооружении облаками.

В десять с небольшим в дверь позвонили. У меня ёкнуло сердце: а вдруг Диана? Если она ночью решила приехать… Но вместо Дианы за дверью стоял «Майк-газонщик» в бандане и майке-безрукавке, готовый приступить к стрижке газона и зашедший лишь справиться, не спит ли народ в доме. Он, мол, не хочет никому мешать, но газонокосилка тарахтит — будьте-нате, так что если не все проснулись, то он может и попозже зайти. Я заверил его, что уже не сплю, и через несколько минут парень ехал по контуру газона в древнем зелёном «Джоне Дире», вонявшем, как эскад-

рилья истребителей, и грохотавшем примерно так же. Ещё чуть сонный, я задумался, как эта косовица выглядит с точки зрения окружающей нас Вселенной. Для Вселенной Земля представляла собою планету, застывшую в почти полной неподвижности. Травинки, срезаемые косилкой, росли в течение столетий, солидно и неспешно, можно сказать, «эволюционировали». Майк, сила природы, рождённая за пару миллиардов лет, медленно, но верно срезал их, и они, отделённые от корней, почти неподвижно застывали в воздухе, удерживаемые силой земного тяготения, много-много лет парили между Солнцем и Землёй, глиной Мафусаиловой, в которой рылись черви, в то время как в дальних галактиках рождались и погибали империи.

Джейсон, конечно, прав, в это трудно поверить. То есть поверить-то легко во что угодно, люди легковерны, но принять в качестве фундаментальной истины… Я уселся на крыльцо, подальше от гремящего «Джона Дира», тянул носом наркотический свежий воздух, по-стариковски наслаждался солнышком, пусть даже и фиктивной пустышкой, принимал положенную мне неопасную дозу радиации, отфильтрованную «Спином», в мире, в котором столетия растрачи-

вались как секунды.

Чушь собачья — и в то же время истинная правда.

Снова вспомнилась медицинская школа, трупы в секционном зале, о которых я рассказывал Джейсону. Кэндис Бун, моя бывшая почти невеста, посещала класс анатомии вместе со мной. Занятия она переносила стойко, но потом… Человеческое тело, вместилище любви, ненависти, смелости, трусости, души, духа — её трактовка — и этот бурдюк перепутанных синих и красных несообразностей. Таким вот образом. И нас жестоко, против воли волокут к смерти.

Но мир таков, каков есть, и с ним не поторгуешься. Это уже я ей сказал.

Она упрекнула меня в холодности. Что поделаешь, но ни до чего умнее я не додумался.

* * *

Утро не спеша переходило в день. Майк дотерзал газон и отбыл, оставив после себя влажную, пахнущую свежескошенной травой тишину. Через некоторое время я как будто очнулся, позвонил матери в Вирджинию, где погода, по её словам, оказалась хуже, чем у нас в Массачусетсе. Ночью пронёсся ураган, свалил кучу деревьев,

порвал электропровода и оставил на память густой облачный покров. Я сообщил ей, что благополучно добрался до дачи И-Ди. Она спросила о Джейсоне, хотя, скорее всего, недавно его видела в «большом доме».

— Старше стал. Взрослее. Но всё тот же Джейсон, — заверил я её.

— Китай его не беспокоит?

С момента Затмения мать моя пристрастилась к Си-Эн-Эн, и не потому, что полюбила информацию, и уж, конечно, не для удовольствия, а просто чтобы поддерживать в себе уверенность, что судьба не выкинула ещё какой-нибудь поганый фокус. Так мексиканский пеон косит глазом на нависший над селением вулкан, надеясь не увидеть дыма. Китайский кризис пока что не вышел за дипломатические рамки, сказала она, хотя сабли и побрякивают. Столкнулись лбами из-за предполагаемых запусков.

— Джейсона спроси, Джейсона. Он тебе всё растолкует.

— Тебя И-Ди насчёт кризиса просвещал?

— Куда там! Разве он снизойдёт… Кэрол делится эмоциями.

— Что от неё толкового узнаешь!

— Нет, Тай, не греши. Она пьёт, верно, но дурой

её не назовёшь. И меня тоже, кстати.

— Да я и не называл.

— О Джейсоне и Диане я в последние дни узнаю, в основном, от Кэрол.

— Она не говорила, собирается Диана в Беркшир? От Джейса толку не добиться.

Мать ответила не сразу:

— От Дианы в последнее время не знаешь чего ждать.

— То есть как?

— Ну, так, вообще… Учится плохо. С полицией нелады.

— С полицией?

— Нет, не подумай, что она банки грабит, но за беспорядки во время демонстраций этого «Нового царства» её уже пару раз задерживали.

— Царства? Нового? С чего её вдруг на демонстрации потянуло?

Ещё пауза:

— Знаешь, Джейсон тебе лучше бы объяснил.

Конечно, объяснит. Не отвертится.

Она закашлялась. Я представил себе, как она, зажав ладонью микрофон трубки, деликатно отвернулась, и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Устала.

— Врач что говорит? — В последнее время её лечили от анемии. Заставляли глотать кучи таблеток «с железом».

— Да ничего нового. Просто я уже старуха, Тай, никуда не денешься. Это с каждым случается. — Небольшая пауза. — Подумываю покончить с работой. Если это можно назвать работой. Близняшки разъехались, остались Кэрол да И-Ди, а его и дома-то не бывает, всё в Вашингтоне да в Вашингтоне.

— Ты им сказала, что собираешься уволиться?

— Пока нет.

— Не представляю себе «большого дома» без тебя.

Она засмеялась, но как-то невесело:

— Наелась я уже этим «большим домом».

Но больше она об увольнении не упоминала. Наверное, Кэрол отговорила её.

* * *

Джейс, наконец, вернулся. Джинсы висели на нём, как паруса, обвисшие в отсутствие ветра, футболку пятнали призраки неотстирывающихся пятен.

— Тай, поможешь мне с барбекю? — крикнул он мне с порога.

Я вышел с ним на задний двор. Печка для барбекю работала на стандартном газовом баллоне. Джейсон такими в жизни не пользовался, я тоже. Он открыл кран, нажал кнопку зажигалки и вздрогнул от вспышки. Потом повернулся ко мне:

— У нас бифштексы. У нас бобы-ассорти. В городе в дели-лавку заскочил.

— А на закуску комары?

— Не должно быть. Весной опыляли. Проголодался?

И правда, несмотря на полное безделье, я умудрился нагулять аппетит.

— Мы на двоих готовим или на троих?

— Ещё не звонила. Может, вечером брякнет. Конечно, на двоих.

Я кинул приманку:

— Если китайцы не пожалуют.

Джейсон клюнул:

— Да брось ты, Тай. Это уже даже и не кризис. Всё урегулировано.

— Ну и слава Богу. — Так я в один и тот же день узнал и о кризисе, и о его разрешении. — Мне мать сказала по телефону. Она узнала из новостей.

— Китайцы хотели шарахнуть по объектам над

полюсами ядерными ракетами. Они воображают, что, разрушив эти образования, снимут барьер. Великая радость! А велика ли вероятность того, что технология, способная манипулировать временем и гравитацией, чувствительна к нашему вооружению?

— Так что, мы пугнули китайцев, и они отступились от своей затеи?

— Можно и так сказать. Но и пряник им предложили. Пригласили поучаствовать.

— Не понимаю.

— Предложили участие в нашем проекте спасения общечеловеческой шкуры.

— Джейс, ты меня пугаешь.

— Дай-ка мне вон те щипцы, пожалуйста. Извини, я понимаю, что тут не всё ясно. Но мне вообще-то не положено разговаривать на эти темы. Ни с кем.

— То есть для меня ты уже сделал исключение.

— Для тебя я всегда делаю исключение. — Он улыбнулся. — Давай после обеда поговорим.

И он окунулся в дым и чад гриля.

* * *

Администрации двух подряд президентских сроков пресса поедом ела за пассивность в от-

ношении Большого Барьера. Но критика эта ни на чём не основывалась. Если и существовала какая-то практическая возможность что-то предпринять, то никто об этой возможности не догадывался. Любая же агрессивная акция, вроде задуманной китайцами, грозила непредсказуемыми последствиями.

«Перигелион» предложил качественно иной подход.

— Мы отказались от методов грубого воздействия, — сказал Джейс. — Не драка, не кулачный бой, а дзюдо. Использование превосходящей массы и инерции противника. Такой подход мы применим и к «Спину».

Мы сидели в кухне, он рассказывал и точными хирургическими движениями кромсал свой хорошо прожаренный бифштекс. Мы сидели за столом, а в москитную сетку, затягивавшую распахнутую заднюю дверь, бился здоровенный жёлтый шмель, похожий на клубок шерсти.

— Попытайся увидеть в «Спине» не угрозу, а возможность.

— Гм. Возможность преждевременной смерти.

— Возможность использовать время в своих целях. Не существовавшую ранее возможность.

— Время… Но ведь они отняли у нас время.

— Как раз наоборот. Вне земного пузыря в нашем распоряжении миллионы лет, которыми можно располагать по своему усмотрению. И у нас есть инструмент, который надёжно работает с такими масштабами времени.

— Инструмент… — повторил я озадаченно, тупо глядя на очередной шмат отправляемого им в рот бифштекса.

Трапеза без излишеств. Мясо на тарелке, рядом бутылка пива. Без всяких финтифлюшек, бобовый салат-ассорти прямо из банки. Чего ещё надо? На столе всё предельно ясно. Только вот «инструмент»…

— Да, очевидный инструмент, сам просится в руки. Эволюция.

— Эволюция…

— Тайлер, что у нас за беседа? Перестань повторять за мной.

— Хорошо, согласен, эволюция как инструмент… Только во что мы, извини за выражение, эволюционируем за три-четыре десятка лет?

— Во-первых, не мы, а во-вторых, не за три-четыре десятка лет. Я имею в виду простые формы жизни. Я имею в виду тысячелетия. Я имею в виду Марс.

— Марс…. — Приехали.

— Тайлер, шевели мозгами.

Ну, Марс… Мёртвая или практически мёртвая планета. Может, когда-то обладавшая если не жизнью, то некоторыми её предпосылками. Находится за пределами земного защитного пузыря, обогревается «забарьерным» расширяющимся Солнцем, однако «эволюционировал» Марс за прошедшие на нём миллионы лет всё в ту же сухую, мёртвую планету, что и подтвердили снимки космических зондов. Будь там зачатки жизни и благоприятные условия, возможно, часть его поверхности покрыли бы буйные джунгли. Но этого ведь не произошло…

— Был такой термин — терраформинг. Преобразование дальних планет с целью приспособить их для жизни человека. Часто встречается в фантастических романах, которыми ты в детстве зачитывался.

— Да я и по сей день их почитываю, Джейс.

— Тем лучше. Ну и что ты скажешь о терраформинге Марса?

— Что ж… Попытаться создать там газовую оболочку, получить тепличный эффект, разогреть атмосферу, кору… Растопить лёд, получить воду. Засеять простейшими организмами. Но по самым оптимистическим оценкам это займёт…

Он улыбнулся.

— Слушай, ты меня разыгрываешь, — спохватился я. Джейсон посерьёзнел:

— Ничего подобного. Слишком важная тема.

— Ну и как это технически воплотимо?

— Начнём с синхронизированных пусков ракет со специально выведенными устойчивыми клонами бактерий. Замедление над поверхностью Марса с помощью простых ионных двигателей. Жёсткую посадку одноклеточные переживут. Предусматриваются также капсулы для введения бактерий в кору планеты при помощи направленных взрывов, где, как мы надеемся, можно обнаружить воду. Пусков, конечно, понадобится немало, и спектр организмов достаточный. Цель — при помощи органики высвободить из коры углерод для образования атмосферы. Пройдёт несколько миллионов лет — в нашем масштабе несколько месяцев, — и посмотрим, что получится. Если поверхность разогреется и образуются хотя бы полужидкие водоёмы, перейдём к следующему этапу с многоклеточными растениями, приспособленными к среде. Появится кислород, возникнут хоть какие-то миллибары атмосферного давления. Добавить и размешать хорошенько. Поварить ещё — и бульон готов.

Идея захватывающая. Я чувствовал себя как один из попутных персонажей викторианского приключенческого романа, которому главный герой объясняет свой гениальный замысел. «План его, без сомнения отважный, на первый взгляд казался нелепым, но я, как ни старался, не смог отыскать в нём ни одного изъяна».

Мне, однако, казалось, что я разглядел изъян:

— Джейсон, это всё прекрасно. Но что это нам даст?

— Если сделать Марс обитаемым, можно заселить его людьми.

— Переселить туда все семь или восемь миллиардов?

Он фыркнул:

— Вряд ли такое возможно. Конечно, несколько отважных переселенцев. На размножение, если выразиться несколько цинично.

— А дальше?

— Живут, размножаются, умирают. Миллионы поколений на каждый наш год.

— А цель?

— Да хотя бы выживание рода человеческого. Второй шанс в Солнечной системе. А в лучшем случае — мы передадим им все свои знания, у них будут миллионы лет для дальнейшего развития.

Нам в нашем пузыре не хватит времени, чтобы сообразить, кто такие эти гипотетики и чего они своими экспериментами добиваются. У наших марсианских наследников шансы лучше. Может, они и за нас подумают.

Или повоюют?

Тогда, кстати, я впервые услышал, как их, этих предполагаемых, невидимых, теоретических существ, носителей «гипотетического доминирующего интеллекта», заперших нас в свои ларец медленного времени, назвали гипотетиками. В массы термин проникал медленно, в течение нескольких лет, однако постепенно утвердился, к моему большому сожалению. Какое-то сухое, холодное, абстрактное слово; правда, конечно, гораздо сложнее.

— Конкретный план уже существует?

— Конечно. — Джейсон прикончил бифштекс на три четверти и отодвинул тарелку. — Он даже не чрезмерно обременителен в финансовом отношении. Главная проблема в создании стойких микроорганизмов. Поверхность Марса сухая, холодная, практически лишена атмосферы, обжигается радиацией при восходе Солнца. Использовали земных экстремофилов: бактерии из Антарктики, из охлаждающих систем

ядерных реакторов. Использовали разные источники знания. Ракетная техника, эволюционные разработки. Новая отрасль здесь лишь наша перспектива. Что у нас получится за дни и месяцы после пусков. Это… это называют «телеологической технологией».

— Знаешь, это, пожалуй, почти то же, что делают эти гипотетики, — примерил я к языку новое слово.

Джейсон поднял брови, и я до сих пор вспоминаю этот его одобрительный, уважительный взгляд:

— Да. В какой-то мере так.

* * *

Когда-то мне попалась интересная деталь в книге о первой высадке на Луне в 1969 году. В то время жили ещё на земле старики и старухи, родившиеся в девятнадцатом веке, которые помнили мир без автомобилей и телевидения. Им стоило больших усилий воспринять столь необычную информацию. Слова о прогулках по Луне встречались в их время лишь в сказках, а тут те же самые слова превратились в констатацию факта. И они не могли воспринять эту констатацию. Это противоречило их представлениям о

том, что возможно и что невозможно, абсурдно.

Наступила моя очередь.

Терраформинг и колонизация Марса. Это сказал мой друг Джейсон в здравом уме и твёрдой памяти, не заблуждаясь. Во всяком случае, не больше заблуждаясь, чем десятки умных людей, людей науки и власти. Делу был придан ход, уже крутились колёса бюрократической машины — есть ли более веское доказательство серьёзности процесса?

После обеда, пока ещё не полностью стемнело, я ненадолго вышел прогуляться.

Майк-газонщик знал своё дело. Газон прямо проистекал из математической идеи образцового сада. За газоном сгущались тени в столь же ухоженном «девственном» лесу. Диане поправился бы лес в таком остаточном освещении. Я подумал о Диане, о лесе, о лете у ручья у «большого дома», когда она декламировала нам стихи из старых книг. Однажды, когда речь зашла о «Спине», она процитировала стишок английского поэта Л. Е. Хаусмена.

Разозлился косолапый мишка,
Слопал несмышлёныша-мальчишку.
А мальчишка так и не узнал,

Что медведю завтраком он стал.

* * *

Когда я вернулся, Джейсон разговаривал по телефону. Он мельком глянул на меня и отвернулся. Голос его звучал сдавленно:

— Нет… Нет… Ну, если так… Да, я понимаю. Хорошо. Я сказал «хорошо»… Хорошо означает хорошо.

Он засунул трубку в карман.

— Диана? — спросил я. Он кивнул.

— Приедет?

— Приедет. Но, прежде чем приедет, я хочу тебе сказать, что того, о чём мы говорили за обедом, ей знать не следует. Собственно, этого никому знать не следует. Пока что это закрытая информация.

— То есть засекреченная.

— Да, пожалуй.

— Но мне-то ты сказал.

— Да. Я совершил преступление. — Он улыбнулся. — Моя вина, не твоя. Тебе я доверяю. Собственно, пройдёт месяц-другой, и об этом объявят в новостях. Кроме того, я на тебя рассчитываю. Скоро «Перигелион» запустит эксперимент в суровых условиях, нужны кандидаты, в том числе врачи. Неплохо было бы, если б мы поработали

вместе.

Я даже вздрогнул:

— Но, Джейс, я ведь только что окончил курс… Даже без интернатуры.

— Всему своё время.

— Ты не доверяешь Диане?

Улыбка исчезла.

— Честно — не доверяю. Больше не доверяю. Сейчас, во всяком случае, не доверяю.

— Когда она приедет?

— Обещала завтра до полудня.

— А что ты не хочешь мне говорить?

— Что она своего кавалера притащит.

— Думаешь, это вызовет осложнения?

— Увидим.

Ничто не пребывает…

Утром я понял, что не готов увидеться с нею. Проснулся в плюшевой летней спальне И-Ди на его даче в Беркшире, под лучами пронизывающего кружевные шторы солнца, и подумал: «Хватит херни». Действительно, я устал от фальши личной жизни последних восьми лет, включая мой пылкий роман с Кэндис Бун, которая, будучи вовсе не дурой набитой, видела, когда и в чём я вру. «Ты на этих Лоутонах достаточно зациклен», — сказала она мне однажды и попросила рассказать обо всей семье, не только о Диане.

Никак не мог я утверждать, что всё ещё в Диану влюблён. Наши отношения этого аспекта вообще не касались, вились вокруг, как виноградная лоза вьётся вокруг опорной рейки. Но в лучшие периоды мы достигали полного эмоционального слияния, почти пугающего по степени серьёзности и зрелости. Настолько, что мне хотелось убрать маскировку. Пусть даже испугав Диану.

Я часто вёл с ней заочные беседы, обычно поздно ночью, под беззвёздным небом. Я был достаточно эгоистичен, чтобы ощущать её отсутствие, но достаточно здраво мыслил, чтобы

понимать, что мы никогда не сможем быть вместе. И был готов напрочь забыть о ней.

Не был я готов лишь увидеться с нею.

* * *

Джейсон сидел внизу, в кухне. Я скомпоновал себе завтрак. Дверь Джейсон открыл и подпёр, чтобы её не захлопнул сквозняк. Ветерок продувал дом. Я всерьёз подумывал, не швырнуть ли мне сумку на заднее сиденье своего «хюндая» и не дунуть ли прочь.

— Слушай, Джейсон, что это за «Новое царство» такое?

— Ты что, с луны свалился? — удивился он. — Газет не читаешь? Что, медиков в Стоуни-Брук на ночь запирают снаружи?

Разумеется, я кое-что слышал о «Новом царстве», как в новостях, так и — в большей степени — из разговоров. Знал, что это христианское — номинально христианское — движение вызвано Затмением, что его осуждают все традиционные церкви, особенно, разумеется, консервативные. Знал, что вовлекаются туда, главным образом, молодые люди, всякого рода разочарованные, недовольные, бунтари и так далее. Слышал об однокурсниках, бросивших учёбу и окунувших-

ся с головой в «просвещённые истины» этого течения.

— По сути это хилиастическое движение, — сказал Джейс. — Второе Пришествие, Царство Божие на земле и прочий бред в том же роде, ничего нового они не изобрели.

— То есть культ?

— Не сказал бы. Видишь ли, их целый спектр, они довольно разномастные; есть, конечно, и группы культового типа. Единого лидера нет. Писания своего тоже нет, но разного рода мелкопоместные теологи взмыли на волне: Си-Ар Рэйтел, Лора Грингидж и ещё в том же роде… — Книги этих гуру я видел на стойках в супермаркетах. Вся «Спин-теология» шла непременно со знаком вопроса: «Узрим ли мы Второе Пришествие?» Или: «Суждено ли нам пережить конец времён?» О каких-то богослужениях в их течении я не слышал, но не мог не знать о массовых мероприятиях, как правило, по выходным. — Толпы к ним стекаются, разумеется, не ради теологии. Видел репортажи о том, что они величают Экстазом?

Видел, разумеется, и, в отличие от Джейсона, ведущего монашеский образ жизни, понимал действенность их «святого призыва». Я просмотрел диск с записью сборища в Каскадах прошлым

летом. Выглядело оно чем-то средним между баптистским пикником и концертом «Благодарных мертвецов». Луг с цветочками, церемониальные белые хламиды, парень без грамма лишнего жира дует в иудейский ритуальный рог. Спускаются сумерки, вспыхивает громадный костёр, на сцене стараются музыканты. Белые хламиды спадают, начинаются танцы, переходящие в иные процедуры более интимного характера.

Средства массовой информации внушали народу отвращение к этим действам, но мне они казались не столь страхолюдными. Никаких скучных или же зажигательных проповедей, сплошь невинное зубоскальство да «возлюби ближнего своего» при полной взаимности. Сотни дисков расходились по кампусам, в том числе и по студенческим спаленкам Стоуни-Брук. А какая разница, под какой половой акт на каком диске онанировать одинокому медику?

— Как-то не верится, что Диану соблазнило «Новое царство».

— Наоборот. Такие, как она, — их главная опора. Она до смерти перепугана «Спином» и его последствиями. Такие, как она, цепляются за «Новое царство» как утопающий за спасательныи круг. Как же — то, перед чем они дрожали,

предстаёт вдруг предметом поклонения, вратами в Царствие Небесное.

— И давно она с ними?

— Да уж с год. С тех пор, как встретила Саймона Таунсенда.

— Саймон член «Нового царства?»

— Боюсь, что не просто член, а задубелый.

— Ты его видел?

— Она пригласила его раз на Рождество. Фейерверком, должно быть, полюбоваться. И-Ди, разумеется, Саймона не одобрил. И этого отнюдь не скрывал. — Тут Джейсон поёжился, вспоминая, как И-Ди может не скрывать неодобрение. — Но эти двое применили свою фирменную штучку: подставили вторую щёку. Они заулыбали старого чёрта чуть ли не до смерти. Ещё улыбочка — и его бы реанимация увезла.

Один — ноль в пользу Саймона, подумал я.

— И как он для неё?

— Он как раз то, чего ей больше всего хочется. И как раз то, что ей меньше всего нужно.

* * *

Они прибыли ближе к вечеру. К дому, чихая и кашляя, подкатила объёмистая колымага возрастом лет не менее пятнадцати, сжигавшая,

пожалуй, ещё больше горючего, чем «Джон Дир» Майка-газонщика. За рулём восседала Диана. Она остановила машину и вышла с дальней от нас стороны, заслонённая кучей багажа на крыше. Зато Саймон выступил из противоположной дверцы, в полной красе, сияя широкой улыбкой.

Выглядел он весьма внушительно. Шести футов, а то и чуть выше, худой, но не тощий, с виду не слабак. Физиономия слегка лошадиная, разлохмаченная шапка золотистых волос. Улыбка обнажала просвет между верхними передними зубами. Одет в джинсы и клетчатую рубаху, левый бицепс обвязан выцветшим синим платком — как я узнал позже, знак приобщённости к «Новому царству».

Диана обогнула капот и остановилась рядом с ним. Теперь нас с Джейсоном облучала уже парная улыбка. На Диане тоже «новоцарский» прикид: васильково-голубая юбка до пят, голубая блузка и потешная широкополая шляпа, вроде тех, которыми прикрывают плеши меннониты-амиши. Одежда её, однако, вовсе не портила, обрамляла и выставляла напоказ её здоровую телесность и сеновальную чувственность. Физиономия её сочностью напоминала несорванную ягоду. Она щурилась на солнце, улыбку свою

адресовала непосредственно мне. Бог мой, что за улыбка! Искренняя и одновременно какая-то бесовская.

Я растерялся.

Из кармана Джейсона дал о себе знать мобильник. Он вытащил телефон, глянул на высветившийся на экране номер.

— О, это неотложно, — озабоченно пробормотал он.

— Джейс, не бросай меня, — взмолился я.

— Я на кухню и обратно. Мигом.

Он исчез как раз в момент, когда Саймон бухнул на крыльцо объёмистый рюкзак войскового типа и протянул мне лапу:

— А ты, должно быть, Тайлер Дюпре?

Рукопожатие. Рука крепкая. Медовый южный акцент, гласные гладки, как отполированный течением топляк, согласные вежливы, как визитные карточки коммивояжера. Имя моё он произнёс с выраженным каджунским луизианским выговором, хотя семья наша никогда южнее Миллинокета не спускалась. Диана принеслась вслед за ним, гравий смачно хрумкал под её грубыми башмаками.

— Тайлер! — крикнула она мне прямо в ухо, обхватывая обеими руками. Волосы её закрыли

моё лицо, я ощутил её солнечный, солёный дух.

Не выпуская меня, она тут же отпрянула на расстояние комфортного обзора, жадно озирая меня, продолжала восклицать:

— Тайлер, Тайлер! — Я почувствовал себя каким-то музейным экспонатом в стеклянном саркофаге. — Ты отлично выглядишь, а сколько лет прошло…

— Восемь, — подсказал я. Выглядел я, как мне казалось, полным идиотом. Да и голос звучал соответственно.

— Ух ты, неужели?

Я помог им с багажом, потыкал рукой в разные стороны, объясняя, где что находится, и удрал на кухню, где Джейсон всё ещё шептался со своим телефоном. Когда я вошёл, на меня смотрел его затылок.

— Нет, — мрачно, напряжённо. — Нет… А Госдеп?

Я замер. Госдепартамент. Ничего себе уровень.

— Я приеду через пару часов… Да… Да… Понимаю… Нет, всё в порядке, но звоните, если что… Хорошо. Спасибо.

Он спрятал телефон и повернулся ко мне.

— И-Ди? — спросил я.

— Его штат.

— Что-то стряслось?

— Тай, ты хочешь, чтобы я тебе вообще всё на свете выдал? — Он не слишком успешно попытался улыбнуться. — Лучше бы тебе во всё не вникать.

— Да я ничего и не слышал, кроме того, что ты собираешься смыться и оставить меня ворковать с этой парой голубков.

— Ну… Что я могу сделать… Китайцы ерепенятся.

— Что значит ерепенятся?

— Ну… выдрючиваются. Не хотят начисто отказаться от своего ракетного удара. Хотят оставить этот вариант как опцию.

Он имел в виду ядерный удар по «полярным» артефактам «Спина».

— Но их, конечно, сдерживают? Отговаривают?

— Дипломатические каналы работают. Но не слишком успешно. То и дело упираются в тупик.

— Чёрт, Джейс, а что, если они и вправду врежут?

— Что ж… Это означает взрывы значительной мощности возле объектов неизвестного назначения, связанных со «Спином». А о последствиях… Очень интересный вопрос. Но пока что ничего не

случилось. Может, и не случится.

— Может, конец «Спина», а может, конец всего. Судный день!

— Тайлер, убавь громкость. У нас гости, не забывай. И не кипятись. То, что задумали китайцы, конечно, глупо, но не думаю, что, даже если они эту глупость совершат, случится что-то страшное. Гипотетики, кем бы они ни были, наверняка в состоянии защитить себя, не вредя нам. И эти объекты над полюсами вовсе не обязательно определяют «Спин». Может быть, это наблюдательные платформы, связные центры… Приманки для дураков, наконец, вроде наших китайцев.

— Если китайцы решатся, то мы об этом узнаем?

— Смотря кто — «мы». В новостях, возможно, сообщат, когда всё уже закончится.

Тогда я впервые понял, что Джейсон уже вышел из учеников своего отца и начал ковать свои собственные связи в недрах вашингтонской администрации. Впоследствии я узнал больше о «Перигелион фаундейшн» и о работе Джейсона. Пока что это оставалось частью его теневой жизни. Теневыми аспектами жизнь Джейсона отличалась всегда. В детстве вне «большого дома»

он блистал математическими способностями, восхищая преподавателей школы Раис, выделяясь на общем фоне, как чемпион, случайно завернувший в провинциальный гольф-клуб. А дома он оставался просто Джейсом, и все мы принимали это как должное.

Так это пока и оставалось. Но тень он теперь отбрасывал куда более обширную и глубокую. Теперь сценой его действия стал не математический класс школы Райс, теперь он выходил на мировую сцену и примерялся к курсу мировой истории, собираясь существенным образом на него повлиять.

— Если это случится, я об этом узнаю немедленно. Мы узнаем. Но я бы не хотел, чтобы этот вопрос беспокоил Диану. И тем более — Саймона.

— Да ладно, подумаешь… Забудем. Какой-то там конец света. Тоже мне, событие.

— Нет никакого конца света. Ничего не случилось. Успокойся, Тайлер. Отвлекись, займись чем-нибудь. Вон, налей чего-нибудь выпить.

Голос его звучал беззаботно, однако пальцы дрожали. Я заметил это, когда он доставал из кухонного шкафа бокалы.

Можно было уехать. Выйти, прыгнуть в свой «хюндай» и отбыть — даже незамеченным. Пусть

Диана с Саймоном в своей комнате упражняются в христианской любви на «новоцарственный» манер, пусть Джейс развлекается в кухне с тематикой Судного дня по своему мобильнику. Я не хотел провести последний день своей жизни с этими людьми.

Но с какими же ещё? На этот вопрос я не мог ответить.

* * *

— Мы познакомились в Атланте, — щебетала Диана. — Университет штата Джорджия устроил семинар по альтернативной духовности. Саймон хотел послушать лекцию Рэйтела. Я случайно увидела его в студенческой кафешке. Он сидел один, читал «Второе пришествие». Я тоже была одна и подсела к нему. Разговорились.

Диана и Саймон устроились на жёлтом плюшевом диване, ароматизированном пылью десятилетий. Диана полулежала на подлокотнике, Саймон держался прямо, как к столбу привязанный. Улыбка его начинала меня беспокоить. За всё время она ни разу не исчезла с его лица.

— Так ты студент? — спросил я Саймона.

— Бывший.

— А теперь чем занимаешься?

— Путешествую, по большей части.

— Саймон может себе позволить покататься. Он наследником работает, — разъяснил Джейсон.

Диана строго посмотрела на брата:

— Не груби.

Саймон вступился за Джейсона:

— Но это правда. У меня есть кое-какие деньги. Мы с Дианой пользуемся возможностью познакомиться со страной.

— Дед Саймона, — продолжил Джейсон, — Огастес Таунсенд — король ёршиков всего штата Джорджия. Ёршиков, которыми горшки моют, курительные трубки драят — всяких ёршиков.

Диана в безмолвном возмущении возвела очи к небу, сквозь потолок. Саймон, не теряя ни терпения, ни улыбки — мне казалось, что он в своей святости уже слегка воспарил над диваном, — и с этим согласился:

— Да, только это было уже давно. Их теперь и ёршиками-то больше не называют. «Щётки» да «приспособления для…» — Улыбка Саймона родила взрыв радостного смеха. — И вот перед вами на диване наследник щёточного состояния.

Источником состояния, как впоследствии объяснила Диана, наряду с ёршиками выступили различные предметы подарочного и галанте-

рейного ассортимента. Огастес Таунсенд начал с ёршиков, но ими не ограничился; производил жестяные детские игрушки, браслеты, расчёски и иную пластиковую мелочь для розничных лавчонок всего Юга. В сороковые годы семейство Таунсендов вошло в социальную элиту Атланты.

— Саймон не интересуется карьерой. Он мыслит шире, — не унимался Джейсон. — Он свободомыслящий.

— Боюсь, никого не назовёшь по-настоящему свободно мыслящим, — без запинки возразил Саймон и тут же согласился с начальной частью высказывания Джейсона: — Но карьерой я действительно не интересуюсь. Можно подумать, что я ленив. Что ж, ленив, не спорю. Мой порок, признаю. Но, не хочу никого обидеть, какая польза от любой карьеры, особенно в данных обстоятельствах? — Он повернулся ко мне: — Ты медик, Тайлер?

— Начинающий. Только что окончил.

— Это, впрочем, здорово. Пожалуй, самая стоящая из всех профессий.

По сути, Джейсон обвинил Саймона в никчёмности его существования. Саймон возразил, что все профессии никчёмны — кроме, скажем, моей. Удар, защита, контрудар… Пьяная драка в балет-

ных тапочках.

Всё же мне было неудобно за Джейсона. Его раздражала не философия Саймона, а его присутствие. Он планировал возродить в Беркшире нашу общность прежних дней. Он, я, Диана, воспоминания детства, возрождение утраченного комфорта. Вместо этого Диана сервировала нам своего кавалера, которого Джейсон рассматривал как чужеродное вкрапление, этакую испечённую на южном солнышке Йоко Оно.

Для нейтрализации обстановки я спросил у Дианы, долго ли они уже путешествуют.

— С неделю. Но вообще-то, мы всё лето в разъездах. Джейсон тебе, конечно, о «Новом царстве» рассказывал. Но не верь ему, Тай, на самом деле это чудесно. У нас интернет-друзья по всей стране. Повсюду примут на день-два. Встречаемся, беседуем, даём концерты. От Мэйна до Орегона, с июля по октябрь.

— Ну да, за постой платить не надо, а на одежде особая экономия, — вполголоса добавил Джейсон.

Диана кольнула его взглядом:

— Экстаз вовсе не каждый раз.

— Только нашим разъездам скоро придёт конец, если машина под нами развалится. — Он и

жаловался с улыбкой. — Зажигание барахлит, скорость не набрать. Я, к сожалению, в механике не силён. Тайлер, машины, случайно, не лечишь?

«В чём же ты силён?» — подумал я, но ответил иначе:

— Я тоже не механик, но под капот заглядывать приходилось. Пошли, глянем. — Я понял его вопрос о машине как приглашение выйти и оставить Диану с Джейсоном наедине, чтобы они пришли к какому-то согласию.

Погода всё ещё радовала, тёплый ветерок разгонялся по изумрудному газону. Я вполуха слушал Саймона, открывшего капот своего дряхлого «форда», и дивился, почему этот богатый наследник не может купить себе приличный автомобиль. Может быть, он, конечно, унаследовал расстроенное состояние или успел промотать наследство. Наконец, его может держать на голодной диете управляющий фонд.

— Я, конечно, чуть не в любой компании дураком выгляжу. Никогда не разбирался ни в науке, ни в технике.

— Меня тоже знатоком не назовёшь, — утешил я его. — Кстати, даже если мы чуть и отладим двигатель, всё равно надо в мастерскую ехать,

к настоящему механику, если собираетесь по стране кататься.

— Спасибо, Тайлер. — Он зачарованно следил, как я исследую двигатель. — Обязательно учту.

В таких случаях чаще всего виноваты свечи зажигания. Я спросил Саймона, менял ли он их когда-либо. Ответ красноречивый:

— Н-не припомню.

Машина прошла шестьдесят с лишним тысяч миль. Я взял ключ с трещоткой из своего набора инструментов, вывинтил свечу, сунул ему под нос:

— Вот главная причина всех невзгод.

— Эта штучка?

— И её подружки там, такие же. Плюс ситуации — самая дешёвая деталь. Минус — не заменив, лучше с места не двигаться.

— Гм…

— Если вы останетесь, можно завтра утром съездить в город в моей машине, купить замену.

— Да, конечно… Большое спасибо. Мы не собирались уезжать сразу. Если Джейсон не будет возражать…

— Джейсон отойдёт. Он просто…

— Я понимаю, можешь не объяснять. Я Джейсону, разумеется, не по вкусу, и это естественно.

Меня это не удивляет и не шокирует. Но Диана не хотела принимать приглашения, не включающего меня.

— Ну… Рад за вас обоих.

— Но я мог бы и комнату снять где-нибудь в городе.

— Совершенно ни к чему, — заверил я, дивясь тому, что мне приходится уговаривать Таунсенда остаться. Не знаю, чего я ожидал от этого свидания с Дианой, но присутствие Саймона начисто перечеркнуло мои надежды. Вероятнее всего, оно и к лучшему.

— Джейсон тебе, должно быть, о «Новом царстве» много чего рассказал. Это главная причина раздора.

— Он говорил, что вы там замешаны.

— Не буду тебя агитировать, вербовать. Но твоё беспокойство относительно нашего движения могу рассеять.

— Я знаю о «Новом царстве» только то, что по телику показывали.

— Некоторые называют наше движение «христианским гедонизмом». Я предпочитаю «Новое царство». Идея, по сути, проста. Построить Царствие Небесное житиём своим. Здесь и сейчас. Пусть последнее поколение будет таким же идил-

лическим, как и первое.

— Ну-ну. Только у Джейсона терпения не хватает на разговоры о религии.

— Да, это заметно. Но только не религия его беспокоит.

— А что же?

— Честно говоря, я Джейсоном восхищаюсь. И не только потому, что он очень умён. Он один из многознатцев, прости мне древнее слово. И «Спин» он воспринимает всерьёз. Население Земли что-то около восьми миллиардов, так? И уж каждый из них знает, по меньшей мере, что звёзды с неба сгинули. Но они продолжают жить так, как будто не придают этому значения. Мало кто осознал наличие «Спина». «Новое царство» осознало. И Джейсон тоже.

Я подумал, что Джейсону не польстило бы такое сравнение.

— Однако несколько по-разному осознали, не так ли?

— В этом суть вопроса. Две точки зрения, два восприятия, на выбор. Рано или поздно людям придётся признать реальность, хотят они этого или нет. И им придётся выбирать между научным восприятием и духовным. Это и беспокоит Джейсона. Потому что, когда речь заходит о жизни

и смерти, побеждает вера. Где бы ты предпочёл провести вечность? В земном раю или в стерильной научной лаборатории?

Мой ответ на этот вопрос вряд ли удовлетворил бы Саймона. Я сразу вспомнил, как на подобный вопрос ответил Марк Твен.

Конечно, в раю — там райски прелестная погода.

Конечно, в аду — там адски классная компания.

* * *

Из дома доносились голоса Дианы — язвительный, нервный, возбуждённый — и Джейсона — мрачный, негромкий, монотонный. Мы с Саймоном вытащили из гаража два складных кресла, уселись в тени под навесом, чтобы дать им доспорить без помех, и завели речь о погоде. Погода радовала, и в этом пункте у нас расхождений не наблюдалось.

Спор в доме, наконец, завершился. Через некоторое время оттуда появился укрощённый — либо просто смирившийся — Джейсон и пригласил нас помочь ему с ужином. Мы проследовали за ним на задний двор, беседуя на отвлечённые темы. Потом появилась Диана, всё ещё красная,

взъерошенная, но явно торжествующая. Так она всегда выглядела, когда выигрывала очко у брата: несколько высокомерно и несколько удивлённо.

Мы засели за курицу с остатками трёхингредиентного бобового салата и охлаждённый чай.

— Не возражаете, если я благословлю трапезу? — спросил Саймон.

Джейсон подавил звериный рык и молча кивнул. Саймон напустил на себя вид серьёзный и торжественный, склонил голову, и я приготовился к нудной получасовой проповеди. Святой муж, однако, ограничился лишь одной, хотя и не слишком краткой, фразой.

— Ниспошли нам смелость воспринять благодать, дарованную Тобою в сей и во все иные дни. Аминь.

Молитва не выражала никакой благодарности, а требовала смелости. Весьма в духе времени. Диана улыбнулась мне через стол, пожала руку Саймону, и мы принялись за еду.

* * *

С ужином мы покончили при солнечном свете, комары ещё не вылетели на разбой. Ветер замер, воздух понемногу охлаждался.

А где-то события развивались бешеным тем-

пом.

Мы ужинали, не имея представления — даже Джейсон, несмотря на свои разветвлённые связи, ничего не знал, — что между первым куском курятины и последней ложкой бобового салата китайцы прервали переговоры и дали приказ о немедленном пуске усовершенствованных ракет «Донг-Фенг» с термоядерными боеголовками. Мы ещё не вытащили пиво из холодильника, а ракеты уже отрывались от стартовых рамп.

Мы убрали со стола. Я упомянул изношенные свечи и свой план свозить Саймона утром в город. Диана пошепталась с Джейсоном и через некоторое время ткнула его локтём. Тот кивнул и повернулся к Саймону:

— Под Стокбриджем есть супермаркет, работающий до девяти. Можем смотаться туда хоть сейчас.

Явное предложение мировой, хотя и без особого воодушевления. Саймон преодолел удивление и отреагировал:

— Если в этом «феррари», то против такого предложения мне не устоять.

Гордящийся своей шикарной тачкой Джейсон пообещал Саймону продемонстрировать все её качества и направился в дом за ключами. Саймон

обозначил мимикой удивлённое «ну и ну!» и последовал за ним. Я поглядел на Диану. Она сияла, гордая триумфом своей дипломатии.

А в это время китайские ракеты приблизились к Барьеру, пересекли его, направляясь к целям. Странно. Они летят над чёрной холодной Землёй, управляются лишь внутренними системами наведения, и устремлены они к артефактам неизвестного происхождения и назначения, парящим в сотнях миль над полюсами Земли.

Драма без зрителей с внезапной развязкой.

* * *

Просвещённые умы после взрывов боеголовок китайских ракет объединились во мнении, что это грубое вмешательство никак не сказалось на разделении шкал времени. Однако оно сказалось — причём существенно — на фильтрующих свойствах Барьера. Не говоря уже о человеческом восприятии «Спина».

Как ранее отмечал Джейсон, временной градиент означал, что, не сооруди гипотетики вокруг нашей планеты надёжный щит, всё живое было бы сметено с её поверхности интенсивным потоком радиации синего смещения. Более чем трёхлетняя доза облучения каждую секунду!

Окружающий Землю пузырь не только ограждал планету от смертельного влияния извне, но и регулировал её собственную тепло- и светоотдачу во Вселенную. Вероятно, по этой причине погода оставалась по большей части этакой… приятно усреднённой.

Во всяком случае, небо над Беркширом, когда китайские ракеты долетели до своих целей, в 19:55 Восточного пояса, было яснее уотерфордского хрусталя.

* * *

Я был с Дианой в доме, когда зазвонил домашний телефон.

Заметили ли мы хоть что-нибудь до звонка Джейсона? Изменение солнечного света, игру светотени от облаков? Нет, совершенно ничего. Всё моё внимание сосредоточилось на Диане. Мы тянули что-то охлаждённое и болтали о пустяках. О прочитанных книгах, о фильмах. Разговор втягивал, бодрил и убаюкивал, гипнотизировал не содержанием, а ритмом, каденциями, как обычно бывало, когда мы разговаривали без помех, один на один. Любая беседа друзей или любовников даже на самые банальные темы протекает в своём особом ритме, со скрытыми течениями. То, что

мы говорили, не имело особого значения, больше значил скрытый подтекст, глубокий и иногда предательский.

И очень скоро в мелодию общения вплелись нотки флирта, как будто Саймон Таунсенд и восемь лет ничего не значили. Сначала шутки ради, затем… Я сказал ей, что мне её не хватало. Она ответила:

— Бывало, мне так хотелось с тобой поговорить… Мне нужно было с тобой поговорить. Но я не знала твоего номера или воображала, что ты занят.

— Номер ты могла бы найти. И я не был занят.

— Да, конечно… Скорее, это была моральная трусость.

— Я такой страшный?

— Не ты. Наша ситуация. Мне казалось, что я должна перед тобой извиниться. И не знала, как это сделать, как к этому подступиться. — Она печально улыбнулась. — И, кажется, по-прежнему не знаю.

— Тебе не в чем передо мной извиняться.

— Спасибо за то, что ты так считаешь, но я с тобой не соглашусь. Мы больше не дети. Мы можем оглянуться и проанализировать прошлое. Мы были близки друг другу настолько, насколько

можно быть близкими, не соприкасаясь. Но этого мы не могли. Не могли даже говорить об этом. Эта тема была табу.

— С ночи, когда исчезли звёзды, — пробормотал я, еле ворочая пересохшим от волнения языком.

Лицо Дианы исказила гримаса:

— Та ночь… Та ночь… Знаешь, что я помню о той ночи? Бинокль Джейсона. Вы глазели в небо, а я шпионила за домом. Звёзд я не помню. Зато помню, как увидела Кэрол в одной из задних спален с кем-то из службы доставки. Она была пьяна и, похоже… — тут Диана усмехнулась. — Для меня как будто небо рухнуло. Всё, что я ненавидела в своём доме, в семье, сконцентрировалось в этот момент. Хотелось притвориться, что всего этого нет на свете. Ни Кэрол, ни И-Ди, ни Джейсона…

— Ни меня?

Она продвинулась и как-то совершенно естественно, в духе разговора, прижала ладонь к моей щеке. Ладонь, охлаждённую стаканом, который она только что в ней сжимала.

— Ты — исключение. Я боялась, очень боялась. Ты проявил редкое терпение. И я это ценила.

— Но мы не могли…

— Мы не могли прикоснуться друг к другу.

— Прикоснуться. И-Ди бы этого не потерпел.

Она отняла руку:

— Мы могли бы от него что угодно скрыть, если бы захотели. Но ты прав, И-Ди представлял собою проблему. Он заражал всё вокруг. Вспомнить тошнит, как он твою мать третировал. Ей-богу, мне стыдно было за то, что я его дочь. И я страшно боялась, что, случись что-нибудь между нами, между мной и тобой, это будет лишь твоя месть И-Ди.

Она резко откинулась на спинку. Мне показалось, что она сама себе удивилась.

— Чушь, — прокомментировал я её последнее заявление.

— Я тогда совершенно запуталась.

— А «Новое царство» для тебя теперь — не месть И-Ди?

Диана улыбнулась:

— Нет. Я люблю Саймона не потому, что это злит отца. Жизнь не столь примитивна, Тайлер.

— Я не хотел предположить…

— Но ты видишь, как всё закручено и завязано. В твоей голове возникают какие-то подозрения, закрепляются там… Нет, «Новое царство» с отцом не связано. Оно связано с поиском божественного в том, что происходит на земле, с внедрением божественного в нашу жизнь.

— Может, «Спин» не такая простая штука…

— Мы погибнем или преобразимся, так говорит Саймон.

— Он мне сказал, что вы небо на земле строите.

— А разве не в том задача христиан? Воплотить Царство Божие в нашей жизни…

— В пляски без штанов при луне.

— Тайлер, не будь как Джейсон! Конечно, не всё в движении гладко. Мы тут были на собрании в Филадельфии, сошлись поближе с одной парой нашего возраста. Рассудительные, дружелюбные. Беседовали о Втором Пришествии, обедали вместе. Потом они пригласили нас к себе в гостиницу. И сразу на столе появился кокаин, на экране порновидео. Мало ли кого притягивает «Новое царство»! Ещё бы… Для них теология — пустой звук, разве только что-то об Эдеме ухватят… Но в сути своей это движение ухватывает главное, искреннюю живую веру.

— Веру во что, Диана? В действо под названием «Экстаз»? В свальную групповуху?

Я тут же пожалел о сказанном. Она не на шутку обиделась:

— Экстаз — не промискуитет, Тайлер. В идеале, во всякое случае. Во Господе ни единый акт не

запрещён, если он совершается не во гневе и мстительности, если он выражает любовь божественную и людскую.

В этот момент и зазвонил телефон. Наверное, на лице у меня отражалось сожаление, потому что Диана, глянув на меня, рассмеялась.

Я едва успел поднести трубку к уху.

— Я говорил, что меня предупредят. Так вот, не предупредили. Извини.

— Что случилось, Джейсон?

— Глянь в небо.

* * *

Мы сразу же поднялись на второй этаж, к окну западной стены.

Западная спальня, просторная, шикарная, с мебелью красного дерева и пропорционально обширными окнами. Я отдёрнул шторы. Диана ахнула.

Солнца на небе не было. Точнее, солнц оказалось…

Небо на западе заливал солнечный пожар. Вместо одной раскалённой сферы закатный горизонт опаляла красноватая дуга, занимающая, по меньшей мере, пятнадцать азимутальных градусов. Вместо одного заката перед нами сияла дюжина,

если не больше. Свет не оставался постоянным, он усиливался и ослабевал, как будто там, на небе, полыхал громадный костёр.

Мы замерли и простояли неподвижно не знаю сколько времени.

— В чём дело, Тайлер? — опомнилась наконец Диана. — Что случилось?

Я сообщил ей, что Джейсон рассказывал о китайских ракетах.

— Значит, он знал… Он знал, что такое может случиться. Конечно, знал, — бормотала она. Странный розоватый свет придавал её щекам какой-то лихорадочный оттенок. — Мы погибнем?

— Джонсон считает, что нет. Но страху много будет, конечно.

— А опасность? Радиация или ещё что-нибудь в этом духе?

Мне хотелось её успокоить, но я и сам толком ничего не знал.

— Давай включим телевизор, — предложил я.

Плазменные панели украшали каждую спальню, здесь её вмонтировали в ореховую панель стены напротив кровати. Я полагал, что смертельные потоки радиации непременно повлияют на работу телевидения.

Но телевизор функционировал весьма непло-

хо. В программе новостей мы увидели толпы людей на улицах европейских городов, где уже стемнело. Где уже стало так темно, как только могло быть в эту ночь. Никаких смертельных доз облучения, но вызванная неизвестностью паника ощущалась. Перепуганная Диана сидела на краю кровати, сложив руки на коленях. Я уселся рядом.

— Не бойся. Если бы это могло нас убить, мы бы уже были покойниками.

Снаружи постепенно темнело. Сплошное сияние разделилось на несколько солнечных дисков, каждый снижался и бледнел, постепенно исчезая за горизонтом.

Мы сидели бедро к бедру, дожидаясь темноты. На небе проступили звёзды.

* * *

Я дозвонился до Джейсона перед тем, как прервалась связь. Он сказал, что Саймон как раз успел расплатиться за свечи, когда небо взорвалось. Дороги из Стокбриджа мгновенно забились отъезжающими, радио уже сообщало о грабежах и взломах в Бостоне и пробках на всех основных магистралях, и Джейс предпочёл снять комнату в мотеле для себя и Саймона. Утром, сказал он, ему

скорее всего придётся вернуться в Вашингтон, но Саймона он предварительно завезёт на дачу.

Затем он передал телефон Саймону, а я передал свой Диане и вышел, чтобы дать ей без помех переговорить с женихом. Дом казался громадным и пустынным. Я прошёл по комнатам, в каждой включая свет. Потом Диана позвала меня обратно.

— Хочешь ещё выпить? — предложил я.

— Да, да…

* * *

Сразу после полуночи мы вышли из дому. Диана храбрилась. Саймон накачал её оптимистическими байками из своего репертуара. В теологии «Нового царства» Второе Пришествие в традиционном понимании отсутствовало, не было и Армагеддона. «Спин» совмещал эти понятия и понимался как исполнение древних пророчеств. И если Господу угодно изобразить ещё что-либо по Своему усмотрению на холсте Творения, то нам надлежит принимать это с полным почтением, соответствующим моменту, не исключая страха Божьего из числа испытываемых эмоций, но и не предаваясь ему безоглядно, ибо «Спин», в итоге, есть акт спасения, последняя, и лучшая глава в

истории человечества.

В общем, очень складно изложил какую-то подобную ахинею.

Мы вышли полюбоваться небом, потому что Диана вообразила, что это занятие весьма духовное и подчёркивает её храбрость. Небо оказалось полностью безоблачным, в воздухе висел запах хвои. Издали, с автострады изредка доносились вопли сирен и какофония автомобильных сигналов.

Небо то и дело освещалось вспышками то на севере, то на юге, и наши тени плясали по траве. Мы отошли на несколько ярдов от яркого света фонаря над крыльцом и уселись в траву. Диана опустила голову мне на плечо, я обнял её рукой. Оба мы изрядно поддали.

Несмотря на годы, проведённые порознь, несмотря на сдержанность, навеваемую нашими прошлыми отношениями, несмотря на её помолвку с Саймоном Таунсендом, «Новое царство» и «Экстаз», несмотря даже на вызванный ядерными взрывами небесный беспорядок, я ясно осознавал контакт с её телом. Меня удивляло то, что всё в ней казалось мне знакомым, что я не открывал новое, а как будто узнавал забытое: изгиб её руки под моей ладонью, давление её

головы на моё плечо, даже ощущение её страха.

Странным казался свет этого неба. Не ровным светом светила эта вращающаяся Вселенная. Ровный свет её убил бы нас на месте. На небе мелькали кадры, полночь сменялась полночью, проблёскивая в течение микросекунд, оставляя на сетчатке послесвечение. Небо сейчас, небо через сотню и тысячу лет… Как будто последовательность кадров в сюрреалистическом фильме. И кадры разные: некоторые представляли собой наборы расплывчатых следов, как при длительной выдержке, звёздный и лунный свет оставлял на них сферы, кружки, дуги; другие отличались чёткостью. К северу линии становились короче, кружки мельче, экваториальные звёзды вели себя беспокойнее, плясали по громадным эллипсам. Луны и полулуны, серпы нарождающиеся и убывающие мигали бледно-оранжевым светом от горизонта.

Млечный Путь представлял собою россыпь флуоресцирующих точек, ярких и тусклых, новых и умирающих звёзд.

И всё это шевелилось.

Всё двигалось в таинственном танце. Небо видимое и невидимое билось в ритме какого-то непонятного пульса.

— Как живое, — сказала Диана.

Наш краткий миг сознательной жизни налагает на нас предрассудочное ограничение. Мы считаем то, что движется, живым, а неподвижное мёртвым. Живой червяк роется под неподвижным мёртвым валуном. Звезды и планеты движутся, но лишь подчиняясь мёртвым законам тяготения. Если камень падает, это не значит, что он ожил. А орбитальное движение — то же самое падение, только продлённое до бесконечности.

Но если продлить наше эфемерное существование, как это сделали гипотетики, привычное различие исчезнет. Окажется, что звёзды тоже рождаются, живут, умирают и питают своим погребальным пеплом новые звёзды. Сумма их движений не примитивна, а бесконечно сложна, представляет собою пляску притяжений и ускорений, прекрасную и устрашающую. Устрашающую потому, что, как и землетрясение, живая звезда оживляет то, что казалось мёртвым и неподвижным. Потому что наши глубочайшие органические тайны, наши совокупления и рождения, оказываются вовсе не тайнами. Звёзды так же кровоточат и рождают. «Ничто не пребывает, но всё течёт». Не помню, где я это вычитал.

— Гераклит, — вдруг выпалила Диана.

Оказывается, я произнёс это вслух.

— Все эти годы… Там, в «большом доме», все эти пропавшие, на хер, годы, я знала, знала…

Я прижал пальцем её губы. Я знал, что она знала.

— Пошли в дом, — сказала она. — Пошли обратно в ту спальню.

* * *

Окно мы не зашторили. Беспокойные вращающиеся звёзды бросали блики в комнату, на мою кожу, на её кожу, как городские огни сквозь мокрое от дождя стекло, безмолвно, беспорядочно. Мы не произнесли ни слова. Слова бы только мешали, любое слово было бы ложью. Мы занимались этим молча, и, лишь когда это завершилось, я обнаружил, что думаю: «Да пребудет. Только это. Пусть останется».

Небо снова почернело, когда мы уже заснули. Небесные фейерверки потускнели и исчезли. Китайская атака, по большому счёту, оказалась малозначащим жестом. Тысячи людей по всей планете погибли в результате глобальной паники, но прямых жертв не было ни на Земле, ни, полагаю, среди гипотетиков.

На следующее утро солнце взошло по расписанию.

Меня разбудил звонок домашнего телефона. В кровати я оказался один, Диана сняла трубку в другой комнате и пришла сказать мне, что звонил Джейс, что дороги свободны и они в пути.

Она уже приняла душ, оделась и пахла мылом и свежестью.

— И что теперь? — спросил я. — Вернётся Саймон, и ты уедешь? И эта ночь ничего не значит?

Она села рядом со мной:

— Эта ночь не означала, что я не уеду.

— Я думал, что она всё же что-то значила.

— Она значит для меня больше, чем я могу передать словами. Но она не стирает прошлого, не отменяет данных мною обещаний. Не отменяет моей веры и накладывает на меня определённые обязательства.

Звучало всё это неубедительно.

— Вера? Диана, не вешай мне лапшу на уши. Ты ни на грош не веришь во всё это дерьмо.

Она встала. Насупилась:

— Может, и не верю. Но, может, мне надо быть рядом с кем-то, кто верит.

* * *

Я упаковался до возвращения Джейса и Саймона. Диана с крыльца следила, как я захлопнул багажник.

— Я позвоню тебе, — сказал она.

— Позвони, — ответил я.

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Во время очередного приступа я разбил ещё одну настольную лампу. Этот случай Диане удалось скрыть от персонала. Постельное бельё она через день меняла у двери, не впуская горничную, чтобы та не заметила моего состояния и чтобы я не угодил в местную больницу, где запросто мог оказаться в эпидемиологическом отделении рядом с каким-нибудь холерным или малярийным пациентом.

— Меня беспокоит, что может случиться в моё отсутствие, — сказала Диана.

— Как-нибудь о себе позабочусь.

— А если приступ?

— Тогда останется надеяться на везение. Тебе надо куда-то?

— Обычные дела. Но мало ли что… Или я по какой-нибудь причине не смогу вернуться вовремя…

— Из-за чего, например?

Она пожала плечами:

— Мало ли… Не знаю, что может приключить-

ся.

Но тон её выдавал: она прекрасно знает.

Однако я не настаивал. Единственно чем я мог улучшить ситуацию — быть паинькой, слушаться.

Пошла вторая неделя моей обработки. Приближался кризис. Марсианское средство накапливалось в крови и в тканях, достигая некоторого критического уровня. Даже когда приступы проходили, я чувствовал себя ослабленным, дезориентированным. Чисто физические воздействия тоже не сахар. Ломота в суставах, желтуха. Сыпь и зуд, если зудом можно назвать ощущение отдираемой кожи, снимаемой послойно, до мяса. Ночью я спал часа по три-четыре, пять часов — мой личный рекорд; просыпался в каше из частиц отслоившейся кожи, которую Диана отчищала от запятнанной кровью простыни, пока я отсиживался в прикроватном кресле, с трудом в него перебравшись.

Я уже не доверял и самым светлым своим моментам, потому что зачастую галлюцинации подсовывали мне иллюзию полной ясности, чёткости и определённости, а мысли, слова и образы памяти заклинивались, как рычаги потерявшего управление автомобиля.

Ох и худо же мне было… Но ещё хуже приходилось Диане, убиравшей за мной и выносившей судно, когда я был не в себе. В каком-то смысле она возвращала долг, потому что я дежурил возле неё, когда она переживала то же самое. Но это было много лет назад.

* * *

Чаще всего она спала рядом со мной, хотя как она это переносила… Она сохраняла дистанцию безопасности между нами, потому что иногда даже прикосновение простыни к коже заставляло меня стонать от боли. Сознание её присутствия, её близости, однако, приносило облегчение.

В самые буйные мои ночи, когда я метался, ничего не сознавая, и мог её ударить, она сворачивалась клубочком на цветастом диванчике возле балконной двери.

О своих блужданиях по Падангу она много не рассказывала. Я понимал, чем она занималась: налаживала контакты с казначеями, квартирмейстерами, экспедиторами, подбирала варианты транспортировки. Небезопасная деятельность. Нелегко мне было провожать её взглядом, когда она выходила, отправляясь в мир беззакония, вооружённая лишь карманным

газовым баллончиком да личной храбростью.

Но даже повышенный риск лучше, чем опасность поимки.

Мы нужны были им — агентам администрации Чейкина или Джакарты — по нескольким причинам. Конечно, ради марсианских средств. Ещё важнее цифровые марсианские архивы, которые они рассчитывали у нас найти. И, разумеется, их интересовало, что говорил Джейсон в свои последние часы, его монолог, который я слышал и записал, о гипотетиках и о «Спине»; то, что знал лишь Джейсон.

* * *

Когда я проснулся, её не было рядом.

Час я лежал, следя за шевелением балконной шторы, за изменением угла наклона солнечных лучей, за видимой частью Арки, размышлял о Сейшелах.

Вам приходилось бывать на Сейшелах? Мне тоже не приходилось. Поэтому я вспоминал старый документальный фильм Пи-Би-Эс. Острова в тропиках, здоровенные черепахи, сейшельские пальмы с «двойными кокосами», десяток-другой пород редких птиц. Геологически Сейшельские острова представляют собой останки древнего

материка, когда-то, задолго до появления человека, связывавшего Азию и Южную Америку.

Мечты… Как однажды выразилась Диана — одичавшие метафоры. Я представил себе, как она поучает меня, что я мечтаю о Сейшелах потому, что чувствую себя похожим на этот древний исчезнувший, почти полностью утонувший континент.

Погружённый в перспективу своего преображения.

* * *

Снова заснул. Проснулся. Её всё ещё нет.

* * *

Проснулся затемно, всё ещё один, понимая, что прошла уйма времени, что она отсутствует слишком долго. Что это ничего хорошего не означает. Не было ещё такого, чтобы Диана не вернулась дотемна.

Во сне бился, метался. Скомканная простыня свалилась с кровати, едва видна на полу, подсвеченная отражённым от потолка наружным светом. Холодно, но достать её сил нет.

Небо снаружи абсолютно ясно. Если стиснуть

зубы и наклонить голову влево, то через стекло балконной двери можно увидеть несколько ярких звёзд. Усмехнулся мысли о том, что в абсолютных единицах времени иные из этих звёзд, возможно, младше меня.

Попытался не думать о Диане, о том, куда она могла запропаститься, что с ней могло случиться.

Заснул, сквозь сомкнутые веки видя всё те же звёзды, фосфоресцирующие призраки, плывущие в красноватой тьме.

* * *

Утро.

Во всяком случае, мне кажется, что утро. Свет дневной. Кто-то дважды резко стукнул в дверь, раздражённо гавкнул что-то по-малайски и ушёл. Должно быть, горничная.

Время обеспокоиться по-настоящему, хотя в этой фазе обработки беспокойство просеивается сквозь фильтр сварливой брюзгливости. В чём дело, почему она отсутствует столь нестерпимо долго, почему она не сидит рядом, не промакивает мой лоб и не держит меня за руку? Мысль о том, что с ней могло что-то случиться, не рассматривается, в расчёт не принимается.

Однако пластиковая бутылка возле кровати пуста со вчерашнего дня, если не дольше, губы мои чуть ли не трескаются от сухости, а когда я в последний раз был в туалете, уже не помню. Если не желаю навеки распрощаться с почками, следует срочно принимать меры.

Но и сесть без крика очень трудно. Ноги на пол не спустить. Такое ощущение, что мне подменили кости и связки несколькими фунтами битого стекла и ржавых лезвий для бритья.

Да, я пытался отвлечься от боли Сейшелами, небесами, но даже здесь кривое зеркало лихорадки исказило действие моего доморощенного обезболивающего средства. Мне послышался голос Джейсона. Он попросил меня принести ему тряпку, руки протереть. Он испачкал руки. И я вышел из ванной с полотенцем вместо воды. И лишь преодолев половину пути до кровати, обнаружил ошибку. Глупо. Пришлось начать снова. Взять пустую бутылку. Наполнить её до края горлышка. Унести обратно.

Тряпка нужна была ему в садовом сарае позади «большого дома», где садовники держали свой инструмент.

Одиннадцать ему, что ли, было тогда. В начале лета, за пару лет до «Спина».

Теперь тяни воду и вспоминай.
Нахлынула память.

* * *

Джейсон удивил меня предложением отремонтировать бензиновую газонокосилку. Садовником был тогда у Лоутонов раздражительный бельгиец Де-Мейер, одну за другой куривший «Голуаз» и отвечавший на наши вопросы и иные попытки разговорить его лишь нечленораздельным хрюканьем. Более красноречиво он клял газонокосилку, дымившую, вонявшую и глохшую каждые пять минут. Делать одолжение такому типу? Но Джейсона увлекла техническая задача. Он сказал мне, что до полуночи рылся в Интернете, исследуя бензиновые движки. Это его ещё больше раззадорило, ему не терпелось столкнуться с техникой на практике, in vivo. Услышав незнакомое, но интригующее in vivo, я тоже загорелся желанием принять участие в рейде.

Мое участие, правда, свелось, в основном, к наблюдению за тем, как Джейсон установил косилку на вчерашнюю «Вашингтон пост» и принялся экзаменовать двигатель. Происходило это в затхлом, но уютном сарае, отделённом от дома гладью газона. В сарае несло машинным маслом

и бензином, воняло удобрениями и гербицидами, пахло семенами и соломой, некрашеными сосновыми досками полок. По углам ржавели погнутые и сломанные садовые инструменты, торчали обломки их рукоятей. Нам в этот сарай нос совать не следовало, он обычно оставался закрытым. Джейсон стянул ключ с полки у двери подвала.

Жаркая пятница, начало «долгого уик-энда». Я с интересом следил за действиями Джейсона. Зрелище поучительное и успокаивающее. Сначала он обследовал машину целиком. Растянулся рядом на полу, внимательно осмотрел, ощупал. Затем принялся развинчивать, разбирать и аккуратно укладывать части на газету, рассматривая каждую в отдельности.

Затем он углубился в нутро двигателя. Каким-то образом у него сразу пошла на лад работа с ключами и отвёртками. Движения его часто характеризовались осторожностью, но никогда — неуверенностью. Он работал, как опытный художник, как тренированный спортсмен, сознавая свои возможности и их ограниченность, уровень компетенции. Он разобрал всё, что можно было разобрать, и разложил на замасленной «Пост», когда дверь сарая скрипнула, и мы оба подскочи-

ли от неожиданности.

И-Ди Лоутон вернулся домой раньше обычного.

Я чертыхнулся, заработав неодобрительный взгляд строгого хозяина. Он задержался в дверном проёме, застыл статуей в безукоризненном сером костюме, озирая разложенные на газете детали, а мы с Джейсоном стояли, ввинтив взгляды в пол, ощущая себя виноватыми, как будто нас поймали с экземпляром «Пентхауза».

— Это ремонт или разгром? — спросил, наконец, старший Лоутон голосом, выражающим смесь презрения и раздражения, то есть обычным своим голосом, к которому он уже привык за десятилетия постоянного пользования.

— Ремонт, сэр, — робко доложил Джейсон.

— Угу. Это твоя газонокосилка?

— Нет, конечно, нет. Но я думал, что мистеру Де-Мейеру…

— Но это газонокосилка и не мистера Де-Мейера. Мистер Де-Мейер работает чужими инструментами. Мистер Де-Мейер мотался бы за пособием, если бы я его не нанял. Это, таким образом, моя газонокосилка. — Тут И-Ди выдержал паузу, с каждой секундой наливавшуюся свинцом. — Ну, и нашёл ты, в чём там дело?

— Пока нет.

— Пока нет? Так давай, действуй, ищи.

Джейсон облегчённо вздохнул:

— Да, сэр. Я думаю, после обеда…

— Нет. Не после обеда. Ты её разобрал, ты её почини и собери. А потом пообедаешь. — И И-Ди повернул голову ко мне: — Домой, Тайлер. И чтобы я тебя больше здесь не видел. Я думал, ты лучше соображаешь.

Я выскочил из сарая, щурясь от яркого наружного света.

И-Ди меня больше не видел, но лишь потому, что я хорошо прятался. Вечером, после десяти, я вернулся, когда заметил, что в сарае всё ещё горит свет, просачивается сквозь щели. Я вытащил из холодильника куриную ногу, завернул её в фольгу и прокрался мимо дома под покровом темноты. Подойдя к двери сарая, я прошептал Джейсону, чтобы он выключил свет, и незаметно заскочил внутрь.

Джейсон, покрытый индейскими узорами из смазки и копоти, двигатель уже наполовину собрал, но дальше работа не двигалась. После того, как он проглотил пару кусков курицы, я спросил его, в чём там дело.

— Собрать-то его несложно, — ответил он. — Да

работать не будет. Я так толком и не понял, в чём причина поломки. И получается ещё хуже. Если прочистить подачу топлива, туда попадёт воздух. Резина старая, трескается. Всё разваливается. В корпусе карбюратора крохотная трещинка. А как её заделаешь? Запасных частей нету. Да и инструментов подходящих тоже. Я даже не знаю, какие тут нужны инструменты.

По его расстроенному лицу можно было подумать, что он сейчас заплачет.

— Тогда брось это, — посоветовал я. — Извинись перед И-Ди, и дело с концом.

Он посмотрел на меня так, как будто я сказал что-то хотя и не злонамеренное, но наивное.

— Нет, Тайлер, спасибо за совет, но это не для меня.

— Почему?

Он не ответил. Отложил недоеденную куриную ногу и вернулся к своей механической головоломке.

Я уже подумывал отправиться домой, когда в дверь снова заскреблись. Джейсон кивнул мне на выключатель и, когда я им щёлкнул, впустил сестру.

Она до смерти боялась И-Ди, шептала еле слышно, чуть дыша, но, как и я, что-то принесла

Джейсону. Не куриную ногу, а беспроволочный браузер-наладонник.

Джейсон аж засиял, увидев мини-компьютер.

— Диана! — воскликнул он, не сдержавшись, и она зашикала на него, а потом нервно улыбнулась мне.

— Ладно, чего там… Так, игрушка, — шепнула она и выскользнула во тьму.

— Игрушка-то игрушка, — пробормотал Джейсон, — но за мелкой игрушкой целая сеть, великая сила.

Он в течение часа консультировался с группой с Западного побережья, модифицировавшей малые двигатели для радиоуправляемых моделей. К полуночи он умудрился устранить с дюжину неисправностей. Я удрал домой и издали наблюдал, как он вызвал отца. И-Ди вышел в пижаме и шлепанцах, остановился на крыльце, скрестив руки, и снисходительно созерцал, как Джейсон запустил отремонтированную тарахтелку. Послушав грохот, разодравший ночную тишь, И-Ди пожал плечами и жестом загнал сына домой.

Джейс, закрыв сарай, оглянулся на моё освещённое окно и украдкой махнул мне рукой.

Конечно же, ремонта хватило ненадолго. Прокопчённый «Голуазами» садовник в следующую

среду успел скосить полгазона, после чего косилка почила навеки. Мы с почтительного удаления усвоили с десяток очень полезных фламандских ругательств. Джейсон с его мощной памятью затем расшифровывал их в своей школьной библиотеке при помощи голландско-английского словаря. Особенно нам приглянулась формула God-verdomme min kloten miljardedju! что-то вроде «Клял бы, драл бы Боженька яйца мои мильярд-Христа-душу раз». По интонации искусника выходило, что яйца-то, может, и его, но оторвать их следовало почему-то от тела Христова. С год после этого Джейсон употреблял эту фразу, порвав шнурок от ботинка или сорвав перекачку чего-нибудь на свой компьютер.

Газонокосилку Лоутону-старшему пришлось покупать новую. Парни в мастерской, в которую он обратился за ремонтом, сказали, что новую купить дешевле, и подивились, как она ещё работала до сих пор. Я узнал это от матери, которой рассказала Кэрол. И насколько я знаю, И-Ди больше Джейсона этой косилкой не попрекал.

Позже мы несколько раз вспоминали эту историю, смеялись — через несколько месяцев, когда эмоции поостыли.

* * *

Я прошаркал обратно к постели, думая о Диане, принёсшей брату дар столь полезный, а не просто утешительный, как моя курья нога. Куда она делась? Какой дар, облегчающий мою участь, принесёт она мне? Лучший дар — её присутствие.

Свет дня струился сквозь комнату, как водный поток, как сияющая река, в которой бултыхался я, тонул в пустых пузырях минут.

Не всякий бред ярок и неистов. Иной холоден, медлителен, ползуч. Я видел тени, тянущиеся по стенам. Час прополз, второй… Пришла пора ночи, померкла Арка, надвинулись тяжёлые тропические тучи, засверкали молнии, неотличимые от вспышек в моём воспалённом сознании, загремел гром, который ни с чем не спутаешь, запах природы изменился, по бетону балкона застрекотали капли дождя.

Наконец я услышал ещё один звук. В замок втиснулась пластиковая карточка ключа, скрипнули дверные петли.

— Диана… — простонал я сиплым шёпотом.

Она влетела в комнату. С улицы, одета для улицы, в отделанном кожей джемпере, в широ-

кополой шляпе, с которой капала дождевая вода. Остановилась у кровати:

— Извини, Тайлер.

— Брось, не за что. Просто…

— Нет, Тайлер, нет, извини, но тебе придётся одеться. Бежим, и сию минуту. Внизу машина ждёт.

Пока я соображал, Диана уже принялась швырять в чемодан одежду, документы (как фальшивые, так и подлинные), карты памяти, мягкую сумку с пузырьками и шприцами…

— Да я и встать-то не смогу, — попытался выдавить я, но не получилось, сам не разобрал своего бульканья.

И вот она уже принялась меня одевать. Я вовсю спасал своё достоинство, самостоятельно приподнимая ноги, шевеля руками и скрипя зубами вместо того, чтобы орать от боли. Потом уселся, и она поднесла к моим губам бутылку с водой. Оттащила меня в туалет, где я выдал жалкую струйку мутной мочи канареечного цвета.

— О, дьявол, ты пересыхаешь, — вскинулась Диана. Она заставила меня выпить ещё глоток, вколола анальгетик, от которого рука вспыхнула, как от напалма. — Тайлер, прости, но надо, надо… — И она напялила на меня дождевик и

тяжёлую шляпу.

С чего она так паникует?

— От чего… бежим?

— Засекли. Не повезло. Наткнулась.

— Куда?

— Вглубь страны. Скорей, скорей!

Мы двинулись по полутёмному коридору, точнее, двинулась Диана, волоча в левой руке чемодан, а правой поддерживая меня. Долгий путь, тяжкий, глаза на лоб вылезали.

— Тише, тише! — умоляла Диана, и я переставал стонать. Или мне казалось, что переставал.

Вышли под дождь, лупивший по грязным раздолбанным мостовым, шипевший на перегретом капоте поджидавшей нас древней колымаги. Водитель хмуро уставился на меня, и Диана попыталась убедить его, что я не болен, а просто перепил. Мрачности он не утратил, но деньги взял.

Наркотик подействовал, когда я уже скрючился на заднем сиденье. Ночные улицы Паданга воняли гнилой рыбой, колёса автомобиля рассекали покрывавшую лужи радужную плёнку. Сияющий неоном туристский квартал остался позади, вдоль улиц потянулись мрачные лабазы, затем лачуги «шанхая», выросшего вокруг города

за последние тридцать лет. Город наступал на фанерно-жестяночные трущобы, между ними под брезентовыми навесами ночевали бульдозеры; высасывая питательную субстанцию из компоста нищих поселений, вверх выстреливали многоэтажки. Затем миновали промышленную зону, серые заборы, увенчанные колючей проволокой. А потом я заснул. Снились мне не Сейшельские острова, снился мне Джейсон. Джейсон и его любовь к разного рода сетям. «За мелкой игрушкой целая сеть, великая сила». Снились сети, которые он создал, снились места, куда его завлекли эти сети.

Беспокойные ночи

Сиэтл, сентябрь. После ракетного взбрыкивания китайцев прошло пять лет. Прорвавшись домой сквозь занудливый дождь и сквозь пятничный вечерний час пик, я включил аудиоинтерфейс и вывел составленный мною плей-лист, который я назвал «Терапия».

Я вернулся в свою конуру после дежурства в отделении травмы в «Харборвью». Два огнестрельных ранения и самоубийца-неудачник. Перед глазами так и стояла картинка: кровь, капающая с каталки на керамический пол. Сменив подмоченную дождём одежду на джинсы и свитер, я плеснул себе в стакан и подошёл к окну, уставился на мерцающий в полумраке город. Где-то в отдалении, под тучами, угадывалась мрачная дыра залива Пьюджет-Саунд. Сквозь багровую кишку «Интерстейт-5» густым месивом сочилась масса металла на резиновых колёсах, дымилась выхлопными газами. Моя жизнь, какой я её сделал. И всё держится на честном слове. На одной частице речи.

Протяжно, печально поёт Аструд Жильберто. Я всё ещё не в состоянии толком сосредоточиться

на вчерашнем звонке Джейсона, не в состоянии даже вслушаться в песню, как она того заслуживает.

«Дезафинадо», несколько записей Джерри Маллигэна, что-то из Чарли Берда… Терапия. Но дождь размывает звуки. Я сунул что-то в микроволновку, съел, не ощущая вкуса. Оставив всякую надежду на достижение нирваны, решился толкнуться к Жизель. Может, она дома.

Жизель Палмер снимает квартирку через три двери дальше по моему коридору. Она открыла мне почти сразу. Поношенные джинсы и старая фланелевая рубаха означают, что в этот вечер Жизель никуда не собирается. Я спросил, не занята ли она, в настроении ли пообщаться.

— Даже не знаю, Тайлер. Какой-то ты мрачный.

— Мрачность к тебе не относится. Личный внутренний конфликт. Подумываю отсюда смотаться.

— Да ну? По делам? В командировку?

— Нет, насовсем.

— Вот как… С чего это ты решился?

— Я ещё не решился. В том-то всё и дело.

Она распахнула дверь шире и жестом пригласила меня войти:

— Иди ж ты… И в какую сторону ты намыливаешься?

— Длинная история.

— Стало быть, тебе сначала надо выпить для кондиции, а потом уж душу изливать.

— Ну, что-то вроде этого.

* * *

Жизель зацепила меня в прошлом году на собрании жильцов в подвальном зальце. Ей двадцать четыре, ростом она мне по плечо. Днём Жизель работала в сети быстропита в Рентоне, но, когда мы впервые встретились за кофе воскресным вечерком, она заявила мне, что в Рентоне лишь подрабатывает. Другая её работа — тоже, можно сказать, «на полставки» — удовлетворение половых потребностей мужской половины человечества.

Она оказалась членом довольно открытой группы дам, обменивающихся координатами мужчин продвинутого возраста, обычно весьма почтенного социального статуса, женатых, положительных, готовых платить за прелести внесемейного секса. Все эти господа, однако, опасались уличных жриц любви, и Жизель с подругами пользовались их опасениями, разрабатывали плодородную

ниву. Всё это Жизель выложила мне несколько вызывающе, внимательно следя за моей реакцией, ожидая презрения, небрежения, отторжения. Я обманул её ожидания. «Спин», в конце концов. Поколение Жизель жило по своим правилам, а моё поколение — в моём лице — воздерживалось от осуждения.

Мы продолжали общаться за кофе, иногда вместе ужинали. Я время от времени выписывал ей направления на кровь. Из всех дряней у неё обнаружились лишь антитела на западнонильскую вирусную лихорадку. Ни даже гриппом она не болела: ни человечьим, ни птичьим, ни свинячьим. То есть можно было считать её как осторожной, так и везучей.

Жизель как-то посетовала, что торговля телом, даже на полулюбительском уровне, накладывает неизгладимый отпечаток на образ жизни, на характер. Какой может быть женщина, постоянно таскающая в сумочке презервативы и виагру? Я ответил очевидным вопросом: почему бы тогда не сменить эту деятельность на ночную работу в иной отрасли экономики, скажем, в сети «Уолмарт»? Этот вопрос ей не понравился. Она вызывающе бросила:

— Может, мне это нравится. Может, это моё

хобби. Кто в куколки играет, кто членики перебирает…

Я, однако, уже знал к тому времени, что она сбежала из дома в Саскатуне, спасаясь от приставучего отчима. Какая же карьера казалась ей после этого наиболее доступной? Кроме того, железным доводом в оправдание её сомнительного образа жизни оставалась высокая вероятность нашей общей близкой погибели. Летальность порождает аморальность, как выразился какой-то моральный авторитет моего поколения.

— Ну так до какого состояния тебе нужно допиться, чтобы дойти до кондиции? — продолжила Жизель придверную беседу. — Слегка или до зелёных чёртиков? Собственно, выбор невелик. У меня в баре негусто.

Она смешала мне что-то на чём-то, отдающем водкой, залитой в канистру из-под солярки. Я заменил своей задницей брошенную на стул свежую газету. Мебель у Жизель добротная, но наводить порядок в доме она не особенно стремилась. Газета оказалась открытой на редакционной странице. Карикатура посвящалась «Спину»: гипотетики в виде мохнатых пауков крутили в лапах земной шар и раздумывали, сразу слопать или после выборов.

Жизель бухнулась на диван и махнула ногой в сторону газеты, которую я ещё не выпустил из рук:

— Не понимаю я этой тряхомудии.

— Карикатуры?

— Вообще всего. «Спин». Накрылись, мол, женским половым органом… Ой, ай! Единственное, что в состоянии понять, — что-то враждебное там, в небе. По ту сторону неба. И всё.

Пожалуй, под её декларацией могли бы подписаться почти все жители планеты. Но я по какой-то причине — то ли дождь действовал, то ли тяжёлое дежурство — взъерепенился.

— Что тут непонятного?

— Что? Почему это случилось?

— Ну, почему — никто не знает. А вот что случилось…

— Ладно, ладно, то, что ты сейчас мне откроешь, я уже сто раз слышала. Мы попали в космический мешок, Вселенная выбилась из рук, не слушается, а-ля-ля, тра-ля-ля…

Я ещё больше разозлился:

— Ты свой адрес знаешь?

Она приложилась к своему стакану:

— Ну, знаю. И что?

— Сейчас. Ты знаешь, где находишься. Тебя это

интересует. Миля-другая от океана, сотня миль от границы с Канадой, тысячи миль к западу от Нью-Йорка. Так?

— Ну и что дальше?

— Дальше — больше. Народ спокойно определяется между Споканом и Парижем, но, когда речь заходит о небе, все видят какой-то громадный аморфный таинственный пузырь. Почему?

— Не знаю. Потому что вся моя астрономия — из повторных показов древних «Стартреков». А что мне надо знать о Луне и звёздах, если я их с раннего детства в глаза не видала? Если даже научные шишки честно признают, что ни хрена не педрят, что там происходит.

— И тебя это устраивает?

— Какая, на хрен, разница, что меня устраивает? Слушай, давай-ка я включу телик, и ты под какой-нибудь бред с экрана пробулькаешь, что тебя там не устраивает в Сиэтле и почему ты хочешь намылить пятки.

Я сказал ей, что звёзды такие же, как и люди, что они живут и умирают. Что Солнце быстро старится и сгорает всё быстрее. Яркость его возрастает на десять процентов за каждый миллиард лет. Солнечная система подходит к состоянию, при котором жизнь на Земле станет немыслимой,

даже если остановить «Спин». Процесс необратимый. Об этом говорят и газеты. Эту информацию не муссировали бы агентства новостей, если бы президент Клейтон не сделал официальных заявлений, признав, что, согласно мнению наиболее солидных научных источников, возврата к status quo ante, к прежнему, доспиновому состоянию, ожидать не приходится.

Жизель смерила меня умоляющим взглядом:

— Вся эта бредятина…

— Это не бредятина, Жизель.

— Пускай не бредятина. Но мне от этого не легче.

— Я просто пытаюсь объяснить…

— Да пошёл ты в жопу со своими объяснениями, Тайлер. Катись со своими кошмарами к этой самой матери. Или успокойся и попытайся разобраться, почему ты хочешь уехать из Сиэтла. Это, конечно, из-за твоих друзей, так?

О Джейсоне и Диане я ей рассказывал.

— Джейсон.

— С понтом, гений.

— Без всяких понтов. Он сейчас во Флориде.

— Занимается чем-то космическим.

— Превращает Марс в цветущий сад.

— Ну, в газетах было. Что, это не блеф?

— Не знаю, но Джейсон думает, что это реальная возможность.

— Ну-ну. А ты-то ему на кой?

Что ж, неплохой вопрос. Хороший вопрос. Превосходный вопрос!

— Им нужен врач для клиники компании. Для «Перигелиона».

— Я считала, что ты самый обычный врач.

— Я и есть самый обычный врач.

— И чем же ты хорош для космического медика?

— Да ничем. Но Джейсон…

— Пристраивает друга детства. Каприз богатого босса.

Я пожал плечами. Пусть она так и думает. Не делиться же с ней своими соображениями. Да и Джейсон ничего не конкретизировал.

Но во время разговора с ним у меня сложилось впечатление, что я нужен Джейсону не столько как врач фирмы, сколько в качестве личного врача. Что у него возникла какая-то проблема, в которую он не хочет посвящать персонал фирмы. Которую и по телефону не обсудишь.

Соляровая водяра иссякла, но Жизель порылась в сумочке, выудила оттуда пачку тампонов, из которой жестом фокусника извлекла косяк-са-

мокрутку.

— Оклад, должно быть, не тощий назначит.

Щёлкнула пластиковая зажигалка, Жизель затянулась полной грудью.

— Мы в детали не вдавались.

Она выдохнула:

— Ну, козлы… Все вы козлы… То-то ты своим «Спином» бредишь всё время. Тайлер Дюпре, граничная аутистика, вуаля! Да так оно и есть. Все признаки налицо. И Джейсон твой такой же, конечно. На спор, у него каждый раз при слове «миллиард» встаёт торчком.

— Ты примитивно мыслишь. Он действительно может спасти человечество от полного уничтожения. Если и не каждого человека…

— Пидорская мания величия. А сеструха его, с которой ты трахался…

— Только один раз.

— Только один раз. Она по-прежнему в своей религии без задних ног?

— По-прежнему.

Насколько я знал. С ней после знаменательной ночи в Беркшире я не контактировал. Хотя и попытался. Отправил ей пару электронных писем. Ответа не получил. Джейс тоже о ней ничего не слышал, но Кэрол сообщала, что живёт Диана с

Саймоном где-то в Юте или Аризоне, то есть на Западе, где я ни разу не был. Туда закинули их бури, разметавшие в клочья «Новое царство».

— Что ж, её понять можно. — Жизель передала мне косяк. У меня с «травкой» отношения непростые, но её «козлы» меня забодали, и я затянулся полной грудью. Эффект совершенно тот же, что и в прошлый раз в Стоуни-Брик: мгновенная афазия. — Представь себе жизнь бедной бабы: тут этот «Спин», она хочет о нём забыть, а разве в таком окружении, рядом с тобой и с её семейкой, забудешь? Хрен вы дадите о нём забыть! Я бы на её месте тоже к этим жуликам рванула. Ныла бы в каком-нибудь хряпаном хоре про ангелочков.

Я выдавил из себя — с трудом ворочая языком, медленно:

— Ч-что, тебе так тяжко в этом мире?

Жизель вынула косяк из моей руки:

— Не то слово. На моём месте мне тяжко. Чаще всего.

За окном загрохотал гром, она повернула голову в его сторону. Гроза как будто ревновала к нашему тёплому приюту. Непогода разгулялась над заливом.

— Ох и зима же на нас навалится, — вздохнула Жизель. — Дрянь зима. Не люблю. Камин бы мне

сюда… Музыку бы включить… Да не встать…

Я подошёл к её аудиосистеме, загрузил альбом Стэна Геца. Саксофон обогрел комнату лучше любого камина. Она кивнула. Видно было, что она бы включила что-то другое, но это её тоже устроило:

— Да… Он позвонил и пригласил тебя…

— Ну дак…

— И ты сразу согласился.

— Нет, я сказал, что подумаю.

— И вот ты сейчас думаешь. Мы с тобой думаем на пару.

Чувствовался в её тоне какой-то подтекст, но я не понимал, какой:

— Может быть, думаю.

— Ни хрена ты не думаешь. Ты сразу же и решился. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты зашёл попрощаться.

Я дал ей понять, что и это не исключено.

— Ну, тогда иди сюда, сядь рядом, что ли.

Я как во сне переместился к ней на диван. Она подвинулась, освобождая мне место, и положила ноги мне на колени. Толстые мужские носки с ромбами, между манжетами джинсов и носками розовые лодыжки.

— Интересно… Ты не боишься глядеть на пи-

столетную рану, а от зеркала удираешь.

— Не понял.

— Не можешь разобраться с Джейсоном. Не можешь развязаться с Дианой.

Но я не допускал мысли, что Диана для меня всё ещё что-то значила.

Может быть, я хотел себе это доказать. Может быть, поэтому мы, одолев ещё один косяк, ввалились в спальню, рухнули на розовые простыни и, измяв их в результате бурного динамического процесса, заснули под шум дождя, не выпуская друг друга из объятий.

Но не Жизель маячила в моём отключающемся сознании. А первая же мысль моя, когда я проснулся, относилась к предстоящему переезду во Флориду.

* * *

На улаживание деталей ушла не одна неделя, как у Джейсона, так и у меня в больнице. С Жизелью я виделся в это время лишь мельком. Она как раз собиралась покупать машину, и я продал ей свою. Ехать через всю страну по шоссе мне не хотелось. На дорогах хозяйничали грабители. О нашей мимолетной близости во время грозы мы не упоминали, отнеся её на счёт пьяной

снисходительности к слабостям друг друга — по большей части её доброты ко мне.

Мало с кем мне пришлось прощаться в Сиэтле, кроме Жизели. Барахла я тоже не нажил, багаж мой состоял из нескольких цифровых файлов да пары сотен старых дисков. Жизель помогла мне засунуть чемоданы в багажник такси и помахала вслед рукой без особенной печали во взоре.

Жизель мне нравилась. Добрая женщина, она вела дурную жизнь. Больше я о ней не слышал, но надеялся, что она пережила последовавшие годы хаоса.

Из Сиэтла в Орландо меня нёс старый скрипучий «Аэробус» с потёртыми сиденьями, с исцарапанными индивидуальными видеоэкранами. Я втиснулся между уже сидевшим у иллюминатора бизнесменом из России и пожилой женщиной, занимавшей кресло со стороны прохода. Русский глядел волком и к беседам расположения не проявлял. Женщина же, наоборот, несколько нервничала и оказалась вовсе не прочь поболтать. Она оказалась медицинской фонотиписткой, направлявшейся в Тампу в двухнедельный отпуск, в гости к дочери и её мужу. Звали её Сарой, и разговор у нас с самого взлёта завязался о медицине.

За пять лет, прошедших после китайского космического фейерверка, федеральное правительство вбухало уйму денег в аэрокосмические отрасли. Гражданской авиации, естественно, почти ничего не перепало, поэтому и продолжали летать такие постоянно ремонтируемые аэробусы. Деньги закачивались в проекты, управляемые И-Ди Лоутоном из его вашингтонского офиса и осуществляемые Джейсоном в «Перигелионе», во Флориде. Исследования «Спина», развитие Марса… Администрация Клейтона легко проводила ассигнования через покладистый Конгресс, довольный тем, что его никто не сможет упрекнуть в пренебрежении космической опасностью. Эти затраты повышали моральный дух общества. Ещё лучше, что они не требовали немедленной отдачи.

Федеральные вливания поддерживали экономику регионов, однако не повсеместно. Юго-Запад, Сиэтл и окрестности, побережье Флориды. Невелика, однако, цена этому поверхностному процветанию местного характера. Сара беспокоилась о дочери и зяте, квалифицированном слесаре по трубопроводам, которого фирма, снабжающая местность природным газом, отправила в отпуск неопределённой длительности. Семья

безработного жила в трейлере на федеральное пособие и пыталась воспитывать трёхлетнего мальчика, внука Сары, Бастера.

— Странное имя для мальчика, правда? — спросила она меня. — Бастер, надо же… Так звали одного из актёров немого кино.

Я сказал ей, что имена — как одежда. Или мы их носим, или они нас несут.

— А как в вашем случае, Тайлер Дюпре?

И мы улыбнулись друг другу.

— Не могу понять, почему молодёжь в наши дни заводит детей, — недоумевала моя попутчица. — Это ужасно звучит, но тем не менее… Нет, я ничего не имею против Бастера, наоборот, я его очень люблю и надеюсь, что он будет жить долго и счастливо. Но суждено ли сбыться моим надеждам?

— Иногда людям нужны основания для надежды, — сказал я, пытаясь сообразить, не эту ли банальную истину пыталась внушить мне Жизель.

— С другой стороны, — продолжала Сара, — многие молодые люди сейчас умышленно не заводят детей. Умышленно, проявляя к ним, к нерождённым, доброту. Они считают, что это лучший способ избавить детей от предстоящих

страданий.

— Не думаю, что кто-то знает, что нам предстоит.

— Ну как же, необратимость и всё такое…

— Необратимость уже наступила, но мы всё ещё существуем. По какой-то причине.

Она подняла брови:

— Вы действительно верите в какие-то причины, доктор Дюпре?

Мы ещё поболтали, потом Сара решила попробовать заснуть и сунула под голову миниатюрную подушку. За иллюминатором, частично закрытым профилем мрачного русского, всё покрыла густая ночная тьма, в стекле отражались потолочные светильники салона. Я убавил свет в лампочке над головой и направил её лучи к себе на колени.

Всё, что можно читать, я сдуру сдал в багаж. Но из сетки на спинке кресла перед Сарой торчал журнал в простой белой обложке. Крупными буквами название: «Врата». Религиозное чтиво, оставленное каким-то пассажиром предыдущего рейса.

Я пролистал журнал, невольно думая о Диане. За годы, прошедшие после китайской ракетной атаки, «Новое царство» потеряло последние при-

знаки единства и полностью рассыпалось. Вожди его по разным причинам один за другим отреклись от своих убеждений, энтузиазм полового коммунизма выжгли венерические заболевания и человеческая жадность. Никто уже не представлялся приверженцем «Нового царства» как такового, но непременно называл себя гекторианцем либо претеристом, реконструкционистом или ещё кем-нибудь. Действо Экстаза, в котором принимали участие Диана и Саймон в лето встречи в Беркшире, тоже благополучно приказало долго жить.

Ни одна из выживших фракций «Нового царства» не пользовалась сколько-нибудь широким влиянием. Южные баптисты, к примеру, превосходили по численности всю его паству по всей стране. Но упор движения на Второе Пришествие и тысячелетнее Царство Божие на земле не прошёл мимо внимания основных церквей, уделявших теперь больше внимания «Спину» и тематике апокалипсиса. Никогда ещё столько придорожных плакатов не призывало к покаянию. И не напоминало о грядущих бедствиях.

Обнаруженный мною журнал оказался органом реконструкционистов Западного побережья, предназначенным для широкой публики. Ре-

дакционная статья клеймила кальвинистов и пресвитерианцев, далее шли три страницы кулинарных рецептов, затем обзор кинонедели. Но главное, что привлекло моё внимание, — «Жертва кровью и красная телица», материал о красной корове — то есть рыжей телице без пятна и без изъяна, которую «во исполнение пророчества» надлежит принести в жертву всесожжения на Храмовой горе в Иерусалиме. Прежние воззрения «Нового царства» на «Спин» как на источник искупления вышли из моды. «Ибо он („день тот“), как сеть, найдёт на всех живущих по всему лицу земному» (Евангелие от Луки, 21, 35). Сеть, силки, а не избавление. Надо отыскать подходящее животное, чтобы сжечь, ибо бедствия ожидаются более серьёзные, чем считалось ранее.

Тут самолёт затрясло по воздушным ямам, и я засунул журнал обратно в сетку. Сара нахмурилась во сне. Русский купец вызвал стюардессу и заказал виски с лимоном.

* * *

Автомобиль, который я взял напрокат на следующее утро в аэропорту Орландо, оказался отмеченным двумя пулевыми пробоинами в дверце с пассажирской стороны. Я спросил клер-

ка, нет ли другого, но он широким жестом обвёл пустую стоянку.

— Последний! Разве что если подождёте или придёте часа через два…

Расплатившись, я отправился на восток по Би-лайн-экспрессвей, с которого свернул на девяносто пятое шоссе. Позавтракать остановился в придорожной забегаловке сети «Денниз». Официантка, почуяв мою одинокую неухоженность, с порциями не экономила.

— Далеко ехать? — спросила она.

— Да нет, не больше часа.

— Практически приехал. Домой или из дома? — Она тут же поняла, что у меня нет готового ответа, и улыбнулась. — Ладно, скоро определишься. Все мы рано или поздно определяемся.

За это «придорожное благословение» я наградил её до глупости щедрыми чаевыми.

Кампус «Перигелиона», который Джейсон почему-то называл «компаундом», располагался намного южнее космодрома Кеннеди и мыса Канаверал, где их замыслы воплощались в жизнь. «Перигелион фаундейшн», официально ставшая правительственным агентством, не входила в НАСА, но с ним взаимодействовала, свободно использовала кадры космического агентства и

в свою очередь предоставляла НАСА своих инженеров. В определённом смысле она являла собою бюрократическую узду, которой Вашингтон направлял обречённое агентство НАСА в направлении, неожиданном и неприемлемом для его прежних боссов. И-Ди определял механику процесса, а Джейсон обеспечивал контроль на месте.

Воздух постепенно раскалялся. Жар во Флориде поднимался с земли, влажная почва потела, отдавала сок, как мясо на барбекю. Я вёл машину мимо рощиц пальметто, заросших болот и заболоченных канав с зацветшей водой и один раз миновал сцену криминального характера. Полицейские крейсеры окружили чёрный пикап, в горячий металл капота которого уткнулись носами трое задержанных. Руки их сковывали за спиной сверкающие на солнце наручники. Один из копов следил за движением. Он просветил взглядом мой прокатный номер и разрешающе махнул мне: проезжай! Взгляд его, казалось, выражал уверенность, что я ему ещё попадусь.

* * *

«Компаунд» фирмы оказался вовсе не столь мрачным, как предполагало данное ему Джейсо-

ном обозначение. На огороженной территории находился комплекс сооружений явно промышленного назначения, выкрашенных в оранжево-розовый цвет, очень аккуратных с виду. Двери и ворота чуть ли не крепостного типа, однако устрашающего впечатления не создают. Газон тоже в идеальном порядке. Охранник на въезде заглянул в машину, предложил открыть багажник, влез в чемоданы и коробки с дисками, выдал мне временный пропуск на прищепке, показал, где стоянка:

— ...за южным крылом влево, всего наилучшего!

Его голубая форма потемнела от пота.

Едва я успел поставить машину, как из двустворчатой двери матового стекла с объявлением об обязательной регистрации посетителей вышел Джейсон и направился ко мне.

— Тайлер! — Он остановился в ярде от меня, как будто опасаясь, что я сейчас растворюсь в воздухе.

— Привет, Джейс.

— Ну у вас и средство передвижения, доктор Дюпре! Прокатная? Мы попросим кого-нибудь отвезти её обратно в Орландо. Устроим тебе что-нибудь поприличнее. Нигде ещё не остано-

вился?

Я напомнил ему об обещании позаботиться и об этом.

— Позаботились! То есть ещё заботимся. Снимаем домик с видом на океан в двадцати минутах отсюда. Ещё пара дней — и всё готово. Пока осядешь в отеле, но это тоже не проблема. Короче, чего мы тут стоим, на ультрафиолете?

Я последовал за ним в южное крыло. Шёл сзади, наблюдал за походкой. Заметил, как он слегка наклонялся влево, как берёг правую руку.

Кондиционеры в помещениях работали на совесть, нагнетали арктический воздух, с запахом стерильных подземелий. Фойе сверкало полированным гранитом и плиткой. Казалось, главная задача здешних охранников сводилась к проявлению вежливости.

— Рад, рад тебя видеть, — сказал Джейсон. — Времени у меня ни минуты, но всё равно хочу тебе всё сам показать. Быстренько. Меня там ребята из «Боинга» ждут в конференц-зале, один из Торранса, другой из Ай-Ди-Эс в Сент-Луисе. Они, видишь ли, модифицировали ксеноново-ионный и очень гордятся этим. Выжали чуть больше, не критично. Я им твержу: нам не до тонкостей, нам нужны простота и надёжность…

— Джейсон! — прервал его я.

— …а они… Что?

— Переведи дух.

Он заморгал, потом вдруг засмеялся:

— Извини, увлёкся. Это как… Помнишь, в детстве, когда кто-то из нас получал новую игрушку, обязательно хвастался.

Обычно, конечно, именно он получал новые игрушки. Во всяком случае, дорогие. Но я, конечно, помнил и сказал ему об этом.

— Так вот, перед кем я ещё могу так похвастаться, как не перед тобой? А у нас здесь, Тайлер, самый большой в мире сундук игрушек. Так что я уж похвастаюсь, о'кей? Потом тебя устроим. К климату тебе привыкнуть надо будет, по возможности.

Он провёл меня по первым этажам всех трёх корпусов. Я выразил восхищение залами и кабинетами, лабораториями и сборочными отсеками, где созревали прототипы миссий перед тем, как предъявить контрольные цифры денежным мешкам и большим шишкам. Всё очень интересно, всё весьма познавательно. В самом конце экскурсии он привёл меня в лечебницу фирмы, где познакомил с доктором Кёнигом, которого мне предстояло сменить. Мой предшественник

вяло, без видимых эмоций пожал мне руку и отбыл, так же вяло, через плечо, пожелав удачи.

Пейджер Джейсона разрывался от желания привлечь внимание хозяина.

— «Боинг» требует, — усмехнулся Джейсон. — Тоже как дети. Не похвали их периферию — сразу надуются. Дойдёшь до приёмной сам, не заблудишься? Там ждёт Шелли, мой личный секретарь. Она тебя устроит. Потом поговорим. Очень хорошо, что ты приехал, просто здорово!

Ещё одно рукопожатие, очень слабое — и он ушёл, всё так же кренясь влево, оставив меня размышлять не над тем, болен он или нет, а над тем, насколько он болен и к чему это приведёт.

* * *

Как Джейсон сказал, так и вышло. В течение недели я переехал в небольшой меблированный домик, с виду столь же хрупкий, какими казались мне все флоридские строения. Досочки да планочки, вместо стен чуть ли не сплошь стекло — но не из дешёвых.

Прямо с крыльца можно было ссыпаться вниз, к морю, да ещё и мимо торгового участка. За это время я имел ещё три беседы с доктором Кёнигом, которому «Перигелион» явно не нравился, что

не мешало ему проинструктировать сменщика с полной серьёзностью и основательностью, передать ему медицинские карточки и познакомить со вспомогательным персоналом. В понедельник я уже принимал первого пациента, работника металлургического цеха, вывернувшего лодыжку во время игры в футбол на южном газоне компаунда. Медчасть оказалась явно перенасыщенной оборудованием для предстоявшего мне объёма работы. Джейсон, однако, предвидел трудные времена, когда медицинская помощь в мире за воротами компаунда станет куда менее доступной.

Я понемногу осваивался. Выписывал назначения, кормил народ аспирином, просматривал истории болезней. Любезничал со своей приёмной сестрой Молли Сиграм, которая утверждала, что я ей нравлюсь больше, чем доктор Кёниг.

Вечером я возвращался домой и следил за молниями, которые мелькали меж туч, напоминавших громадные парусники, ставшие на якорь вдали от берега.

Я ждал, когда, наконец, объявится Джейсон, но его не было чуть ли не месяц. И вот однажды в пятницу после заката он появился без предупреждения, одетый по-простому в джинсы

и футболку и вследствие этого скинувший лет десять со своего возраста.

— Подумал, дай-ка заскочу, — объяснил он причину прихода. — Не помешал?

Конечно, не помешал. Мы поднялись наверх и уселись на балконе с бутылками охлаждённого пива. Джейсон снова принялся расписывать, как он рад меня видеть да сколь приятно со мной работать. Я, однако, прервал его словоизлияния:

— Джейс, кончай со своим словотворчеством. Это я, Тайлер. Не узнаёшь?

Он смущённо засмеялся, и дело пошло на лад.

Мы пустились в воспоминания, и вскоре я уже спросил его о Диане. Он сообщил, что мало что о ней знает. Потом, когда мы начали по второй бутылке и воздух охладился, уже затемно, я спросил его, как у него дела в личном плане.

— Да какой там личный план. Дел по горло. Скоро первые посевные пуски. Скорее, чем пресса прогнозировала. И-Ди предпочитает оставлять информационный задел. Он почти всё время в Вашингтоне. Клейтон за нами следит лично, мы пока у него в любимчиках ходим. Но из-за этого на меня сваливается всякая административная волокита, отнимает время от работы. — Он махнул рукой и смолк.

— Большая нагрузка, — посочувствовал я.

— Большая. Но мы всё равно двигаемся, шаг за шагом, дюйм за дюймом.

— Джейс, на тебя в клинике ничего нет. У каждого сотрудника имеется карточка, кроме тебя.

Он посмотрел вдаль и нервно засмеялся.

— Что ж… Я пока предпочитаю в клинике не светиться.

— А доктор Кёниг против этого не возражал?

— Доктор Кёниг считает всех нас психами. Что недалеко от истины. Знаешь, что он ушёл на круизное судно? Могу себе представить Кёнига в гавайской рубахе, с улыбочкой пичкающего туристов граволом.

— Джейс, что у тебя не в порядке?

Он прищурился, глядя в тёмное небо на востоке. Чуть выше горизонта висела крохотная звёздочка — разумеется, не астрономический объект, почти наверняка один из стратостатов его отца.

— Я действительно побаиваюсь, — почти прошептал он, — что сейчас, когда мы добились первых результатов, придётся выйти из игры. — Он в упор уставился на меня. — Придётся исповедаться…

— Здесь только мы двое.

И он рассказал о том, что его донимало. Спокой-

но, отстранённо, схематично, как будто боль и слабость значили не больше, чем сбои циклов автомобильного двигателя. Я потребовал провести диагностические тесты, пообещав не заводить на него историю болезни. Он согласился, и мы сменили тему, откупорили ещё по бутылке. Наконец, он поблагодарил меня, пожал руку, возможно, несколько более церемонно, нежели следовало, и отбыл из дома, который снял для меня, и я остался в своём новом, незнакомом обиталище. Всё ещё беспокоясь о нём, я направился в постель.

Сняв покровы

Много я узнал о фирме от своих пациентов, особенно от учёных, более разговорчивых, чем проявляющие подчёркнутую сдержанность администраторы. Любили потолковать и члены семей персонала, постепенно оставлявшие страховую медицину, всё чаще прибегавшие к услугам «производственного» медпункта. Я превратился в семейного врача, пациенты которого, лично столкнувшись с реальностью «Спина», относились к нему без страха, но с трезвой решимостью.

— Цинизм остаётся за порогом, — сказал мне один из специалистов. — Мы понимаем, насколько важно то, чем мы здесь занимаемся.

Меня это отношение не оставило равнодушным. Можно сказать, что я им заразился, стал считать себя одним из них, «винтиком механизма», работающего с целью расширения человеческого влияния в бурном вихре внеземных событий.

Иногда по выходным я ездил к космодрому Кеннеди, наблюдал за пусками модернизированных «Атласов» и «Дельт», с рёвом взмывающих в небо с новых и реконструированных пусковых рамп.

Были случаи поздней осенью и ранней зимой, когда Джейс отрывался от работы и ездил со мной. Ракеты несли простые ВКА разного назначения, разведывательные приборы, своеобразные глаза и уши человечества. Возвращаемые модули приводнялись в Атлантике или в солончаках западных пустынь, приносили новости из-за Барьера.

Меня впечатляла декоративная величественность пусков. Джейс признавал, что тоже смотрит на процедуру с пиететом, однако иного рода. Его забавляла релятивистская несообразность происходящего. Эти наши космические мошки, проткнув Барьер и проведя недели или даже месяцы в открытом космосе, наблюдая за удалением Луны и расширением Солнца, за разбеганнем звёзд, возвращались на Землю в тот же (наш) вечер, падали в океан заколдованными кувшинчиками джиннов, содержащие во много раз больше, чем могли вместить.

Кувшинчики раскупоривали, дегустировали вино, причмокивали, хмурились, поднимали брови — и по коридорам и кабинетам фирмы проносились новые слухи: гамма-излучение возросло из-за каких-то пертурбаций в ближнем звёздном окружении; Солнце, закачивая в

Юпитер всё больше излучения, выжало из его турбулентной атмосферы новые страты; на физиономии Луны появился обширный свежий кратер; сама же Луна более не смотрит на Землю недвижно, но медленно обращается вокруг своей оси.

Однажды в декабре я увязался с Джейсоном в отсек, где собирали полномасштабный макет марсианского модуля. Спускаемый аппарат, размещённый на алюминиевой платформе, затерялся в углу громадного помещения с высоким потолком, в котором мужчины и женщины в стерильных белых комбинезонах работали и над другими проектами. Модуль оказался невелик и невзрачен, размером и формой смахивал на собачью конуру с приделанной с одной стороны конической насадкой сопла. Он как будто съёжился в ярком освещении потолочных светильников. Джейс, однако, демонстрировал его с родительской гордостью.

— Можно сказать, он состоит из трёх основных систем, — разъяснял Джейс. — Топливно-двигательная, навигационная и грузовая. Большая часть массы приходится на двигатель. Связь с ним не предусмотрена. Говорить с Землёй ему не о чем. Навигационное оборудование выполнено

с избыточностью, неоднократно дублируется, хотя по весу и объёму не превосходит обычного мобильника. Электропитание от солнечных панелей.

Система солнечных батарей на макете отсутствовала, но на стене висело художественное изображение модуля на подлёте к Марсу. На картине собачья конура преобразилась в стрекозу Пикассо.

— Каким-то хилым он выглядит, а до Марса далеко.

— Мощность не самоцель. Цель наша — простота, надёжность, прочность. Ионный двигатель работает медленно, но верно. Упор на навигационную систему, умную и самостоятельную. Когда объект протыкает Барьер, он приобретает то, что некоторые называют «временны́м ускорением», что, конечно, звучит мутновато, но выражает суть. Ракета при взлёте разгоняется и нагревается, и даже самое небольшое изменение скорости, самое незначительное отклонение от траектории, вызванное порывом ветра или неравномерностью поступления топлива, оказывает существенное влияние на дальнейшее поведение системы во внешнем пространстве.

— Почему это так критично?

— Потому, что и Марс, и Земля обращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам с различными скоростями. Нет надёжного способа предсказать точное положение планет относительно друг друга на момент достижения аппаратом орбиты Марса. То есть зонд должен сам найти Марс в звёздном небе и рассчитать траекторию. Для этого требуются умное, гибкое матобеспечение и надёжный двигатель, рассчитанный на длительную бесперебойную работу. К счастью, у нас есть и то, и другое. Прелестная машинка, Тайлер. Снаружи неприглядная, но если копнуть, внутри, под оболочкой, — неподражаемая. Рассчитывая лишь на себя, она определится в пространстве и выйдет на орбиту Марса.

— А потом?

Джейс улыбнулся:

— Потом самое главное. Смотри.

Он открепил несколько фиксаторов и снял с поверхности макета панель, под которой обнаружилась камера, разделённая на шестигранные отсеки, формой повторяющие ячейки пчелиных сот. Из каждой ячейки торчал чёрный отвод. Гнездо чёрных яиц. Джейсон вытащил одно из них. Невелика штука, вполне можно удержать одной ладонью.

— Как беременный газонный дротик, — усмехнулся я.

— Да и ненамного сложнее, чем газонный дротик. Мы выпустим их в атмосферу Марса. На определённой высоте из них выдвинутся стабилизирующие и тормозящие лопасти, и они рассеются по заданной области. Куда бы мы их ни направили, на полюсы, на экватор, на лёд или в песок, в зависимости от задачи, — суть процесса та же. Их можно считать иголками шприцев, впрыскивающих в Марс жизнь.

Я понимал, что упомянутая Джейсоном жизнь ограничивается одноклеточными организмами, генетический материал которых представляет собой развитие штаммов, изъятых из промерзших скал Антарктики, анаэробов, собранных в трубопроводах ядерных реакторов, добытых из донного ила Баренцева моря. Этим организмам предстояла работа по оживлению марсианской почвы, по высвобождению газов и водяных паров из согреваемой стареющим Солнцем поверхности Марса. За ними должны были последовать сине-зелёные водоросли, простые фотосинтезаторы и наконец более сложные формы, способные использовать условия, созданные бактериями первых запусков. Конечно, Марс, в лучшем

случае, превратится в пустыню с редкими нестабильными озёрами, но и этого достаточно, чтобы создать прибежище для людей вне обречённой Земли, создать место, где человеческие существа смогут жить, миллионы лет на каждый наш год. Где наши марсианские потомки смогут использовать время для решения загадок, к которым мы не знаем как подступиться.

Где мы построим — или где эволюция построит для нас — выживший вид.

— Даже не верится, что всё это можно сделать…

— Да, элемент «если» присутствует.

— И даже если всё удастся, решит ли это проблему…

— А что делать? Это акт телеологического отчаяния, в конце концов. Ты совершенно прав. Хотя об этом лучше и помалкивать. Кроме того, на нашей стороне могучий фактор.

— Понимаю. Время, — уверенно заявил я и промазал.

— Нет. Время — полезный рычаг. Но активный ингредиент — жизнь. Жизнь в общем, абстрактном смысле. Размножение, эволюционное развитие, усложнение, разветвление… Жизнь стремится заполнить трещины, срастить разрывы,

стремится к выживанию самыми неожиданными способами. Я в неё верю. Она крепка, упряма. Спасёт ли она нас? Не знаю. Но вероятность не слишком мала. — Он улыбнулся. — Конечно, если бы ты представлял бюджетный комитет Конгресса, я бы убеждал тебя с куда большим энтузиазмом.

Он вручил мне «дротик». На удивление лёгкий, не тяжелее, чем бейсбольный мячик Главной лиги. Я попытался представить, как сотни таких штуковин сыплются из безоблачного неба Марса на его пустынную поверхность, заражая её судьбой человеческой. Что бы эта судьба ни предвещала.

* * *

И-Ди Лоутон посетил флоридский компаунд весной следующего года. Его появление совпало с обострением болезни Джейсона. До этого симптомы постепенно исчезали, угасали.

Когда Джейс пришёл ко мне в предыдущем году, он описал своё состояние сдержанно, но методично и подробно. Приступы слабости, кратковременное онемение верхних и нижних конечностей, помутнение зрения, головокружения — вплоть до почти полной потери самоконтроля.

Об инвалидности речь не шла, но приступы такие учащались.

Я ему сказал, что все эти симптомы могут вызываться самыми разными причинами, хотя он знал не хуже меня, что источник зла следует, скорее всего, искать в неврологии.

Оба мы ощутили немалое облегчение, когда анализы крови показали рассеянный склероз. С выпуском десять лет назад химического склеростатина рассеянный склероз стал заболеванием излечимым или, по крайней мере, сдерживаемым. Одним из немногих парадоксов «Спина» стало совпадение с ним во времени множества прорывов в медицине, связанных, в основном, с исследованиями в области протеинологии. Если наше — моё и Джейсона — поколение и обречено на гибель, то, во всяком случае, не от рассеянного склероза, а также не от болезни Паркинсона, диабета, рака лёгких, артериосклероза, болезни Альцгеймера. Последнему поколению индустриального мира предстояло погибнуть здоровеньким.

Конечно, на практике не обходилось без подводных камней. До пяти процентов случаев выявленного рассеянного склероза отказывалось реагировать на склеростатин и на любую

иную терапию. Врачи относили эти случаи к «полирезистентным» и поговаривали, что надо бы выделить их в отдельную болезнь той же симптомологии.

Но лечение Джейсона в начальной фазе протекало по классическим канонам. Я прописал ему минимальную дневную дозу тремекса, и болезнь отступила именно так, как и полагалось в типичном случае. Всё шло хорошо буквально до того дня, когда в «Перигелион» с интенсивностью тропического урагана ворвался И-Ди, рассыпая вокруг себя ассистентов и пресс-атташе из штата Конгресса.

И-Ди представлял собою Вашингтон, мы — Флориду. И-Ди — начальство, бюрократ; мы — наука, техника, технология. Джейс оказался между двумя жерновами. По сути, его работа заключалась в том, чтобы передавать вниз давление сверху, проводить в жизнь решения мудрого руководства. Однако он не стеснялся противостоять бюрократам, в результате чего научный персонал даже и не заговаривал о «деспотизме» и то и дело приглашал Джейса на междусобойчики, как «в доску» своего. Джейса тревожило то, что И-Ди не ограничивался общим руководством, влезал в детали, часто руководствуясь политическими

соображениями, иногда заключал контракты с подрядчиками исходя не из качества исполнения, а с целью заручиться поддержкой в Конгрессе. Сотрудники фирмы в кулуарах и на рабочих местах перемывали ему косточки, однако воодушевлённо трясли руку во время его наездов в фирму. В этом году И-Ди обставил свой приезд особой помпой, увенчав его торжественным собранием в актовом зале. Мы все направились туда к назначенному часу, послушные, как паиньки-школьники, лучась энтузиазмом разной степени искренности. Все расселись по рядам, и Джейсон представил своего родителя. Я следил, как он распоряжался, как вызывал в президиум руководителей направлений, шуровал с микрофонными стойками. Не укрылось от меня, что левая рука его висела на уровне бедра, что поворачивался он несколько неуклюже, на каблуках, что руку отца пожимал с вымученной улыбкой.

Джейс кратко, но грациозно представил аудитории отца и стушевался назад, замешался в толпу президиума, состоявшую, главным образом, из экскурсантов-конгрессменов. И-Ди вышел на авансцену. Перед Рождеством ему стукнуло шестьдесят, но выглядел он подтянутым джентльменом спортивного вида лет на десять

моложе. Строен, никакой выпуклости на животе костюма-тройки, поредевшие волосы подстрижены военным полубоксом. Он выдал что-то похожее на предвыборный панегирик прозорливости администрации президента Клейтона, рассыпался в похвалах присутствующим за их преданность интересам фирмы, помянул добрым словом сына, его «вдохновенный труд»; не забыл инженеров и техников, «воплощающих мечту в реальность, несущих жизнь на мёртвую планету и надежду для всех нас, живущих в мире, который мы называем своим домом». Дружные аплодисменты, хищная энергичная улыбка, и И-Ди исчез, окружённый свитой сопровождающих и телохранителей.

Джейсона я увидел примерно через час в столовке для руководства, где он сидел за маленьким столиком, притворяясь, что читает «Астрофизикс ревю».

Я расположился напротив:

— Итак, всё опять плохо?

Он слабо улыбнулся:

— Ты о визите папаши?

— Ты понял, о чём я.

Он понизил голос:

— Лекарства я принимаю аккуратно, утром

и вечером, по часам. Но эта дрянь вернулась. Сегодня утром я с ней проснулся. Левая рука, левая нога, иголки и булавки. И с каждым часом всё хуже. Хуже, чем раньше. Как будто вся левая сторона под напряжением, под током.

— У тебя сейчас есть время заглянуть в медчасть?

— Время-то у меня есть… — Он сверкнул глазами. — Вот есть ли возможность? Не хочу тебя тревожить, но… Хорошо, что ты здесь появился. Понимаешь, я не в состоянии ходить. Я не в состоянии даже встать. Я добрался сюда после речи И-Ди. Но совершенно ясно сознаю, что, если попытаюсь встать, рухну. Я не смогу идти, Тай.

— Я позову…

Глаза его снова сверкнули:

— Ни в коем случае. Лучше я останусь здесь за столиком, пока народ не разойдётся.

— Но так же нельзя, Джей…

— Ладно, давай. Ты поможешь мне, но чтобы никто не заметил. До твоей епархии ярдов двадцать-тридцать. Ты в дружеской беседе подхватываешь меня под руку, и мы, не привлекая излишнего внимания, как-нибудь доползём.

Что ж, я согласился. Не потому, что меня восхитила эта дурацкая маскировка, но потому, что

понимал, что на иной вариант он не пойдёт. Я подхватил его под левую руку, правой он опёрся на край стола и поднялся. Мы благополучно пересекли кафетерий, даже не вильнув, хотя левую ногу Джейс волочил, и замаскировать это было невозможно. К счастью, никто на нас не обратил слишком пристального внимания. В коридоре мы, чтобы не вызывать лишнего интереса, держались вплотную к стене. Заметив одного из руководителей фирмы, Джейсон прошептал:

— Стоп! — И мы остановились, якобы продолжая оживлённую беседу. Джейсон опирался на витрину, возле которой мы остановились, и я видел, как побелели у него суставы пальцев. На лбу его выступили капли пота.

В медчасть я его уже почти внёс. Молли Сиграм куда-то вышла, и, кроме нас с Джейсом, во всей клинике никого не было. Я запер за собой дверь и помог Джейсону лечь на стол в ближайшей из смотровых, потом вернулся в приёмную и оставил Молли записку с распоряжением меня не беспокоить.

Вернувшись к Джейсону, я увидел, что он плачет. Беззвучно, но обильно проливая слёзы.

— Твою мать… — шептал он. — Я не смог сдержаться. Извини. Я ничего не мог…

Оказалось, он потерял контроль над мочевым пузырем.

* * *

Я помог ему переодеться в медицинский халат, выстирал его одежду в раковине и повесил сушить у освещённого солнцем окна кладовой. Посетителей в этот день не было, и я решил отпустить Молли.

Джейсон слегка оправился, приободрился, но выглядел в хлопчатобумажном халате как будто меньше ростом.

— Ты говорил, что эта болезнь излечима. Что случилось?

— Она, как правило, излечима, Джейс. Но случается всякое.

— Значит, я оказался исключением? Вытянул несчастливый билет?

— Пока мы говорим лишь о рецидиве. Для запущенной болезни это тоже типично. Периоды улучшения могут чередоваться с рецидивами. В некоторых случаях для устойчивого действия лекарство следует принимать длительный период — для накопления его в организме.

— Я уже полгода принимаю то, что ты прописал. А мне сейчас хуже, чем было вначале.

— Можем попытаться переключить тебя на другой склеростатик, проверить его действие. Но химически они все очень схожи.

— Значит, изменение рецепта не поможет.

— Трудно сказать. Чтобы проверить, нужно испробовать.

— А если не поможет?

— Тогда мы прекратим разговоры об устранении болезни и попытаемся управлять ею. Даже если рассеянный склероз не лечить, он редко кого убивает. Многие между рецидивами болезни ведут относительно нормальный образ жизни. — Я не добавил, что это происходит, как правило, не в столь тяжких случаях, как его. — Обычно при нейтрализующем лечении применяют сочетание противовоспалительных; селективно — ингибиторы протеинов и целевые стимуляторы центральной нервной системы. Такое лечение может эффективно подавлять симптомы и замедлять течение болезни.

— Отлично, — сказал Джейсон. — Пиши рецепт.

— Не торопись. Всё не так просто. Надо учитывать побочные действия.

— Например?

— Если повезёт — никаких. Возможны пси-

хологические расстройства: мягкая депрессия, лёгкие мании. Возможна также общая физическая слабость.

— Но я не буду психом выглядеть?

— Крайне маловероятно. Ни в начале лечения, ни в течение последующих десяти-пятнадцати лет. Однако эта мера — паллиатив, тормоз, замедление, но не остановка. Если проживёшь достаточно долго, болезнь вернётся.

— Верных десять лет даёшь?

— Настолько верных, насколько возможно в медицине.

— Десятилетие, — задумчиво произнёс он. — То есть миллиард лет. Как посмотреть. Может, этого и хватит. Должно хватить, как ты думаешь?

Я не спросил, для чего должно хватить этих десяти лет.

— Но тем временем…

— Никаких «тем временем», Тайлер. Я не могу себе позволить оторваться от работы и не хочу, чтобы кто-нибудь узнал.

— Тут нечего стыдиться.

— Я не стыжусь, — сказал он и опустил взгляд к своему белому халату. — Это я понимаю. Унизительно, но не стыдно. Дело не в психологии. Дело в моей работе. В том, что мне позволено. И-Ди

терпеть не может болезней. Он терпеть не может слабости любого рода. Он возненавидел Кэрол с момента, когда она из выпивающей превратилась в алкоголичку.

— Думаешь, он не поймёт?

— Уверен. Я люблю своего отца, но не слеп к его недостаткам. Он ни за что не поймёт, ничего не поймёт. Моё влияние в «Перигелионе» определяет И-Ди. И в данный момент оно ставится на карту. У нас с ним хватает разногласий. Как только он прознает, моментально засунет меня в какой-нибудь санаторий в Швейцарии или на Бали, в наилучший, разумеется. И будет считать, что сделал это ради меня. Причём совершенно искрение.

— Джейсон, тебе решать, что ты хочешь открыть или утаить, но невропатолога повидать тебе совершенно необходимо.

— Нет, — отрезал он.

— Джейс, я не смогу с чистой совестью лечить тебя, если ты не пройдёшь специалиста. Уже и то, что я прописал тебе тремекс без консультации со специалистом по мозгу…

— У тебя есть данные магнитного резонанса, есть анализы крови, — перебил меня Джейс. — Чего тебе ещё не хватает, Тайлер?

— В идеале — полностью оборудованной лаборатории и докторской степени по неврологии.

— Да брось ты. Сам же говорил, что рассеянный склероз в наши дни не такая уж страшная штука.

— Не страшная, если поддаётся лечению по учебнику.

— Я не могу… — Он хотел спорить. Но видно было, что он обессилел. Эта усталость также могла быть одним из симптомов рецидива. С другой стороны, он не знал отдыха несколько недель перед приездом И-Ди. — Давай договоримся. Если ты сможешь устроить конспиративную встречу со специалистом и не впишешь её в мою здешнюю карточку, я согласен. Но мне нужно сохранить работоспособность. Мне это нужно завтра. Мне нужно ходить без палочки и не ссаться на ходу. Эти все снадобья, о которых ты толковал, они быстрого действия?

— Обычно быстрого. Но без неврологической проработки…

— Тайлер, я очень ценю всё, что ты для меня сделал и делаешь, но, ей-богу, смогу найти себе и более сговорчивого врача. Давай, начинай лечение, а я согласен повидаться со специалистом. Я сделаю всё, что ты считаешь нужным. Но если ты

думаешь, что я появлюсь на работе в инвалидном кресле со вставленным в член катетером, то, уверяю тебя, ты ошибаешься.

— Джейс, даже если я сейчас же выпишу рецепт, чуда не произойдёт, за ночь ты не оправишься. Пару дней процесс займёт.

— Пару дней я как-нибудь выкрою. — Он задумался. — О'кей, — как будто решился он наконец. — Пиши свою грамоту и вызволи меня отсюда незаметно. Если согласен, я в твоих руках. И спорам конец.

— Врачи не торгуются, Джейсон.

— Давай, давай, Гиппократ.

* * *

Я не стал начинать с полного предназначенного для него фармацевтического коктейля, хотя бы потому, что всех средств в нашей аптеке не оказалось. Но дал стимулятор ЦНС, вернувший ему контроль над мочеиспусканием и способность передвигаться без посторонней помощи в течение ближайших дней. Правда, за счёт раздражённой заледенелости, оцепенения рассудка. Мне говорили, что это состояние свойственно наркоманам в конце кокаинового «запоя». У него поднялось давление и появились под глазами

тёмные мешки.

Мы дождались, пока персонал разошелся по домам и в компаунде остались лишь ночные охранники. Джейсон на деревянных ногах, но самостоятельно проследовал мимо охранников к стоянке, помахал рукой паре задержавшихся сотрудников и вполз на пассажирское сиденье моей машины. Я отвёз его домой.

Джейсон несколько раз заезжал в мой домик, но я у него оказался впервые. Ожидал я чего-нибудь соответствующего его статусу в фирме, но квартира, в которой он спал — мало чем он там занимался, кроме этого, — оказалась скромным закутком в кондоминиуме, правда, с видом на океан — тоже весьма скромным. Диван, телевизионный экран, письменный стол, пара книжных шкафов и широкополосный медийно-интернетовский канал. Стены голые, если не считать пространства над столом, где приклеен выполненный от руки линейный график истории Солнечной системы от рождения Солнца до его предстоящего скукоживания в белого карлика. На графике Джейс отобразил и человеческую историю, линия развития которой отклонялась с момента Затмения. В шкафах специальные журналы и распечатки статей, на одной из полок

три старых фотоснимка в рамках: И-Ди Лоутон, Кэрол Лоутон и надуто-серьёзная Диана.

Джейс сразу опустился на диван. Он выглядел эскизом-парадоксом художника-экспериментатора. Неестественный излом ищущего покоя тела и глаза, возбуждённо горящие под действием введённой в организм фармакопеи. Я вышел в миниатюрную кухню и поджарил яичницу — у обоих с завтрака крошки во рту не было. Джейсон всё время говорил, говорил, говорил не переставая.

— Понимаю, что болтлив, — заметил он среди прочего. — Но ничего не могу поделать. Сна ни в одном глазу. Меня, должно быть, ненадолго хватит?

— Если принимать весь букет средств, то эффект стимулятора смажется, не будет такого возбуждения, — сказал я ему, поднося тарелку к дивану.

— Быстро проняло. Должно быть, вроде допинга, которым спортсмены балуются. Но ощущение такое, как будто успокаивает. Я чувствую себя как неоновая реклама на пустом здании. Снаружи сияет, а внутри ничего. О, яйца, яйца! Отличная яичница, спасибо! — Съел он, однако, не более ложки и отодвинул тарелку.

Я сел за его стол, воззрился на график «Спина», представляя себе, каково жить рядом с таким выпяченным отображением истоков и судьбы человечества перед глазами, с родом человеческим в качестве определяющего явления в жизни заурядной звезды. Джейс изобразил всё без особого тщания, жирным маркером на здоровенном листе тёмной обёрточной бумаги.

Джейсон проследил за моим взглядом:

— Очевидно, они ожидают от нас какого-то действия.

— Кто?

— Гипотетики, раз уж мы их так определили. И, полагаю, мы должны что-то сделать. Все и каждый. Они ожидают от нас этого. Не знаю, чего. Подарка, сигнала, приемлемой жертвы.

— Почём тебе знать?

— Не могу сказать, что это личное наблюдение. Но почему Барьер могут преодолеть человеческие артефакты, такие как спутники и ракеты, но не могут метеоры и далее частицы? Очевидно, это не барьер. Неверный мы выбрали термин. — Под влиянием стимулятора Джейсон напирал на слово «очевидно». — Очевидно, это селективно действующий фильтр. Мы знаем, что он регулирует энергию, достигающую поверхности Земли.

Значит, гипотетики хотят сохранить нас или, по крайней мере, экологию планеты, не дать ей погибнуть. Но почему они не закрыли нам выход в космос? Даже после того, как мы оскорбили действием два их объекта? Чего они ждут от нас, Тай? Какого подарка?

— Может быть, не подарка. Может быть, выкупа. Заплати — и мы оставим тебя в покое.

Он покачал головой:

— Слишком поздно оставлять нас в покое. Они нам теперь необходимы. И мы никак не можем отвергнуть возможность того, что они к нам благосклонны. Или хотя бы терпимы. Предположим, они не вмешались бы, что тогда? К чему мы шли? Многие полагают, что мы семимильными шагами спешили к концу цивилизации, к концу рода человеческого. Глобальное потепление, перенаселённость, умирание морей, потеря посевных площадей, рост заболеваемости, угроза ядерного и биологического оружия…

— Мы могли бы самоуничтожиться, но в этом никого нельзя было бы винить, кроме нас самих.

— Нас самих? Кого конкретно? Тебя, меня? Нет, это было бы результатом взаимодействия нескольких миллиардов человеческих существ, принимающих личные решения: рожать или

не рожать детей, ехать ли в контору в машине, держаться ли за свою работу, решать ли в первую очередь очевидные, обеспечивающие личный комфорт задачи. Когда достигаешь точки, в которой самые банальные действия влекут за собой гибель вида, очевидно, достигнута критическая точка, переломный момент, после которого путь назад отрезан.

— Лучше пусть нас сожрёт Солнце?

— Этого пока что не произошло. И мы не первая выгорающая звезда. Наша галактика полна белыми карликами, вокруг которых, возможно, крутились обитаемые планеты. Ты когда-нибудь задумывался о них?

— Нечасто.

По голому паркетному полу я подошёл к полке с семейными снимками. Вот И-Ди показушно улыбается в объектив. Его улыбка никогда не казалась вполне убедительной. Заметно сходство с Джейсоном. Было заметно — так бы выразился сам Джейсон. Схожая оболочка, разный дух.

— Как жизни не погибнуть в звёздной катастрофе? Как ей выжить? Очевидно, это зависит от того, что понимать под термином «жизнь». Сводим ли мы её к органическим образованиям или восходим к генерализованным автокаталитическим

контурам с обратной связью? Неужто гипотетики непременно органики? Темна водица во облацех, но интересная тематика, интересная…

— Слушай, Джейсон, тебе бы надо попытаться заснуть.

Уже миновала полночь. Он скатился в непонятную мне терминологию. Я снял с полки фото Кэрол. Здесь сходство более тонкое, субтильное. Фотограф запечатлел Кэрол удачно, а главное — в удачный день. Глаза открыты, не припечатаны постоянной полудрёмой, как обычно. Улыбка хотя и еле приметна, едва уголки губ приподняты, но очевидна, за кислую гримасу не примешь.

— Может, они Солнце копают, — продолжал Джейсон развивать свои гипотезы о гипотетиках. — У нас не исключающие этого данные о солнечной активности. Очевидно, что все их операции вокруг Земли потребовали колоссального количества энергии. Можно сравнить энергопотребление с потребным для охлаждения массы Земли до почти абсолютного нуля. Откуда энергия? Из Солнца, вестимо. Ну, скорее всего. А мы зарегистрировали резкое сокращение всплесков на солнечной поверхности с момента наведения Барьера. Значит, кто-то там, в Солнце, развлекается. Можешь себе представить, а? Ребята запросто

таскают вёдрами энергию прямо из недр звезды! Нам бы так. Это почти столь же удивительно, как и сам «Спин».

Я поставил Кэрол на полку, перешёл к Диане. Сфотографировали её ещё до замужества. Чувствуется в лице определённое беспокойство, какая-то мысль о нерешённой проблеме сузила ей глаза. Красивая без вычур, но неспокойная, грациозная, но несколько выбита из колеи.

Многое о ней хранила моя память. Но все эти воспоминания задвинуты в прошлое, не нужны, устарели чуть ли не со скоростью «Спина». Джейсон увидел, что я схватился за фото его сестры, и на несколько благословенных мгновений смолк. Потом он сказал:

— Слушай, Тай, такая зацикленность тебя недостойна.

— Да почему зацикленность, Джейс?

— Почему? Потому, что ты не то приклеен к ней, не то боишься её. Я бы ей то же самое сказал, если бы она позвонила. Саймон держит её, сучку, на коротком поводке. Сильно подозреваю, что ей добрые старые новоцарские времена ой как вспоминаются. Голожопые унитарии да евангелисты. Теперь набожность в большей цене. — Он хмыкнул. — Она время от времени Кэрол звонит.

Плачется, что ли…

— Что, она несчастна?

— Ха! Она среди фанатиков. И из себя фанатичку строит. Счастье побоку.

— Может, она в опасности?

— Ой, не смеши. Она живёт жизнью, которую для себя выбрала. Могла бы выбрать другую. Могла бы, к примеру, тебя прикарманить. Если бы не вбила в башку эту идиотскую идею…

— Какую идею?

— Что И-Ди твой отец. Что она твоя биологическая сестра.

Я отпрянул от полки и уронил фото Дианы.

— Что за чушь!

— Это ты ей скажи. Я-то всегда понимал, что это чушь. Но она от этой идеи отрешилась, по-моему, лишь в колледже.

— С чего у неё такие мысли появились?

— Ну, мыслями это назвать… Просто фантазии. А почва… И-Ди её вниманием не баловал. Она чувствовала, что он ею пренебрегает, и не без оснований. Он никогда не желал заиметь дочь. Ему нужен был наследник, сын. Он предъявлял к наследнику высокие требования, и я, похоже, этим требованиям более или менее удовлетворял. На Диану ему отвлекаться не хотелось, он

полагал, что дочь должна воспитывать Кэрол. Но Кэрол… — Джейсон пожал плечами. — Кэрол как воспитатель оказалась не на высоте.

— И она придумала себе… историю?

— Она считала, что вывела всё логически. Эта теория объясняла, почему И-Ди держит тебя с матерью поблизости. Это объясняло, почему Кэрол пьёт, — с горя. И это её каким-то образом морально поддерживало. Твоя мать о ней больше заботилась, чем Кэрол. И ей нравилась идея о кровном родстве с Дюпре.

Я перевёл взгляд на Джейсона. Бледен, зрачки расширены, взгляд блуждает где-то вдали, он смотрит в окно. Я напомнил себе, что передо мной пациент, больной, что он переживает вполне предсказуемую психологическую реакцию на воздействие лекарства, что это тот же человек, который несколько часов назад плакал на столе из-за своей слабости.

— Знаешь, Джейсон, мне бы сейчас лучше уйти.

— Неужели это так страшно? Что поделаешь, рост, взросление — процесс болезненный.

Тут он вдруг резко повернул голову ко мне, впервые за вечер встретился со мной взглядом:

— О, чёрт… Подозреваю, что я нашалил.

— Действие лекарства, — утешил я его.

— Слушай, Тайлер, извини. Я гад.

— Тебе надо выспаться. Завтра почувствуешь себя намного лучше. Но в фирме тебе лучше не появляться.

— Не буду. Завтра заедешь?

— Обязательно.

— Спасибо.

И я ушёл.

Небесные сады

Эту зиму можно было назвать зимой запусков. Кроме мыса Канаверал новые пусковые платформы сооружались в юго-западных пустынях, на юге Франции, в Экваториальной Африке, в Чжукане и Ксичане (Китай), в Байконуре и Свободном (Россия). Рампы традиционного размера предназначались для засеивания Марса, для транспортировки же добровольцев в случае успеха терраформинга строились пусковые установки небывалых габаритов — для громадных ускорительных комплексов, получивших прозвище «Большие трубы». Рампы росли, как пышные стальные леса, уходящие корнями в бетон и изобильно орошаемые из федеральной казны.

Первые «посевные» ракеты выглядели на новых пусковых установках весьма скромно. Они серийно выпускались по образцам старых ракет «Титан» и «Дельта», без излишних усложнений; космодромы обрастали ими, как стручками гороха, готовясь отправить семена новой жизни на стерильную почву Марса.

В каком-то смысле можно было сказать, что весна наступила во всей Солнечной системе. По

меньшей мере — затянувшееся бабье лето. Обитаемая зона расширялась, её внешняя граница удалялась от Солнца по мере истощения запасов гелия в его ядре, продвигалась в направлении Марса и далее, к богатому твёрдой водой Ганимеду, спутнику Юпитера — следующего потенциального объекта терраформинга. На Марсе массы замороженных CO_2 и H_2O начали высвобождаться в атмосферу на протяжении миллионов подряд летних сезонов. В начале «Спина» атмосферное давление у поверхности Марса не превышало восьми миллибар — примерно столько же, сколько и в трёх милях над Джомолунгмой. Теперь же, даже без вмешательства человека, на планете воцарился климат, сравнимый с условиями на какой-либо из арктических вершин. Красную планету окутал густой, по марсианским понятиям, слой углекислого газа.

Следовало ускорить процесс. Мы собирались насытить воздух Марса кислородом, озеленить низины, создать водоёмы там, где периодическое таяние почвенных льдов взрывало поверхность грязными паровыми гейзерами.

Отчаянными оптимистами были мы в ту зиму пусковых установок.

* * *

Третьего марта, незадолго до запланированной даты первых «семенных» пусков Кэрол Лоутон позвонила мне домой и сообщила, что у матери случился обширный инсульт и что она при смерти.

Я договорился о замене на время отсутствия и, забронировав билет на первый утренний рейс в Вашингтон, отправился в Орландо.

Кэрол встретила меня в международном аэропорту Рейгана. Как будто трезвая. Она раскрыла мне объятия — пришлось её обнять, хотя никогда ранее она не проявляла в моём отношении ничего, кроме лёгкой озадаченности и равнодушия. Затем она отступила на шаг, придерживаясь дрожащими руками за мои плечи.

— Крепись, Тайлер.

— Она ещё жива?

— Пока держится. Идём, в машине поговорим.

Я проследовал за ней к машине, должно быть, выделенной И-Ди. Чёрный лимузин с федеральными наклейками; весьма неразговорчивый водитель с манерами отлаженного автомата помог загрузить багаж, в ответ на благодарность вскинул два пальца к шляпе и нырнул в кабину,

отделённую стеклянной перегородкой от шикарного пассажирского салопа. Не дожидаясь указаний, он повёл машину к клинике университета Джорджа Вашингтона.

Кэрол похудела, голова её на фоне кожаной спинки дивана казалась птичьей. Она вынула из крохотной сумки крохотный платочек, промокнула глаза:

— Всё плачу и плачу… Даже смешно… Вчера контактные линзы выплакала, потеряла напрочь, можешь себе представить? Знаешь, есть вещи, к которым привыкаешь, как будто так вечно и быть должно. Так я привыкла к твоей матери. Всё в доме в порядке, она рядом… Даже когда её в доме не было, я знала, что она рядом, через газон. Я ночами часто просыпаюсь, ты это можешь понять. И мир казался хрупким, я боялась упасть, провалиться, как будто сейчас пол проломится, и буду падать, падать без конца. А потом подумаешь о ней, и легче становится. Представишь, что она спит здоровым крепким сном в маленьком доме… Как улика в суде. Вещественное доказательство номер такой-то, Белинда Дюпре, возможность умиротворённости. На ней дом держался, Тайлер, уж знал ты это или нет…

Похоже, что я это сознавал. Фактически оба до-

ма, большой и малый, представляли собою одно домохозяйство, хотя в детстве я видел лишь различия: наш домик, скромный и спокойный, noire blanche maison, petite et tranquille, и «большой дом», в котором игрушки дороже, а споры злее.

Я спросил, побывал ли И-Ди в больнице.

— И-Ди? Куда там. Он занят. Для того, чтобы запускать ракеты на Марс, надо постоянно водить кого-то по кабакам. То же самое, что держит Джейсона во Флориде. Джейсон, как я понимаю, ведёт практическую часть, если есть у них там эта практическая часть, а И-Ди работает фокусником на арене, извлекает из разных шляп нужные деньги. На похороны-то он, конечно, приедет. — Я вздрогнул, и она виновато улыбнулась. — Что поделаешь. Врачи говорят…

— Что она не выздоровеет?

— Что она умирает. Да. И я тебе говорю, как врач врачу. Ты не забыл, что я когда-то была врачом? Когда была способна на это. И вот ты уже вырос, ты уже сам зрелый доктор с практикой… Бог мой, летит время…

Я не обижался на такую прямоту, даже ценил её. Может быть, причиной подобного поведения Кэрол была заставшая её врасплох трезвость. Она вдруг вернулась в ярко освещённый мир, от

которого двадцать лет пряталась в тени, и мир этот оказался таким же ужасным, как и прежде.

Машина подрулила к больнице. Кэрол уже освоилась в реанимационном отделении и довела меня до самой двери палаты, в которой умирала мать. Она остановилась перед дверью, и я спросил, не войдёт ли она внутрь.

— Нет. Не стоит. Я уже не раз с ней прощалась. Побуду на свежем воздухе, где не пахнет дезинфекцией. Покурю с санитарами у приёмного покоя, у каталок. Зайдёшь за мной туда?

Я пообещал.

Мать оставалась без сознания, на искусственном дыхании. Меха аппарата посвистывали, грудная клетка матери расширялась и опадала. Голова её поседела почти полностью. Я погладил её по щеке, но она не реагировала.

Повинуясь совершенно неуместному здесь врачебному рефлексу, я приподнял одно из её век, должно быть, чтобы проверить реакцию зрачка. Глаз, однако, сильно пострадал от кровоизлияния при ударе. Я увидел залитое кровью, красное, как спелый томат, глазное яблоко.

* * *

По дороге домой Кэрол пригласила меня на ужин, но я отказался, объяснив, что справлюсь сам.

— В кухне у матери, конечно, есть кое-какие запасы, но если передумаешь, мы будем тебе рады. Конечно, без твоей мамы там уже нет прежнего порядка, но приличная спаленка для тебя, конечно, нашлась бы.

Я поблагодарил, но сказал, что хотел бы побыть в доме детства.

— Ну смотри. Передумаешь — приходи без церемоний. — Она смотрела на маленький дом через газон, как будто не видела его десять лет. — Ключ-то у тебя с собой?

— Да, всё ещё с собой.

— Ну что ж… В общем, как хочешь. В больнице наши телефоны есть, если что.

Кэрол обняла меня ещё раз и направилась вверх по ступеням с решительностью, если не рьяностью, показывающей, что она слишком долго оттягивала сегодняшнюю выпивку.

Я пересёк побуревший от зимних холодов газон и вошёл в дом матери. Конечно же, её дом в большей степени, чем мой, хотя следы моего

присутствия не исчезли. Уезжая в университет, я оголил комнату, забрал всё, что мне тогда казалось важным. Мать, однако, поддерживала в порядке мою постель и заполнила зияния на сосновых полках и подоконнике цветочными горшками. В её отсутствие цветы быстро пересыхали, я полил их. Везде всё чисто, аккуратно. Диана как-то назвала манеру моей матери вести хозяйство «пропорциональной», что означало поддержание порядка без одержимости. Я зашёл в гостиную, в кухню, заглянул в её спальню. Не всё непременно на месте, но для всего определено место.

С наступлением темноты я задёрнул шторы и везде включил свет. Мать такого излишества, конечно, себе не позволила бы, но я как будто бросал вызов смерти. Подумал, заметила ли эту иллюминацию Кэрол, и, если заметила, успокоили ли её освещённые окна маленького домика или встревожили.

И-Ди вернулся домой около девяти вечера и снизошёл до визита ко мне. Постучал в дверь, выразил соболезнование. Его сшитый по мерке костюм помялся в дневной суматохе, да и сам он выглядел каким-то сникшим в ярком свете фонаря над крыльцом. Он неосознанно хлопал

по карманам пиджака и брюк, как будто что-то порывался найти или просто не знал, куда девать руки.

Его соболезнование было явно преждевременным, ведь мать ещё не умерла. Но он её уже списал. А ведь она ещё дышала или, по крайней мере, перерабатывала нагнетаемый ей в лёгкие кислород, одна в палате университетской клиники.

— Спасибо за сочувствие, мистер Лоутон.

— Бог мой, Тайлер, зови меня просто И-Ди. Меня все так зовут. Джейсон сказал, что ты там, во Флориде, отлично справляешься.

— Пациенты пока, кажется, довольны.

— Вот и отлично. Любой вклад ценен, и малый, и великий. Слушай, это Кэрол тебя сюда сослала? У нас в доме гостевые спальни готовы, если хочешь.

— Спасибо, мне здесь удобно.

— О'кей. Понимаю. Если что — не стесняйся.

Он зашагал обратно по зимнему газону. В прессе и в семье Лоутонов носились с гениальностью Джейсона, но я понимал, что И-Ди тоже мог бы претендовать на нечто подобное. Своё инженерное образование и деловые способности он вложил в динамично развивавшееся пред-

приятие, верно оценивал обстановку и быстро реагировал на её изменение. Он выпускал стратостаты, продавал частоты и диапазоны, когда «Американ» и AT&T ещё косились на «Спин», как перепуганные котята. Не хватало же ему не интеллекта Джейсона, но присущего Джейсону любопытства к физике Вселенной, джейсоновского чувства юмора и, может быть, джейсоновского налёта человечности.

Я снова остался один, дома и не дома. Усевшись на диван, подивился, как мало изменилась комната. Рано или поздно мне предстоит распорядиться содержимым этого дома, к чему я, честно говоря, оказался неподготовленным. Задача более сложная, более неестественная, чем терраформинг Марса. Возможно, из-за того, что я обдумывал эту деконструктивную задачу, мне и бросилось в глаза зияние на верхней полке этажерки возле телевизора.

Заметил я это потому, что, насколько я знал, за все годы моего проживания в малом доме пыль с верхней полки стряхивалась весьма нерегулярно. Верхняя полка представляла собою чердак жизни матери. Я мог бы перечесть по порядку всё, что там стояло, с закрытыми глазами: классные альбомы школьных лет (средняя школа Мартелла в

Бингеме, Мэн, 1975–1978 годы), зачётка из Беркли 1982 года, массивный нефритовый упор для книг в виде фигуры Будды, диплом матери в пластиковой рамке, коричневая папка-гармошка, в которой хранились её свидетельство о рождении, паспорт, налоговые документы и подпёртые вторым зелёным Буддой три обшарпанные обувные картонки «Нью баланс» с надписями: «Школа», «Маркус» и «Разное».

Но в тот день второй Будда удивлённо застыл в непривычном для себя положении, а коробка с надписью «Школа» отсутствовала. Я подумал, что мать сама сняла эту коробку, хотя нигде в доме её не заметил. В моём присутствии она довольно часто открывала лишь одну коробку, с надписью «Разное». В ней хранились корешки билетов и программки концертов, пожелтевшие вырезки из газет, включая некрологи её родителей, сувенирный значок в виде шхуны «Блюноуз» — память о медовом месяце в канадской Новой Шотландии; спичечные книжечки из ресторанов и гостиниц, ювелирные побрякушки, свидетельство о крещении, даже мой младенческий локон в вощанке, заколотой булавкой.

Я снял с полки другую коробку, с надписью «Маркус». Я никогда не проявлял особого любо-

пытства к отцу, а мать мало что о нём рассказывала, в основном в общих словах. Красавец, инженер, любитель джаза и коллекционер джазовых записей, лучший друг И-Ди по колледжу, но — увы! — большой любитель спиртного и жертва своей наклонности к езде в подпитии на высокой скорости. Из-за этого он и погиб, возвращаясь домой после визита к производителю электроники в Мильпитас. В коробке оказалась пачка писем в конвертах плотной бумаги, надписанных чётким, аккуратным почерком и адресованных Белинде Саттон — девичья фамилия матери — в Беркли, далее адрес я не разбирал.

Я вынул одно из писем, развернул листок пожелтевшей бумаги.

Лист оказался нелинованным, но строчки бежали ровно, параллельно одна другой.

> Дорогая Бел, — начал я и продолжил: — Вроде я всё сказал тебе вечером по телефону, но всё равно думаю о тебе. Пишу, и кажется, что приближаюсь к тебе, хотя и не так близко, как хотелось бы. Не так близко, как в августе. Я прокручиваю ленту памяти каждый вечер, когда ложусь в постель вдали от тебя.

Дальше я читать не стал, сложил лист и засунул его в старый конверт; закрыл коробку и вернул её на полку.

* * *

Утром в дверь постучали. Я открыл, полагая, что увижу Кэрол или какую-нибудь из её горничных. Но за дверью оказалась не Кэрол. За дверью оказалась Диана. Диана в длинной, до пят, тёмно-синей юбке и закрытой блузе с высоким воротом. Она стояла, сложив руки под грудью, сверкала глазами.

— Мне так жалко её, Тай, так жалко… Я как узнала, сразу сорвалась с места.

Но она опоздала. Десятью минутами раньше позвонили из больницы. Белинда Дюпре умерла, не приходя в сознание.

Во время службы И-Ди сказал несколько слов, но как-то скомкано и не по делу. Я тоже что-то сказал, Диана выступила весьма прочувствованно. Кэрол тоже собиралась выступить, но не то её слёзы душили, не то алкоголь — она не смогла даже с места подняться.

Конечно, Диана говорила из глубины души, искренне и трогательно. Она рассказывала о дарах, которые мать моя доставляла им на дом через

газон, как будто гуманитарную помощь из далёкой богатой страны, из страны доброты. Её слова меня растрогали. Все остальные словеса и действия церемонии остались у меня в памяти как что-то механическое, как будто заводные куклы отбивали однообразные поклоны. Выскакивали полузнакомые лица, кто-то что-то бормотал, я благодарил и улыбался, благодарил и улыбался, пока не приспело время идти на кладбище.

* * *

И-Ди устроил после похорон приём в «большом доме». Там мне выражали соболезнование его коллеги и партнёры. Этих людей я не знал совершенно, но некоторые из них встречались с моим отцом. Штат прислуги, хорошо знакомый с матерью, сочувствовал мне более живо и искренне переживал её кончину.

Обслуга сновала между гостями с серебряными подносами, уставленными бокалами, и я выпил больше, чем следовало. Диана, наконец, забеспокоилась и оттащила меня в сторонку от очередного кругового возлияния.

— Тебе нужно подышать свежим воздухом.

— Там холодно.

— Ты уже свою норму выпил, Тай. Продолжишь

— потеряешь над собой контроль. Выйдем на минутку.

И мы вышли на газон. На бурый зимний газон. Туда, откуда мы почти двадцать лет назад следили за небом, когда угасли звёзды. Обошли «большой дом» медленным прогулочным шагом, не обращая внимания на резкий мартовский ветер и на ледок, всё ещё затягивавший затенённые уголки двора и дома.

Все очевидности мы уже обговорили: моя работа в Сиэтле, переезд во Флориду, медчасть «Перигелиона»; её жизнь с Саймоном, отход от «Нового царства» и обращение к более ортодоксальному курсу, ожидание Царства Божия с трепетом и в самоотречении. Как же, «мяса не едим, искусственных волокон не носим» — её признания. Я топал рядом, ощущая в собственном дыхании запах сандвичей с ветчиной, облачённый в одежду с непременным процентажем усиливающего ткань полиэстера. Внешне она не слишком изменилась, но похудела. Может быть, больше похудела, чем необходимо для здоровья. Линия челюсти резко выделялась на фоне туго обтягивающего шею воротника.

Несмотря на подпитие, я достаточно трезво соображал, чтобы поблагодарить её за заботу о

моём поведении.

— Знаешь, мне тоже нужно было оттуда уйти, — призналась она. — Вся эта публика, которую созвал И-Ди… Никто из них твою мать, по сути, не знал. Ни один из них. У них там толк идёт о счетах, суммах, тоннаже. Деловые господа!

— Может, в понимании И-Ди это лучший способ почтить кого угодно. Спи, мол, спокойно, дорогой товарищ, мы продолжим твоё дело. Своего рода прощальный салют из боевого оружия. Как над могилой усопшей политической шишки.

— Ну ты и истолковал!

— Ты всё ещё на него злишься? — и даже по пустякам, добавил я про себя.

— На папашу-то? Ещё как! Хотя, конечно, можно было бы проявить милосердие и помиловать его. По твоему примеру.

— Мне его простить легче. Передо мной он не так виноват, он не отец мне.

Эта фраза не несла никакой «особенной» нагрузки, но впечатление от сказанного мне Джейсоном не так давно ещё не выветрилось, и в процессе её произнесения я почувствовал, что язык мой цепенеет, и я краснею. Диана удивлённо уставилась на меня, потом глаза её расширились до отведённых природой пределов, лицо выразило

гнев и растерянность. Эмоции ясно читались на её физиономии далее в свете удалённого от нас внешнего фонаря у входа.

— Ты говорил с Джейсоном, — отчеканила она ледяным тоном.

— Извини…

— И как это выглядело? Сидели за бутылочкой пивка и перемывали мне косточки?

— Ничего подобного. Он… Джейсон сказал это под воздействием лекарства. — Так я допустил очередной идиотский ляпсус.

— Какого лекарства? — насторожилась Диана.

— Я его врач. Я лечу его и иной раз прописываю разные лекарства. Это такая редкость?

— Не любое лекарство заставляет человека нарушать клятвы. Он обещал мне, что никогда не скажет тебе… — Она сделала следующий логический шаг: — Значит, он настолько болен, что не смог приехать на похороны?

— Он занят. До первых запусков остались считаные дни.

— Но ты его от чего-то лечишь.

— Врач не вправе разглашать сведения о состоянии здоровья пациента. — Конечно, я понимал, что такая фраза лишь добавит горючего в костёр её любопытства.

— Похоже на него. Заболеть и никому не дать знать. Скрытный до герметичности, запечатанный…

— Возьми да поинтересуйся. Могла бы и позвонить ему.

— Думаешь, не звонила? Я ему раньше еженедельно звонила, да что толку… От него ничего не услышишь. Как дела? Да всё путём. Как здоровье? Да отличненько. Что нового? Да ничего. Вот и весь разговор. Он со мной знаться не хочет, Тайлер. Он глубоко в лагере И-Ди. Я ему, что заноза в пятке. — Она чуть помолчала. — Разве что что-нибудь изменилось.

— Не знаю, что изменилось, но ты могла бы с ним увидеться лицом к лицу, поговорить.

— Как?

— Возьми ещё неделю. Лети со мной.

— Ты же сказал, он страшно занят.

— Когда начнутся пуски, ему придётся сидеть и ждать. Можешь с нами съездить на Канаверал. Увидеть, как делается история.

— Эти ваши запуски — тлен и суета. — Суждение прозвучало торжественно, однако мне показалось, что слышу ученицу, хорошо вызубрившую урок. — Я бы, может, полетела, но мы с Саймоном не можем этого себе позволить. Мы

сводим концы с концами, но богатыми нас не назовёшь. Мы не Лоутоны.

— Я куплю тебе билет.

— Щедрость по пьянке.

— Без шуток.

— Спасибо, не надо. Я не могу принимать такие подарки.

— Подумай.

— Давай поговорим, когда протрезвеешь, — добавила она, уже поднимаясь по ступеням крыльца. Жёлтый свет лампочки играл в её зрачках. — Что бы я когда-то ни думала… Что бы я ни говорила Джейсону…

— Не надо, Диана.

— Я знаю, что И-Ди не отец тебе.

Интересным в этом её утверждении было то, каким образом она его высказала. Твёрдо, решительно.

Как будто теперь ей все тайны мира открыты. Как будто она нашла ключ к тайнам Лоутонов.

* * *

Диана вернулась в «большой дом», я же решил, что свою дозу соболезнований получил, и отправился через газон, в дом моей матери, который теперь показался душным и перегретым.

На следующий день Кэрол сказала мне, что я могу не торопиться с освобождением помещений — она назвала это «устраивать дела». Относительно дальнейшего использования маленького дома не существовало никаких планов, так что я мог «устраивать свои дела» хоть месяц, хоть год, когда у меня будет время и настроение.

Насчёт настроения у меня не было никакой уверенности, но я поблагодарил её за чуткость и провёл день в весьма неспешных сборах в обратный путь, в Орландо. Сознание сверлила мысль, что следует взять что-то на память о матери для какой-нибудь моей собственной коробки сувениров, когда я её заведу. Но что? Одну из её Хаммелевских статуэток, которые она обожала, хотя я всегда считал их самой кретинской халтурой? Вышитую крестиком бабочку со стены гостиной? Гравюру «Водяные лилии» в «самосборной» рамке?

От этих размышлений меня оторвала Диана:

— Ну, как твоё предложение насчёт Флориды? Ещё не передумал?

— Конечно, не передумал.

— Дело в том, что я переговорила с Саймоном. Ему эта идея не то чтобы поправилась, но он полагает, что сможет обойтись без меня ещё

несколько дней. — Деликатный господин, подумал я. — Ну, тогда, если ты… Я имею в виду, ты вчера здорово поддал…

— Чушь какая. Сейчас позвоню.

И я заказал для Дианы билет из Вашингтона в Орландо первым рейсом на следующий день. После чего закончил паковаться. Из вещей матери я взял с собой одного из двух облупленных Будд.

Осмотрев весь дом, заглянув даже под кровати, я так и не нашёл обувной коробки с надписью «Школа».

Мгновения истории экопойезиса

Джейсон предложил нам снять комнаты в Какао-Бич и подождать его там день. Он давал последний информационный сеанс для медиакорпуса во флоридской штаб-квартире «Перигелиона» и высвободил себе окно до запусков, которые хотел наблюдать без долбящих его вопросами репортёров CNN.

— Вот и хорошо, — сказала Диана, когда я передал ей эту новость. — А вопросами я его не хуже репортёров задолбаю.

Мне удалось приглушить её страхи относительно состояния здоровья Джейсона. Она поверила, что он не умирает и что сообщать или не сообщать о своих болячках — исключительно его прерогатива. Она приняла всё это к сведению, однако так же горячо желала увидеть брата, чтобы убедиться своими глазами. Смерть моей матери, казалось, поколебала её веру в незыблемость звёзд вселенной Лоутонов.

Я использовал удостоверение «Перигелион фаундейшн» и поддержку Джейсона, чтобы снять два соседних номера в «Холидей Инн» с видом на Канаверал. Вскоре после того, как запустили

проект терраформинга Марса — «приняв к сведению» (то есть проигнорировав) возражения Управления по охране окружающей среды, — где-то на верфях построили и отбуксировали к Канавералу с дюжину мелководных плавучих пусковых платформ. Их поставили на якоря возле Мерит-Айленд, и мы могли любоваться ими из отеля. Остальные достопримечательности пейзажа — обширные автостоянки, обширные зимние пляжи, ширь океана.

Мы стояли на балконе номера Дианы. Она только что вышла из душа, переоделась, и мы собирались рискнуть спуститься в ресторан гостиницы. Остальные балконы по фасаду, сколько захватывал взгляд, щетинились камерами, штативами, объективами. «Холидей Инн» оккупировал медиакорпус. Конечно, Саймон светскую прессу, мягко говоря, не уважал, но Диану она, скорее, интересовала. Заходящего солнца мы не видели, но оно бросало свет на вышки и эстакады пусковых установок, придавая им вид таинственный, фантастический и какой-то скорее эфирный, нежели реальный. Казалось, что эскадрон гигантских боевых роботов шагает на позиции где-то в Центральной Атлантике. Диана отступила на шаг от балконной решётки, как

будто испугавшись этого стального частокола.

— Почему их так много?

Я усмехнулся:

— Залповый экопойезис.

Она засмеялась, глядя на меня с упрёком:

— Научный жаргон Джейсона?

Она не совсем угадала. Слово «экопойезис» применил некто по имени Роберт Хейнс в 1990 году, когда терраформинг был ещё чисто спекулятивным понятием. Технически термин означал создание саморегулирующейся анаэробной биосферы там, где до неё не существовало жизни, но в современном контексте он относился конкретно к биологическому преобразованию Марса. Озеленение Марса требовало сочетания двух видов планетной инженерии: грубого начального терраформинга с целью подъёма температуры поверхности и атмосферного давления до пороговых значений, допускающих возникновение жизни, и экопойезиса, то есть использования микробов и растений для улучшения почвы и насыщения воздуха кислородом.

Основную часть работы за нас выполнил «Спин». Все планеты Солнечной системы, за исключением Земли, уже разогрело расширяющееся Солнце. Нам оставалась более тонкая

задача — экопойезис. Однако существовало много путей выполнения этой задачи, много организмов-кандидатов, от бактерий, живущих внутри скал, до альпийских мхов.

— Значит, залповый, потому что вы одновременно посылаете всё, что можете?

— Всё, что можем, потому что нет гарантии выживания какого-то конкретного организма. Но хоть один должен выжить.

— Больше, чем один.

— Было бы неплохо. Ведь нам нужна как можно более полноценная экология, а не монокультура.

Запуск ракет предусматривался по графику. В первой волне на Марс доставлялись лишь анаэробные и фотоавтотропные организмы, простейшие формы жизни, не требовавшие кислорода и получавшие энергию от Солнца. В случае если они выживут и станут естественным образом отмирать в достаточных количествах, то создадут слой биомассы, достаточный для питания более сложных экосистем. Следующая волна, через год после первой, будет включать организмы-окислители. Последние запуски перед заселением Марса людьми должны доставить туда примитивные растения для фиксации почвы и регулирования циклов испарения и атмосфер-

ных осадков.

— Всё это звучит как-то невероятно, Тайлер.

— Мы живём в невероятное время. И необязательно всё задуманное осуществится.

— А если нет?

Я пожал плечами:

— А что мы теряем?

— Кучу денег. Затраты труда.

— Не вижу лучшего варианта использования всего этого. Да, стопроцентного успеха обещать невозможно, но результат стоит риска. Да и сейчас это предприятие окупается. Посмотри, как оно поднимает дух, как укрепляется международное сотрудничество.

— Но вы дурите людям головы! Вводите их в заблуждение. Убеждаете их, что можете управлять «Спином», что на это хватает вашей хвалёной технологии.

— Иначе говоря, внушаем им надежду.

— Ложную надежду. А в случае неудачи у них уже не останется никакой надежды.

— Так что же ты предлагаешь, Диана? Свернуть работы и развернуть молитвенные коврики?

— Глупо рассматривать молитву как признание поражения… А если получится, то пошлёте людей?

— Да. Если планета зазеленеет, пошлём людей.

Куда более сложная задача, как в техническом, так и в этическом плане. Из кандидатов формировались команды численностью в десять человек каждая. На ограниченных рационах и в ограниченном пространстве им предстояло выдержать перелёт непредсказуемой длительности. После месяцев невесомости справиться с опасными для жизни величинами отрицательных ускорений — а что обещал контакт с поверхностью? Если всё протечёт согласно расчётам и их скудный багаж, включающий лишь самое необходимое, опустится на поверхность Марса поблизости, им придётся учиться искусству выживания в крайне суровой обстановке, почти не приспособленной для существования человека. Их возвращение на Землю не предусмотрено, они должны жить на Марсе, воспитывать детей, передавать им знания и навыки…

— И какой же нормальный человек согласится на это?

— Ты удивишься…

Конечно, я не мог отвечать за китайцев, русских и иных иностранных добровольцев, но североамериканские кандидаты поражали, просто пугали своей нормальностью. Их отбирали

по критериям молодости, здоровья, физической выносливости, способности переносить неудобства. Лишь немногие из них пилоты-испытатели ВВС, но, как отметил Джейсон, у всех менталитет испытателей, желание рисковать жизнью ради достижения цели. К сожалению, большинство из них обречены, так же как и большинство фонда бактерий и растений. В лучшем случае мы можем ожидать, что одна-другая группы выживших, скитаясь по замшелым каньонам Valles Marineris наткнётся на такую же группу русских, датчан или канадцев, и они объединят усилия в целях создания жизнеспособного марсианского человечества.

— И ты это одобряешь и поддерживаешь?

— Моего мнения никто не спрашивал. Но я желаю им успеха.

Диана стрельнула в меня неодобрительным взглядом, но не стала развивать тему. Мы прошли к лифту и спустились в вестибюль, в ресторан, где пристроились к очереди из техников и журналистов информационных органов. У Дианы возбуждённо сверкали глаза. Она вертела головой, ловила словечки типа «фотодиссоциативный», «криптоэнделитический» и, конечно же, «экопойез» — репортёрская братия практиковалась,

чтобы язык в решающий момент не завязался узлом. Основной аудиофон ресторана — жизнерадостный смех и звяканье ножей и вилок, воздух напитан неопределённостью ожидания. Впервые с высадки на Луне более шестидесяти лет назад внимание всего мира так сконцентрировалось на космических приключениях, причём «Спин» придал марсианской миссии гораздо больше веса, поскольку она должна была оказать влияние на дальнейшее развитие Вселенной.

— И всё это работа Джейсона?

— Без Джейсона и И-Ди это, конечно, тоже могло бы произойти. Но всё шло бы иначе, скорее всего, не столь быстро и эффективно. Джейс всё время оставался в центре событий.

— А мы с краю. На периферии, на орбите его гения. Скажу по секрету, я его немного боюсь. Боюсь увидеть его после столь долгой разлуки. Я знаю, что он меня не одобряет.

— Не тебя. Может быть, твой образ жизни.

— То есть мою веру. Об этом можно потолковать. Я понимаю, что Джейс чувствует себя немного… преданным, обманутым. Как будто мы с Саймоном отреклись от всего, во что он верит. Но это не так. Мы с Джейсоном всё время шли разными путями.

— Я хочу тебе сказать, что он всё тот же Джейс. Добрый старый Джейс.

— А я? Ты уверен, что я добрая старая Диана?

На этот вопрос я не смог ответить.

Ела она с явным аппетитом, в заключение мы заказали десерт и кофе.

— Удачно сложилось, что ты смогла найти для этого время, — сказал я.

— Удачно, что Саймон спустил меня с поводка?

— Ну… Я этого не говорил.

— Да, конечно. Но, по сути, это так. Он иногда любит покомандовать. Он хочет знать, где я и чем занимаюсь.

— Это тебе мешает?

— Ты хочешь спросить, в опасности ли мой брак? Нет. Я бы этого не допустила. Это не означает, что у нас с ним не бывает расхождений. — Она поджала губы. — Да, имей в виду, я говорю это только тебе. Не Джейсону.

Я кивнул.

— Саймон изменился с того раза, когда ты его видел. Мы все изменились, если сравнивать со старыми днями «Нового царства». «Новое царство» связано с молодостью, с общностью веры, священным пространством, в котором мы не опасались друг друга, могли обнять друг друга не

только образно, но и буквально. Эдем на земле. Но мы заблуждались. Мы не обращали внимания на СПИД, не замечали ревности, воображали, что этих пугал не существует, что близкий конец света упразднил их значение. А конец света не спешил. Конец света — долгая работа, дело всей жизни, и надо оставаться сильными и здоровыми.

— Вы с Саймоном…

— Мы сильные и здоровые, — она улыбнулась, — спасибо за заботу, доктор Дюпре. Но мы потеряли друзей, друзья погибли от СПИДа, от наркотиков. Это движение — как американские горки, вверх — любовь, вниз — страдание. Любой из побывавших там скажет тебе то же самое.

Этого я проверить не мог, так как, кроме Дианы, ни с кем из «Нового царства» знаком не был.

— Последние годы ни для кого не были лёгкими.

— Саймон тяжело воспринимал происходящее. Он искренне верил, что мы были избранным поколением. Он говорил, что Бог так близко подошёл к человечеству, что ощущалось его тепло, как будто зимним вечером сидишь у очага и греешь руки. Мы все чувствовали то же самое, грелись в лучах Царствия Небесного, но Саймон ощущал

всё острее. И когда всё начало разваливаться, когда столько наших друзей пало жертвами болезней и вредных пристрастий, он страдал глубже, чем остальные, не мог себе места найти. Тогда же закончились деньги, ему пришлось искать работу. Нам обоим пришлось искать работу. Я подрабатывала, где придётся, Саймон ничего себе найти не мог, сейчас он убирает церковь в Темпе, в Финиксе, «Иорданский табернакл»… Платят ему нерегулярно, когда деньги есть, у них у самих не густо… Он учится на курсах сантехников, хочет получить сертификат…

— М-да, не скажешь, что земля обетованная…

— Да, но знаешь, мне кажется, что так всё и быть должно. Я и Саймону так говорю. Может быть, грядёт Царствие Небесное, и мы чувствуем его приближение, но оно ещё не наступило, и мы должны играть по правилам игры, даже если исход этой игры предрешён. И судить нас будут по делам нашим. Мы должны играть так, как будто всё происходящее имеет какое-то значение.

Мы поднялись обратно на этаж. Диана остановилась перед дверью своего номера и сказала:

— Я хорошо помню, как приятно мне с тобой говорить. А ты не забыл наши беседы по телефону?

Делиться своими страхами по целомудренным

каналам электросвязи. Интим по проводам. Её любимый дистанционный секс по телефону. Я послушно кивнул.

— Может быть, у нас снова получится. Может быть, я позвоню тебе из Аризоны.

Она позвонит, разумеется, потому что Саймону может не понравиться, если позвоню я. Она предлагала мне роль платонического дружка. Довериться, поплакаться, пожаловаться на жизнь тяжёлую. Персонаж при доминирующей даме, мелкий пидорок из мелодрамы для многоэкранного кинотеатра. Поболтаем, поделимся, никому не обидно. Завидная роль, ничего не скажешь.

Это, конечно, вовсе не то, чего я хотел и в чём нуждался. Но она смотрела на меня с воодушевлением, аж глаза блестели. Что ж я ей мог ответить?

— Да, конечно, конечно.

Она обняла меня и оставила в коридоре.

Долго я сидел в своём номере, нянчась со своим оскорблённым достоинством, под аккомпанемент смеха и музыки из соседних номеров, из-за окон, не желая видеть инженеров из «Перигелиона», из Лаборатории реактивных двигателей, с космодрома Кеннеди, газетчиков и телевизионщиков. Мощные прожекторы освещали пусковые

установки с ракетами, все мы участвовали в работе, определяющей ход человеческой истории, играли так, как будто всё происходящее имело какое-то значение.

Джейсон прибыл на следующий день к полудню, за десять часов до начала первой волны запусков. Погода радовала, чистое небо казалось добрым предзнаменованием. Из всех разбросанных по свету пунктов запуска не повезло лишь комплексу Европейского космического агентства в Куру во Французской Новой Гвинее. Там бушевала мартовская непогода. Денёк-другой задержки с запуском выльется в отсрочку на полмиллиона лет по Спин-времени.

Джейс сразу поднялся в мой номер. Диана пришла намного раньше и с нетерпеливым беспокойством дожидалась брата. Джейс прятал нос в дешёвую синтетическую куртку, кепку «Marlins» натянул на глаза, опасаясь, что его обнаружат журналисты.

— Тайлер, извини, я не смог прилететь на похороны, — начал он с порога.

— Понимаю.

— Белинда — лучшее, что было в нашем доме, честно говорю.

— Спасибо, Джейс.

Диана приблизилась осторожно, выжидающе глядя на брата. Они остановились в ярде друг от друга, оба молчали. Первым заговорил Джейсон:

— Этот воротник делает тебя похожей на банкира викторианской эпохи. Только брюха не хватает. Что, в вашем коровьем краю жрать нечего?

— Скорее кактусовый край, чем коровий, Джейс, — ответила Диана.

Они рассмеялись и обнялись.

* * *

Когда стемнело, мы с удобством расположились на балконе и заказали в номер мелко наструганные салатики из сырых овощей (выбор Дианы). Тьму обычной беззвёздной ночи прорывали прожектора, ярко высвечивавшие пусковые платформы и бросавшие бессчетные блики на мягкую морскую рябь.

Несколько дней назад Джейсон побывал у невропатолога, и диагноз специалиста полностью подтвердил поставленный ранее мною: устойчивый рассеянный склероз в тяжёлой форме. Единственное средство борьбы — наборы фармацевтики паллиативного действия, вызывающие временную ремиссию. Невропатолог порывался

сообщить о случае Джейсона в Центр контроля заболеваний, в последнее время вплотную заинтересовавшийся подобными случаями, для которых уже даже придумали специальное название — атипичный рассеянный склероз (АРС). Джейс каким-то образом отвертелся от настырного специалиста и пока что держался на прописанном лекарственном коктейле, не проявляя заметных признаков болезни. Диану его вид, во всяком случае, совершенно успокоил.

В честь знаменательного события он привёз с собою бутылку дорогущего французского шампанского.

— Мы могли бы сидеть на трибунах для почётных гостей, — сказал я Диане. — Рядом с ангарами сборки и подготовки. Тёрлись бы локтями с президентом Гарландом.

— Отсюда видно не хуже, — возразил Джейсон. — И проклятое племя писак не сверлит тебя камерами.

— Никогда президента вблизи не видела, — мечтательно прищурилась Диана.

В комнате молотил телевизор, который мы включили, чтобы слышать репортаж о происходившем на пусковых платформах, в центре управления и на гостевых трибунах. Небо остава-

лось тёмным, но комментатор принялся ругать последними словами Барьер, и Диана невольно подняла голову, как будто можно было что-то разглядеть сквозь это опущенное на яблоко Земли непрозрачное веко. Джейсон обратил внимание на её запрокинутую голову:

— С чего это он его снова Барьером именует… Газеты давно уже отказались от этого термина.

— Да? — удивилась Диана. — А как они его теперь называют?

Джейсон откашлялся:

— «Эта странная мембрана». «Оболочка», «плёнка», «перепонка», чуть ли не «плева».

Диана засмеялась:

— Ой-ой, кошмар. Ужасно. Гинекология какая-то.

— Да, но, видишь ли, всё же ближе к истине. Барьер — совершенно неверно. Скорее, это пограничный слой. Не какая-то линия, которую ты можешь пересечь. Пропуск объектов осуществляется селективно. Пересекая этот слой, ты не проламываешься через забор, а вообще ничего не замечаешь. Процесс напоминает осмос, просачивание. Отсюда и мембрана.

— Я, Джейсон, уже забыла, что значит разговаривать с тобой. Ты часто звучишь сюрреали-

стично.

— Тише, тише! — прошипел я. — Слушайте.

Телевизионный комментатор уступил эфир каналу НАСА, и бесстрастный голос начал обратный отсчёт. Тридцать секунд. Двенадцать заправленных ракет готовы к пуску. Двенадцать ракет взлетят вместе! Такой размах по плечу только НАСА. Подобное предприятие до сих пор считалось безрассудным, непрактичным и крайне небезопасным. Но времена меняются, целесообразность оценивается с иных позиций.

— Почему их надо запускать одновременно? — спросила Диана.

— Потому что… — начал Джейсон, но передумал. — Подожди. Смотри.

Двадцать секунд. Десять. Джейс встал и опёрся на балконные перила. На всех балконах отеля люди. Люди внизу, на пляже. Тысячи голов и линз устремлены в одном направлении. По оценкам прессы, к мысу съехалось около двух миллионов человек. Полиция сообщила о сотне с лишком украденных бумажников. Двое погибших от ножевых ранений, пятнадцать покушений на убийство, одни преждевременные роды. Ребёнок, четырёхфунтовая девочка, увидела свет на рабочем столе кулинарного центра «Блинчики

разных народов» в Какао-Бич.

Пять секунд. Телевизор в номере замолк. Воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь еле слышным жужжанием видеоаппаратуры.

И тут океан взорвался заревом. Запуск одной ракеты, даже самой малой, всегда оставался зрелищем впечатляющим. Что же говорить об одновременном пуске дюжины гигантов! Плавучие платформы высветились в огненном выхлопе решётчатыми небоскрёбами, чтобы почти тут же скрыться за густой туманной завесой, взметнувшейся со вскипевшей поверхности океана.

Двенадцать столбов белого огня, разделённых промежутками в милю, вонзились в небо, подсинив его черноту. Толпа на пляже издала воодушевлённый вопль, смешавшийся с рёвом твердотопливных ускорителей, леденящий кровь в жилах. Люди кричали не просто потому, что им продемонстрировали эффектное зрелище. Конечно же, каждый из двух миллионов собравшихся там, на пляже, видел раньше пуск ракеты, хотя бы по телевидению. Не внешняя эффектность и громовой грохот вызвали этот единодушный восторг. Главным воодушевляющим фактором оставалась цель пуска, его мотивация. Мы несли знамя земной жизни на Марс, мы бросили вызов

самому «Спину».

Ракеты поднимались, а на прямоугольном экране телевизионного приёмника я увидел, повернув голову назад, пуски с китайских и российских космодромов. Хищный горизонтальный свет попятился под напором ночи. Звук рассеялся в песке, в бетоне, в перегретой солёной воде. Мне показалось, что ноздри щекочет перегар ракетных двигателей, выплеснутый на сушу прибоем, кошмарно-притягательный запах фейерверка.

Фотокамеры продолжали стрекотать кузнечиками.

Шум на пляже не затихал до зари.

* * *

Мы зашли в номер и задёрнули шторы, отгородились от мрачного неба. Не переставая следить за теленовостями, откупорили шампанское. За исключением тропических дождей на французском полигоне, всё протекало согласно планам, бактериальная армада направлялась к Марсу.

— Так почему ж их всё-таки надо запускать одновременно? — вернулась Диана к своему вопросу.

Джейсон одарил её долгим задумчивым взглядом:

— Потому что нам нужно, чтобы они прибыли к месту назначения, по возможности, тоже одновременно. А обеспечить это не так просто, как кажется. Малейший разброс в прохождении мембраны выльется в годы и столетия разницы во времени. Для этих анаэробов не столь критично, но на них мы тренируемся, практикуемся, набираем опыт для дальнейшей работы.

— Годы и столетия? — удивилась Диана.

— Да, такова природа «Спина».

— Да, но столетия…

Он повернулся к сестре, нахмурился:

— Бог мой, Диана, ты меня иной раз поражаешь своим дремучим невежеством…

— Так объясни.

— Отметь-ка для меня секунду по часам, будь другом.

— Как?

— Очень просто. Опусти глаза на свои часики и отсчитай… Ладно, я сам, слушай. И — раз! Секунда. Понятно, так?

— Джейсон…

— Слушай, слушай. Коэффициент «Спина» — слышала о таком?

— Ну-у… Вообще-то слышала, конечно.

— Слышать недостаточно. Одна земная секунда

соответствует 3,17 года «Спина». Запомни это. Если одна из ракет пройдёт мембрану на секунду позже остальных, считай, что она задержалась на три с лишним года.

— Знаешь, только из-за того, что я не в ладах с какими-то числами…

— Это не какие-нибудь числа, Диана, эти числа критичны. Представь себе, что наша ракетная флотилия появилась из-за мембраны. — Он ткнул пальцем в воздух. — Одна секунда, раз — и всё. Но для ракет это три с лишним года. Секунду назад они были ещё в околоземном пространстве. А сейчас они уже на Марсе, доставили туда свой груз. Это буквально так, Диана, без преувеличений. Это уже произошло. Минута по твоим часам — сто девяносто лет на часах внешних.

— Это много, не спорю, но что ты сделаешь с планетой за сто девяносто лет?

— Итак, сейчас, пока мы говорим, прошло двести лет эксперимента. За наш час они проведут на Марсе одиннадцать тысяч четыреста лет. Через сутки они уже будут размножаться в течение почти двухсот семидесяти четырёх тысяч лет.

— О’кей, Джейс, я поняла смысл.

— Через неделю — под два миллиона лет.

— Ладно, ладно.

— Через месяц — 8,3 миллиона лет.

— Джейсон…

— Через год — сто миллионов лет.

— Да, но…

— Сто миллионов лет на Земле — примерно время между возникновением жизни на Земле до твоего прошлого дня рождения. Ста миллионов лет хватит этим микроорганизмам, чтобы выкачать двуокись углерода из карбонатных отложений в коре, высосать азот из нитратов, вычистить оксиды из реголита и обогатить их массой своих отживших трупиков. Высвобожденный CO_2 создает парниковый эффект. Атмосфера густеет, расширяется, согревается. Пройдёт год, и мы пошлём следующую армаду организмов, дышащих, и они начнут выделение кислорода из углекислого газа. Ещё год — мы добавим травы, другие растения, более сложные организмы. И когда всё это стабилизируется в некую гомеостатическую планетную экологию, направим туда людей. Понимаешь, что это означает?

— Скажи, — мрачно буркнула Диана.

— Это значит, что через пять лет на Марсе образуется процветающая человеческая цивилизация. Фермы, фабрики, дороги, города…

— Есть для этого древнее слово, Джейс.

— Экопойезис.

— Вообще-то я имела в виду другое. Фанаберия.

Джейсон усмехнулся:

— Я много о чём думаю, много о чём беспокоюсь. Но как отнесутся к моим действиям твои дряпаные небожители, меня не заботит.

— А гипотетики?

Он приподнял брови, не спеша откинулся на спинку стула, пригубил слегка выдохшееся шампанское.

— Я не боюсь их обидеть, — сказал он после паузы. — Наоборот. Я боюсь, что мы делаем именно то, чего они от нас ждут.

Дальше он не объяснял, а Диана давно хотела сменить тему.

* * *

На следующий день я отвёз Диану в Орландо к рейсу на Финикс. За эти дни мне стало ясно, что беркширская ночь нашей физической близости, до её замужества, не должна обсуждаться, упоминаться, что мы даже не должны на неё намекать — какими угодно усилиями избегать эту щекотливую тему. Мимолётно обняв меня при расставании в аэропорту, она обещала позвонить. Я понимал, что она действительно позвонит.

Диана редко обещала, но всегда выполняла обещанное. Но в то же время я сознавал, что времени до нашего следующего свидания пройдёт не меньше, чем прошло со дня предыдущего. Не время «Спина», но что-то такое же едкое и голодное. В уголках её рта и глаз я заметил морщинки, такие же, какие по утрам видел в зеркале.

Удивительно, подумал я, как быстро мы превратились в людей, мало знающих друг друга.

* * *

Весной и летом последовали очередные запуски. Ракеты выводили на высокую орбиту аппаратуру наблюдения, передававшую на Землю видеоданные и спектрографию — мгновения экопойезиса.

По первым данным нельзя было однозначно судить об успешности миссии. Небольшой рост содержания в атмосфере углекислого газа мог объясняться и повышенным обогревом солнечными лучами. Марс оставался холодным негостеприимным миром. Джейсон признал, что даже ГИМО (генноинженерные марсианские организмы), составлявшие основную часть первого посева, не гарантированы от гибели вследствие воздействия интенсивного ультрафиолетового

излучения Солнца и окислителей марсианского реголита.

Но в середине лета спектрография однозначно указала на резкое повышение биологической активности. Сильно возросло содержание водяных паров в погустевшей атмосфере, увеличилось также содержание метана, этана и озона, появились даже обнаружимые, хотя и незначительные, примеси азота.

К Рождеству эти изменения, хотя всё ещё и незначительные, были уже, можно сказать, принципиальными. Марс начал превращение в живую планету.

Снова началась подготовка к запускам, готовились новые живые грузы. В Соединённых Штатах в том году два процента стоимости валового продукта страны отводилось на работы, связанные со «Спином», львиная доля из них шла на марсианскую программу. Подобными же цифрами могли похвастаться и другие развитые страны.

* * *

Рецидив настиг Джейсона в феврале. Однажды утром, проснувшись, он не смог сфокусировать глаза. Невролог откорректировал лечение, порекомендовал в качестве временной меры повязку

на один глаз. За неделю, которую пришлось оторвать от работы, Джейсон оправился.

Диана сдержала слово. Она звонила мне не реже раза в месяц, иной раз и чаще, почти всегда поздно ночью, когда супруг её почивал в другом конце их маленькой квартирки. Они занимали несколько комнаток над магазинчиком старой книги в Темпе — лучшее, что могли себе позволить на зарплату Дианы и нерегулярные поступления от работы Саймона в их молитвенном доме. В тёплую погоду я слышал фоновое жужжание кондиционера, зимой тихо бубнил радиоприёмник, заглушая звуки её голоса.

Я пригласил её прибыть во Флориду на следующую серию запусков, но она, конечно, не смогла, сослалась на работу и на братьев по вере, которых ожидали в гости. Саймон, конечно, не одобрил бы столь частых визитов в лагерь иноверцев.

— У Саймона, можно сказать, очередной духовный кризис. Он пытается осилить вопрос пришествия Мессии.

— А что, намечается?

— Газет не читаешь? — Диана явно переоценивала интерес главных газет страны к набившей читателям оскомину грызне множества мелких церквей и церквушек. Возможно, у них в запад-

ной глубинке дело обстояло иначе, но Флориду эти бури в стакане воды не затрагивали. — Старое «Новое царство» верило во Второе Пришествие без Христа, тем и отличалось от остальных. — Я подумал, что этим они и оправдывали свои нудистские наклонности. — Прежние теоретики, Рэйтел и Грингидж, видели в «Спине» прямое исполнение библейского пророчества. То есть пророчество истолковывалось определённым образом. Подгонялось под факты. Беды исключались, исключалось и возвращение Христа. То есть соответствующие места из фессалоникян и коринфян перекраивали или просто игнорировали, а «Спин» представляли прямым вмешательством божества в человеческую историю, чудом, которое можно «пощупать», наложенным на Писание. Это освобождало нас, побуждало учредить Царство Божие на земле. Мы вдруг сами стали ответственными за хилиазм.

— Слушай, Диана, давай конкретнее… — У меня её «пришествия» жужжали в голове как бессмысленный бред лунатика.

— Ну, к чему это всё ведёт… Главное, что наш «Иорданский табернакл», наша маленькая церковь, официально отказалась от учения «Нового царства», несмотря на то, что половина прихо-

жан, как и мы с Саймоном, вышли из него. И сразу начались словопрения относительно бедствий, пророчеств, их истолкования и тому подобное. Береане против прогрессистов, пресвитерианцы против претеристов… Грядёт ли Антихрист? Где он и кто он? Что за чем следует и что чем вызывается, и что как называется? Со стороны глянуть, так это всё гроша ломаного не стоит, но народ разъярился, эмоции кипят, а люди, которые в это вовлечены, нам не безразличны, это друзья наши.

— А ты-то за кого?

— Я лично? — Она замолчала, и я услышал голос мурлыкающего где-то рядом с нею, в её крохотной кухоньке радио. Гладкоголосый диктор сообщал последние новости полуночникам. «Только что сообщили о перестрелке в Месе…» — Можно сказать, что я не определилась. Не знаю, во что верить. Иногда тоскую о прежних днях. Когда мы изображали рай и верили в него. Как будто…

Она смолкла. Послышался ещё один мужской голос, отличающийся от бархатного баритона радиодиктора:

— Диана, ты ещё не спишь?

— Извини, — прошептала она. Саймон на страже. Пора прервать нашу телефонную свиданку,

дистанционный адюльтер. — Позвоню.

И связь оборвалась, прежде, чем я успел попрощаться.

* * *

Вторая серия «посевных» пусков прошла столь же удачно, как и первая. Пресс-корпус снова оккупировал Канаверал, я же наблюдал за пусками на большом проекционном экране в актовом зале «Перигелиона». Дневной запуск послал в небо стаи цапель с Мерит-Айленд, взлетевших как конфетти из хлопушки.

И снова лето ожидания. Европейское космическое агентство подняло на орбиту телескопы и интерферометры следующего поколения, полученные данные отличались от прошлогодних чистотой и подробностью. В сентябре в каждом кабинете фирмы красовались фото высокого разрешения, свидетельствующие о нашем успехе. Я вывесил в медпункте снимки ледяной шапки Mons Olympus, окружённого свежими сточными каналами, туманных Valles Marineris, зелёных капилляров, змеящихся по Solis Lacus. Южные плоскогорья Terra Sirenum всё ещё пустынны, но края кратеров-воронок уже разъедены, рассыпаются под влиянием влаги и ветров.

Содержание кислорода в атмосфере колебалось в течение нескольких месяцев соответственно колебаниям массы аэробных организмов, но в декабре достигло двадцати миллибар и стабилизировалось. В потенциально хаотической неразберихе парниковых газов, неустойчивого гидрологического цикла и взаимозавязанных биогеохимических систем Марс стремился к новой стабильности, уравновешенности.

Череда удач благотворно влияла на Джейсона. Состояние ремиссии затянулось, он сохранял бодрость, выглядел счастливым, можно было сказать, что постоянная занятость оказывала терапевтический эффект. Раздражало его лишь навязанное ему положение идола, символа «Перигелион фаундейшн», гения научной мысли. На эту роль его постоянно выдвигал И-Ди, понимающий, что публике нужно «человеческое лицо» фирмы, и что лицо это должно быть молодым и не отпугивающим, желательно даже привлекательным. Его стараниями Джейс то и дело щурился под лучами съёмочных юпитеров. Подслащала пилюлю наклонность Джейса разъяснять сложные вопросы и популяризировать тематику работы фирмы. Тем не менее сниматься он так и не полюбил.

В тот год впервые запустили в космос беспилотные аппараты с ядерными силовыми установками, достаточно мощными, чтобы обеспечить доставку людей на Марс. По сравнению с «посевными» космическими аппаратами эти явились значительным шагом вперёд. Требуемый размер ускорителей превышал всё достигнутое ранее и представлял собою результат «героического конструирования по героической цене», по выражению Джейсона. В Конгрессе послышались недоумённые голоса, и лишь полоса успехов сдерживала недовольство законодателей. Джейсон беспокоился, что одна-единственная бросающаяся в глаза неудача может нарушить шаткое равновесие.

Вскоре после Нового года аппарат с ядерным реактором отказал, выйдя на орбиту, и не вернул на Землю полезную нагрузку. На Капитолийском холме разразилась буря. Указующие персты воздевались к потолку и гневно пронзали воздух. Ультраконсерваторы из штатов без аэрокосмической промышленности активно копали под И-Ди, но последующие успешные запуски помогли преодолеть это сопротивление. Джейсон сказал, что на этот раз удалось увильнуть от пули.

Диана следила за дебатами в Конгрессе, но не

придавала им особого значения.

— Джейсону следует беспокоиться о том, как выглядит эта марсианская эпопея с точки зрения народа. Пока что пресса благоприятная, так? Все в восторге, всем приятно, что они, то есть люди, человеческая раса, такие способные, такие могучие. Но эйфория рано или поздно истощится, а люди уже поднаторели в вопросах «Спина».

— Это плохо?

— Плохо, если марсианский проект провалится или не даст ожидаемых результатов. Не просто потому, что люди разочаруются. Они видели, как развивается процесс преобразования целой планеты, у них теперь есть отправная точка для оценки «Спина», какой бы немыслимой ни была его мощь. «Спин» теперь для них не просто что-то абстрактное, вы дали людям заглянуть ему в глаза, и это хорошо, для вас хорошо, я имею в виду. Но если вы оплошаете, вы выбьете у них почву из-под ног, и это будет хуже в первую очередь для вас, потому что люди увидели зверя в лицо. И они вас за это не похвалят, Тайлер, потому что будут бояться ещё больше, чем неизвестного.

Я процитировал ей стишок, который она сама читала мне давным-давно:

А мальчишка так и не узнал,

Что медведю завтраком он стал.

— Мальчишка начинает соображать, Тайлер, в том-то всё и дело. Может, так и определяются беды конца света.

Может быть. Иногда ночью, когда не спалось, я размышлял о гипотетиках, кем бы или чем бы они ни были. Бросалось в глаза, что они не просто в состоянии обернуть Землю странной мембраной, но они всё время были там, владели нами, располагали нами и нашим течением времени почти два миллиарда лет.

Ничто даже отдалённо напоминающее человека не может обладать таким терпением.

* * *

Невропатолог Джейсона подсунул мне недавнюю публикацию JAMA, информационного органа Американской медицинской ассоциации. Исследователи из Корнелла обнаружили генетический маркер острого устойчивого рассеянного склероза. Необъятно жирный и невероятно талантливый Дэвид Малмстейн проштудировал ДНК-профиль Джейсона и обнаружил шероховатости. Я спросил его, что конкретно он имеет в виду.

— Это значит, что мы теперь сможем выкраивать ему лечение по мерке, — ответил он. — С другой стороны, это значит, что наш пациент не может ожидать постоянной ремиссии, на которую вправе рассчитывать пациент типичный.

— Но он уже год в ремиссии. Это не так уж мало.

— Мы давим его симптомы, и только. АРС тлеет, вроде как подземный угольный пласт, и придёт время, когда мы больше не сможем сдерживать пламя.

— И начнётся необратимый процесс.

— Вот именно.

— И сколько он ещё сможет нормально выглядеть?

Малмстейн поджал губы:

— Слово в слово. Он именно так меня и спросил.

— И что вы ему ответили?

— Что я не гадалка. Что АРС — болезнь без устоявшейся этиологии. Что у человеческого организма свой календарь.

— Такой ответ ему, конечно, не поправился.

— И он этого не скрывал. Очень громко не скрывал. Но мне не в чем себя упрекнуть. Может, он ещё десять лет будет бегать, как пацан. Может,

к концу этой недели на весь остаток жизни усядется в коляску.

— Так вы ему и объявили? — ахнул я.

— Ну, не в такой форме, конечно. Нельзя, чтобы он терял надежду. Дух у него боевой, а это много значит. Я вполне допускаю, что он протянет два года, пять, а то и больше. Дальше — не стану гадать. Хотел бы иметь право пообещать что-нибудь получше.

Я не сказал Джейсу, что говорил с Малмстейном, но заметил, что в последующие недели он удвоил усилия, добиваясь результатов вопреки времени и смертности. Наперегонки не с концом мира, а со своим собственным.

Возрастала частота запусков, увеличивалась их стоимость. Последняя волна «посевных» запусков — единственная с настоящими семенами — прошла в марте, через два года после того вечера, когда мы с Джейсом и Дианой наблюдали отрыв от флоридского берега дюжины ракет, устремившихся к тогда ещё безжизненному Марсу.

«Спин» дал нам необходимые рычаги для долгого экопойезиса. Теперь, с запуском семян сложных растений, время стало критичным. Если протянуть слишком долго, влияние Марса может вывести эволюцию из-под контроля. Съедобные

растения за миллион лет развития могут уйти настолько далеко от своих предков, что станут несъедобными или даже ядовитыми.

Это означало, что спутники наблюдения следует запустить уже через неделю после «посевных» ракет. И сразу же после этого, в зависимости от результата, должны отправляться в путь космические корабли с людьми.

Ночью после запуска спутников наблюдения позвонила Диана. Данные со спутников были уже получены, но ещё не проанализированы в Пасадене, в Лаборатории реактивного движения. Голос Дианы звучал озабоченно, на мой вопрос она признала, что осталась без работы, по меньшей мере, до июня. Они уже задолжали за квартиру. И-Ди просить о помощи она не могла, а с Кэрол вообще ни о чём не договоришься. Она собиралась обратиться к Джейсону, но это означало пережить малоприятные минуты унижения.

— О какой сумме речь, Диана?

— Тайлер, я не хочу…

— Понимаю. Ты ни о чём не просила. Я сам предложил.

— Ну… Сейчас даже пятьсот долларов могут исправить положение.

— Наследство, я так полагаю, исчерпано.

— По управляющему тресту Саймон всё выбрал. У семьи есть деньги, но она разорвала с ним отношения.

— Ему, конечно, не понравится, если я вышлю тебе чек.

— Конечно. Я могу ему сказать, что нашла старую страховку и получила по ней. Что-нибудь в этом роде. Подобную ложь, как мне кажется, можно не считать грехом.

— Ваш адрес по-прежнему Кольер-стрит? — Ежегодно я отправлял туда на Рождество стандартную поздравительную открытку и получал столь же стандартную ответную, с традиционным заснеженным пейзажем и призывом благословения Господнего за подписью супружеской пары Таунсенд.

— Да. Спасибо, Тайлер, спасибо большое. Это ужасно, знаешь, ужасно…

— Что ж, сейчас многих поджимает.

— У тебя-то хоть всё нормально?

— Да, у меня всё в порядке.

Я выслал ей шесть чеков, каждый пятнадцатым числом, на полгода, не представляя, укрепит это нашу дружбу или похоронит её. И вообще, имеет ли это какое-то значение.

* * *

Наблюдение выявило мир более сухой, чем земной, но с вкраплениями озёр, сиявшими, как бирюзовый эмалевый орнамент на круглом медном блюде. Над планетой ползли облака, ветры гнали дождевые тучи к склонам погасших вулканов, дожди питали речные бассейны и увлажняли болотистые низины, зеленевшие, как пригородные луга.

Закончена заправка ускорителей. На пусковых установках и космодромах всего мира восемь сотен человеческих существ, готовые отправиться в долгий и опасный путь навстречу весьма проблематичному будущему, поднялись в головные спускаемые аппараты и заперлись в отсеках, больше напоминающих одёжные шкафы. Ковчеги с ядерными энергетическими установками, венчающие ракеты, кроме астронавтов, вместили эмбрионы овец, коров, лошадей, свиней и коз в стальных матках; семена десятка тысяч полезных растений, личинки пчёл и других полезных насекомых; десятки одинаковых биологических наборов, в надежде на то, что хотя бы некоторые из них перенесут спуск, выживут и приспособятся к новым условиям. К отправке были готовы

также информационные архивы человеческого знания как в цифровом виде, так и в плотной печати; солнечные генераторы, укрытия, теплицы, водоочистные установки, походные госпитали. В оптимальном случае все экспедиционные суда сядут на экваториальные равнины с разницей в несколько лет, в зависимости от момента прохода сквозь мембрану «Спина». В худшем случае даже один корабль, прибыв благополучно, сможет поддержать свою команду в течение периода акклиматизации.

Снова я в актовом зале «Перигелион фаундейшн», вместе со всеми, кто не отправился на берег к мысу. Сижу в первом ряду, рядом с Джейсоном, вместе с ним смотрю на экран. Трансляция канала НАСА показывает длинный ряд платформ, стальные острова, связанные громадными фермами мостов, десять гигантских комплексов «Прометей». Под таким названием их разработали «Боинг» и «Локхид-Мартин»; Россия, Европа и Китай использовали тот же проект, но применили национальные названия, свою маркировку и окраску. Ракеты возвышаются над синевой Атлантики, как столбы какого-то гигантского забора. Многих жертв стоил этот момент. Налоги, национальный продукт, береговая линия,

коралловые рифы, карьеры и даже человеческие жизни. В основания платформ вмонтированы таблички с именами пятнадцати монтажников, погибших при создании комплекса. Во время обратного отсчёта Джейсон мелко трясёт ногой, дробно постукивает подошвой по полу. Настороженно слежу за этим движением. Он ловит мой взгляд, скалит зубы:

— Психую. Просто психую. А ты — нет, что ли?

Не обошлось без проблем. По всему миру космические агентства подготовили к синхронному запуску восемьдесят больших комплексов. Но проект новый, необкатанный, не всё проходило гладко. Четыре не смогли стартовать по техническим причинам. Три задержали на стадии обратного отсчёта из-за протечек в топливных трубопроводах и сбоев в матобеспечении. Ничего нового, традиционные неизживаемые неполадки, однако как хотелось бы без них обойтись!

Так много событий в такое сжатое время. В этот раз пересаживалась на чужую почву не биология, а история человечества, которая, как выразился Джейс, горела ярким пламенем в сравнении с медленным окислением эволюции. В молодости нашей, когда мы ещё не покинули «большого дома», но уже после наступления «Спина», Джейс

однажды наглядно продемонстрировал эту идею. Он велел нам развести руки в стороны и, когда мы исполнили его приказание, сказал: «От левого указательного пальца до правого указательного пальца — история земли. Знаете, какова тогда история человечества? Даже не ноготь. Лишь малая его часть. Столько, сколько вы срезаете, когда он перерос. И здесь, на этом отрезке ногтя, умещаются и открытие огня, и изобретение письменности, и Галилей с Ньютоном, и посадка на Луну, и 11 сентября, и прошлая неделя, и это утро. По сравнению с эволюцией мы новорождённые. По сравнению с геологией нас вообще почти нет».

Затем голос диспетчера центра управления полётом произнёс:

— Старт!

Джейсон, не разжимая зубов, с шумом втянул воздух. Слегка повернув голову, он наблюдал, как девять из десяти комплексов, каждый из них выше небоскрёба «Эмпайр-стейт-билдинг», каждый накачанный горючим, борясь с земным притяжением и инерцией, сжигая многие тонны топлива, оторвались от поверхности, испаряя морскую воду, чтобы заглушить звук, столь мощный, что мог бы их разрушить. Потом мне показалось, что из

пара и дыма выросли вертикальные лестницы, по которым корабли вскарабкались вверх, быстро набирая скорость, вырываясь из создаваемых ими клубов дыма, оставляя под собой пламенные хвосты. И исчезли, как и при каждом успешном запуске. Последний комплекс отключился из-за неисправности сенсора, поднявшего ложную тревогу, но ушёл в космос десятью минутами позже. Он прибыл на Марс примерно через тысячу лет после остальных, но и такой вариант предусматривался проектом. Он содержал некий элемент страховки, резерва, вводя земную технологию и информацию, когда бумажные книги и цифровые носители первых колонистов уже рассыпались в пыль.

Прошли считанные мгновения, и трансляция из Французской Гвианы, с многократно расширенного полигона «Сантр насьональ д'этюд спасьяль» в Куру показала, как один из комплексов, изготовленный фирмой «Аэроспасьяль», поднявшись на сто футов, потерял тягу и рухнул обратно, окутанный морем огня.

Погибли двенадцать человек, десять на борту и двое на земле. Эта трагедия осталась единственной во всей серии, что тоже можно считать элементом крупного везения.

* * *

Продолжение следует. К полуночи — чем не показатель гротескного расхождения шкал времени «Спина» и Земли? — человеческая цивилизация на Марсе если не погибла, то прошла стотысячелетнюю историю развития — примерно столько же времени миновало с момента появления homo sapiens как самостоятельного вида.

Я направлялся домой из компаунда фирмы, а за краткое время моего перемещения от ворот «Перигелион фаундейшн» до домика на побережье, за моменты ожидания у светофора, на Марсе, возможно, набирали силу, слабели, сменяли одна другую династии. Я думал о полных, насыщенных человеческих жизнях, пролетавших меньше чем за минуту на автомобильных часах, и ощущал лёгкое головокружение. «Спин» головы. «Спин» сознания.

Этим вечером успешно запустили полдюжины спутников наблюдения Марса. Ещё до рассвета их вернувшиеся капсулы приводнились в Атлантике. Их тут же выудили и отправили на обработку.

Я получил доступ к результатам до того, как их обнародовали.

Со дня запуска «Прометеев» прошла неделя. Визит в медчасть Джейсон назначил себе на половину одиннадцатого утра, собираясь заодно сообщить мне новости из Лаборатории реактивного движения. Визит он не отменил, но опоздал на час и появился с большим конвертом из коричневой бумаги, явно желая что-то обсудить. Что-то не медицинского характера. Я тут же провёл его в свой кабинет.

— Не знаю, что сообщить репортёрам, — посетовал он. — Я только что провёл телефонную конференцию с шефом Еврокосмоса и китайским начальством. Мы пытались прийти к общей позиции, составить согласованное заявление для глав правительств, но куда там! Если русские на что-то соглашаются, китайцы тут же требуют эту фразу изменить, если что-то нравится китайцам, русские немедля накладывают на этот оборот вето. Кто в лес, кто по дрова.

— О чём заявление, Джейс?

— О данных со спутников.

— Пришли, наконец, результаты?

В этот раз они прибыли с необычной задержкой. Лаборатория обычно не затягивает выдачу результатов. Но из поведения Джейсона следовало, что кто-то придерживал поводья, кто-то

«уселся» на полученные данные. Следовательно, данные неожиданные. И скорое всего, не особенно приятные.

— Глянь.

Джейсон вытащил из конверта два композитных телескопических фото, одно поверх другого. Снимки Марса с земной орбиты после запуска «Прометеев».

Первый снимок — взгляда не оторвать. Не столь чёткий, как тот, что я повесил в приёмной своей медчасти, так как планеты заметно разошлись на орбитах, и снимок пришлось дорабатывать. С первого взгляда он ненамного отличался от снимка в приёмной, зелень давала возможность сделать вывод, что трансплантированная экология всё ещё функционирует.

— Приглядись внимательнее.

Джейсон провёл пальцем вдоль извилистого русла реки, выделяя чётко очерченные участки геометрических очертаний. Обработанные поля!

— Развитое сельское хозяйство, — сказал Джейсон.

У меня перехватило дыхание. В Солнечной системе теперь две обитаемые планеты! И не в абстрактных умопостроениях, а на практике. Передо мной доказательство того, что на Марсе

живут люди.

Я смотрел бы и смотрел на этот снимок, но Джейсон сунул его в конверт и открыл второй:

— Второй — на следующие сутки, через двадцать четыре часа.

— Не понимаю.

— Снимала та же камера того же спутника. Мы думали, что камера отказала, пока не сфокусировали достаточно, чтобы разобрать звёздный фон.

Но на фото ничего не было! Несколько звёзд по краям, а в центре чёрный диск.

— То есть как?

— Мембрана «Спина». Мембрана «Спина», вид снаружи. Марс обзавёлся своей собственной.

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Мы направлялись в глубь страны, удалялись от берега, удалялись от Паданга. Машина взбиралась в холмы, плыла по идеально ровному шоссе, тряслась на ухабах его же разбитых участков и каких-то просёлков и, наконец, затормозила перед угадывавшимся во тьме бетонным бункером, в котором, судя по намалёванному на стене под вольфрамовой лампочкой накаливания красному полумесяцу, находилось нечто здравоохранительное. Водитель всполошился, увидев в этом доказательство того, что я вовсе не пьян, а болен, но Диана сунула ему в руку ещё одну бумажку, и он отбыл, если не счастливый, то умиротворённый.

Стоять без помощи Дианы я бы не смог. Я практически висел на ней, но она как будто этого не замечала. Мы остались во влажной ночи на мокрой дороге, освещённой пробивавшимся сквозь рваные облака лунным светом. Перед нами клиника, через дорогу заправочная станция на фоне тропического леса, какие-то лишённые

растительности участки — может быть, делянки местных крестьян. Вокруг ни души.

Но вот дверь скрипнула и выпустила из-под лампочки невысокую пухлую даму в длинной юбке и маленькой белой шапочке.

— Ибу Диана, — произнесла женщина взволнованно, но негромко, как будто боясь, что её кто-то услышит, — добро пожаловать.

— Ибу Ина, — откликнулась Диана.

— А это…

— Пак Тайлер Дюпре, о котором я говорила.

— Слишком больной, чтобы рот раскрыть?

— Слишком больной, чтобы сказать что-нибудь осмысленное.

— Пройдёмте внутрь.

Подпираемый с одной стороны Дианой, а с другой подхватившей меня женщиной, я двинулся ко входу. Женщина не молодая, но на диво сильная. Волосы под белой шапочкой седеющие и редеющие. От неё пахло корицей. Судя по тому, как она морщила нос, от меня разило чем-то куда менее приятным.

Мы прошли через приёмную, обставленную ротанговой и дешёвой металлической мебелью, вошли в весьма профессионального вида медицинский кабинет. Здесь Диана сгрузила меня на

мягкий смотровой стол, достаточно комфортный, чтобы можно было, не теряя ощущения личной безопасности, потерять сознание. Последнее, что я разобрал, — слова женщины:

— Посмотрим, что мы для него сможем сделать.

* * *

Очнулся я от донесшегося из отдалённой мечети призыва к молитве и от запаха свежего кофе.

Совершенно голым я лежал на неком подобии матраца в каморке с бетонными стенами и одним окошком, пропускавшим внутрь предрассветную мглу — единственный свет в помещении. Дверной проём закрывал бамбуковый занавес, из за которого доносилось энергичное бряканье мисок и ложек.

Одежда, снятая с меня ночью, выстиранная и высушенная, лежала рядом аккуратной стопкой. Я очнулся в состоянии между приступами, ощущая временное облегчение и прилив сил, достаточный, чтобы самостоятельно одеться.

Я как раз стоял на одной ноге, прицеливаясь другой в штанину, когда в дверь заглянула ибу Ина.

— Ага, вы уже в состоянии встать!

Ненадолго. Полуодетый, я рухнул на матрац. Ина вошла в комнату с миской белого риса, ложкой и эмалированной кружкой. Она опустилась на колени на пол рядом с матрацем и указала взглядом на деревянный поднос: не хочу ли я позавтракать?

Оказалось, что хочу. Впервые за несколько дней я ощутил голод. Может, это и к лучшему. Штаны на мне смешно болтались, рёбра торчали.

— Спасибо вам, — пробормотал я.

— Мы уже познакомились ночью, — сообщила она, вручая мне миску. — Помните? Извините за скромную обстановку. Эта комнатка неудобна, зато скрытно расположена, в ней лучше прятаться.

Ей лет пятьдесят, может, и все шестьдесят. Лицо смуглое, круглое, морщинистое, похожее на полную Луну. Свободная одежда делает женщину несколько похожей на куклу-грелку для чайника. Если бы амиши вздумали осесть на западе Суматры, они бы непременно выпестовали здесь породу, к которой и принадлежит ибу Ина. Говорит она по-английски с напевным индонезийским акцентом, но выговор правильный. Вот и отлично, можно с ходу наградить её хоть каким-нибудь комплиментом.

— У вас отличный английский.

— Спасибо. Я училась в Кембридже.

— Язык?

— Нет, медицина.

Рис чрезмерно стопроцентно диетический, но всё равно вкусный. Я расправился с ним в минуту.

— Чуть позже добавить?

— Да, спасибо, если можно.

«Ибу» на минангкабау добавляется при обращении по имени к уважаемой женщине. Мужской эквивалент — «пак». Стало быть, Ина доктор минангкабау, и мы находились в горах Суматры, возможно, где-то недалеко от Мерапи. Всем, что мне известно о народе Ины, я обязан путеводителю по Суматре, с которым бегло ознакомился в самолёте. В горах Суматры разбросаны десятки деревень и городов минангкабау, многие из лучших ресторанов Паданга принадлежат представителям этой народности. Минанг известны склонностью к матриархату, деловой смёткой и окрашенностью привитого им ислама обычаями адата.

Этих скудных сведений, однако, не хватало, чтобы объяснить, что я делаю в задней комнатке доктора народа минанг.

— А Диана ещё спит? Я хотел её спросить…

— Ибу Диана вернулась в Паданг. Отправилась в автобусе. Но вам здесь ничто не угрожает.

— А ей?

— Конечно, здесь она была бы в большей безопасности, чем в городе. Но тогда вы не смогли бы покинуть Индонезию.

— Как вы с Дианой познакомились?

Ина улыбнулась.

— Чисто случайно. Или почти случайно. Она торговалась с моим бывшим мужем, Джалой. Джала всяким занимается, торгует тоже. Тогда стало ясно, что неореформазы к ней питают живейший интерес. Несколько дней в месяц я работаю в центральной больнице в Паданге, и однажды Джала познакомил нас с Дианой. Просто потому, что ему нужно было место, чтобы временно спрятать выгодного клиента. Встретить сестру самого пак Джейсона Лоутона! Что может быть интереснее?

Я насторожился:

— Вы знаете Джейсона?

— Я много о нём слышала, но, в отличие от вас, ни разу с ним не встречалась, не имела возможности с ним общаться. А в ранние дни «Спина» я ловила о нём каждое слово. Ведь вы были его личным врачом. И вот, оказались в моей клини-

ке, надо же!

— Диана слишком разговорчива, — пробубнил я себе под нос. Конечно, ей вообще не следовало упоминать имён. Единственная наша защита — анонимность. И вот, она под угрозой.

Ибу Ина смутилась:

— Конечно, лучше бы этого имени не упоминать, вы правы. Но, видите ли, иностранцев с проблемами и конфликтами здесь, в Паданге, сейчас пруд пруди. Как в народе говорят, «пучок на сен», то есть на копейку. Сложнее положение иностранцев с проблемами не только юридическими, но и медицинскими. Диана узнала, что как Джала, так и я, поклонники Джейсона Лоутона. Конечно, упоминание ею имени брата — своего рода акт отчаяния. Я, собственно, ей сначала не поверила, полезла в Интернет, искать фото. Для знаменитостей, я понимаю, это бесконечное фотографирование — страшная обуза. Конечно, я нашла семейное фото Лоутонов, раннего периода «Спина», и сразу узнала её, она не соврала. Значит, и то, что она рассказала о своём больном друге, — тоже правда. Вы врач Джейсона Лоутона. И конечно, тот, другой, более знаменитый…

— Да.

— Тот, маленький, весь в морщинах, чёрный…

— Да.

— Лекарство, которое заставило вас страдать.

— Я надеюсь, что от него мне станет, в конечном счёте, лучше.

— Как и в случае Дианы, по её словам. Это очень интересно. Возможно ли взросление после взросления? Как вы себя чувствуете?

— Похвастаться нечем.

— Что ж, процесс ещё не завершён.

— Да, процесс ещё не завершён.

— И вам следует соблюдать покой. Может быть, вам что-то нужно?

— У меня там бумаги… блокноты…

— В багаже? Я принесу. Вы не только врач, но и писатель?

— Ну… как бы отчасти. Привык излагать кое-какие мысли на бумаге.

— Может быть, когда вам станет лучше, поделитесь какими-нибудь из своих мыслей со мной?

— Конечно. Буду рад.

Она поднялась с колен.

— Особенно о маленьком чёрном человечке. О пришельце с Марса.

* * *

Последующие дни прошли в чередовании периодов сна и бодрствования, неожиданных для меня ночах и пугающих внезапностью днях. Я пытался определить время по заунывным призывам муэдзина, по звукам дорожного движения, по мискам с рисом и яйцам со специями, регулярно доставляемых ибу Иной, по омовениям, производившимся из тазика с помощью губки. Мы о чём-то разговаривали, но беседы эти проскальзывали сквозь мою память, как песок сквозь сито, хотя по выражению лица Ины я понимал, что повторяюсь или путаюсь. Свет и тьма, свет и тьма, а потом, так же нежданно — Диана и Ина возле моего ложа, обе глядят на меня одинаково мрачными взглядами.

— Очнулся, — сказала Ина. — Прошу прощения, мне нужно идти.

И я остался наедине с Дианой.

Она в белой блузе, белом платке на тёмных волосах, просторных синих шароварах. С первого взгляда — эмансипированная мусульманка из центра, из Паданга, но с таким ростом и такой бледной кожей… Кого она обманет?

Её голубые глаза широко открыты.

— Тайлер, Тайлер…

— Что, хорош?

Она погладила меня по макушке.

— Ничего, ничего…

— Да я и не жалуюсь.

— Ещё неделька, другая — и всё. А пока…

Что ж говорить-то… А то я не знаю… Средство впитывается в мышечную ткань, в нервные волокна…

— Зато ты в надёжном месте. У нас всё есть. Антиспазмодики, анальгетики… Ина знает толк в медицине. — Диана печально улыбнулась. — К сожалению, не всё так гладко, как мы надеялись.

Мы надеялись, что удастся остаться незамеченными. Любой из портов Арки очень неплох для нежелающего бросаться в глаза американца с деньгами. Паданг мы выбрали не только из-за удобства (Суматра — ближайшая к Арке масса суши), но и из-за скоростных темпов его экономического роста и из-за того, что недавние дрязги в Джакарте, вызванные правлением новых реформазов, фактически вырвали Паданг из-под контроля центрального правительства. Я мог отстрадать, сколько положено, в каком-нибудь незаметном отеле, и после этого, по завершении лечения, мы могли бы купить проезд туда, где

безопаснее. Так мы предполагали.

Мы не учли мстительности администрации Чейкина и её решимости сделать из нас своего рода образцово-показательных козлов отпущения. Как из-за тайн, которые мы скрывали, так и из-за уже разглашённых нами секретов.

— Похоже, что я неосторожно высунула нос там, где не следовало, — сказала мне Диана. — Я договорилась с двумя группами рантау, но обе сделки расстроились. Люди вдруг перестали меня замечать, не хотели иметь со мной дела. Ясно было, что я привлекаю слишком много внимания. Консульство, новые реформазы, местная полиция получили о нас информацию. Не вполне точную, однако достаточно опасную.

— Потому ты и сказала этим людям, кто мы.

— Я сказала, потому что они сами это заподозрили. Если не ибу Ина, то Джала, её бывший муж, наверняка. Простачком его не назовёшь. Он управляет довольно-таки солидной судовой экспедиторской фирмой. Через его склады проходит немалая часть транзитного цемента и пальмового масла, отправляемого через Телук-Байюр. Сделки с рантау гаданг дают меньше дохода, но зато не облагаются налогами, и суда, доставляющие эмигрантов, обратно пустыми не уходят,

завозят крупный и мелкий рогатый скот для чёрного рынка.

— Почему бы ему не продать нас неорефор-мазам?

— Потому, что мы платим лучше. И с нами меньше сложностей, пока нас не изловили.

— Ина это одобряет?

— Одобряет что? Рантау гаданг! У неё двое сыновей и дочь в новом мире. Джалу? Она полагает, что ему до некоторой степени можно доверять. Если его купили, он не стремится перепродаться. Нас? Нас она считает почти святыми.

— Из-за Ван Нго Вена? Тебе повезло найти её.

— Везением не ограничилось.

— Всё равно надо поскорее улетучиться.

— Как только тебе станет лучше… Джала и судно наметил. «Кейптаун-мару». Потому я и мотаюсь между Падангом и твоей клиникой. Ещё надо платить и платить, много кому.

Мы быстро превращались из иностранцев с деньгами в иностранцев, у которых когда-то были деньги.

— Всё равно, я бы хотел… — я замолчал.

— Что? — Она устало провела пальцем по моему лбу.

— Не спать в одиночку.

Она усмехнулась и положила руку на мою костлявую грудь. На прикрытые кожей рёбра. На безобразную изжёванную кожу. Нет, не Антиной.

— Слишком жарко сейчас для объятий.

— Жарко? — Меня знобило.

— Бедный Тайлер…

Я хотел сказать ей, чтобы она соблюдала осторожность. Но глаза сами закрылись, а когда я открыл их, она уже ушла.

* * *

Кризис ещё, разумеется, не наступил, но в течение нескольких последующих дней я чувствовал себя много лучше. Диана называла это оком циклона. Казалось, марсианское средство и мой организм заключили перемирие, чтобы лучше подготовиться к решающей баталии. Я попытался это время как-то использовать. Съедал всё, что мне приносила Ина, вышагивал по комнатке, тренировал ослабевшие мышцы ног. Сильному, здоровому человеку эта каморка показалась бы тюремной камерой; мне же она даже нравилась, дышала уютом. Я сложил в углу чемоданы и использовал их в качестве письменного стола, сидя на свёрнутой в рулон камышовой циновке. Высо-

кое окно захватывало клин солнечного света.

Это же окошко дважды продемонстрировало мне физиономию мальчишки школьного возраста. Я сообщил о явлении Ине, она кивнула, вышла и через несколько минут вернулась с этим мальчишкой.

— Эн, — сказала она, втолкнув — чуть ли не швырнув — своего пленника сквозь дверную завесу. — Эн учится в школе, ему десять лет. Умный мальчик, сообразительный. Хочет стать врачом, когда вырастет. Сын моего племянника. К несчастью, любопытство у него часто вытесняет благоразумие. Он подтащил под окно корзину для мусора и залез на неё, чтобы подсмотреть, кого я тут прячу. Безобразие. Эн, извинись перед моим гостем.

Эн склонил повинную голову таким образом, что я удивился, как не свалились на пол его громадные очки. Он что-то пробормотал.

— Громче и по-английски.

— Извини…

— Ладно, хоть так. Может быть, Эн что-нибудь для вас может сделать, пак Тайлер? Пусть искупит вину за своё недостойное поведение.

Эн чувствовал себя на крючке. Я попытался его освободить:

— Нет-нет, ничего не нужно. Просто пусть не мешает.

— Конечно, начиная с этого момента, он больше не будет мешать. Правда, Эн? — Мальчик поёжился и кивнул. — А я для него придумала работу. Эн почти каждый день приходит ко мне в клинику. Когда у меня есть время, я ему кое-что показываю и рассказываю. Например, как человек устроен. Как лакмусовая бумажка меняет цвет, если её опустить в уксус. Эн говорит, что ему всё это очень интересно. — Теперь Эн кивал, как китайский болванчик. — Так вот, в благодарность за мои уроки и чтобы загладить свою вину и пренебрежение правилами буди, Эн станет нашим стражем. Понимаешь, что это означает, Эн?

Эн неуверенно уставился на Ину.

— Это означает, что ты будешь применять свою бдительность и своё любопытство на доброе дело. Если кто-нибудь появится в деревне и примется расспрашивать о клинике — кто-нибудь из города, особенно если похож на полицейского, — немедленно беги сюда и скажи мне.

— Даже из школы?

— Не думаю, что новые реформазы полезут в школу. Когда ты в школе, учись, не отвлекайся от уроков. А в остальное время в остальных местах,

всё равно где: улица, варунг, — неважно, как только увидишь или услышишь какие-то вопросы о клинике или о нашем госте — о котором никому нельзя говорить, — сразу беги ко мне. Понял?

— Понял, — сказал Эн и добавил ещё что-то, чего я не разобрал.

— Вот ещё! — возмутилась Ина. — Этого только не хватало. Никакой оплаты, что за наглость. Но если будешь хорошо себя вести, я, конечно, это учту. А сейчас ты себя вовсе не хорошо ведёшь.

Она отпустила племянника, и тот припустил прочь. Свободно болтавшаяся на нем футболка раздулась пузырём.

Вечером полил дождь, вскоре перешёл в тропический ливень, зарядивший не на один день. Я писал, спал, ел, шагал, терпел…

* * *

Дождливым вечером ибу Ина обтирала моё тело губкой, снимая с его поверхности отслоившиеся ошмётки.

— Расскажите мне, что о них помните. Расскажите, как вы росли рядом с Дианой и Джейсоном.

Я задумался. Точнее, нырнул в интенсивно мутнеющий пруд памяти, чтобы выудить для неё

что-нибудь достойное, истинное и символичное. Не найдя в точности того, что искал, я наткнулся на нечто другое. Звёздное небо, дерево. Мрачно-таинственный серебристый тополь.

— Однажды мы отправились в поход, — начал я. — Это случилось до «Спина», но незадолго до него.

Освобождаться от отмершей кожи приятно, по меньшей мере сначала, но следующий слой обладал повышенной чувствительностью. Первое прикосновение губки приносило облегчение, но следующее жгло, как йод свежий порез. Ина это понимала.

— Вы трое? Неужели в таком возрасте у вас там уже доверяли детям самостоятельные вылазки? Или вы отправились с родителями?

— С чужими родителями. И-Ди и Кэрол уезжали в отпуск раз в году, на курорты или в морской круиз, без детей.

— А ваша мать?

— Моя мать предпочитала отдыхать дома. Нас забрали с собой соседи. У них двое своих сыновей, постарше, которые на нас не обращали никакого внимания. Получился у нас как бы расширенный детский лагерь в Адирондакских горах.

— Должно быть, отцу семейства хотелось че-

го-то добиться от Лоутона? Какого-нибудь заказа или тёплого местечка?

— Не без этого. Я не интересовался. Джейсон тоже. Диана, возможно, в курсе, у неё на такие вещи нюх, хлебом не корми, дай в чужие дела нос сунуть.

— Да и неважно. Хорошо было в горах? На бочок перевернитесь, пожалуйста.

— Своеобразный лагерь. С обустроенной парковкой. Никак не дикая природа. Однако сентябрьский уик-энд, мы сначала даже как будто свободу почуяли. Палатки, костёр… Взрослые… Вот, вспомнил! Фитч их фамилия. Семейство Фитч. Фитчи пели песни и заставляли нас подтягивать припев. У них, возможно, остались об этом лагере приятные воспоминания. На самом деле страшная тягомотина. Сыновья их завесились наушниками и смылись в свою палатку. Старшие сдались и ушли спать.

— И вы втроём остались у погасающего костра? Дождя не было? Или так же лило, как сейчас здесь у нас?

— Нет-нет, ясная ночь, ранняя осень. Никаких ваших тропических ливней и лягушечьих хоров. Небо безлунное, но звёздное. Не жарко, конечно, но и не замёрзнешь, несмотря на то, что мы всё-

таки в горы поднялись, хоть и невысокие. Ветер помню. Ветер такой, что деревья шептались друг с другом.

— Деревья шептались? — улыбнулась Ина. — Да, понимаю, этот звук мне знаком. Теперь на левый бок, пожалуйста.

— Оставшись втроём, мы почувствовали себя намного лучше. Джейс притащил фонарик, мы отошли от костра подальше, на открытое место, и он показал нам зодиакальный свет.

— Что такое зодиакальный свет?

— Солнечный свет, отражённый поясом астероидов. Его иногда видно в очень ясные тёмные ночи. — Видно было, подумал я. И вообще, может, солнечная радиация уже испарила ледышки пояса астероидов. — Он поднимался над горизонтом, как туман от дыхания в мороз, далёкий, тонкий, рассеянный. Даже Диана увлеклась, слушала Джейсона внимательно. Тогда она ещё интересовалась подобными вещами, не считала, что это ерунда, что она слишком взрослая для этого. Ей нравилось, что он такой умный, она любила его за то, что он такой умный.

— Любила так же, как и их отец? На животик, прошу вас.

— Нет, не любовью собственника, не как своё

имущество. Она восхищалась, выпучив глаза.

— Выпучив глаза?

— Ну… С расширенными глазами. Ветер тем временем усилился, и Джейсон включил фонарик и направил его вверх, осветил крону ближайшего тополя и обратил внимание Дианы на движение ветвей. — В голове возник образ Дианы в свободном свитере, как минимум на размер больше её фигуры. Руки спрятаны в вязаной шерсти, обращённые вверх глаза отражают свет фонарика, сияют, как две торжественные луны. — Большие, толстые ветви раскачивались медленно, степенно, маленькие дёргались гораздо чаще и быстрее. Джейсон объяснил, что это происходит потому, что у каждой ветки своя резонансная частота, «собственный резонанс», — сказал он. Как будто своя музыкальная нота — тоже его сравнение. И действительно, звучание дерева можно было сравнить с музыкой, для человеческого уха слишком низкочастотной. Ствол пел вообще неслышным для нас сверхнизким басом, ветки и сучья — баритоны и теноры, свежие побеги — пикколо. Джейсон сказал, что всё это можно изложить чисто математически, числами, рассчитать каждую частоту, начиная с самого маленького дрожащего листика, наложить расчёты

на расчёты, вычислить всю систему…

— Вы прекрасно это описали.

— У Джейсона получалось куда лучше. Он, можно сказать, влюбился в окружающий мир с самого детства. Или в структуру мира, его строение. В его музыку. Ай!

— Прошу прощения. А Диана влюбилась в Джейсона.

— Влюбилась в то, что она его сестра. Можно сказать, что она гордилась братом.

— А вы влюбились в то, что вы его друг.

— Пожалуй, да.

— И в Диану.

— Да.

— А она в вас.

— Возможно. Надеюсь.

— И что же, если можно такое спросить, у вас не заладилось?

— А почему вы думаете, что что-то не заладилось?

— Вас и сейчас связывает любовь, обоих. Но не так, как пару, прожившую вместе многие годы. Что-то вас разделило. Извините, я понимаю, что вопрос мой в высшей степени нескромен.

Да, что-то нас разделило. Многое нас разделяло. Наиболее очевидный виновник — «Спин».

Её «Спин» устрашил безмерно, причин этого я так до конца и не уяснил. Как будто он отвергал самые основы её существования. Что составляло для неё основы жизни? Её упорядоченность: друзья, семья, работа — некая осязаемость вещей и явлений в семье, в «большом доме»; хоть уже и хрупкая, более желаемая, чем реальная.

«Большой дом» предал её, в конце концов, и Джейсон «предал» её. Привлекавшие его научные идеи, поначалу казавшиеся ей интересными игрушками-безделушками, милыми подарками — гармония Ньютона и Эвклида, — становились всё более странными и пугающими. Выводы Планка, превращающие реальные вещи чёрт знает во что, треугольники Лобачевского с суммой углов больше ста восьмидесяти градусов, запечатанные сами в себе немыслимой собственной плотностью чёрные дыры, в которых не действовали причинно-следственные зависимости; Вселенная, не просто расширяющаяся, но ускоренно стремящаяся к собственной гибели… Однажды, когда Святой Августин ещё не умер, она мне сказала, что, гладя собаку, хочет ощущать её тепло, шероховатость её шерсти, чувствовать её жизнь, а не считать её пульс или обдумывать гигантские промежутки, разделяющие атомы и

электроны составляющей её материи. Она хотела, чтобы Сент-Дог был самим собою, был единым целым, а не суммой каких-то кошмарных составляющих, не мимолётным «Энифеноменом», побочным явлением бытия третьей планеты захолустной звезды, умирающей на краю одной из бессчётных галактик. Мало в её жизни выпало моментов истинной тёплой привязанности, любви, и каждое такое мгновение ей хотелось сохранить в небесах, защитить от холода чуждой Вселенной.

Внезапно нагрянувший «Спин» казался ей мстительным ударом мира Джейсона, ещё более чувствительным из-за одержимости брата этим миром. Очевидно, во Вселенной существовала разумная жизнь, столь же очевидно, жизнь эта совершенно не походила на нашу. Неизмеримо мощная, безмерно терпеливая, начисто безразличная к ужасу, внушаемому ею нашему миру. Думая о гипотетиках, можно было представить себе сверхинтеллектуальных роботов или какие-то бесчувственные сгустки энергии, но никоим образом не прикосновение руки, не поцелуй, не тепло постели, не шёпот утешения…

Поэтому Диана ненавидела «Спин» глубоко и жгуче. Мне кажется, что именно эта ненависть

привела её к Саймону Таунсенду и «Новому царству», в идеологии которого «Спин» — событие хотя и священное, однако подчинённого характера; крупное, однако не большего значения, нежели Господь Авраама; пугающее, но не настолько шокирующее, сколь распятый Спаситель, гроб опустевший…

Кое-что из этого я изложил Ине.

— Конечно, я далека от христианства, — сказала она. — Я даже и к исламу не ближе, если верить нашему местному начальству. Безнадёжно испорчена безбожным Западом, вот как меня заклеймили. Но в исламе тоже наблюдались такого рода движения. Пошли толки об имаме Мехди и ад-Даджале, о Яджудже и Маджудже, выпивших море Галилейское. Такого рода толки легче понять, простым душам они кажутся осмысленнее. Я, кстати, закончила. — Закончила она моё омовение обскребанием ступней. — Вы с самого начала увидели всё это в Диане?

Видел ли я? Понимал ли? Пожалуй, чувствовал что-то, угадывал, но знать, понимать — нет, этого я не смог бы утверждать.

— Тогда, может, марсианское средство не обманет ваших ожиданий, — сказала Ина, уже выходя с посудиной нержавеющей стали, набором скреб-

ков и губок, оставляя меня, погружённого в размышления, во тьме ночи.

* * *

Клинику ибу Ины соединяли с внешний миром три двери. Однажды, когда последний пациент с перевязанным пальцем отправился домой, она устроила мне экскурсию, показала все помещения.

— Получается, что это дело всей моей жизни, — сказала она. — Немного, конечно. Но здешним людям нужно что-то поближе, чем больница в Паданге, тем более что добраться туда не всегда удается, дороги ненадёжны.

Через главный, передний, «парадный» вход в клинику попадали пациенты.

Перед задней дверью, тяжёлой, прочной, обитой стальным листом, на утрамбованной грунтовой площадке, ибу Ина оставляла свой автомобильчик на топливной ячейке. Она использовала эту дверь, когда входила в клинику утром и покидала её вечером.

Задняя дверь находилась рядом с моей каморкой, и я скоро привык к звяканью ключей в замке вскоре после первого призыва к утренней молитве, доносившегося из деревенской мечети в

четверти мили.

Третья дверь — боковая, к ней вёл короткий коридор, в котором находился туалет и рядком стояли шкафы с различного рода имуществом. Через эту дверь Ина принимала поставки. Этой дверью обычно пользовался Эн.

Эн в общих чертах соответствовал описанию, данному ему Иной. Застенчивый, но сообразительный, он явно обладал способностями для получения медицинского образования, о котором же всерьёз мечтал, несмотря на своё зелёное детство. Небогатые родители не смогли бы оплатить его обучение, но, получив стипендию и с успехом пройдя начальный курс в университете Паданга, он обеспечил бы себе возможность для продолжения образования.

— А там… Кто знает? К тому времени деревне уже нужен будет другой доктор, — рассуждала ибу Ина. — Я тоже прошла такой путь.

— Думаете, он вернётся, чтобы работать здесь?

— Вполне вероятно. Мы покидаем родные места и возвращаемся в них. — Она пожала плечами, как будто таков естественный порядок вещей. Минанг называют это рантау — традицией отправки молодых людей в широкий мир. Такова традиция адата, привычная и обязательная. Адат,

как и консервативный ислам, в последние тридцать лет модернизации покачнулся, но отнюдь не утратил своего значения полностью.

Эн, соответственно указанию Ины, не беспокоил меня, но постепенно перестал бояться. С разрешения Ины он приносил еду и учил меня названиям местных блюд, одновременно оттачивая свой английский. Разваренная рисовая каша — силомак; курица с пряностями — зинганг айям… Когда я его благодарил, он восклицал:

— Добро пожаловать! — и улыбался, выставляя на обозрение ослепительно-белые, поросшие абы как зубы. Ина говорила, что неоднократно пыталась уговорить родителей Эна поставить сыну зубные скобки.

Сама Ина жила в небольшом домишке с родственниками, хотя то и дело ночевала в клинике, в своём кабинете, где удобств не больше, чем в моей каморке. Когда семейный долг призывал её, она после вечернего измерения температуры и осмотра снабжала меня пищей и водой и на всякий случай вручала пейджер. И я оставался один до момента, когда на следующее утро снова слышал звяканье ключей на цепочке.

Но однажды ночью я вывалился из запутанного суматошного сна под шум, доносившийся

от боковой двери. Кто-то вертел ручку, пытаясь открыть. Не Ина. Не та дверь, не тот час. На моих часах полночь, начало самой глубокой части ночи, когда пара-другая местных жителей ещё, конечно, не оставили варунги; автомобили ещё проносятся по сквозной дороге, грузовики везут грузы к раннему часу в дальнюю деса. Не исключено, конечно, что какой-нибудь пациент с чем-нибудь срочным надеется застать целительницу в неурочный час. Или обалдевший наркоман стремится добраться до своего зелья.

Пришедший перестал вертеть и дергать ручку.

Я тихонько поднялся, натянул джинсы и футболку. В клинике темно, в моей камере темно, свет сочится лишь от Луны… Которую вдруг что-то заслонило.

Я поднял голову к окошку и увидел силуэт головы Эна, похожей на летающую тарелку.

— Пак Тайлер! — прошептал он возбуждённо.

— Эн! Ну и напугал ты меня. — Страх и вправду чуть не смёл меня с ног. Я даже опёрся о стенку.

— Впустите меня!

Босиком я дошлёпал до двери и отодвинул задвижку.

В коридор ворвался тёплый и влажный ветер, за ним Эн.

— Где ибу Ина? Я к ней, срочно, срочно!

— Её здесь нет, Эн. Что стряслось?

Он видимо расстроился. Поправил пальцем очки:

— Но мне надо к ней.

— Она сегодня ночует дома. Ты ведь знаешь, где она живёт?

Эн кивнул с несчастным видом.

— Но она мне велела прибежать сюда и здесь ей всё сказать.

— Когда, зачем, почему?

— Когда кто-то чужой будет спрашивать, где клиника. Тогда я должен прибежать и ей рассказать.

— Но она… — Тут до моего мозга сквозь лихорадочный туман дошло значение сказанного им. — Эн, кто-то чужой спрашивал о клинике?

Информацию из него мне пришлось вытягивать постепенно. Эн жил в доме своей семьи сразу за варунгом (продуктовой торговлей), в самом центре деревни, по соседству с сельской управой (кепала деса). Когда ему не спалось, он, лёжа в своей постели, мог слышать бормотание посетителей варунга. Слышал он многие деревенские сплетни, хотя и не всё услышанное понимал. С наступлением темноты беседовали, как правило,

мужчины, проводившие вечер за чашечкой кофе: его отец, дядья, соседи. Но сегодня прибыли двое неизвестных в шикарной чёрной машине, подъехали на свет, к варунгу, и нахально, не здороваясь и не представляясь, спросили, «где тут у вас клиника». На больных они вовсе не походили. По одежде городские. Грубые, как полицейские. Потому и разъяснения от отца Эна они получили весьма многословные, но совершенно неверные. Так что клинику им не найти.

Сразу не найти, но кто ищет, тот всегда найдёт, деревня-то не такая уж большая, чтобы в ней долго искать надо было. Потому-то Эн быстренько оделся и прибежал, чтобы рассказать обо всём ибу Ине.

— Молодец, Эн, — похвалил я его. — Ты всё правильно сделал. Надо тебе теперь пойти туда, где ночует ибу Ина, и сказать ей. — А я тем временем соберу свои пожитки и покину клинику. Спрятаться в рисовых полях да пересидеть, пока копы смоются.

Вроде бы я для этого силён достаточно. Пока что.

Но Эн со мной не согласился. Он скрестил руки и отступил от меня на шаг:

— Она сказала здесь ждать.

— Хорошо, но ждать-то до утра придётся.

— Она почти всегда здесь спит.

— Но не сегодня. Честно, Эн, это может быть опасно. Понимаешь, эти люди могут быть врагами ибу Ины.

Но в него вселился какой-то бес упрямства. Несмотря на наши внешне дружеские отношения, Эн мне не доверял. Он чуть поколебался, широкими лемурьими глазами глядя на меня, затем метнулся в обход меня, в глубь клиники, вопя:

— Ина, Ина!

Я метнулся за ним, на бегу включая свет.

На бегу же я пытался осмыслить ситуацию. Грубияны, разыскивавшие клинику, могли быть новыми реформазами из Паданга, могли быть и местными сельскими копами, могли работать на Интерпол или на Госдепартамент — на кого угодно, кем могла вертеть администрация Чейкина.

И если они искали меня здесь, означает ли это, что к ним в лапы уже попал Джала, бывший муж Ины? Или, не дай бог, Диана?

Эн ворвался в кабинет Ины и в потёмках врезался лбом в арматуру смотрового стола. Он рухнул на пол, и я подбежал к нему, плачущему беззвучно, испуганному, с текущими по щекам слёзами. Шрам над левой бровью выглядел устрашающе,

но, разумеется, опасности не представлял.

Я положил руки ему на плечи.

— Эн, видишь же, нет её здесь. Правда, нет её. Правда. И если бы она узнала, что ты сейчас здесь, она велела бы тебе бежать к ней. Она не стала бы заставлять тебя ждать её в темноте, так ведь?

— Угу…

— Тогда беги домой. Беги домой и сиди дома. Я всё улажу, а завтра мы оба расскажем всё ибу Ине. Хорошо?

Эн осмыслил сказанное мною и решил согласиться:

— Ладно.

Я помог ему подняться.

Но тут под окнами заскрежетал гравий под колёсами подъехавшей автомашины, и мы с ним снова присели, пригнулись, скрючились.

* * *

Мы пробрались в приёмную, и я приник к бамбуковым шторам. Эн прижался ко мне, сжал кулачки, вцепившись в пояс джинсов.

Машина поблескивала в лунном свете. Марки я не разобрал, но осталось впечатление, что вовсе не старая развалина. Внутри что-то вспыхнуло, может быть, зажигалка. Затем сквозь стекло с

пассажирской стороны хлестнул луч мощного карманного фонаря, скользнул по фасаду, сквозь щели в шторах высветил плакаты профилактической пропаганды на противоположной степе. Мы пригнулись.

— Пак Тайлер, — прошептал Эн.

Я закрыл глаза и обнаружил, что открыть их снова очень трудно. Закрытыми глазами я видел вспышки звёзд и вращение колёс адских колесниц. Лихорадка возвращалась. Тонкие голоски бесенят сипели хором в голове: «Сейчас свалим, осилим, осилим…» Насмехались.

— Пак Тайлер!

Ох, некстати…

«Кстати, кстати», — резвились бесенята.

— Эн, беги к двери. К боковой двери.

— Бежим вместе!

Дельное предложение. Я снова выглянул в окно. Фонарь погас. Я встал и повёл Эна по коридору, мимо шкафов, к боковой двери, которую мы оставили открытой. Ночь обманчиво тиха, обманчиво ласкова. Полоса открытой местности, затем рисовое поле и лес, пальмы тихо покачивают кронами.

Между нами и машиной корпус клиники.

— Беги в лес, Эн.

— Я не заблужусь, я знаю дорогу.

— На дорогу не выскакивай. Прячься хорошенько.

— Знаю, знаю. Пошли вместе.

— Не могу, Эн. — Я буквально не мог. Бежать с десятилетним мальчишкой в таком состоянии… абсурд.

— Но…

Я подтолкнул его.

— Не теряй времени.

Он понёсся, не оглядываясь, с почти тревожной скоростью исчез в тени. Маленький, тихий, незаметный. Я восхитился им и позавидовал. Услышал, как открылась и захлопнулась дверца. Этим таиться ни к чему.

Луна трёхчетвертная, по сравнению с Луною моего детства порыжевшая, удалённая, изменившая облик. Физиономия, которую можно было представить себе на лунном лике, исчезла, зато появилось новое, хотя уже древнее лунное «море», результат сильнейшего удара, расплавившего реголит от полюса до экватора и замедлившего спиральное удаление Луны от Земли.

Позади я услышал, как полисмены (я полагал, что их двое) колотят в переднюю дверь, как гремит замок.

Бежать? Пожалуй, я бы смог, хотя и не так быстро, как Эн, но до поля добежал бы и спрятался бы там. И надеялся бы на лучшее.

Но мой багаж… Там ведь не только одежка, но и записи, диски, чипы памяти и — главное — прозрачная жидкость в мелкой расфасовке…

Я вернулся в клинику. Запер за собою дверь, прошёл осторожно, прислушиваясь к наружным шумам. Эти, должно быть, пошли вокруг строения. Или обдумывают, как лучше взломать переднюю дверь. Приступ надвигался, и слышал я очень много, но мало что из услышанного имело отношение к происходящему вокруг меня.

В каморке я ориентировался на ощупь и при скудном лунном свете. Открыл один из чемоданов, засунул в него исписанные листы, закрыл, запер, поднял и покачнулся. Поднял второй и понял, что с трудом смогу передвигаться.

Наткнувшись на маленькую пластиковую коробочку и, едва не рухнув, понял, что это пейджер Ины. Я опустил чемоданы, подобрал пейджер, сунул в карман. Вздохнул глубоко, снова поднял чемоданы, которые за эти секунды таинственным образом потяжелели. Попытался внушить себе: да, сможешь, — но эти слова как-то не воспринимались, казались неубедительными и

вызвали в черепе моём, как будто разросшемся до размеров купола кафедрального собора, оглушительное эхо.

Теперь шум донёсся от задней двери, запертой на наружный висячий замок. Гремел замок, лязгал засов.

Может быть, они орудовали ломиком или монтировкой. Конечно же, замок долго не продержится.

Я поковылял к третьей двери, к двери Эна, к боковой… Отпер и открыл её, надеясь, что за ней никто не подкарауливает. Никого. Оба этих — если их двое — у задней двери. Они что-то бормотали, но голоса их терялись на фоне лягушечьей какофонии и шума ветра.

Уверенности, что я смогу спрятаться на рисовом поле, я не ощущал. Хуже того, не ощущал я уверенности и в том, что не рухну через шаг-другой.

Но тут раздался треск и грохот отскочившего замка. Стартовый выстрел, подумал я. Вперёд! Давай, давай! И я, подхватив чемоданы, шатнулся в сторону поля, босиком в звёздную ночь.

Гостеприимство

Молли Сиграм встретила меня в это утро вопросом:

— Видели? — Она ткнула пальцем в журнал на своём столе. Выражение лица её при этом стало кислым, ничего доброго не предвещавшим. Журнал — лощёный ежемесячник из задающих тон, на обложке физиономия Джейсона. И подпись под фото:

Некоторые частные аспекты
ЗА ОБЩЕСТВЕННЫМ ФАСАДОМ ПРОЕКТА «ПЕРИГЕЛИОН»

— Ничего хорошего, как я понимаю?

Она пожала плечами:

— Лестным не назовёшь. Возьмите, прочитайте. Можем обсудить в ресторане. — В этот вечер я пригласил её в ресторан. — Да, и ещё: миссис Такмэн в третьем стойле.

Я не раз просил её не употреблять такого рода выражений, однако не стал заострять на этом внимания, а журнал сунул в свою почту. В этот дождливый апрельский день, кроме миссис Такм-

эн, на утренний приём никто не записывался.

Миссис Такмэн — жена одного из инженеров фирмы. В течение последнего месяца я принимал её трижды, она жаловалась на нервозность и утомляемость. Причины этих явлений нетрудно угадать.

С закрытия Марса прошло два года, «Перигелион» трясли слухи о предстоящих увольнениях. Финансовое благополучие её мужа оказалось под угрозой, собственные попытки найти работу не увенчались успехом. Она поглощала ксанакс в угрожающих количествах и хотела выписать ещё больше, причём немедленно.

— Может быть, обдумаем, чем его заменить, — предложил я.

— Антидепрессантов я не хочу, если вы это имеете в виду. — Миловидное лицо миниатюрной пациентки нахмурилось и потеряло привлекательность. Взгляд её беспокойно метнулся по кабинету и на время задержался на окне, по стеклу которого стекали капли дождя. Окно выходило на южный газон. — Нет, я серьёзно. Я полгода сидела на паралофте и не вылезала из туалета.

— Когда?

— До вашего прибытия. Доктор Кёниг выписывал. Конечно, тогда всё обстояло иначе. Карла

я почти не видела, так он был занят. Одинокие ночи, конечно, но зато работа выглядела надёжной, гарантированной. Где теперь те времена… Это же отражено в моей… как она там… карточке, что ли?

Её карточка — точнее, пухлая тетрадка — лежала передо мной на столе. Каракули доктора Кёнига сразу не разберёшь. К счастью, он выделял основное красным: аллергические реакции, хронические состояния. Записи его в истории миссис Такмэн отличались сжатостью, лаконичностью. Да, паралофт… Да, курс прерван по инициативе пациентки, которая жалуется на «нервность, страх перед будущим». Хотел бы я знать, кто не испытывает страха перед будущим…

— А теперь нельзя рассчитывать даже на работу Карла. У меня этой ночью ужасно, ужасно билось сердце, учащённо, необычно, неестественно. Я подумала, что это, наверное… Ну, вы знаете…

— Что?

— Ну, вы знаете… это… СПАССА.

СПАССА — синдром прогрессирующей атипичной сердечно-сосудистой атрофии — дал о себе знать в последние месяцы. Он убил тысячи людей в Египте и Судане. Сообщалось о случаях заболевания в Греции и Испании, на юге США.

Вялотекущее инфекционное заболевание, реальная угроза населению тропических стран третьего мира, однако излечимое современными средствами. Миссис Такмэн СПАССА не угрожал, и я её заверил в этом.

— Но говорят, что они его сбросили на нас.

— Кто кого на нас сбросил, миссис Такмэн?

— Эту болезнь. Гипотетики. Они сбросили её на нас.

— Видите ли, всё, что я об этой болезни читал, предполагает, что она подарена людям копытными. В Северной Африке эпидемия погубила несметное поголовье крупного рогатого скота.

— Как же, скот… Так они вам и скажут. Они ведь не объявят об этом в вечерних новостях.

Я применил иную тактику:

— СПАССА — острое заболевание, миссис Такмэн. Если бы вы заразились этой болезнью, вы бы уже лежали в больнице. А у вас совершенно нормальный пульс и прекрасная кардиограмма.

Однако попробуй убедить того, кто решительно настроен оставаться при своём мнении. Я выписал ей другой транквилизатор, по сути, тот же самый ксанакс, только с видоизменённой побочной молекулярной цепочкой. Если не лекарство, то новое эффектное наименование её

вылечит, понадеялся я. Миссис Такмэн оставила мой кабинет, несколько смягчившись, сжимая в руке рецепт, как священный свиток.

Я казался себе мелким жуликом.

Но состояние миссис Такмэн меня не удивляло. Всех мучили страхи. То, что недавно выглядело многообещающим шагом в будущее, терраформинг и колонизация Марса, окончилось пшиком. Будущего нам не осталось, остался лишь «Спин». Экономика земного шара заколебалась, потребители и целые государства копили долги, которые не рассчитывали возвращать; кредиторы гребли под себя, копили деньги и повышали процентные ставки. Рука об руку шагали по планете обострённая религиозность и преступность. В странах третьего мира крушение финансовой системы, голод и разруха возродили захиревшие воинствующие марксистские и исламистские группировки.

Нетрудно понять и психологические последствия. И разгул насилия. Многим досаждают повседневные неприятности, но лишь полностью потерявший веру в будущее появится на своём месте работы с автоматической винтовкой и списком тех, кого и в какой последовательности следует пристрелить. Гипотетики, хотели

они того или нет, породили отчаяние именно такого рода. Легионы недовольных точно знали виновников своих бед. Этими виновниками оказались все американцы, британцы, канадцы, датчане и т. д. — или же, напротив того, все мусульмане, темнокожие, неанглоговорящие… Все католики, все фундаменталисты, атеисты, либералы, консерваторы… Для таких недовольных стопроцентным выражением моральной определённости стали суд линча, террористы-смертники, фетва ближайшего мудрого муфтия и понятное на всех языках слово pogrom. И число таких граждан всех стран множилось на глазах, как когда-то давным-давно количество звёзд в небе с приходом темноты.

Наступили опасные времена. Миссис Такмэн это сознавала, и весь ксанакс мира не смог бы её переубедить.

* * *

Во время ланча я засел за дальний столик в кафе для персонала и, поглядывая в окно на дождь, тарабанивший по крышам машин на стоянке, нянчил чашку с кофе и изучал статью в журнале, который мне подсунула Молли.

«Будь на свете наука антология, — так начи-

налась статья, — Джейсон Лоутон непременно стал бы её Ньютоном, Эйнштейном, Стивеном Хокингом».

Именно то, что всегда внушал журналистам И-Ди, и то, чего без содрогания не мог слышать Джейсон.

> В радиологии и теории магнитного поля, в фундаментальной науке и в философских дебатах едва ли найдётся область, не испытавшая воздействия его идей. Он автор многих часто цитируемых статей, он преобразователь различных аспектов науки и технологии. Его присутствие мгновенно превращает сонные академические конференции в события, живо обсуждаемые в прессе. И в качестве фактического директора «Перигелион фаундейшн» он оказал определяющее влияние на американскую и мировую космическую политику эры «Спина».
>
> Но реальные достижения — а иногда и медиафокусы, — которыми может похвастаться Джейсон Лоутон, заслоняют тот факт, что «Перигелион фаундейшн» основана его отцом, Эдвардом Дином (И-

> Ди) Лоутоном, который прочно занимает немаловажное место в совете управляющих и в президентском кабинете. И некоторые готовы утверждать, что ореол славы вокруг младшего Лоутона создан более таинственным, не менее влиятельным, однако не выставляющимся на передний план Лоутоном-старшим.

Статья детально освещала ранние этапы карьеры И-Ди, его успехи в развитии атмосферных линий связи на аэростатах, его связи с президентской администрацией при трёх подряд президентах, историю создания «Перигелион фаундейшн».

> Задуманная как мозговой центр и промышленное лобби, «Перигелион» превратилась в агентство федерального правительства, проектирующее космические операции, связанные со «Спином», и координирующее деятельность десятков университетов, исследовательских центров, организаций НАСА. Закат «старого НАСА» совпал с расцветом «Перигелиона». С десяток лет назад отношения между этими двумя агентствами оформи-

ли, и реорганизованный «Перигелион» стал консультирующим филиалом НАСА. Фактически же, как утверждают все, связанные с этой отраслью, произошло обратное: НАСА стало аппендиксом «Перигелион фаундейшн». И пока молодой вундеркинд Джейсон Лоутон очаровывал прессу, его отец продолжал плести интриги.

Статья обращала внимание на долгую историю связей И-Ди с администрацией Гарланда и намекала на нечистую подоплёку одной из его операций: какая-то небольшая фирма в Пасадене получила заказ на изготовление аппаратуры по цене в несколько миллионов долларов за одни прибор, в то время как фирма «Болл аэроспейс» предлагала аналогичные приборы по меньшей цене.

Разворачивалась предвыборная борьба, и обе главных партии проявляли активность, особенно их радикальные фракции. Гарланд, республиканец-реформист, уже отпрезидентствовал два срока, и в качестве его преемника выставили канидатуру Престона Ломакса, вице-президента при Клейтоне. Ломакс, согласно опросам, опе-

режал соперника, чем журнал, поместивший статью, явно был недоволен. «Скандал», однако, был высосан из пальца. Аппаратура, предложенная фирмой «Болл», действительно более дешёвая, превышала закупленную весом, габаритами и уступала ей в существенных технических параметрах.

Это я и сказал Молли во время трапезы в Чампсе, в миле от «Перигелиоиа». Ничего в этой статье нового, сказал я ей. Обычная предвыборная брехня.

— Неважно, правы они или нет, — возразила Молли. — Главное, как они это подают. Главное, что крупный печатный орган находит целесообразным пускать стрелы в «Перигелион».

В том же номере журнала, в редакционной статье, проект терраформинга Марса назывался «самым крупным в истории разбазариванием средств, как в отношении финансов, так и в отношении людских ресурсов человечества». Участники клеймились также за стремление поживиться на глобальной катастрофе. Автор высказываний — спичрайтер Христианской консервативной партии.

— Это журнал христианских консерваторов, Молл. Что хотят, то и пишут.

— Они хотят нас скинуть.

— Кишка тонка. Даже если Ломакс проиграет выборы. Даже если наша роль снизится до наблюдательной. Мы — единственный глаз, заглядывающий в «Спин».

— Что не означает, что всех нас не могут выгнать и заменить.

— Не помрём даже в этом случае.

Она явно придерживалась иного мнения.

Молли работала приёмной сестрой ещё при докторе Кёниге, до моего появления в фирме. Более пяти лет она представлялась мне вежливым, профессионально эффективным предметом обстановки. Мы мило беседовали, обменивались любезностями. Я как-то постепенно узнал, что она на три года моложе меня, живёт одна, где-то недалеко, не на первом этаже, без лифта, не на берегу. Слишком разговорчивой она не казалась, и я считал, что это её стиль.

Затем, менее месяца назад, Молли, собирая сумочку в конце рабочего дня, вдруг пригласила меня на обед. Я удивился.

Почему?

Потому, что ей, видите ли, надоело ждать, когда я сам соображу её пригласить. Итак, согласен? Не согласен?

Согласен.

Молли оказалась куда более едкой, остроумной, циничной собеседницей, чем я мог себе представить. С тех пор мы не раз повторили поход в Чампс. Подходящее меню без претензий, подходящая непринуждённая атмосфера. Я часто думал, что Молли в этой пластиковой палатке выглядит наилучшим образом, облагораживает её своим присутствием, оживляет своими длинными светлыми волосами — сегодня из-за высокой влажности воздуха не столь упругими, как обычно. Её подсвеченные зеленью контактные линзы тоже выглядели эффектно.

— Прочитали боковую врезку? — спросила она.

— Просмотрел.

К статье прилагалось нечто вроде справки о личной жизни Джейсона, в сопоставлении с профессиональной его деятельностью совершенно незаметной, как бы даже несуществующей.

От знакомых Джейсона Лоутона можно услышать, что скромность домашней его обстановки как нельзя лучше соответствует романтичному образу отшельника. Никто никогда не слышал о его невесте, любовнице или супруге того или иного пола. Создаётся впечатление, что он не просто сочетался браком со своими идеями, но и

патологически им предан. И во многих отношениях Джейсон, как и вся фирма «Перигелион», сжат в тисках влияния своего отца. При всех его свершениях, ему ещё предстоит проявить себя как самостоятельной личности.

— Ну, в этой части они ничего не изобрели, — заключила Молли.

— Гм… Джейсон, конечно, несколько зациклен, но…

— Он проходит по приёмной, как будто меня не существует. Ничего особенного, но теплом от него не веет. Как его лечение?

— Какое ещё лечение? Я ни от чего его не лечу. — Конечно, Молл просматривала его медкарту, но в ней о рассеянном склерозе ни слова. — Он заходит так, поболтать.

— Угу. Только иной раз, когда заходит поболтать, приволакивает ногу. Ладно, оставим эту тему, но я ведь не слепая. Так, к сведению. Но сейчас он в Вашингтоне, это ведь не секрет?

Вообще его в последнее время чаще можно было застать в Вашингтоне, чем во Флориде.

— Много толкуют. Жужжат, как в улье. Присматриваются к послевыборному периоду, примериваются, прикидывают.

— Что-то изменится.

— Что-то всё время меняется.

— Я имею в виду «Перигелион». Народ всё примечает. Вот свежая новость: к нам только что присоединили ещё сотню акров соседней территории за западным забором. Мне сообщил Тим Чесли из кадров. Того и гляди, там что-то начнут строить. Он сказал, что на следующей неделе ожидают геодезистов.

— И что там будет?

— Никто не знает. Может, расширяемся. Может, нас выкинут на улицу и откроют супермаркет.

Я об этом услышал впервые.

— Мы вне событий, — усмехнулась Молли. — Контакты нужны, контакты.

После ужина мы отправились к Молли, и я остался у неё на ночь.

Не смогу описать жестов, взглядов и прикосновений, сопровождавших интимные моменты. И не потому, что я ханжа и пурист, а из-за какого-то провала в памяти. Стёртые воспоминания не восстановились. В этом определённая ирония. Я запомнил строки статьи, которую мы обсуждали, помню меню в Чампсе, помню, кто сидел за столиком напротив… Но о наших минутах наедине лишь какие-то нечёткие кадры: полумрак в комнате, ветер играет шторами на окне, размытая

зелень её глаз…

* * *

Джейсон вернулся чуть ли не через месяц. Он стрелой проносился по коридорам, как будто получил там, на Потомаке, какую-то энергетическую подкачку.

С ним прибыла куча охранников в чёрных костюмах, выросших неведомо на каком огороде, но, по слухам, из службы безопасности министерства финансов. Затем зачастили группки проектировщиков и подрядчиков, в разговоры с нашими сотрудниками не вступавших. Молли кормила меня слухами: компаунд пойдёт под бульдозер; компаунд расширяется; нас всех уволят; нас всех ждёт повышение окладов. В общем, что-то происходило.

С Джейсоном я не сталкивался почти неделю. Потом вдруг, в четверг к вечеру, он забрёл в мой кабинет и пригласил меня наверх:

— Хочу тебя кое с кем познакомить.

Подойдя к лестнице, я мгновенно оброс эскортом вооружённых охранников с табличками общего допуска на нагрудных карманах. Меня проводили в верхний конференц-зал. Точнее, отконвоировали, как будто подчёркивая, что иного

маршрута для меня здесь не предусмотрено, шаг вправо, шаг влево… В дверь, правда, не впихнули, а открыли её передо мной вежливо, предупредительно. Я глубоко вдохнул и шагнул внутрь.

В комнате обширный стол красного дерева и полдюжины бархатных кресел. Кроме меня двое.

Один из них Джейсон.

Второй… Я мог бы принять его за ребёнка. По первому впечатлению, кошмарно обожжённый ребёнок, которому нужна немедленная пересадка кожи. Человек ростом едва в пять футов стоял в углу помещения. На нём синие джинсы и белая хлопковая футболка. Плечи широкие, глаза большие, как будто воспалённые, налитые кровью. Руки казались несколько длинноватыми в сравнении с укороченным торсом.

Но страннее всего казалась мне его кожа. Матовая, без бликов, пепельно-чёрная и совершенно безволосая. Морщинистая… хотя нет, не морщинистая, а какая-то свободно висящая на нём, как на иных собаках, однако изборождённая, глубоко текстурированная, как корка дыни-канталупы.

Этот человечек подошёл ко мне и протянул руку. Маленькую морщинистую ладонь маленькой морщинистой руки. Я, как во сне, принял её. Пальцы мумии, подумал я. Но под кожей ощуща-

лись мышцы, объёмность. Как будто я сжал в руке мясистый лист пустынного растения, схватил алоэ и почувствовал, как растение отвечает на сжатие. Человечек улыбнулся.

— Это Ван, — сказал Джейсон.

— Ван — кто?

Ван рассмеялся, показал крупные зубы без заметных дефектов.

— Мне эта шутка никогда не надоест.

Полностью его звали Ван Нго Вен.

* * *

Марсианин.

Как их только ни расписывали. От Уэллса до Хайнлайна. Но Марс, увы, оставался безжизненной планетой. Мы оживили его. Мы послали на него марсиан.

И вот перед нами живой марсианин, на девяносто девять целых и девять десятых процента человек, хоть и несколько странного обличья. Потомок высадившихся на Марсе миллионы лет назад колонистов, которых мы запустили в космос лишь два года назад. Время «Спина». Отличный английский, акцент чуть оксфордский, чуть делийский. Вот он прошёлся по комнате. Взял со стола бутылку минеральной воды, свин-

тил колпачок, присосался к горлышку. Вытер рот обратной стороной ладони. На складчатой коже выступили крохотные капельки влаги.

Я сидел смирно-смирно и старался запечатлеть каждое слово, произнесённое Джейсоном.

Вот что он рассказал, с добавлением кое-каких деталей, которые я узнал впоследствии.

* * *

Марсианин оставил свою планету незадолго до того, как Марс получил свою Спин-оболочку.

Ван Нго Вен — историк и лингвист, по марсианским понятиям сравнительно молодой, пятидесяти пяти земных лет, физически здоровый, крепкий. По ремеслу своему языковед, он завис между двумя назначениями, временно работал в двух сельскохозяйственных кооперативах и как раз проводил искромесяц в дельте реки Кирилодж, когда пришёл вызов.

Как и тысячи других мужчин и женщин его возраста и класса, Ван представил свои личные данные в комитет по организации предстоявшего путешествия на Землю, конечно же, вовсе не ожидая, что ему выпадет жребий. От природы несколько робкий, он и границу собственной префектуры едва пересекал, разве что по службе

или по семейным делам. Узнав, что выбор комиссии пал на него, он вовсе не обрадовался и, не вступи он недавно в свой четвёртый возраст, непременно бы отказался. Конечно же, сколько угодно народу лучше него справились бы с этой задачей. Однако в комиссии ему разъяснили, что никакой ошибки в его назначении нет, что именно он по своим способностям и жизненным достижениям наилучшим образом подходит для полёта на планету предков. Что ж, он уладил все свои марсианские дела и уселся на поезд, направляющийся к пусковому комплексу в Базальтовой Суши (на наших картах Марса — Тарсис). Там он приступил к подготовке, чтобы достойно представить Пять Республик в ходе дипломатической миссии на Земле.

Марсианская техника лишь недавно достигла уровня развития, позволяющего человеку совершить полёт в космос. Ещё в недалёком прошлом правящим советам это предприятие казалось нецелесообразной авантюрой, способной привлечь внимание гипотетиков, требующей больших затрат ресурсов, мобилизации существенных промышленных мощностей, чреватой нарушением равновесия чуткой к воздействиям биосферы. Марсиане по натуре консервативны,

им свойственна склонность к накопительству. Их бытовые и биологические технологии достигли высокого уровня развития, но тяжёлая индустриальная база отставала и едва справлялась с беспилотным обследованием крохотных, в хозяйственном отношении никчёмных лун планеты.

Конечно, они веками наблюдали окутанную оболочкой «Спина» Землю, размышляли о ней. Они помнили, что тёмная планета — колыбель человечества. Знали они как из собственных наблюдений, так и из данных прибывшего последним, запоздавшего ковчега, что окружающая Землю оболочка проницаема. Учитывали они и временны́е соотношения, обусловленные «Спином», хотя и не понимали, чем они вызваны. Они считали полёт на Землю возможным, но нецелесообразным. Ведь Земля статична, фактически это застывшая планета, нырнувший в земную тьму исследователь останется прикованным к планете на тысячелетия, даже если, вопреки всякой вероятности, отправится обратно в тот же день.

Однако однажды бдительные астрономы обнаружили, что в сотнях миль над полюсами Марса возникли и начали постепенно увеличиваться в объёме геометрические структуры, аналогичные

тем, которые висели над Землёй. По прошествии длительного периода спокойного развития Марс привлёк, наконец, внимание анонимных и всемогущих существ, хозяев Солнечной системы. Вывод — неизбежность появления собственной барьерной оболочки вокруг Марса. Во властных структурах пошли толки о целесообразности консультаций с «опытной» в отношении оболочки Землёй. Прикинули возможности, мобилизовали ресурсы, спроектировали космический корабль и приступили к его строительству. И мобилизовали в качестве пилота и посланца Ван Нго Вена, исследователя, лучше остальных знакомого с древними земными традициями, её языками и историей. Вовсе выпавшей на его долю чести не обрадовавшемуся.

Готовя свои тело и разум к полёту, к тяготам долгого путешествия в космосе и к мощному земному тяготению и атмосферному давлению, Ван Нго Вен душою примирился с реальной вероятностью собственной смерти. Он потерял большую часть членов своей семьи при катастрофическом разливе реки Кирилодж три лета назад — одна из причин, по которой он вызвался лететь, и одна из причин, по которой выбрали именно его кандидатуру. На его плечи смерть легла бы

менее тяжким бременем, чем на плечи других его сверстников. К смерти он, однако, вовсе не стремился и поэтому усердно готовился, тренировался, изучал новые для себя дисциплины, устройство своего корабля. А если гипотетики «обернут» ещё и Марс — он вовсе не надеялся на это, но принимал эту возможность в расчёт, — то у него возникал шанс возвращения не на чужую планету, ушедшую от его времени на миллионы лет, а в свой знакомый дом, хранящий память о его достижениях и утратах.

Хотя, по большому счёту, на его возвращение никто не надеялся. Космическое судно Вана не было способно на обратный перелёт, а для землян заботиться о возвращении Вана — непозволительная роскошь.

И Ван Нго Вен окинул прощальным взором овеваемые ветрами равнины Базальтовой Суши, после чего исчез в недрах своей металлокерамической многоступенчатой ракеты, унёсшей его в космос.

Во время полёта он по большей части пребывал в состоянии искусственной метаболической летаргии, но всё же ему приходилось несладко. Спин-оболочка окутала Марс вскоре после взлёта, и с того момента Ван оказался в изоляции,

лишённым контакта с обоими человеческими мирами. Намного ли отличается смерть от этого сонного молчания, от изоляции в недрах машины, падающей сквозь чуждый человеку вакуум? Такие мысли иногда одолевали время от времени выводимого автоматикой из состояния сна Вана. Потом сознание его снова отключалось.

Его корабль, в каких-то отношениях примитивный, в других утончённый и весьма разумный, оснащённый необходимой навигационной аппаратурой, истратив большую часть запасов горючего, вписался в высокую околоземную орбиту. Под ним чёрной дырой зияла незнакомая планета, вокруг которой крутилась непривычно громадная Луна. Аппаратура судна взяла все доступные пробы, зафиксировала инфракрасное смещение. Чтобы не изжарить своего посланца в плотной турбулентной атмосфере гигантской планеты и не стереть его в мокрое пятно при приземлении, марсиане оснастили спускаемый аппарат необходимыми несущими лопастями, фиксированными и подвижными крыльями, тормозными парашютами. Для увеличения вероятности выживания Ван погрузился в ванну с вязкой жидкостью типа геля и приготовился к любому исходу.

Он вылез из своего лишь слегка обугленного корабля, удачно опустившегося среди обширных каноловых полей южной Манитобы, и увидел множество бледно- и гладкокожих людей, некоторых в комбинезонах биологической защиты, не слишком отличающихся от марсианских. Сердце Вана усиленно колотилось, тело казалось свинцовым в ужасающей земной гравитации, лёгкие с трудом втягивали густой воздух. Бледнолицые быстро погрузили его в вонючую четырёхколесную самодвижущуюся повозку и увезли лечить.

Следующий месяц он провёл в пластмассовом пузыре барокамеры в Центре ветеринарных заболеваний министерства сельского хозяйства США на Плам-Айленд, у берега Лонг-Айленда. За это время он практически овладел знакомым ему лишь по древним документам языком, пытаясь объясняться с мрачными или испуганными бледнолицыми. Это время оставило у него в памяти неприятный осадок. Земляне оказались какими-то хрупкими, несуразными созданиями, по древним изображениям он представлял их куда более ладными. Многие были бледны, как призраки, напоминали ему сказки янтарного месяца, которыми дети на Марсе пугали друг друга. Так и казалось, что одно из этих белых пугал вдруг

выпрыгнет из-под кровати и, на манер Хульда из Фрайи, потребует у него на память руку или ногу. Сны этого периода часто заставляли его просыпаться в испуге.

Объясниться ему с бледнолицыми всё же удалось, и очень скоро к нему зачастили другие белые, мужчины и женщины, занимавшие в иерархии землян куда более высокое положение и куда более приветливые. Ван Нго Вен старался как можно лучше усвоить запутанные протокольные манеры древней культуры и терпеливо ждал момента, когда он сможет, наконец, передать предложение, с которым он прилетел, одолев сложный и опасный путь между двумя человеческими мирами.

* * *

— Джейсон, — взмолился я, когда он дошёл примерно до этого момента в своём повествовании, — погоди. Пожалуйста.

— У тебя вопрос, Тайлер?

— Нет. Просто… слишком много информации, не переварить.

— Но всё понятно? Я ведь собираюсь повторить эту историю ещё не раз и хочу, чтобы она звучала складно.

— Звучит складно, хорошо звучит, логично, последовательно. А кому ты её собираешься рассказывать?

— Всем и каждому. Журналистам.

— Я не хочу больше оставаться секретом, — сказал Ван Нго Вен. — Я ведь прибыл не прятаться. У меня есть что сказать. — Он открыл бутылку воды. — Мне кажется, вам следует глотнуть воды, Тайлер Дюпре.

Я взял у него бутылку и в два глотка выпил половину.

— Итак, мы теперь побратимы по воде? — спросил я его.

Марсианин меня не понял, но Джейсон звучно рассмеялся.

Четыре снимка дельты реки Кирилодж

Иной раз невозможно растолковать тупой нелепый поворот в развитии событий. Где-то расширяется Солнце, вспыхивают и гаснут звёзды, на мёртвой планете зарождается и развивается цивилизация, превосходящая в своём развитии нашу. Ближе к дому правительства летят на помойку, за ними туда же следуют те, кто их сбросил. Мутируют, сливаются — а чаще разделяются — религии, идеологии, философии. Трещит и крошится старый мир, на развалинах растёт новое, назвать которое новым не поворачивается язык. Срываем любовь, не дав ей созреть, и приправляем её специями, чтобы сделать вкуснее. Молли Сиграм меня, можно сказать, любила. Потому что я под руку подвернулся. Ну и что? Лето подходило к концу, а виды на урожай не вырисовывались.

Давно почившее «Новое царство» казалось теперь одновременно пророческим и бесконечно старомодным. Его робкое восстание против традиционных церквей казалось мелкой сыпью в сравнении с вулканическими фурункулами

сменивших его движений. Вместо прежних сообществ неупорядоченных половых сношений, ханжески прикрывавшихся священными хоругвями, возникли вызывающе дионисийские культы, лишённые декоративной набожности «Нового царства». Там не притворялись, что не существует ревности, там не только её признавали, но и обставляли ритуалом. Обиженный пренебрежением любовник прибегал к сорок пятому калибру — в упор — и возлагал на труп коварной изменницы алую розу. Бичи бед и злосчастий конца времён подтягивались под елизаветинскую драму, страшный суд сводился к комедии масок, к фарсу.

Саймон Таунсенд, родись он десятью годами позже, вполне мог бы вписаться в один из этих вертепов духовности а-ля Квентин Тарантино. Однако падение «Нового царства» лишило его иллюзий и заставило возжелать чего-нибудь попроще. Диана всё ещё звонила мне время от времени, примерно раз в месяц, при благоприятной обстановке и всегда тайком от своего благоверного или в его отсутствие. Иногда сообщала свои новости, чаще напоминала о себе, шуровала тлеющие угли остывающей памяти, чтобы согреться. Очевидно, не хватало тепла

домашнего очага, хотя финансовое положение семейства Таунсендов улучшилось. Саймон теперь обслуживал «Иорданский табернакл», их скромное независимое молельное заведение, на полную ставку; Диана подрабатывала там же, сновала между церковью и своей квартирой, а иногда убегала в местную библиотеку почитать книгу или ознакомиться с газетами. Современные книги, текущие события — Саймон этого не одобрял. «Иорданский табернакл» — церковь высвобождения, наставлял он Диану. Прихожанам рекомендуют не включать телевизоры, избегать книг, газет и иной эфемерности мирской псевдокультуры. Иначе застанет тебя Царствие Небесное врасплох, нечистым.

Диана этих принципов не проповедовала — меня, во всяком случае, убеждать не пыталась, — однако уступала своему наставнику, не подвергала сомнению его поучений. Иногда мне этот бред надоедал.

— Диана, — не выдержал я однажды. — Неужели ты веришь в эту перебздень?

— Ты о чём, Тайлер?

— Не включай телевизор, не держи дома книг, гипотетики — посланцы Царства Божия… Всё это дерьмо, и место ему в ж… — Я, должно быть, в

тот вечер перебрал, одолел лишнюю бутылочку пивка.

— Саймон в это верит.

— Мне на Саймона большую кучу.

— Саймон более крепок в вере, чем я. Я завидую ему. Понимаю, что сказанное им звучит… Ну, «Выкинь книги в помойку» и всё такое… Звучит, как будто он груб, заносчив, мнит о себе… Но это не так. На самом деле это кротость, акт отречения, повиновения, правда. Саймон отдаётся Богу так, как я не в состоянии.

— Ых-х, счастливчик…

— Да, счастливый. Тебе этого не понять, но он такой умиротворённый… Он нашёл в «Иордане» баланс душевного равновесия. Он может глядеть на «Спин» и улыбаться, потому что знает: он спасён.

— А ты? Тоже спасена, или он тебя спасёт своей верой? В карман прихватит?

Она долго молчала:

— Хотела бы я знать ответ на этот вопрос. Хотела бы. Я и правда иногда думаю, что веры Саймона хватит на двоих. Что его вера достаточно сильна, чтобы и на меня хватило. У него ангельское терпение. Единственное, из-за чего мы спорим, это дети. Саймон хочет детей. Церковь это поощряет.

Я понимаю, но денег нет, да и… мир такой неспокойный, что нас ждёт?

— Ну, это не то решение, где он может на тебя давить.

— Да он и не давит. «Вручи это в руки Господа, — говорит он. — Господь знает, что лучше».

— Но ты, конечно, слишком умная, чтобы ему поверить. Ты ведь вообще у нас умнее всех.

— Я? О, Тайлер… Надеюсь, что нет. Очень надеюсь.

* * *

Если пристать с религиозной пропагандой к Молли, она пошлёт вас «вместе с вашим …ным Богом» в анальное отверстие. «Всяка баба за себя» — вот её принцип. «Особенно если учесть, что мир расклеился, что никто из нас и до пятидесяти не дотянет, — добавляет она. — Я не собираюсь остаток жизни протирать пол коленями».

Молли дама крутая по характеру, по воспитанию и по жизненному опыту. Её родители держали молочную ферму и потратили десять лет на тяжбу с нефтяной компанией, соседствующей с их землями и отравлявшей всю округу ядовитыми отходами. Завершилось дело полюбовным соглашением. Фирма выкупила их ранчо за сум-

му, достаточную для обеспечения приличной пенсии и образования для дочери. Молли не забыла этих дрязг и желчно замечала, что от такой жизни даже «у ангела жопа в кровь сотрётся».

Изменения социального ландшафта её не удивляли. Однажды вечером мы с нею сидели перед телевизором, смотрели репортаж о стокгольмских бунтах. Толпа рыбаков и религиозных радикалов швыряла камни в окна и жгла автомобили, полиция поливала их сверху, с вертолётов, каким-то клеем, так что Гамластан в итоге выглядел, как будто его заблевал пьяный Годзилла. У меня вырвалось довольно-таки дурацкое замечание относительно того, как плохо ведут себя люди, когда они испуганы. Молли усмехнулась:

— Похоже, Тайлер, ты этой швали чуть ли не сочувствуешь.

— Я этого не говорил, Молли.

— «Спин» гонит их швырять камни в свой парламент? Потому что они обсикались от испуга?

— Я не говорю, что это извинение. Но это мотив. Они потеряли будущее. Они полагают, что обречены.

— Правильно полагают. Они обречены на смерть. А кто не обречён? Я умру, ты умрёшь, все умрут. Ну и что? Когда было иначе?

— Мы смертны, но раньше у нас было утешение, что род человеческий нас переживёт.

— Не вижу, чем тут утешаться. Кроме того, биологические виды так же смертны, как и отдельные особи. Единственное, что изменилось, — исчезла перспектива отдалённого будущего. Нам предоставлена возможность сценической кончины через несколько лет. Да и это ещё вилами по воде писано. Может, мы для чего-нибудь ещё гипотетикам понадобимся, промаринуют ещё с десяток лет.

— Тебя это не пугает?

— Конечно, пугает. Меня всё пугает. Но это не причина для убийства. — Она ткнула пальцем в экран, где кто-то запустил гранату в здание риксдага. — Тупые животные. Чего они достигнут? Гормоны играют. Чисто обезьяны.

— Хочешь сказать, что на тебя это всё не действует.

Она засмеялась:

— Нет. На тебя действует, но не на меня. Твой стиль.

— Да ну?

Она тряхнула головой и уставилась на меня почти вызывающе:

— Ты такой лихой, когда о «Спине» залива-

ешься. И такой же с Лоутонами. Они тобой пользуются, когда не нужен, не замечают. А ты улыбаешься, как будто так и надо. — Она посмотрела, как я отреагирую.

Я упрямо не отреагировал никак.

— Всё же есть и иные способы прожить остаток жизни.

Но какие способы она имеет в виду, Молли не сказала.

* * *

Каждый сотрудник при поступлении на работу в «Перигелион» давал подписку о неразглашении, каждого проверяли служба кадров фирмы и министерство национальной безопасности. Все мы относились к этой обязанности серьёзно, с полным сознанием важности предотвращения утечек информации. Следствием небрежности могли быть неприятности, касающиеся каждого: расследования комиссий Конгресса, испуг влиятельных друзей фирмы, уменьшение ассигнований и поступлений в фонды.

Но теперь в кампусе появился настоящий марсианин. Западное крыло чуть ли не полностью занимал Ван Нго Вен и приставленная к нему публика. Такое долго в секрете не удержишь.

Так или иначе, хранить тайну дольше стало нецелесообразно. К тому времени, когда Ван прибыл во Флориду, политическая элита Штатов и несколько глав иностранных государств уже знали о нём. Госдепартамент сформулировал для пришельца специальный статус и планировал представить его всему свету, выбрав для этого подходящий момент. Приставленная к нему команда вовсю готовила его к неизбежной медиалихорадке.

Конечно, его прибытие можно было — и, вероятно, следовало бы — обставить иначе. Можно было провести его по линии ООН и сразу же сообщить средствам массовой информации о его прибытии. Администрации Гарланда ещё придётся попотеть за эту игру в прятки. Христианская консервативная партия уже намекала, что «администрация знает о результатах процесса терраформинга больше, чем сообщает», стараясь вызвать огонь критики на президента или его наследника, Ломакса. Критики избежать не удалось бы в любом случае, но Вану не нравилась роль козыря администрации в избирательной кампании. Он хотел оповестить о себе, но решил дождаться ноября.

Однако Ван Нго Вен представлял собою секрет,

хотя и первый по значению, но не единственный. Странное лето выдалось в «Перигелионе».

В августе Джейсон вызвал меня в северное крыло, в свой офис — в свой настоящий офис, а не в тот, в котором он принимал высокопоставленных гостей и прессу. Кубическое помещение без окон; стол и диван. Джейс торчал на стуле между грудами научных журналов, в джинсах «Ливайс» и затёртом свитере. Выглядел он как гидропонный суккулент и сильно потел. Нехороший признак.

— Ноги теряю, — сообщил он.

Я отпихнул от края дивана стопку журналов и примостился на краешек, ожидая продолжения и уточнений.

— Больше недели уже, — продолжал он. — Как раньше, иголки и булавки по утрам. Работать не мешает, но не проходит. Более того, ухудшается. Наверное, пора откорректировать фармакопею.

Может быть, и пора. Но мне не нравилось то, что с ним делали лекарства. К тому времени он уже заглатывал в день по горсти разных таблеток. Стимуляторы миелиновой оболочки, чтобы замедлить потерю нервной ткани; усилители мозговой активности, чтобы помочь мозгу реконструировать и компенсировать повреждённые связи; вторичные препараты, чтобы приглушить

побочные эффекты, вызванные первичными средствами. Можно ли увеличить дозировки? Возможно. Но нельзя превышать потолка интоксикации, уже опасно близкого. Джейсон потерял не только вес, но и нечто более важное — эмоциональное равновесие. Речь его ускорилась, он реже улыбался. Он утрачивал контроль над телом, двигался как марионетка. Потянувшись за чашкой, он промахнулся, пришлось повторить попытку.

— В любом случае нужна консультация доктора Малмстейна, — решительно заявил я Джейсону.

— Сейчас я не смогу урвать достаточно времени, чтобы у него осматриваться. Ситуация меняется, если ты не заметил. Может быть, обойдёмся телефонной консультацией?

— Может быть. Спрошу.

— А тем временем сделай мне ещё одно одолжение.

— Если в силах.

— Объясни мою проблему Вану. Выкопай для него пару-другую книг по этой теме.

— Медицинских книг? Разве он медик?

— Не совсем. Но у него с собой куча всяческой информации. Марсиане в биологии ушли куда дальше нас. — Он промолвил это с кривой

усмешкой, значение которой я не сумел истолковать. — Он полагает, что сможет помочь.

— Ты серьёзно?

— Вполне. Перестань удивляться наконец. Поговоришь с ним? С человеком с другой планеты. С человеком, за плечами которого сотни тысяч лет марсианской истории.

— Конечно, — опомнился я наконец. — Это большая честь. Но…

— Тогда я устрою вашу встречу.

— Но только если он располагает знаниями, достаточными для излечения атипичного рассеянного склероза, нужны врачи получше меня.

— Ван прихватил с Марса энциклопедические базы данных. Над ними уже работают наши эксперты, сортируют, выискивают полезное для нас. В области медицины тоже. Как бы интермедия.

— У него есть время для интермедий?

— У него есть время даже для скуки. Друзей нет. Мне кажется, ему бы пошло на пользу общение с человеком, не считающим его ни спасителем, ни губителем. И конечно же, поговори с Малмстейном.

— Обязательно.

— Позвони ему из дома. Я больше здешним телефонам не доверяю.

Он улыбнулся, как будто сказал что-то весёлое.

* * *

В то лето я иногда выгуливал себя на общественном пляже через дорогу от дома. Пляжем его назвать можно лишь с натяжкой. Длинный выступ неокультуренной суши защищал его от размывания и не давал развернуться серферам. Жаркими вечерами мотели глазели на его песок застеклёнными окнами, а одинокие скучающие туристы полоскали пятки в прибое.

Я перешёл шоссе и уселся на разогретые солнцем деревянные мостки, нависающие над буйной травой. На востоке тучи сбивались в стадо. Я задумался над словами Молли, насчёт моей лихости со «Спином» и с Лоутонами. Попытался сохранить объективность.

Возможно, Молли права. Со своей точки зрения.

«Спин» для того, что произошло с Землёй, название дурацкое, однако меткое. Дурацкое с точки зрения физики. «Спин», вращение… Что у нас тут закрутилось быстрее или очевиднее? Но метафора меткая. Земля, с одной стороны, как будто застыла, стала статичнее, чем когда-либо. Но в каком-то смысле ощущение такое, как будто

она раскручивается, и скоро центробежная сила разнесёт всё в щепки. Инстинктивно хватаешься за что-нибудь, чтобы не унесло в бездну.

Так и я схватился за Лоутонов, не только за Джейсона и Диану, но за весь их мир, «большой дом» и маленький домик, детские привычки… Может быть, мне не за что больше было ухватиться. И может быть, нет в этом ничего плохого. Если Молли права, всем нам приходится за что-то держаться, не то пропадёшь. Диана вцепилась в свою веру, Джейсон в науку.

Я вцепился в Джейсона и Диану.

Я сбежал с пляжа, когда тучи решительно двинулись на берег и разразилась типичная для позднего августа гроза. Налетел шквал, восток засверкал молниями, ливень хлестнул по бледным балконам мотелей. До дома я добежал уже мокрым. Одежда во влажном воздухе не желала высыхать часами. Дождь перестал к вечеру, наступило затишье.

После ужина пришла Молли, мы загрузили один из последних фильмов, викторианская драма в интерьере, буря в гостиной — излюбленный жанр Молли. После фильма она вышла в кухню, намешать в стаканах какую-нибудь фантазию, а я вышел в запасную комнату и позвонил Малм-

стейну. Он сказал, что осмотрит Джейсона, «когда возникнет нужда», но пока не видел препятствий к увеличению дозировок, разумеется, при условии постоянного наблюдения с моей стороны и самоконтроля Джейсона.

Я спрятал телефон и, выйдя из комнаты, в холле столкнулся с Молли. В руках она держала стаканы.

— С чего это ты туда сбежал?

— Звонил.

— Что-нибудь важное?

— Нет.

— Проверял пациента?

— Что-то вроде этого.

* * *

Вскоре состоялась обещанная Джейсоном встреча с Ван Нго Веном в его квартире в «Перигелионе».

Посол Марса занимал комнату, которую обставил по собственному вкусу, пользуясь каталогами. Мебель он выбрал лёгкую, низкую, плетёную. Линолеум пола закрыл тканым ковром. Компьютер стоял на простом сосновом столе. Книжные полки из таких же сосновых досок. Очевидно, марсиане предпочитали ту же обстановку, что и

земные студенты-первокурсники.

Я принёс Вану запрошенный им материал: несколько книг по этиологии и лечению рассеянного склероза, а также распечатки JAMA по атипичной форме болезни. АРС, собственно, уже перестали считать разновидностью рассеянного склероза, его возвели в ранг совершенно самостоятельного заболевания генетического плана с проявлениями, характерными для рассеянного склероза, и с аналогичной деградацией миелиновых оболочек, защищающих нервные волокна. АРС характеризовался суровостью проявления, ускоренным развитием, стойкостью к традиционным формам лечения. Ван сказал, что такие симптомы ему незнакомы, но он поищет в архивах.

Я поблагодарил его, но поднял естественный вопрос: он не врач, а физиология марсиан существенно отличается от нашей. Даже если он найдёт подходящее лечение, подействует ли оно в случае Джейсона?

— Мы не столь различны, как кажется, — ответил он мне. — Ваши люди сняли мой геном, и он оказался неотличимым от вашего.

— Я не хотел вас обидеть.

— Я не обиделся. Сто тысяч лет — значительный

срок. Достаточный даже для видообразования. Однако марсиане и земляне могут давать потомство при скрещивании. Бросающиеся в глаза различия вызваны приспособлением человеческого организма к более холодному и сухому климату.

Говорил он уверенно, авторитетно, что как-то не вязалось с его внешностью. Голос выше, чем у среднего земного мужчины, но не детский, скорее похож на женский, хотя и преисполненный достоинства, почти как у государственного мужа, выступающего с программным заявлением.

— Но существуют ещё и процедуры законодательного плана, если речь зайдёт о терапии. Лекарственные средства подлежат проверке и утверждению федеральной администрацией.

— Уверен, что Джейсон законопослушен и согласится подождать официального разрешения. Но согласится ли подождать его недуг? — Ван поднял руку, чтобы предотвратить дальнейшие возражения. — Позвольте, я сначала ознакомлюсь с материалом, а потом мы продолжим обсуждение.

Покончив таким образом с делами, он попросил меня остаться для беседы. Это мне польстило. Несмотря на его странный внешний вид, он вну-

шал собеседнику симпатию. Было в нём что-то успокаивающее. Ван откинулся на спинку своего плетёного кресла, задал два-три вопроса о Диане («Джейсон лишь вскользь упомянул о семье») и перешёл к моему медицинскому образованию. Уроки анатомии с препарированием трупов его удивили, он даже вздрогнул, когда я упомянул об этой детали… Как и большинство землян.

Когда же я спросил Вана о его собственной жизни на Марсе, он полез в маленький серый мешочек, висевший у него на шее, и достал из него несколько картинок, распечатанных уже на Земле. Четыре снимка Марса.

— Всего четыре?

Он пожал плечами:

— Для памяти важно не количество. В привезённых мной данных заархивирован большой объём визуальной информации. Но эти — мои собственные. Личные. Хотите взглянуть?

— О, конечно.

Он передал их мне.

Фото 1. Дом. Несомненно, жилая постройка человека, несмотря на странноватую «техно-ретро»-архитектуру. Приземистая, скруглённая, чем-то смахивающая на выполненные из дёрна постройки индейцев и американских поселен-

цев начала XIX века — точнее, на продающиеся на сувенирных лотках керамические модельки таких домов. Небо над домом алмазно-бирюзовое — во всяком случае, таким его воспринял принтер. Горизонт непривычно близок, но полностью горизонтален, вдаль уходят уменьшаемые перспективой прямоугольники возделанных полей. Растет на них что-то зелёное, что именно, я не разобрал, но для зерновых или кукурузы слишком мясистое, а для салата или капусты слишком высокое. На переднем плане двое взрослых марсиан, мужчина и женщина, с комичной торжественностью смотрят в объектив. Марсианская готика. Ещё бы вилы да подпись Гранта Вуда — и готов классический портрет пионеров марсианского Среднего Запада в антураже сельской идиллии.

— Отец и мать, — прокомментировал Ван.

Фото 2.

— Я в детстве.

Этот снимок куда более суматошный. Ван объяснил, что морщинистость кожи у марсиан развивается лишь к половому созреванию. Здесь он снят в возрасте семи земных лет, лицо гладкое, оживлено улыбкой. Очень похож на земного ребёнка, хотя непонятно, какого этноса. Волосы светлые, кожа кофейная, нос узкий, губы пухлые.

Снят в каком-то, как мне сначала показалось, городке аттракционов, но Ван объяснил, что это город, городской рынок. Лотки и лавки, разных цветов здания, построенные из такой же керамики, что и сельский дом его семьи; на улице видны прохожие, лёгкие механические экипажи. Неба между высокими домами почти не видно, но и в видимый его кусок затесалось что-то механическое, летучее, с различимым размытым овалом вращающегося винта.

— У вас тут счастливый вид, — заметил я.

— Город называется Вой-Войюд. Мы тогда приехали за покупками. Время года — весна, поэтому родители разрешили мне купить меркидов. Маленькие такие, забавные, похожи на лягушек. Они у меня в мешке.

Маленький Ван сжимал в кулачке мешок из белой ткани, в котором угадывались какие-то компактные комки. Значит, там, в мешке, меркиды.

— Они недолго живут, всего несколько недель. Но очень вкусные яйца откладывают.

Фото 3. Панорамное. На переднем плане другой марсианский дом, перед ним марсианка в ярком многоцветном кафтане (Ван объяснил, что это его жена) и две гладкокожие девочки в

просторных платьицах янтарного цвета (дочери). Снимок сделан сверху. За домом пригородный сельский пейзаж. Сельскохозяйственные угодья разделены поднятыми над ними дорогами на насыпях и эстакадах. На дорогах кое-где мелкие автомобильчики, в полях чернеют мудрёные сельскохозяйственные машины. Дороги убегают к горизонту, занятому городом. Тем же самым городом, как объяснил Ван. Вой-Войюд, столица провинции Кирилодж, уходил в то же самое бирюзовое небо. Архитектура использовала низкую силу тяготения, дома в городе сплошь небоскрёбы, обильно обвешаны террасами разнообразных очертаний.

— На этом снимке видна почти вся дельта Кирилоджа.

Река синей лентой уходила к озеру, на горизонте сливавшемуся с небом. Город выстроен на возвышенности, на кромке рассыпавшегося кратера древней воронки от удара крупного болида. Это я узнал из объяснений Вана, мне возвышенность показалась обычной цепью холмов. На глади озера виднелись тёмные точки каких-то судов.

— Прекрасное место, живописное, — похвалил я его родину.

— Да.

— И ваша семья…

Он поднял на меня взгляд:

— Да. Только они все умерли.

— О… Как жаль…

— Несколько лет назад случилось катастрофическое наводнение. Это последние снимки. На четвёртом фото то, что осталось после бедствия.

Небывалый ураган вызвал в конце сухого сезона рекордные осадки на склонах хребта Одиночества. Массив воды не вместился в пересохшие рукава Кирилоджа. Марс во многих отношениях мир ещё молодой, с неустоявшимися гидрологическими циклами, его ландшафт до сих пор меняется в результате перераспределения водными потоками древних песков, щебня, вулканического пепла. В результате проливных дождей массы смытой ржавой грязи устремились в Кирилодж со стремительностью жидкого грузового поезда.

Фото 4. Последствия. От домика Вана остались лишь фундамент да одна стена, сиротливо торчащая посреди россыпи обломков… Отдалённый город уцелел, но плодородная земля исчезла, смыта или погребена наносами. Если не считать бурой водной пелены, можно подумать, что Марс

вернулся в девственное состояние, стал безжизненной пустыней. Над равниной парят несколько летательных аппаратов, вероятно, разыскивают уцелевших.

— Я с друзьями на день отправился в горы, и вот что за этот день произошло. Много народу погибло, не только моя семья. И я храню эти снимки, чтобы помнить, откуда я. И почему мне не нужно возвращаться.

— Вам очень тяжело.

— Я примирился с потерей. Насколько возможно. К моему отлёту с Марса дельту уже воссоздали. Не точной копией, конечно, но живой и плодородной.

Этим он, казалось, закрыл тему.

Я ещё раз просмотрел три первых снимка, чтобы лучше запомнить. Реальные снимки далёкого мира, не какая-нибудь компьютерная графика. Марс, планета, давно дразнившая воображение землян.

— Это, конечно, не Берроуз, тем более не Уэллс… Разве что немножко Бредбери.

И без того морщинистое лицо Вана изборождили новые морщины удивления.

— Прошу прощения, незнакомые слова.

— Фамилии писателей-фантастов. Они сочиня-

ли книги о вашей планете, как её представляли.

Ван заинтересовался. Люди описывали его планету живой задолго до того, как там возникла жизнь.

— Могу ли я ознакомиться с тем, что они сочинили? И обсудить это с вами во время вашего следующего визита?

— О, буду рад, разумеется. Но найдётся ли у вас время? К вам скоро главы государств выстроятся в очередь.

— Ничего страшного. Главы государств подождут.

Я тут же пообещал, что добуду для него, что смогу.

Уже по дороге домой я заехал в букинистическую лавчонку и утром завёз Вану — точнее, передал его охране — «Войну миров», «Принцессу Марса», «Марсианские хроники», «Чужака в чужой стране», «Красный Марс».

Недели две я о Ване ничего не слышал.

* * *

«Перигелион» продолжал обстраиваться. К концу сентября там, где летом бестолково теснился хвойнопальмовый подлесок, вырос массивный бетонный фундамент, из которого торчали

стальные балки, между которыми вились алюминиевые трубопроводы. Молли разнюхала, что на следующей неделе ожидается доставка холодильного оборудования и чего-то для лаборатории. Чего-то вроде даже военного. Мы сидели за ужином в Чампсе, в уголке, остальные посетители сгрудились перед большим плазменным экраном, галдели, болея за «Марлиней».

— Для чего нам лабораторное оборудование, Тай? У нас космос и «Спин». Не постигаю.

— Не имею представления. Мне никто не говорил.

— Но ты бы мог спросить у Джейсона. Ты же бываешь в северном крыле.

Я сказал, что у нас с Джейсоном об этом разговор не заходит. И напомнил, что у меня не та форма допуска. Как, впрочем, и у неё.

— Похоже, что ты мне не доверяешь.

— Просто следую правилам.

— Ну-ну. Ты у нас святой.

* * *

Джейсон появился у меня дома без предупреждения, к счастью, когда Молли отсутствовала. Он заехал поговорить о своих лекарствах. Я рассказал о консультации с Малмстейном, сообщил,

что он не возражает против увеличения дозировок при условии строгого контроля. Болезнь не законсервировалась, она развивается, и существует определённый предел, до которого можно подавлять её симптомы. Я не хотел внушить ему, что он обречён, но давал понять, что рано или поздно придётся изменить подход к работе, не подавляя болезнь, а приспосабливаясь к ней. Далее подразумевался ещё один порог, о котором никто не упоминал: полная инвалидность и слабоумие.

— Ну хорошо, хорошо, — кивнул Джейсон. Он сидел у окна, поглядывая на своё отражение в стекле, закинув одну длинную ногу на другую. — Мне нужно лишь несколько месяцев.

— Несколько месяцев для чего?

— Несколько месяцев, чтобы вырвать ноги моему обожаемому родителю. — Я недоумённо уставился на него. Может, он шутит, подумал я. Он улыбался. — Лучше, пожалуй, объяснить, а?

— Н-ну, если ты хочешь, чтобы я понял, то, пожалуй, надо объяснить.

— Мы с И-Ди расходимся в представлениях о будущем «Перигелиона». С точки зрения И-Ди наша фирма существует ради блага космической промышленности. Эта его убеждённость всегда оставалась неколебимой. Он никогда не верил,

что мы можем что-то сделать со «Спином». — Джейсон пожал плечами. — Он почти наверняка прав, в том смысле, что мы не можем устранить «Спин». Но это не означает, что мы не в состоянии его понять. Мы не в состоянии объявить войну гипотетикам, но вполне тянем на партизанскую научно-диверсионную тактику. В этом смысл прибытия Вана.

— Не понимаю.

— Ван не просто межпланетный посол доброй воли. Он прибыл с определённым планом мероприятия, которое даст нам возможность узнать кое-что о гипотетиках, о том, откуда они взялись, чего они добиваются, что они готовят обеим нашим планетам. Этот план встретил смешанный приём. И-Ди пытался его торпедировать. Он считает его не просто бесполезным, но и подвергающим риску наш политический капитал, оставшийся после терраформинга.

— И ты вознамерился потягаться с ним?

Джейсон вздохнул:

— Может, это звучит жестоко, но И-Ди не понимает, что его время как пришло, так и ушло. Отец мой именно такой человек, в каких мир нуждался два десятка лет назад. И в этом качестве он вызывает восхищение. Он добился потрясающих

вещей. Если бы И-Ди не поджарил задницы отцам нации, не было б на свете «Перигелиона». Ирония «Спина» и в том, что долгосрочные следствия гения И-Ди обернулись против него. Если бы не И-Ди, не было бы и Ван Нго Вена. Дело тут не в Эдиповом отцеубийстве. Я хорошо представляю, что мой отец совершил и кто он такой. Он свой в министерских кабинетах, он с Гарландом в гольф играет. Блеск! Но он пленник собственной близорукости. Время его прошло, он больше не ясновидец. Он не верит в план Вана, потому что не доверяет технологии. Он не доверяет всему, что от него не зависит. Ему не нравится, что марсианская технология превзошла нашу, что они владеют тем, о чём мы ещё и мечтать не смеем. И ему крайне не нравится, что я на стороне Вана. И не только я, но и новое поколение вашингтонских силовиков, включая Престона Ломакса, который, чего доброго, станет следующим президентом. И-Ди вдруг оказался окружённым людьми, которыми он не в состоянии манипулировать. Людьми младшего поколения, которые ассимилировали «Спин», освоились с ним так, как не могло освоиться поколение И-Ди. Людьми нашего поколения, Тайлер.

Мне, разумеется, польстило это причисление

моей персоны к неким избранным. Однако и встревожило. Я покачал головой:

— На многое замахиваешься, Джейс.

Он пронзил меня острым прищуром:

— Я действую именно так, как учил меня И-Ди. С самого рождения. Он не сына желал, а наследника, ученика, по возможности способного. Причём тренировать он меня начал задолго до «Спина». Он трезво оценил мои возможности, он знал, чего хотел от меня добиться. Я был воском в его руках. Даже когда вырос достаточно, чтобы понимать, что к чему, я следовал его курсом. И вот я перед тобою, изделие мастера И-Ди Лоутона. Фотогеничный, сообразительный, бесполый, открытый медиасреде типчик. Товар первой свежести, огурчик с грядки, в пупырышках, вершки и корешки в «Перигелионе». Но нашим контрактом предусмотрен один дополнительный пунктик, о котором И-Ди не очень хочет вспоминать. «Наследник» означает «наследование». Подразумевается, что с некоторого момента его суждение сменяется моим. И это время пришло. Открывшаяся перед нами возможность слишком важна, чтобы её профукать.

Я заметил, что руки Джейсона сжаты в кулаки, ноги трясутся. Эмоции или болезнь? С другой

стороны, в какой степени этот эмоциональный монолог естественен, а в какой вызван прописанными ему нейростимуляторами?

— Вроде ты испугался, — усмехнулся Джейсон.

— О какой марсианской технологии речь?

— Хитрая штука. Квазибиологическая. Сверхминиатюрная. В принципе, молекулярные автокаталитические петли обратной связи с поливариантным программированием в репродуктивных протоколах.

— А на человеческом языке можно?

— Крошки-репликаторы, искусственные самовоспроизводящиеся существа.

— Живые?

— В каком-то смысле живые. Искусственные живые существа, которых мы забросим в космос.

— И чем они займутся, Джейс?

Его ухмылка расплылась до ушей:

— Будут жрать лёд и высирать информацию.

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Я одолел несколько ярдов утрамбованной земли, в которой увязли уцелевшие островки асфальта, качнулся к склону и соскользнул вниз, с шумом, скребя землю жёсткими чемоданами со скромной своей одеждой, рукописными заметками, цифровыми носителями информации и марсианской фармацевтикой. Угодил я в сточную канаву, воды в которой оказалось выше колена. Зелёная, как лист папайи, вода грела ноги, отражала осколки Луны и воняла навозом.

Выкинув свой багаж повыше на насыпь, я подтянулся поближе к краю, чтобы обозревать дорогу, но не выставляться. Передо мной бетонный ящик клиники ибу Ины, чёрный автомобиль перед ней.

Приехавшие в автомобиле взломали заднюю дверь и двигались по помещениям, включая свет, высвечивая четырёхугольники окон. Обыскивают, предположил я и попытался сообразить, сколько времени они там провели. Однако я полностью утратил представление о течении

времени и оказался не в состоянии разобрать цифры на часах, плясавшие перед глазами как светлячки, не желая замереть хотя бы на мгновение, чтобы я смог их опознать.

Один из взломщиков вышел из передней двери, вернулся в машину и запустил двигатель. Второй показался через полминуты и влез на пассажирское сиденье. Разворачиваясь, чёрный автомобиль прокатил вплотную ко мне, полоснув фарами над краем дорожной насыпи и заставив меня сползти ниже. Я затаился и лежал неподвижно, пока звук мотора не замер в отдалении.

Тогда я подумал, что мне делать дальше. Соображалось с трудом, потому что на меня вдруг накатили страшная усталость и слабость. Встать на ноги — выше моих сил. Я хотел вернуться в клинику, позвонить Ине, рассказать о происшедшем. Но, может быть, Эн уже рассказал. Я надеялся на это, потому что дойти до клиники — об этом я не мог и мечтать. Ноги лишь дрожали, когда я пытался заставить их двигаться. Казалось, что это даже не усталость, а паралич.

Я снова глянул на клинику и заметил дымок, струящийся из вентиляционной шахты на крыше. В окнах за бамбуковыми жалюзи колыхалась светящаяся желтизна. Огонь. Пожар.

Взломщики оказались поджигателями. Они подожгли клинику ибу Ины, и я ничего не мог сделать, кроме как закрыть глаза и понадеяться, что кто-нибудь меня обнаружит, прежде чем я умру.

* * *

Очнулся я от вони дыма и звука плача.

Ещё не рассвело. Я обнаружил, что в состоянии шевелиться, даже двигаться, хотя и преодолевая боль. Голова тоже кое-как работала. Дюйм за дюймом я одолел склон, выглянул на дорогу.

Перед клиникой стояли автомобили, сновал народ. Светили автомобильные фары, лучи фонарей выписывали сложные узоры в темном небе. Клиника ещё дымилась. Бетонные стены устояли, но крыша обрушилась, и всё внутри выгорело. Я умудрился встать и, качаясь, направился на плач.

Плакала ибу Ина. Она сидела на дороге, обнимая колени. Вокруг неё стояли женщины, уставившиеся на меня не слишком дружелюбно. Но тут увидела меня и Ина. Она вскочила на ноги, вытирая глаза рукавом.

— Тайлер Дюпре! — Она подбежала ко мне. — А я думала, что вы там… сгорели внутри, в кли-

нике.

Она обхватила меня, обняла, поддержала, потому что ноги снова отказывались служить.

— Ваша клиника, — пробормотал я. — Вся ваша работа… Извините…

— Ерунда, ерунда. Клиника — дом, его можно выстроить. Всё остальное можно купить. А вы, Тайлер, вы неповторимы. Эн рассказал, что вы отослали его прочь перед тем, как ворвались поджигатели. Вы спасли его жизнь, Тайлер. Тайлер! Вам плохо?

Мне действительно было достаточно плохо. Над головой Ины я видел светлеющее небо. Гора Мерапи вырисовывалась на его синем фоне. Скоро выйдет солнце.

— Устал, — пробормотал я и закрыл глаза. Ноги вдруг подкосились, и я услышал, как Ина зовёт на помощь. Я снова заснул. И не на один день, как мне потом сказали.

* * *

По очевидным причинам мне нечего было более делать в деревне.

Ина хотела выходить меня во время последнего кризиса, она считала, что деревня мне обязана. Ведь я спас жизнь маленького Эна — во всяком

случае, она была в этом уверена и уверяла остальных. Эн же оказался не только её племянником, но и родственником чуть ли не каждого жителя селения. Я стал героем местного значения. Но одновременно я притягивал внимание злых людей, так что, если бы не Ина, кепала деса сунула бы меня в первый же автобус на Паданг. До поры до времени меня вместе с моим багажом поместили в пустом доме, владельцы которого отправились в рантау этак с полгода назад.

Минангкабау Западной Суматры накопили большой опыт жизни при различных оккупантах, поработителях, притеснителях — в общем, «благодетелях» разного толка. Они пережили явление ислама в XVI столетии, войну Падри, голландскую колонизацию, «новый порядок» Сухарто, реставрацию Негари, а уже после «Спина» — новых реформазов и их бандитскую национальную политику. Ина о многом мне рассказывала и в клинике, и позже, когда я лежал в маленькой комнатке деревянного дома под громадными, неторопливо вращающимися лопастями электрического вентилятора. Сила минанг в их гибкости, говорила Ина, в том, что они понимают, что остальной мир не дом им и никогда не станет домом. Она цитировала народную по-

словицу: «В разных полях разные кузнечики, в разных прудах разная рыба». Традиция рантау — эмиграция молодых людей, возвращающихся разбогатевшими или набравшимися опыта — сделала их умудрёнными. Простые деревянные фанзы деревни украшали стратосферные антенны, многие семьи получали электронные или бумажные письма из Австралии, Европы, Канады и Соединённых Штатов.

Неудивительно, что минангкабау работали на верфях и в доках Паданга. Джала, бывший муж Ины, не единственный купец, устраивавший экспедиции рантау к Арке и за неё. Неслучайно поисковые операции Дианы вывели её на Джалу, а через него на ибу Ину в горной деревне.

— Джала, конечно, прожжённый деляга, он может и надуть в мелочах, но подлецом его не назовёшь, — сказала как-то Ина. — Диане повезло, что она вышла на него. Или же она хорошо разбирается в людях. Во всяком случае, Джала новым реформазам не друг и не поклонник — к счастью для всех нас.

Развелась она с Джалой, потому что в городе он усвоил дурную привычку путаться с женщинами древнейшей профессии, тратил на них уйму денег и дважды приносил домой вполне изле-

чимые, но неприятные венерические болезни. Джала очень плохой муж, но не слишком плохой человек. Он не выдаст Диану начальству, если его не схватят и не подвергнут пыткам. Но Джала слишком хитёр, чтобы дать себя схватить.

— Люди, которые сожгли вашу клинику…

— Наверное, они выследили Диану, когда она возвращалась в отель, и допросили водителя такси.

— Но зачем они сожгли здание?

— Не знаю, но, скорее всего, чтобы запугать вас и выманить на поверхность. И запугать всех, кто захочет вам помочь.

— Раз они нашли клинику, значит, они знают ваше имя.

— Однако они пока что опасаются запросто размахивать пистолетами средь бела дня и выделывать всё, что им вздумается. Скорее всего, они наблюдают за портом и ждут, что вы вытворите какую-нибудь глупость.

— Но всё равно, теперь, когда они знают вас, если вы попытаетесь открыть новую клинику…

— Не попытаюсь.

— Нет?

— Нет. Вы меня убедили, что рантау гаданг для врача — лучший вариант. Не опасаетесь конку-

ренции?

— Не совсем понимаю.

— Я хочу сказать, что для всех наших проблем существует простое решение, и я о нём раздумываю уже долгое время. Вся деревня об этом думает. Многие уже решились. Наше селение находится не на бойком месте, как Белубус или Батусангкар. Земля скудная, неплодородная, люди каждый год уходят в город, или в другие кланы в других городах, или в рантау гаданг. Почему нет? В новом мире много места.

— Вы собрались эмигрировать?

— Я, Джала, моя сестра и её сестра, мои племянники и двоюродные братья и сёстры — больше тридцати человек. У Джалы есть внебрачные дети, которые с удовольствием займутся его делами, когда он уедет. Так что вам не за что нас благодарить. Мы не благодетели ваши, а просто попутчики.

Я часто спрашивал Ину о Диане. Она заверяла, что Джала сделает всё, что в его силах, для обеспечения её безопасности. Джала временно устроил её в жилых помещениях здания таможни, в относительном комфорте, в условиях максимально возможной безопасности.

— Самая сложная задача сейчас — незаметно

пробраться в порт. Они подозревают, что вы в горах, и будут вынюхивать иностранца, причём больного, потому что водитель, который вас доставил в клинику, наверняка им доложил, что вы плохо себя чувствовали.

— С болезнью покончено, — заявил я уверенно.

Последний кризис начался рядом с горевшей клиникой и прошёл, пока я оставался без сознания. Инна рассказала о моих буйствах: «Орал так, что соседи жаловались; бился так, что пришлось попросить кузена Адека придержать», — стараниями кузена Адека руки и плечи у меня покрылись синяками. Но я ничего не замечал и ничего не помнил. Зато теперь заметил, что с каждым днём становлюсь сильнее, температура стабилизировалась, и ходил я без дрожи в ногах.

— А как насчёт других воздействий средства? — спросила Ина. — Чувствуете в себе изменения?

Интересный вопрос. Я ответил честно:

— Не знаю. Пока что, во всяком случае, нет.

— Что ж, пока что это, пожалуй, и неважно. Как мы с вами уже отметили, главный фокус нам теперь предстоит — вывезти вас от нас и доставить обратно в Паданг. К счастью, у нас есть для этого необходимые возможности.

— И… когда?

— Ещё дня три, четыре может быть. Отдыхайте пока, набирайтесь сил.

* * *

Ину я в течение этих трёх дней почти не видел, дел у неё хватало. Дни походили один на другой, жаркие, солнечные, но по деревянному дому гулял ветерок, позволяя мне шевелиться, осторожно разрабатывать атрофировавшиеся мышцы, писать, читать — в доме на ротанговой полке нашлось немало книг в мягких обложках на английском, включая и популярную биографию Джейсона Лоутона, озаглавленную «Жизнь ради звёзд». Я заглянул в именной указатель и обнаружил там Тайлера Дюпре с пятью отсылками. Но читать не стал, предпочёл стоявшие рядом книжки Сомерсета Моэма.

Время от времени забегал Эн, справлялся о моём состоянии и приносил сандвичи и минералку из варунга своего дяди. Он взял на себя роль моего опекуна и постоянно интересовался, как я себя чувствую. Его распирала гордость от предстоящего рантау.

— И ты тоже отправишься в новый мир, Эн?

Эн подтверждающе замотал головой:

— И я, и отец, и мать, и дядя… — Он на одном

дыхании перечислил ещё дюжину родственников, употребив для обозначения степеней родства неизвестные мне слова на минанг. Глаза мальчика сверкали. — И пак Тайлер меня научит там медицине.

Может быть, и придётся. За Аркой традиционное образование, пожалуй, пока недосягаемо. Для Эна это не лучший вариант, и я подумал, не поторопились ли его родители с решением.

Но этот вопрос оставался вне моей компетенции, и Эн возбуждённо ждал отправления в путь. У него даже голос срывался от волнения, когда он об этом заговаривал. Мне нравился такой энтузиазм. В его возрасте в будущее ещё можно вглядываться с надеждой, а не со страхом. Ни один из моих ровесников не улыбался, думая о будущем. Взгляд Эна, добрый, глубоко человечный, радовал меня и печалил.

Ина появилась вечером накануне отъезда, принесла ужин и ввела меня в курс дела:

— Шурин сына моей двоюродной сестры служит водителем «скорой помощи» при больнице в Батусангкаре. Он может взять машину из гаража и отвезти вас в Паданг. Перед нами пойдут как минимум две машины с мобильными телефонами и рациями, так что если наткнутся на блокпост,

мы заблаговременно получим предупреждение.

— Мне не нужна «скорая помощь».

Ина поджала губы, удивлённая моей тупостью.

— «Скорая помощь» для маскировки, — терпеливо объяснила она. — Вы спрячетесь сзади, я в медицинском облачении, а кто-нибудь — Эн рвётся — изобразит больного из глубинки. Понимаете? Если полицейские сунут нос в машину, они увидят больного ребёнка. Мне стоит лишь бросить: «СПАССА», — как у них мгновенно пропадёт охота рыться в салоне. Так мы и провезём мимо них американского доктора, несмотря на его до смешного высокий рост.

— Думаете, сработает?

— Думаю, очень даже может сработать.

— Но если вас поймают вместе со мной?

— Ничего хорошего, но оснований меня задерживать у них нет. Перевозку чужестранцев никто не запрещал.

— Перевозку преступника.

— А вы разве преступник, Тайлер Дюпре?

— Смотря как толковать некоторые постановления Конгресса.

— Я не толкователь постановлений вашего Конгресса. Лучше об этом не думайте, спокойней будет. Я не говорила, что отъезд отложили на

день?

— Почему?

— Свадьба. Конечно, нынче свадьбы не те, что в прежние времена. «Спин» сильно подпортил свадебный адат. Да и всё ухудшилось с тех пор, как горы покорились деньгам и забегаловкам быстрого питания с их ядовитой едой. Я не хочу сказать, что деньги сами по себе гадость, но много зла они могут натворить. Молодёжь спешит, торопится куда-то. Но до лас-вегасовских свадеб-десятиминуток мы пока ещё не докатились. Они там, у вас, всё ещё существуют?

Мне пришлось признать, что существуют.

— Что ж, мы тоже к тому идём семимильными шагами. Минанг хикинг, тингал кербау. Но паламинан всё же будет, и липкий рис, и музыка салуанг. Вы достаточно оправились, хотите посетить? Хотя бы музыку послушать.

— Буду рад.

— Значит, завтра вечером песни поём, а послезавтра утром бросаем вызов американскому Конгрессу. Свадьба нам на руку. Народу много наберётся, машин много понаедет, меньше будет бросаться в глаза наше рантау в Телук-Байюр.

* * *

Я заснул поздно, проснулся освежённым, бодрым — давно уже не чувствовал себя столь здоровым. Тёплый утренний ветерок доносил до меня кухонные запахи и причитания петухов, в центре поселения плотники сколачивали помост. День я провёл у окна, читал, наблюдал за движением процессий невесты и жениха — они направлялись к дому жениха. Свадьба эта оказалась для деревни значительным событием, повлиявшим на распорядок дня. Местные варунги, не сговариваясь, устроили себе внеплановый выходной, хотя сетевые придорожные кафе по-прежнему завлекали проезжающих. К вечеру в воздухе висел густой запах жаренных с пряностями цыплят и кокосового молока. Эн ненадолго забежал, принёс мне еду.

С наступлением темноты появилась ибу Ина в расшитом платье и шёлковом платке.

— Всё в порядке, брак заключён, — сообщила Ина. — Теперь дело за праздником. Вы не раздумали идти, Тайлер?

Я выбрал лучшее, что у меня было с собой: влез в белые хлопчатобумажные брюки, натянул белую рубашку. Конечно, я опасался появляться на

публике, но Ина заверила, что чужих на свадьбе не будет, а среди своих я желанный гость.

Несмотря на заверения Ины, я чувствовал себя вне дома неуютно. В основном, не из-за бросающегося в глаза роста и смутных опасений, а потому, что слишком долго просидел в четырёх стенах. Как рыба, выскочившая из воды на воздух. Вдруг вокруг, в непосредственной близости, ничего, обширное пространство с отодвинутыми границами. Ина отвлекала меня рассказами о новобрачных. Жених — ученик провизора из Белубуса, родственник Ины. Всех родственников, более отдалённых, чем братья, сёстры, дяди, тёти и племянники, Ина называла кузенами и кузинами, хотя на языке минанг для каждой степени родства имелось то или иное слово, не имевшее эквивалента в английском. Невеста из местных, девушка со слегка подпорченной репутацией. Оба собирались после свадьбы в рантау. Новый мир манил.

Музыканты начали ещё в сумерки и, по словам Ины, должны были играть до утра. Чтобы всем в деревне было слышно, на столбах развесили здоровенные динамики, а сами артисты разместились на деревянной сцене — двое мужчин с инструментами, сопровождавшие пение двух

женщин-вокалисток. Ина объяснила, что пели они о любви, о браке, о разочарованиях, о судьбе, о сексе. О сексе много, очень много, в сочных живописных метафорах, которым позавидовал бы Чосер. Мы сидели на одной из скамей, окаймлявших площадку перед сценой. Люди, многие из которых слышали о сгоревшей клинике и беглом американце, пристально всматривались в мою физиономию, но Ина не позволила превратить меня в аттракцион. Она держала меня в сторонке, снисходительно улыбаясь молодёжи, толпившейся у сцены.

— Мне не на что жаловаться. Годы мои не те. Поле моё больше не требует вспашки, как они там выпевают. Для меня всё это суета.

Разодетые и разукрашенные жених и невеста восседали на самодельных тронах возле помоста с музыкантами. Жених с тонкими полосочками щегольских усиков, как мне показалось, выглядел несколько легкомысленным, но Ина заверила, что узду следовало бы набросить на казавшуюся воплощением невинности невесту в расшитом бело-голубом одеянии. Мы пили кокосовое молоко, улыбались. К полуночи женщины разошлись по домам, остались, в основном, мужчины. Молодёжь толклась у сцены, смеялась и

галдела, старики остались за столами, с мудрым видом играли в карты да о чём-то неторопливо переговаривались.

Я показал Ине страницы, написанные после моей первой встречи с Ваном.

— Не думаю, что вы всё точно изложили, — отреагировала она. — Слишком уж спокойный тон записи.

— Не то чтобы спокойный, но я действительно старался соблюдать осторожность и объективность.

— Познакомиться с марсианином… — Она подняла взгляд к небу, к постспиновским звёздам в хрупких рассеянных созвездиях, тусклых из-за яркого освещения площадки перед сценой. — Что вы ожидали увидеть?

— Что-нибудь не столь человечное.

— А он оказался «слишком человеком».

— Да.

В сельских общинах Индии, Индонезии, Юго-Восточной Азии Ван Нго Вен стал почитаемым персонажем. Ина сообщила мне, что в Паданге его портрет можно увидеть в домах горожан, на стене, в золочёной рамке, как изображение святого или знаменитого муллы.

— Что-то в его поведении привлекает, — ска-

зала она. — В голосе что-то знакомое, хотя народ слышал его лишь в трансляции, по радио да телевидению. А его планета, марсианские возделанные поля — это ведь сельское, не городское. Больше восточное, чем западное. На землю прибыл посол из другого мира и оказался одним из нас! Или показался одним из нас. И американцев он вздул, что любо-дорого.

— Ина, Ван ни в коем случае никого не ругал, это невозможно.

— Ну, легенды ходят. У вас, конечно, на языке вертелось множество вопросов, когда вы с ним познакомились.

— Ещё бы. Но я подумал, что ему уже надоело отвечать на вопросы, зачастую наверняка совершенно дурацкие.

— О Марсе он рассказывал охотно? О своём доме…

— Да, конечно. Ему нравилось рассказывать. Не нравилось только, если разговор переходил в допрос.

— Ну, я не такая воспитанная. Доведись мне с ним встретиться, я бы, наверное, утопила его в дурацких вопросах. А вот если бы вы смогли спрашивать его о чём угодно, без ограничений, о чём бы вы спросили?

Для меня ответ на этот вопрос Ины не представлял затруднений. Конечно, я точно знал, какой бы вопрос я задал Ван Нго Вену в первую очередь.

— Спросил бы его о «Спине». О гипотетиках. Узнали ли они что-нибудь неизвестное нам на Земле.

— И довелось вам с ним об этом говорить?

— Да.

— И было ему что сказать на эту тему?

— Много, много.

Я покосился на сцену. Там появилась новая группа салуанг. Один из музыкантов играл на рабабе, струнном смычковом инструменте. Исполнитель колотил смычком по корпусу своего инструмента и плотоядно улыбался. Ещё одна похотливая свадебная песня.

— Кажется, я уже вас допрашиваю, — заметила Ина.

— Да, извините, я, пожалуй, немного устал.

— Значит, надо вернуться домой и отдохнуть. Сон и покой — как доктор прописал. Если всё пойдёт как задумано, завтра увидите ибу Диану.

Ина отвела меня обратно по шумной улице. Музыка гремела часов до пяти утра, но я всё равно заснул здоровым сном.

* * *

Водитель «скорой» оказался худощавым неразговорчивым мужчиной в белой форме службы Красного Полумесяца. Звали его Ниджон, руку мне он пожал с каким-то преувеличенным почтением, говоря со мной, не отрывал взгляда от ибу Ины. Я спросил, не опасается ли он за благополучный исход предприятия, и Ина перевела его ответ:

— Он говорит, что и более опасные вещи делал, и не по столь убедительным причинам. Он говорит, что ему приятно встретиться с другом Ван Нго Вена.

И ещё — что скоро поедем.

Мы забрались в салон микроавтобуса. Вдоль одной стены находился вытянутый в длину стальной сундук, в котором обычно хранилось оборудование. Ниджон опорожнил его, и я мог при необходимости туда поместиться, согнув ноги, втянув голову в плечи — скрючившись чуть ли не в позе зародыша. Ящик пропах антисептикой и резиной, удобен был, как обезьяний гроб, но зато мог надёжно укрыть меня на время проверки. Ина должна была сидеть на ящике, а Эн лежать на носилках-каталке, изображая

немощного. В такую жару план казался не слишком соблазнительным.

Ниджон приспособил под крышку ящика клинья-подкладки, чтобы внутрь мог проникать воздух, иначе там можно было бы запросто задохнуться. К счастью, пока что не было нужды туда влезать. Полиция активно прочёсывает лишь шоссе между Букик-Тингги и Падангом, и нас заблаговременно предупредят об опасности едущие впереди. Пока что я уселся рядом с Иной, прикрепившей к локтевому сгибу Эна капельницу — без иглы, для виду. Эн с энтузиазмом вживался в роль больного, принялся репетировать кашель, глухой, лёгочный, сразу вызвавший подозрительный взгляд Инны:

— Стащил у брата сигареты?

Эн покраснел и заверил, что лишь ради правдоподобия, для успеха предприятия.

— Гм… Смотри, испортишь лёгкие, умрёшь до срока.

Ниджон запер задние двери, запустил мотор, машина двинулась. Ина велела Эну закрыть глаза:

— Притворись спящим.

Притворство почти сразу перешло в настоящий сон, Эн мирно засопел.

— Всю ночь не спал из-за свадьбы да музыки, — прокомментировала Ина.

— Удивляюсь, как он смог заснуть, даже и после бессонной ночи.

— Одно из преимуществ детства. Первый возраст, так марсиане выражаются, не ошибаюсь?

Я кивнул.

— У них четыре возраста? Четыре против наших трёх?

Да, Ина не ошибалась. Из всех особенностей жизни в марсианских Пяти Республиках эта для землян оказалась наиболее интересной.

Человеческие общества обычно различают две-три ступени жизни: детскую и взрослую, или же детство, юность, зрелость — чаще всего забывая о старости. Марсианская классификация отличалась от всех человеческих и обусловливалась успехами в развитии биохимии и генетики. Марсиане подразделяли жизнь человека на фазы, определяемые биохимическими событиями. От рождения до половой зрелости — детство. От наступления половой зрелости до окончания физического роста и наступления метаболического равновесия — юность. От равновесия до распада, смерти или радикального изменения — зрелость, взрослая фаза жизни.

А после зрелости — «факультатив» четвёртого возраста.

Много веков назад марсианские биохимики нашли способ продлить человеческую жизнь на шестьдесят — семьдесят лет. Но возможность эту нельзя было однозначно назвать благостной. Скудная экосистема Марса обделена водой и азотом. Процветающее сельское хозяйство, столь милое сердцу Ины, стало возможным лишь в результате напряжённых поисков и счастливых находок марсианской биоинженерии. Воспроизводство населения веками регулировалось по причине ограниченных возможностей. И добавочные семьдесят лет жизни грозили перенаселением.

Процедуры, необходимые для перевода организма в режим искусственного долголетия, отнюдь не радовали подвергаемых им индивидов. Требовалась основательная перетасовка, реконструкция на клеточном уровне. В тело вводились новые вещества, специально выведенные вирусы и бактерии. Эти вещества латали дефектные цепочки ДНК, восстанавливали теломеры, подводили генетические часы, бактерии-фаги выводили из человеческого тела токсичные металлы и восстанавливали физические дефекты.

Иммунная система сопротивлялась. Процесс выливался в подобие полуторамесячного тяжёлого заболевания и сопровождался высокой температурой, болями в мышцах и суставах, слабостью. Некоторые органы работали в горячечном ритме воспроизводства, лихорадило как весь организм, так и разные его части и системы, ускоренным темпом шла регенерация кожи и нервных волокон.

Этот мучительный процесс сопровождался изменениями, иной раз и необратимыми. Почти все пациенты страдали хотя бы временной потерей памяти, ими овладевали приступы помешательства и слабоумия, сообщалось об отдельных случаях полной амнезии. Реконструированный мозг не узнавал сам себя, а его обладатель всегда слегка отличался от исходного субъекта.

— Они победили смерть.

— Не вполне.

— С их мудростью они могли сделать её проще и приятнее.

Конечно, они могли бы облегчить переход к четвёртому возрасту. Но решили не делать этого. Марсианская культура отразила четвёртый возраст в традициях, вместе с болью и всеми сопровождающими явлениями и ограничениями.

Отнюдь не каждый решался на переход в четвёртый, и не только из-за неизбежных неприятных ощущений. Законодательство существенно ущемляло долгожителей. Каждый марсианин имел право выбрать переход, бесплатно и на равных для всех основаниях. Но долгожителям запрещалось воспроизводиться, это оставалось привилегией зрелого возраста. В течение последних двух столетий в курсе перехода как мужчинам, так и женщинам вводились средства, необратимо их стерилизующие. Долгожители лишались права голоса на выборах в советы всех уровней. Никто не хотел, чтобы планета управлялась стариками в их специфических интересах. Но каждая из пяти марсианских республик имела своеобразный надзорный орган, что-то вроде Верховного Суда, избираемый исключительно стариками. Долгожители в чём-то превосходили, но в чём-то и уступали взрослым, точно так же, как те по отношению к детям. Сильнее, сдержаннее, свободнее и в то же время более ограниченны.

Но я не мог разобраться, не только для Ины, но и для самого себя, во всех кодах и тотемах марсианской медицинской технологии. Антропологи годами рылись в архивах Вана, пока эту работу

не запретили.

— А сейчас мы владеем той же технологией, — сказала Ина.

— Некоторые из нас. Надеясь, что в конце концов все овладеют.

— Только сумеем ли мы её настолько же умно употребить…

— Почему нет? Марсиане смогли, а ведь они такие же люди, как и мы.

— Да, конечно, я понимаю, что это в пределах возможного. Но… как вы думаете, Тайлер, осуществимо ли это в действительности?

Я посмотрел на Эна. Он всё ещё спал. Вероятно, ему что-то снилось, глаза под закрытыми веками двигались, как рыба под водной пеленой. Ноздри парня раздувались, тряска машины укачивала его.

— Только не на этой планете.

* * *

За десять миль до Бикук-Тингги Ниджон вдруг заколотил по перегородке. Условный сигнал: впереди полицейский контроль. Машина замедлила ход. Ина встала, нацепила на физиономию Эна ярко-жёлтую кислородную маску. Проснувшийся Эн почему-то больше не проявлял энтузиазма,

выглядел робким, испуганным. Сама Ина надела марлевую повязку.

— Живо! — поторопила она меня.

И я полез в проклятый сундук. Крышка опустилась на клинья, позволив мне хоть как-то дышать, четверть дюйма между мною и асфиксией.

— И — ни гугу! — добавила Ина мне, Эну или обоим.

Я затаился во тьме.

Поползли минуты. До меня доносились чьи-то голоса, плохо различимые, да к тому же на чужом языке. Два голоса: Ниджона и ещё чей-то, тонкий, раздражённый. Голос полицейского.

«Они победили смерть», — сказала Ина.

Как же, держи карман шире, — подумал я.

Железная кастрюля, в которой я оказался, быстро нагревалась, как будто её поставили на огонь. Пот тёк по физиономии, струился по телу, пропитал рубаху, разъедал глаза. Я слышал своё дыхание. Казалось, что его только глухой не услышит.

Ниджон почтительно бормотал что-то представителю права и порядка, поганый коп гавкал раздражённо, как будто ему под хвост засунули вывернутый наизнанку стручок жгучего перца.

— Тише-тише-тише, — заклинающе прошипе-

ла Ина, на этот раз явно мне… Но нет, Эн нервно колотил кулачками по трубчатому основанию своего ложа, слишком энергично для жертвы СПАССА. Сквозь щель я различил кончики пальцев Ины.

Загремели задние двери машины, я тут же учуял вонь бензина, автомобильного выхлопа и перегретой солнцем придорожной растительности. Глаз ощутил наружный свет и мелькание теней, не то Ниджона и полисмена, не то деревьев и облаков.

Теперь полицейский так же раздражённо требовал что-то от Ины. Компот из полицейской раздражённости, наглости и занудства безмерно меня разозлил. Я представил себе Инну и Эна, приниженных или притворяющихся приниженными в присутствии грубой силы, вооружённого копа и всего, что он представлял. Ибу Ина сказала что-то коротко, но сурово на местном языке. Очевидно, упоминала СПАССА. Она тоже представляла власть, только иного порядка, власть сил природы; тоже могла внушить страх, не меньший, чем страх перед полицией и оружием.

Полицейский потребовал предъявить бумаги или вылезать и предоставить машину для обыска. Ина парировала срочностью случая, снова

сослалась на болезнь.

Меня подмывало встать на защиту Ины и Эна, сдаться прежде, чем власть употребит силу. Или драться. Или удирать. Пренебречь всем достигнутым, всеми мучениями, всем марсианским зельем, влитым в моё тело. Может быть, во мне просыпалась храбрость «четвёртых», особая храбрость, о которой рассказывал Ван Нго Вен.

«Они победили смерть…» Как бы не так. Земляне, марсиане, гипотетики — никто и никогда! Лишь отсрочка приведения смертного приговора в исполнение.

Машина качнулась на рессорах, подкованные башмаки лязгнули по металлу. Увесистый коп влез в машину. Я поднял руки к крышке.

Ина поднялась, разразившись гневной скороговоркой.

Я вдохнул полной грудью, приготовившись выпрямиться.

Но снаружи вдруг донёсся новый шум. Мимо с рёвом, на полном газу, пронёсся какой-то невидимый мне автомобиль. По доплеровской разнице частот скорость просто-таки вызывающая, наглая, плевок в государственную физиономию стража порядка.

Полицейский взревел, машина облегчённо

качнулась, пол её приподнялся. Топот, шарканье, хлопнула дверца, и хищно взревел двигатель полицейского патруля (моё в высшей степени логичное предположение, разумеется). Покрышки прыснули гравием — и Ина подняла крышку моего саркофага.

Я уселся, морща нос от вони собственного пота.

— Кто это его так?

Ина бледна, но спокойна, собранна.

— Аджи. Наш, из деревни. Мой кузен. Нарочно, чтобы их отманить. Гонит как пьяный.

— Он сделал это, чтобы нас спасти?

— О, как высокопарно. Но по сути верно. Мы ведь автоколонна. У всех телефоны, постоянный обмен информацией. Аджи рискует штрафом… взяткой — и только.

Я перевёл дух. Воздух показался прохладным и свежим. Глянул на Эна. Тот улыбался сквозь ещё не прошедший испуг.

— Пожалуйста, познакомьте меня с Аджи в Паданге. Я хочу его поблагодарить за то, как он искусно изобразил пьяного за рулём.

Ина закатила глаза:

— Если бы изобразил! Он и в самом деле пьян в стельку. Оскорбление пророка.

Ниджон улыбнулся нам и снова закрыл двер-

цы.

— Натерпелись страху, — сказала Ина и положила руку на моё предплечье.

Я извинился за то, что стал причиной стольких неприятностей.

— Ерунда, — возразила она. — Мы теперь друзья. И риск не так велик, как вы себе представляете. Полиция, конечно, не сахар, но всё же они свои, местные, и подчиняются местным неписаным законам. Другие хуже. Люди из Джакарты, новые реформазы или как они там себя называют… Ведь и вы бы рискнули ради нас, если бы возникла необходимость. Ведь так, пак Тайлер?

— Да. Конечно.

Её рука слегка дрожала. Она заглянула мне в глаза:

— Я вам верю.

Нет, мы не победили смерть и никогда не победим. Мы лишь добиваемся отсрочек. Таблетка, пилюля, порошок, инъекция, сердечно-сосудистая хирургия, «четвёртый возраст»… Всё это создает иллюзию, что даже небольшая отсрочка, чуть больше жизни помогут насладиться упущенной мудростью, к которой мы стремились и которой не достигли. Вряд ли кто-то возвращается домой после операции двойного шунтирова-

ния, воображая, что будет жить вечно. И Лазарь восстал из гроба, зная, что ему снова предстоит умереть.

Но он восстал и вышел. Вышел, исполненный благодарности. И я тоже преисполнился благодарности.

Точки холода во Вселенной

Добравшись до дома после встречи в «Перигелион фаундейшн», я отпер дверь и обнаружил Молли перед своим домашним компьютером.

Письменный стол находился в юго-восточном углу жилой комнаты, возле окна, сидеть за ним следовало спиной к двери. В полуобороте Молли удивлённо глянула на меня, одновременно кликнула мышью и вышла из программы.

— Молли?

Я не удивился, увидев её. Выходные она теперь чаще всего проводила у меня. И ключ у неё был. Но ни разу я не замечал, чтобы она проявила интерес к моей персоналке.

— Ты не позвонил.

У меня была встреча со страховщиками, представителями компании, покрывавшей медицинские издержки нашего персонала. По прогнозам заседать мы должны были не меньше двух часов, однако за двадцать минут провентилировали все вопросы ценовой политики, а когда закончили, я подумал, что обгоню Молли, которая собиралась ещё заехать за вином.

Невинное удивление в глазах моей подруги

заставило меня объяснить ей всё это, прежде чем спросить, что её интересовало в моих файлах.

Она засмеялась несколько смущённо, как бы извиняясь, однако не снимая руки с мышки и снова повернувшись к монитору. Курсор на экране нырнул к кнопке выключения компьютера.

— Погоди, — сказал я. — Тебе здесь что-нибудь надо?

Стрелка курсора достигла цели, а я накрыл рукой руку Молли:

— Я бы хотел узнать, чем ты здесь занималась.

Она напряглась. На виске возле её уха заметно пульсировала вена.

— Устроилась как дома. Возможно, несколько перестаралась. Не думала, что ты будешь возражать.

— Возражать против чего, Молли?

— Против того, что я включила твой терминал.

— Включила для чего?

— Так, ни для чего. Просто проверить, осмотреться.

Вряд ли моя скромная машина могла заинтересовать Молли. Компьютеру пять лет, древность почти антикварная. У неё в приёмной прошлогодний. К тому же я успел распознать открытую ею программу, закрытую так поспешно, когда я

вошёл. Это была хозяйственная программа: счета, баланс чековой книжки, контакты.

— Мне таблица привиделась. Ну, я там щёлкнула, тут… Твой рабочий стол меня смутил. Народ экран по-разному компонует. Извини, Тайлер. Я проявила бесцеремонность. — Она выдернула свою ладонь из-под моей и щёлкнула по обоим выключателям. Экран погас, затих гул вентилятора. Молли поднялась со стула, оправила блузку. Она всегда приводит себя в порядок, когда встаёт. — Может, я займусь ужином? — Она отвернулась и вышла на кухню.

Я проводил её взглядом, подождал, пока створки двери-распашонки отмотаются в обе стороны и затихнут, выждал ещё немного и направился за ней.

Она сняла две сковородки со стенной полки. Взглянула на меня и отвернулась.

— Молли, если ты хочешь что-то обо мне узнать, достаточно спросить.

— Гм… Хорошо, учту.

— Молли…

Она с преувеличенной осторожностью поставила сковороду на горелку, как будто боялась её разбить.

— Ты хочешь, чтобы я ещё раз извинилась? Хо-

рошо. Тайлер, прости меня за то, что я включила твой компьютер без разрешения.

— Молли, я тебя ни в чём не обвиняю.

— Тогда почему мы так долго это обсуждаем? Как будто весь остаток дня придётся выяснять, как и почему… — Глаза её увлажнились. Изумрудная зелень тонированных линз слегка сгустилась. — Да, я проявила излишнее любопытство.

— Любопытство к чему, к моим домашним расходам?

— Любопытство к тебе. — Она потянула стул из-под кухонного стола. Ножка стула зацепилась за ножку стола, Молли вывернула стул, села и скрестила руки под грудью. — Да, может быть, к самым банальным вещам. Может быть, именно к банальным вещам. — Она закрыла глаза и покачала головой. — Можно подумать, что я шпионка. Однако… да, к домашним расходам, к зубной пасте, к размеру ботинок, да. Да, мне хотелось бы чувствовать что-то большее, чем регулярный физиологический перетрах по выходным. Да, признаюсь.

— Но для этого необязательно залезать в мои файлы.

— Может, и необязательно. Но…

— Но?

Она тряхнула головой:

— Не хочу спорить.

— Иной раз лучше довести до конца то, что начали.

— Ну… Вот, к примеру. Каждый раз, когда ты чувствуешь, что тебе что-то угрожает, ты сразу напускаешь на себя этакий отстранённый вид. Весь такой возвышенный, недосягаемый, аналитический. Созерцаешь меня, как вошь под микроскопом. Как будто репортаж по телевизору. Как будто сквозь стеклянный экран. Этот стеклянный экран всё время здесь, разве нет? И весь мир по другую сторону экрана. Потому ты и о себе не говоришь. Потому я целый год жду, пока ты увидишь во мне что-то, кроме конторской мебели. Этот куда как мудрый взор, знающий, оценивающий. Как будто вечерние новости воспринимает. Как будто я — какая-то мелкая война на другой стороне планеты, где всех, кого убивают и кто остаётся в живых, зовут так, что нам, бедным, не выговорить.

— Молли…

— Я понимаю, что все мы в глубокой заднице, что всех нас выкинуло в «Спин». Предтравматический стресс, так? Поколение придурков. Разводы, адюльтеры, маньяки, садисты, сверхна-

божные ханжи или такие вот невозмутимые… И у каждого веское оправдание, включая и меня. И если сознание своей значимости, своей роли незыблемой твердыни, опоры для заблудшей сучки в ночи тешит твоё самолюбие — я и с этим согласна, и это переварю. Но не преступление — хотеть большего. И я вполне по-человечески хочу прикоснуться к твоей душе. Не только к члену. К душе.

Она выговорилась, поняла, что сказала всё, что намеревалась сказать, и разъединила руки, ожидая моей реакции.

Я чуть было не произнёс речь. О том, что я вовсе не равнодушен к ней. Может быть, это не бросалось в глаза, но я заметил её сразу, как только вошёл в медпункт. Я впитывал динамику её тела, её походку, следил, как она встаёт, садится, зевает или потягивается, рассматривал её пастельных тонов одеяния, ювелирную бабочку на тонкой цепочке, учитывал и сравнивал её настроения, порывы, мимику и жесты. Закрывая глаза, я видел её лицо, думал о ней, засыпая. Она нравилась мне внешне и характером, мне нравился солёный вкус её губ и её интонации, прикосновение её пальцев и то, что они выписывали на моём теле…

Я собирался всё это ей сказать, но не смог себя заставить.

Это не было бы сущей ложью. Но это не было бы и полной правдой.

В конце концов, мы свели разговор к обмену утешительными любезностями; капнула одна-другая слезинка, последовали объятия примирения, тему замяли, и я сыграл роль кухонного мужика при мудром шеф-поваре, приготовившем весьма неплохие макарончики под соусочком. К полуночи мы уютно устроились перед стеклянным экраном, узнали о росте безработицы, о предвыборной гонке, о какой-то мелкой войне на другой стороне планеты и отправились в постель. Молли выключила свет, мы обнялись со всеми вытекающими последствиями. Тьма, окно открыто, небо пустое и тёмное. При оргазме Молли выгнулась дикой кошкой, потом расслабилась, обмякла. Мы не отодвинулись друг от друга, лежали, бедро к бедру, рука к руке. Полусвязные обрывки речи:

Я: «Знаешь, любовь…»

Она: «Ага. В кровати».

Она заснула, мне не спалось.

Я потихоньку вылез из постели, натянул джинсы и вышел из спальни. В такие бессонные ночи

стаканчик-другой медово-травчатого ликёра «Драм-бьюи» помогает заглушить беспокойные внутренние монологи, кляузы, которыми внутреннее желудочно-кишечное сомнение донимает утомлённые лобные доли мозга. Но перед тем, как направиться к заветному кухонному шкафчику, я включил компьютер и вызвал свою хозяйственную программу.

Чем конкретно интересовалась Молли, я определить, конечно, не смог. Никаких изменений я не обнаружил, ничего вроде не добавлено и не стерто. Нашла ли она здесь что-нибудь, что приблизило её ко мне? И этого ли она здесь доискивалась?

Может, зря потратила время.

* * *

Ближе к ноябрьским выборам я чаще виделся с Джейсоном. Болезнь его активизировалась, проявлялась всё более явно, несмотря на увеличение дозировок, возможно, в результате стресса, вызванного конфликтом с отцом. И-Ди объявил о своём намерении «отобрать» «Перигелион фаундейшн» у тех, кого он заклеймил как чинуш-карьеристов, и у научного персонала, стакнувшегося с марсианином. По мнению

Джейсона — пустая угроза, но эмоционально и организационно весьма весомая.

Джейсон держал меня поблизости на случай, если ему срочно понадобятся антиспазматические средства. Я против этого не возражал, оставаясь в рамках закона и врачебной этики. На какое-то время обеспечить Джейсону работоспособное состояние — на это у медицины возможностей пока что хватало, а работоспособность нужна была ему для борьбы с родителем.

Поэтому я проводил немало времени в административном крыле компаунда, обычно с Джейсоном, но часто и с Ваном. Мои «марсианские контакты» вызвали косые взгляды со стороны приставленного к Вану штата. Вокруг него толклись служащие Госдепа, Белого дома, министерства внутренней безопасности, военные из Объединенного космического командования вооружённых сил, архивисты, декодирующие доставленную с Марса информацию и так далее. Все они считали меня инородным телом, нарушающим гладкое течение их полезной работы. Я — мелкая сошка, ничто. Но именно поэтому Ван предпочитал мою компанию. Мне не нужно было проводить с ним, над ним, для него никаких программ, проектов, тематических исследований.

И по его настоянию мрачные личности время от времени проводили меня через несколько тамбуров, отделявших помещения с компромиссным искусственным климатом от флоридской жары и широкого внешнего мира.

Во время одного из таких визитов я застал марсианина сидящим в своём плетёном кресле — у подножия его появилась скамеечка, чтобы ноги не болтались, — и задумчиво рассматривающим содержимое стеклянной пробирки. Я спросил, что там внутри такое интересное.

— Репликаторы, — ответил он.

Его одели в костюм с галстуком, сшитый как будто на коренастого двенадцатилетку. Приезжала какая-то делегация из Конгресса. Хотя о существовании Вана официально не объявляли, к нему то и дело приезжали посетители как из Штатов, так и из-за рубежа. Официально сообщить о пришельце должны были после выборов, и тогда ему уже некогда будет задумчиво рассматривать пробирки.

Я остановился на пороге, тоже гипнотизируя стеклянный сосуд в его руке. Репликаторы. Лёдоеды. Зачатки неорганической биологии.

Ван улыбнулся:

— Испугались? Зря. Бояться тут совершенно

нечего. Они неактивны. Джейсон, должно быть, вам о них рассказывал?

Рассказывал. Немного. Я вспомнил вслух:

— Микроскопические полуорганические приборы. Репродуцируются в вакууме при крайне низких температурах.

— Совершенно верно. О целях Джейсон тоже говорил?

— Расселение по галактике. Сбор информации и передача её нам.

Ван кивнул, как будто услышал ответ верный, но весьма неполный.

— Самый передовой продукт технологи Пяти Республик, Тайлер. Мы не в состоянии развивать промышленность такого рода, как вы здесь, на Земле, с вашими океанскими лайнерами, людьми на Луне, громадными городами…

— Насколько я видел, ваши города тоже внушительно выглядят.

— Лишь потому, что выстроены в условиях меньшей гравитации. На Земле наши башни рухнули бы под собственным весом. Да, так вот: содержимое этой трубочки — наш эквивалент вашего инженерного триумфа, настолько сложный и изощрённый, что мы можем им гордиться.

— Не сомневаюсь, что можете, и по праву.

— Тогда подойдите и возьмите в руку. Не бойтесь.

Я подошёл и сел напротив. Со стороны можно было подумать, что два приятеля обсуждают что угодно, от рыбной ловли на хлебный мякиш до предстоящих президентских выборов. Но я не мог оторвать глаз от пробирки. Ван протянул её мне.

— Смелее.

Я взял стекляшку большим и указательным пальцами, поднял, чтобы рассмотреть на просвет. Содержимое казалось обычной водой с лёгким маслянистым отливом.

— Чтобы полностью это оценить, нужно понять, что там, внутри. А внутри тридцать-сорок тысяч искусственно созданных клеток в глицерине. Каждая клетка, можно сказать, жёлудь.

— У вас есть жёлуди?

— Читал. Общая метафора. Дуб из жёлудя. Так, да? Жёлудь — потенция дуба, и не одного, а обширных дубрав. Древесина для строительства целых городов. Ваши города построены из дуба?

— Нет, но это неважно.

— Значит, у вас в руке жёлудь. Спящий. Может быть, и погибший, если учесть, сколько времени материал провёл при здешней температуре. Анализ выдаст вам следы различных химических

соединений.

— Но?

— Но в холодном вакууме, где-нибудь в облаке Оорта, этот желудь прорастёт. Начнёт медленно, но уверенно развиваться. И репродуцироваться.

Облако Оорта. Знал я о нём немного, из бесед с Джейсоном и фантастических повестей и рассказов. Облако Оорта представляет собой расплывчатую туманность из всякой космической мелочи, размазанную начиная примерно с орбиты Плутона и на половину расстояния до ближайшей звезды. Конечно, расстояния между составляющими его объектами внушительные, но общая масса вещества облака в двадцать, а то и в тридцать раз превышает массу Земли. По большей части состоит из грязного льда.

Хорошенькая трапеза для любителей поживиться пылью со льдом.

Ван подался вперёд. Глаза его, окаймлённые морщинистой чёрной кожей, сверкали. Он улыбался — марсиане всегда улыбаются, когда говорят серьёзно, от души.

— Не обошлось без споров. То, что вы держите в руке, может непредсказуемо изменить не только нашу Солнечную систему, но и всю галактику. Что из этого получится? Репликаторы не орга-

нические существа, но они живут, они живые. Живые автокаталитические системы с обратной связью. На них влияет окружающая среда, и они меняются. Так же, как люди, как бактерии, как… — Он замялся, подыскивая пример.

— Как меркиды, — подсказал я.

— Как меркиды.

— То есть речь идёт об эволюции.

— Да, несомненно. Причём о непредсказуемой эволюции. Мы, конечно, внесли определённые ограничения. Во всяком случае, мы так считаем. Много, много противоречий, споров.

Когда Ван упоминал марсианскую политику, я представлял себе морщинистых марсиан и марсианок в светлых тогах, выступающих со сверкающих подиумов, выполненных из нержавеющей стали. Ван усмехнулся и разочаровал меня замечанием, что ведут себя марсианские парламентарии, как фермеры на зерновой бирже в неурожайный год, а одеты они примерно как бубновые дамы и валеты походной карточной колоды.

Споров идея породила много, длительных и ожесточённых, а замысел относительно прост. Репликаторы следовало рассеять в далёких окраинах Солнечной системы. Какая-то их часть,

пусть небольшая, внедрится в два-три кометных ядра, начнёт рост и воспроизводство.

Их генетическая информация закодирована в молекулах, термически нестабильных ближе к Солнцу, чем луны Нептуна. Но на достаточном удалении от горячих звёзд субмикроскопические нити репликаторов инициируют медленный метаболизм. В сравнении с темпами их роста остистая сосна покажется призовым рысаком, но растут они неуклонно, усваивают встречающиеся частицы, органические молекулы, формируют стенки, рёбра жёсткости, перемычки.

Достигнув габаритов в несколько сот кубических футов и развив сложные внутренние связи, система начинает вести себя более целенаправленно. Она выращивает «глаза» из льда и углерода, сканирующие пространство.

За какой-то срок, скажем, лет в десять, колония репликаторов создаст сложный организм, способный регистрировать происходящее вне его и передавать эти данные. Она с интересом вглядывается во Вселенную, выискивая, в частности, тёмные тела типа планет, обращающиеся вокруг ближайших звёзд.

На это уйдут десятилетия, и первыми из таких обнаруженных тёмных тел окажутся Земля и

Марс.

Репликаторы зарегистрируют эти данные и передадут их в точку своего происхождения, к нам. Их примут наши спутники, вышедшие за оболочку.

«Состарившаяся» колония репликаторов распадётся, разделится на составляющие кластеры простых «дочерних» клеток, которые, используя разные возможности, отправятся к другим звёздным мирам, оставляя за собою крохотные клетки-ретрансляторы, узлы разрастающейся сети.

Эти клетки второго поколения продрейфуют в межзвёздном космосе годы, века, тысячелетия. Большая часть их погибнет, угаснет на безнадёжных траекториях, втянется в поле притяжения нашего Солнца, вернётся в облако Оорта и повторит процесс, терпеливо поедая лёд и собирая избыточную информацию. Повстречавшись, клетки обменяются материалом, откорректируют накопившиеся ошибки, произведут потомство похожее, но в чём-то отличное от родителей.

Какая-то ничтожная их часть достигнет системы ближней звезды и начнёт в ней процесс, собирая свежую информацию, которую тоже отошлёт домой пакетами данных, краткими ор-

гастическими информационными вспышками. «Двойная звезда без тёмных планет», — будет гласить их сообщение. Или: «Белый карлик, одно тёмное планетное тело».

И снова, снова, снова…

От звезды к звезде, шаг за шагом, в течение столетий, тысячелетий, мучительно медленно, но достаточно быстро по галактическому времени, достаточно быстро для нас, отрезанных и замурованных в оболочках. Десяток наших медленных лет — и они заполонят чуть ли не всю нашу галактику.

Информация, передаваемая со скоростью света от узла к узлу, будет учитываться, корректировать поведение системы, направлять новые репликаторы в перспективных направлениях, будет систематизироваться, исключать избыточность, чтобы не допустить перенасыщения каналов. Мы опутаем галактику своей рудиментарной паутиной. Репликаторы закинут в небо всеохватывающий невод, рассказывающий нам о том, что в него попалось.

Негативные аспекты? А как же без них. Конечно, предприятие связано с определённым риском.

Не будь «Спина», марсиане ни за что не реши-

лись бы на такое наглое вторжение во Вселенную. Это ведь не просто исследовательская миссия. Это полномасштабное вмешательство, использование галактических ресурсов по своему усмотрению, изменение галактической экологии. Если во Вселенной существуют другие разумные существа, а гипотетики — явное тому свидетельство, то распространение репликаторов может быть расценено как агрессия. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Лишь появление искусственных структур над полюсами Марса заставило марсиан пересмотреть своё отношение к проекту.

— «Спин» поколебал стойкость сомневающихся, — сказал Ван. — Если повезёт, репликаторы откроют нам какие-то тайны гипотетиков или хотя бы дадут представление об их деятельности в галактике. Может быть, мы узнаем назначение «Спина». Репликаторы могут также послужить предостережением другим разумным формам жизни, столкнувшимся с такой же проблемой. Другие цивилизации могут подхватить наше знамя. Наше упавшее знамя. Они смогут сделать выводы, преуспеть там, где мы оплошали.

— А мы уже оплошали? Окончательно?

Ван пожал плечами:

— Скорее всего, да. Солнце уже одряхлело, вы это знаете, Тайлер. Ничто не длится вечно. А в наших обстоятельствах и «вечность» — это не так уж долго.

Улыбка, с которой он произнёс это, искренняя марсианская улыбка, наклон головы к спинке плетёного кресла подчеркнули весомость сказанного.

Нельзя сказать, что я удивился услышанному. Все мы знали, что обречены. По меньшей мере обречены на прозябание под скорлупкой, охраняющей нас от гибели во враждебной Солнечной системе. Солнечный свет, сделавший Марс обитаемым, изжарил бы Землю, если бы не мембрана «Спина». И даже Марс в его собственной тёмной оболочке быстро покидал так называемую обитаемую зону. Умирающая звезда, мать всего живущего, завершала жизнь в старческом безумии, бессовестно губя всё порождённое ею.

Жизнь родилась «на краешке» неустойчивой ядерной реакции. Эту истину никто не оспаривал и до «Спина», когда небо над землёй ещё ничто не затмевало и по ночам в нём мерцали далёкие звёзды. Эта истина, однако, никого не волновала, ибо жизнь человеческая была коротка, между двумя биениями солнечного пульса на земле сме-

нялись бессчётные поколения. Но вот — Господь, спаси и помилуй! — случилось невероятное: нам суждено пережить своё Солнце. Нам суждено вращаться вокруг трупа своего светила в виде рассеянного по орбите пепла либо жить в вечной ночи герметичной оболочки, вне времени и галактического дома.

— Тайлер! Что с вами?

— Всё в порядке, — заверил я его, думая почему-то о Диане. — Может быть, лучшее, на что мы можем надеяться, — это хоть что-то понять, перед тем, как упадёт занавес.

— Э-э… Занавес?

— Выражение такое. Перед концом.

— Конечно, невелико утешение, — признал Ван. — Но, пожалуй, это именно так. Лучшее, на что мы можем надеяться.

— Вы, марсиане, знали о «Спине» тысячи лет. И за всё это время вы ничего не смогли узнать о гипотетиках?

— К сожалению, не смогли. Ничего или почти ничего. Лишь какие-то догадки о физической природе «Спина». — Джейсон мне пытался растолковать. Что-то о квантах времени… Но я в математике не силён, и всё, о чём он говорил, далеко от практического воплощения. — О ги-

потетиках вообще ничего. Насчёт же того, что им от нас нужно… Тоже догадки. Мы задавались вопросом, чем особым отличалась Земля к тому моменту, когда её поймали в оболочку. Почему они не изолировали Марс сразу, когда мы там появились? Чем руководствовались они при выборе момента?

— И… Каков ответ?

В дверь постучали, появился один из свиты Вана, лысеющий господин в сшитом на заказ чёрном костюме. Он обратился к Вану, но глядел при этом на меня.

— Прошу прощения, но до встречи с делегацией Евросоюза осталось пять минут.

Я встал.

— В следующий раз, — сказал Ван.

— Надеюсь, скоро?

— Как смогу.

Уже вечерело, с делами я на тот день покончил. Вышел через северную дверь. По пути к парковке остановился у дощатого забора стройплощадки. Сквозь щели виднелась кладка из простых шлакоблоков, громадные резервуары высокого давления, отходящие от них толстенные трубы. Территория стройки загажена обрывками жёлтой тефлоновой изоляции, обрезками медных

труб и змеевиков. Бригадир в белой пластиковой каске гавкал на работяг, толкающих тачки, тоже в касках, в защитных очках и в ботинках с окованными сталью носками.

Эти люди строили инкубатор для новых живых существ. Здесь в жидком гелии вырастут и подготовятся к расселению по холоду Вселенной наши наследники, способные жить дольше и путешествовать дальше, чем человеческие существа. Наш диалог со Вселенной, может быть, посмертный. Если И-Ди не осилит Джейсона и не задушит проект.

* * *

В тот уик-энд мы с Молли отправились прогуляться по пляжу.

Последнее воскресенье октября выдалось безоблачным. Едва мы прошли четверть мили по усеянному окурками песку, как поднявшееся солнце начало нещадно припекать. Океанская рябь отражала бессчётное множество солнечных зайчиков, как будто воду усеивали груды нетонущих бриллиантов. Молли вышла в шортах, сандалиях и белой хлопковой футболке, которая тут же прилипла к её телу, соблазнительно подчёркивая рельеф. Она надвинула на глаза

кепку-бейсболку, опустила козырёк пониже.

— Никогда я этого не пойму, — проворчала она, опуская руку от глаз и оборачиваясь, чтобы проверить собственные следы на песке.

— Чего не поймёшь, Молл?

— Солнце. То есть его свет. Все говорят, что он фальшивый, но жара, бог мой, жара! Жара-то настоящая.

— Солнце тоже нельзя сказать что совсем уж фальшивое. Мы видим не настоящее солнце, но свет-то идёт от настоящего. Гипотетики преобразуют его, длину волны и интенсивность.

— Это я понимаю, но посмотри, как оно идёт по небу. Восход, закат. Если это лишь проекция, каким образом её видно от Канады до Южной Америки? Если барьер «Спина» лишь в каких-то сотнях миль от нас…

Я сказал ей то, что когда-то слышал от Джейсона: фальшивое солнце не проекция, а управляемая копия, проходящая сквозь экран и находящаяся на расстоянии девяноста миллионов миль от Земли.

— Тоже, фокусники…

— Если бы не этот фокус, мы бы все уже давно сгорели. Экология планеты требует двадцати-четырёхчасовых суток. Что некоторые виды

вымерли из-за отсутствия Луны, ты тоже знаешь? Они питались и размножались по Луне.

— Живём по лжи.

— Ну, можно и так сказать.

— Передо мной ложь, я чувствую ложь и называю её ложью. Стою с освещённым ложью лицом. Ложь, которая может вызвать вовсе не ложный рак кожи. Но всё равно не понимаю. И не поймём, пока не поймём гипотетиков. Если когда-нибудь поймём. В чём я лично глубоко сомневаюсь.

Ложь не поймёшь, сказала мне Молли, шагая рядом со мной вдоль деревянных мостков, побелевших от океанской соли. Ложь можно понять, лишь поняв её подоплёку, её мотивацию. Она сказала это, глядя на меня в упор, прикрывая глаза низко опущенным козырьком, намекая на что-то, и я не мог понять, на что.

Мы вернулись в мой домик, в ложную, ибо неестественную, устроенную кондиционером прохладу. Что-то почитали, послушали какую-то музыку, но Молли всё время неспокойно ёрзала, а я всё ещё не вполне освоился с мыслью о ней, роющейся в моём компьютере. Ещё одно непонятное мне событие. Я, кажется, любил Молли. Или убеждал себя в том, что любил. Если же то, что я к ней ощущал, не было любовью, то вполне

прилично заменяло любовь.

Непредсказуемость этой женщины меня, однако, тревожила. Такая же искорежённая «Спином», как и все мы. Подарок ей купить — проблема. Если ей чего-то хотелось, то я не мог понять, чего именно, если её не прорывало у витрины магазина. Она многое держала в себе и, как все любители засекречиваться, считала меня точно таким же.

Мы закончили ужин и принялись убирать со стола, когда зазвонил телефон. Молли взяла трубку, пока я вытирал руки.

— Угу… Он здесь, сейчас передам трубку. — Она прикрыла микрофон рукой. — Джейсон. Какой-то странный. Будешь говорить?

— Конечно.

Я взял трубку и замер, глядя на неё. Молли возвела очи к потолку и вышла в кухню, оставив меня одного.

— Джейс? В чём дело?

— Тайлер, ты мне нужен. Срочно.

— Что-то случилось?

— Случилось, чёрт побери. И ты мне нужен.

— Срочно?

— Я б звонил, если бы не срочно?

— Ты где?

— Дома.

— Ладно, я выезжаю, но как там с движением…

— Давай, давай.

Я сказал Молли, что должен уехать. Она улыбнулась — скорее, ухмыльнулась.

— Что за работа? Срочные роды у начальства?

— Я врач, Молли.

— Врач или собачка Джейсона Лоутона? Что, ты должен приносить ему брошенные палки?

— Извини, я должен ехать, время не ждёт. Тебя куда-нибудь подвезти?

— Нет. Я подожду тебя здесь. — Она глядела на меня с вызовом, как будто ожидая моего протеста. Но я не стал возражать. Возражение означало бы, что я ей не доверяю. А я ей доверял. В значительной степени.

— Не знаю, когда вернусь.

— Ничего. Я свернусь калачиком на диване и уставлюсь в телик. Ты не возражаешь?

— Ну, если тебе не будет скучно…

— Обещаю, что мне не будет скучно.

* * *

По-прежнему необжитая холостяцкая квартира Джейсона от моего дома в двадцати милях по шоссе, и, как нарочно, пришлось объезжать

полицейский кордон. Кто-то устроил засаду на инкассаторский фургон, успешно породившую любопытство группы канадских туристов и устроившую затор. Входную дверь дома Джейс открыл мне кнопкой из своей прихожей, а когда я поднял руку, чтобы постучать в квартиру, оттуда донеслось его нервное:

— Не заперто!

Большая передняя комната пребывала всё в том же обглоданном состоянии: паркетная пустыня, в которой Джейс устроил свой бедуинский бивуак. Он лежал на диване. Торчавший рядом с диваном торшер бросал на него жёсткий безжалостный свет. Лицо бледное, лоб взмок, глаза сверкали.

— Я уж думал, не дождусь. Думал, твоя пастушка не отпустила.

Я рассказал ему о полиции и об объезде и добавил:

— Джейсон, будь добр, отзывайся о Молли уважительнее.

— В смысле, без намёков на её среднеглубинное происхождение? Понял, исполняю. Простите, дяденька, больше не буду.

— Что с тобой?

— Интересный вопрос. Ответ многовариантный. Гляди.

Он поднялся.

Процесс не радовал. Вставал он, как будто складной плотницкий метр выпрямлялся. Джейс оставался высоким и хорошо сложённым, но физически бесповоротно сдал. Исчезла грациозность движений, руки болтаются, как будто деревянные, прибитые гвоздиками. Ноги, когда он выпрямился, с трудом держали его, тряслись, как ходули под неумелым клоуном-любителем. Моргал он всей физиономией, чуть ли не всем телом.

— Н-ну, полюбуйся. Х-ха-харош, да?

— Сядь, Джейс. Давай, осмотримся. — Я вытащил прибор для измерения давления, обмотал его чёрной кишкой отощавшую руку Джейсона. Почувствовал, как в неконтролируемой конвульсии дёргаются мышцы под кожей.

Давление высокое, пульс учащённый.

— Противосудорожные принимал?

— А как же! Ещё бы не принять.

— По графику? Не передозировал? От передозировки больше вреда, чем пользы, Джейс.

Джейс вздохнул — резко, свирепо, с рыком. И сделал нечто неожиданное. Он протянул руку к моей голове, схватил меня за волосы — сжал крепко, до боли — и притянул меня к себе, лицом

к лицу, почти до касания. И из его искажённого гримасой рта полился горячечный поток слов:

— Тайлер, брось эту идиотскую врачебную трясхомудию. Мне сейчас не до этого, я не могу этого себе позволить. Извини, но не время соблюдать всякие правила этики-хренетики. Слишком многое поставлено на карту. Утром прилетает И-Ди. Он воображает, что у него в рукаве козырь. Он скорее закроет нас, чем отдаст мне свой сраный трон. Я не могу этого допустить, а глянь на меня, что я смогу в таком состоянии? Может ли такая груда костей совершить нормальное отцеубийство? — Его хватка усилилась, мне стало ещё больнее. Сила в его дряблых мышцах ещё сохранилась. Но он тут же выпустил мою причёску и другой рукой оттолкнул меня. — Давай, ЧИНИ МЕНЯ! Это, в конце концов, твоя задача.

Я подтянул к себе стул и сел, следя, как он, истощённый вспышкой, уселся на диван, а потом и вовсе по нему распластался. Он исподлобья наблюдал, как я вынул шприц и заполнил его жидкостью из маленького пузырька тёмного стекла.

— Это что?

— Временное облегчение. — Фактически я собирался вколоть ему витамин B с примесью лёгкого

транквилизатора. Джейсон глядел недоверчиво, но руку подставил. Вслед за иглой на кожу выскочила крохотная капелька крови.

— Джейсон, ты прекрасно знаешь, что я тебе скажу. Излечения не существует.

— На Земле не существует.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты меня понял.

Он думал о марсианской программе долгожителей. По словам Вана, этот процесс попутно лечит целый букет генетически обусловленных заболеваний. Он выкинет петлю АРСа из ДНК Джейсона, устранит аномальный протеин, разъедающий нервную систему.

— Но, Джейсон, этот процесс занимает несколько недель. И, кроме того, мне не улыбается идея сделать из тебя подопытного кролика.

— Какие опыты? Всё давно испытано. Марсиане применяют процесс столетиями, а они точно такие же люди. Извини, Тайлер, но мне плевать на твои этические сомнения и соображения. Они просто не предусматриваются формулой.

— Моей формулой они предусматриваются.

— Вопрос в том, какая формула весомее. Если твоя — то катись колбаской.

— Риск…

— Риск мой. Рискую я, а не ты. — Он опустил веки. — Не посчитай это заносчивостью или тщеславием, но слишком много значит, сдохну я или нет, смогу ли я шевелить языком. Это не моё личное дело, это вопрос выживания человечества. Я попал в фокус, занял слишком ответственную позицию. Не случайно, но и не потому, что самый умный или самый достойный. Меня назначили. Ф-фактически я артефакт, прибор, сконструированный И-Ди Лоутоном так же, как он с твоим отцом конструировал когда-то всякого рода летучки. Я выполняю функцию, для которой создан, — управляю «Перигелием», реагирую на «Спин».

— Но президент может зарубить. Не говоря уже о Конгрессе. Или ООН вмешается, мало ли…

— Тайлер, я не мальчик. Я не строю воздушных замков. В этом-то и дело. «Перигелион» затрагивает интересы многих. Очень многих. И-Ди тоже не мальчик. Он превратил «Перигелион» в насос для перекачки средств в аэрокосмическую промышленность и много где в верхах обзавёлся дружками и подельниками. Он смазал не одну лапу, финансировал не одну избирательную кампанию, продвинул не одного директора. У него свои планы, своё восприятие, он оказывался

в нужные моменты в нужном месте и добивался желаемого. Он в критический момент спас от «Спина» телекоммуникации, и это обеспечило ему могучую поддержку. Он умело этой поддержкой пользуется. Без И-Ди не было бы людей на Марсе. Без И-Ди Лоутона не появился бы Ван Нго Вен. Отдадим старому хрену должное, он великий человек.

— Но?

— Но его время прошло. Он безнадёжно увяз в до-спиновском образе мышления. Им движет пещерная мотивация. Ему пора передать эстафету. И он сдаст позиции, если я смогу этим заниматься.

— Я, Джейсон, не вполне понимаю.

— И-Ди ко всему подходит с позиций сиюминутной выгоды. Из всего стремится выкачать побольше денег. Он терпеть не может Ван Нго Вена и его репликаторы не потому, что это слишком амбициозный проект, а потому, что это невыгодно. Марс вкачал в космическую промышленность триллионы баксов, принёс И-Ди состояние, о котором он не мог и мечтать. Марс ввёл его в Белый дом, приблизил к самой кормушке, к распределению бюджета. И это для него главное, за этим он ничего не видит. Он мыслит

до-спиновскими категориями, когда политика была азартной игрой со ставками и выигрышами. Предложение Вана ничего общего с этой игрой не имеет. Запуск репликаторов не требует непомерных затрат. Суммы ничтожны в сравнении, к примеру, с терраформингом Марса. Всего-то пара-другая «Дельта-седьмых» да простенькие ионные движки. Праща Давида. Стеклянная пробирка. Малыми средствами.

— И это для И-Ди неприемлемо.

— Конечно. Что это даёт дышащей на ладан промышленности? Это прямой финансовый подкоп под её основы! А ещё хуже — он уходит в сторону, отступает на второй план. Вдруг все взоры устремляются на какого-то черножопого марсианца! Ещё пара недель, и Ван выходит на авансцену. И он уже выбрал меня в качестве двигателя своего проекта. И ты полагаешь, что И-Ди сможет спокойно наблюдать, как его неблагодарный отпрыск и какая-то морщинистая инопланетная обезьяна отринут все его старания и загадят весь космос какой-то сомнительной дрянью, причём за сумму, на которую можно купить один вшивый авиалайнер?

— А что предлагает он?

— О, у него готов прекрасный широкомасштаб-

ный проект. С размахом, за бешеные бабки, разумеется. Генерализованная система наблюдения — так, кажется, он обозвал своё детище. Вполне традиционными средствами. Выискивание следов активности гипотетиков. Орбитальные межпланетные станции, пункты наблюдения на всех планетах, от Меркурия до Плутона, полёты к полярным висюлькам гипотетиков как здесь, так и на Марсе…

— А чем это плохо?

— Да ничем. Это даст кое-какую информацию. Но главное — вольет кучу средств в промышленность. Цель-то его именно в этом. Но чего не может постичь И-Ди, чего не могут сообразить все они, всё его поколение…

— Что, Джейс?

— Поезд отправляется. Форточка вот-вот захлопнется. Время Земли во Вселенной истекает. У нас не так уж много возможностей понять, что это означает — что это означало — создать цивилизацию. — Веки Джейсона дрогнули раз, другой. Напряжение в нём спало. — Что означает оказаться выделенным во всеобщем потоке отмирания, исчезновения. Более того! Это означает… Это означает… — Он уставился на меня. — Что за дрянь ты мне вколол, Тайлер?

— Да ничего серьёзного. Мягкий транквилизатор.

— Быстрого действия?

— Джейсон, это тебе было нужно, ты сам этого хотел.

— Ну ладно. Главное, чего я хотел и хочу, быть в форме завтра утром.

— Это, однако, чревато последствиями. Ты хочешь, чтобы я, выражаясь техническим языком, преодолел ослабленный электрический контакт повышением напряжения. Кратковременно может сработать, но что потом? Я с удовольствием дам тебе чистый бессимптомный день. Но я не хочу тебя убить.

— Если ты не дашь мне чистый бессимптомный день, ты с таким же успехом можешь меня и убить на месте.

— Всё, что я могу тебе предложить, — это моё беспристрастное профессиональное мнение.

— И чего мне ожидать от твоего беспристрастного профессионального мнения?

— Можно помочь. Мне так кажется. Немного. В этот раз, Джейсон. Но свобода маневра ограниченна, крайне ограниченна. Имей это в виду, Джейсон.

— У нас у всех свобода маневра ограниченна. И

всем это неплохо было бы иметь в виду.

Он вздохнул и улыбнулся, когда я снова открыл свой медицинский саквояжик.

* * *

Когда я вернулся, Молли сидела на диване, гипнотизируя телеэкран, прикованная к какой-то мыльной опере про эльфов… а может, и про ангелов. Экран пушисто голубел, сиял, переливался. Увидев меня, она выключила телевизор. Я спросил, что тут без меня происходило.

— Ничего особенного. Но был один звонок.

— Да ну? Кто звонил?

— Сестра Джейсона. Как её… Диана. Из Аризоны.

— Она сказала, зачем звонила?

— Сказала, что хотела поговорить. Ну мы и поговорили.

— Гм. О чём?

Молли слегка развернулась, продемонстрировала мне свой профиль на фоне полуосвещённого изнутри дверного проёма спальни:

— О тебе.

— Предмет достойный.

— Да. Я ей велела больше не звонить, потому что у тебя теперь другая, то есть я. И что я всегда

буду снимать трубку.

Я вылупил глаза.

Молли оскалила зубы, обозначив улыбку:

— Ладно, ладно, Тайлер, отомри. Шуток не понимаешь? Я ей сказала, что тебя дома нет. И только.

— Ты ей сказала… — Я всё ещё не мог опомниться.

— Я ей сказала, что ты уехал. Куда — не сказала, потому что ты мне тоже этого не сообщил.

— Она ни о чём срочном не упоминала?

— Нет. Да и по голосу я б не сказала, что о чём-то срочном речь. Позвони, если хочешь уточнить. Я не возражаю.

Но это тоже своего рода проверка.

— Да ладно, не к спеху.

— Вот и хорошо. — На щеках Молли появились ямочки. — Потому что у меня другие планы.

Ритуалы жертвоприношения

Озабоченный предстоящим прибытием И-Ди, Джейсон ни словом не помянул ещё одного гостя, Престона Ломакса, действующего вице-президента США и фаворита президентской гонки.

Усиленная охрана, полномасштабное применение повышенных мер безопасности. На посадочной площадке, венчающей главное здание, неуклюже раскинуты лопасти вертолёта. Все признаки «красного протокола», знакомые по нескольким визитам президента Гарланда.

Наш охранник при входе, именовавший меня «док» и раз в месяц проверявший в медпункте уровень холестерола, сообщил, что в этот раз нас удостоил посещением Ломакс.

Едва я успел зайти в свою клинику и поздороваться с заменявшей Молли Лусиндой, как пришло сообщение, сразу завернувшее меня в административное крыло, к Джейсону. Четыре периметра под неусыпным наблюдением — и я в его кабинете, с глазу на глаз. Я опасался за его состояние, но ремиссия пока что держалась. Он встал, вытянул вперёд руку — чётко, твёрдо, без всякой дрожи:

— Хочу тебя поблагодарить, Тайлер.

— Рад помочь, но ещё раз предупреждаю — без гарантии.

— Всё учёл. Нам бы только день продержаться. И-Ди ожидается в полдень.

— А Ломакс?

— Он в семь утра прибыл. Соней его не назовёшь. Часа три терзал марсианина, а теперь предстоит экскурсия. Я поведу. Ван тем временем хотел бы побеседовать, если у тебя есть время.

— Ну, коли дела государственной важности позволяют ему отвлечься… — Если верить опросам, Ломакс должен был победить на выборах с почти стопроцентной гарантией. А Джейсон обрабатывал Ломакса ещё задолго до прибытия марсианского посла. И вот Ван, к тому же, понравился Ломаксу. — И отец будет на экскурсии?

— Я бы его занял чем-нибудь другим, но никак.

— Возникнут проблемы?

— Куча проблем.

— Но физически ты себя чувствуешь нормально?

— Тьфу-тьфу-тьфу. Но ты у нас доктор. Несколько часов, Тайлер, всего несколько часов.

Пульс у него слегка повышенный, но это и неудивительно. Симптомы АРСа подавлены. По-

бочное действие лекарств тоже не проявляется. Он выглядел совершенно нормальным, совершенно спокойным, спокойнее, чем я.

И я отправился к Ван Нго Вену. На этот раз он оказался в малом кафетерии для руководства, к которому стянулось заметное количество крепких молодых людей в чёрных костюмах и с проволокой за ушами. Ван поднял голову, когда я приблизился к прилавку-мармиту, и сдержал оборонительные рефлексы своей охраны.

Я расположился напротив за столом со столешницей дымчатого стекла. Ван оторвал взгляд от тарелки с бледной лососятиной и улыбнулся мне. Я осел на сиденье, чтобы приспособиться к его росту. Ему вполне можно было бы подложить под себя подушку.

Но пища ему шла на пользу. Он существенно прибавил в весе за время проживания в «Перигелионе». Костюм в области живота стал ему явно тесноват. Жилетку он даже и не застегнул. Щёки тоже округлились, хотя морщины никуда не делись, всё так же овражили его тёмную кожу.

— У вас, говорят, сегодня высокий гость побывал?

Ван кивнул:

— И не в первый раз. С президентом Гарландом

я уже несколько раз виделся в Вашингтоне, и с вице-президентом Ломаксом дважды. Народ говорит, выборы приведут его к власти.

— Не вследствие его оглушительной популярности.

— Мне трудно судить о нём как о кандидате. Но вопросы он задавал интересные.

Этот его настрой заставил меня рвануться в наступление:

— Конечно, такому опытному политику нетрудно подать себя в выгодном свете. Следует признать, что он многого добился на своём посту. Но на протяжении почти всей карьеры он чаще всего вызывал к своей персоне негативные чувства. На Капитолийском холме его почти все ненавидели. Главный погоняла партии на протяжении трёх президентских сроков. Мимо него муха не пролетит.

Ван ухмыльнулся:

— Вы думаете, что я так уж наивен, Тайлер? Опасаетесь, что господин Ломакс меня использует в своих узких интересах?

— Нет, не наивный, но…

— Новичок? Согласен. Всех нюансов вашей политики я не улавливаю. Но всё же я не так уж молод, на несколько лет старше Ломакса. Да и са-

мому приходилось занимать административную должность.

— Да ну?

— Три года. — В голосе его звучала нескрываемая гордость. — Сельскохозяйственный администратор кантона Ледяных Ветров.

— О…

— В правительственном органе большей части дельты Кирилоджа. Конечно, это не президентство в Соединённых Штатах. В сельскохозяйственном управлении нет чёрного «ядерного чемоданчика». Но однажды положил конец махинациям местного чиновника, искажавшего данные об урожае и сбывавшего излишки на сторону.

— Двойная бухгалтерия?

— Уж как её там ни назови.

— Значит, Пять Республик коррупция тоже не обошла?

Ван моргнул раза три, послав волны по морщинам щёк:

— Как же, как же. Ведь и там живут люди. Не понимаю, почему многие земляне так наивны. Прибудь я из какой-нибудь другой страны — Франции, Китая, Техаса, — никто бы не задал такого вопроса. И у нас люди воруют, мухлюют,

берут взятки…

— Да, понимаю…

— Вот видите… Вы работаете в «Перигелион фаундейшн». Вы встречались с людьми старшего поколения, с людьми, чьими отдалёнными потомками являются нынешние марсиане. Ведь вы не станете утверждать, что эти люди идеальны, лишены недостатков?

— Нет, конечно, но…

— И всё же это недоразумение носит какой-то всеобщий характер. Даже в книгах, которые вы мне передали, написанных до «Спина»…

— Вы их читали?

— Взахлёб. С наслаждением. Большое спасибо. Но даже в этих книгах марсиане… — Он пошевелил пальцами, подбирая слова.

— Некоторые могут показаться слегка бесплотными, отрешёнными, святыми, что ли.

— Что-то в этом роде. Мудрыми. Хрупкими с виду. Сильными в сути своей. Отцами-предками. Но для нас, Тайлер, вы являетесь отцами-прародителями. Древний вид, древняя планета. Неизбежная ирония.

Я чуть поразмыслил:

— Даже Герберт Уэллс…

— Его марсиане едва нос кажут. Абстрактное,

обобщённое зло. Не мудры, хотя и умны. Но, если копнуть, черти и ангелы — братья и сёстры.

— А более поздние романы…

— Очень интересны. В них протагонисты, по крайней мере, люди. Однако главное удовольствие в этих историях получаешь от пейзажей. Вы не согласны? Трансформативные пейзажи. Судьба за каждым пригорком.

— И, конечно, Бредбери…

— Его Марс — не Марс. Но зато его Огайо заставляет меня вспомнить о Марсе.

— Я вас понимаю. Вы тоже люди. Марс не Царствие Небесное. И из этого с неизбежностью следует, что Ломакс попытается использовать вас в своих собственных политических целях.

— И я это полностью сознаю. Я в этом уверен, можно сказать. Совершенно очевидно, что меня можно использовать в каких-то целях, и здесь у меня есть выбор: согласиться или отказаться. Сотрудничать или воздержаться. Выбрать верное слово. — Он улыбнулся, в очередной раз обнажив ровные зубы сияющей белизны. — Или неверное.

— А чего бы вы хотели от всего этого?

Он развёл руками жестом столь же марсианским, сколь и земным:

— Ничего. Я марсианский святой. Однако приятно было бы увидеть, как репликаторы рассеются по Вселенной.

— Исключительно в целях познания?

— Это я признаю в качестве святого мотива. Узнать хоть что-то о «Спине».

— И бросить вызов гипотетикам?

Ван снова моргнул:

— Я надеюсь, что гипотетики, кем бы они ни были, не истолкуют этот шаг как вызов.

— А если истолкуют?

— Но почему?

— Если истолкуют, то вызов брошен с Земли, а не с Марса.

Ван Нго Вен заморгал часто-часто. Потом на его лицо вернулась улыбка, терпеливая, одобрительная:

— Вы достаточно циничны, доктор Дюпре.

— Не по-марсиански?

— Совершенно.

— А Престон Ломакс поверил в вашу ангельскую природу?

— На этот вопрос только он сможет ответить. Последнее, что он мне сказал… — Тут Ван оставил свои оксфордские манеры и произнёс голосом Престона Ломакса с интонациями Престона Ло-

макса: — «Очень рад беседе с вами, посол Вен. Вы выражаетесь прямо и открыто. Мне как давнему обитателю округа Колумбия это в новинку».

Услышав такое от говорящего на живом английском меньше года, я чуть язык не проглотил. Конечно же, я похвалил его таланты.

— Я ведь лингвист, Тайлер. Читаю я по-английски с детских лет. Живая речь, конечно, другое дело, но у меня к языкам способности. Одна из причин того, что послали именно меня. Тайлер, у меня к вам просьба. Не могли бы вы принести ещё книг по вашему выбору?

— Но о Марсе, боюсь, я больше ничего не найду.

— Не о Марсе. О чём угодно. Любое, что вы считаете важным, что для вас что-то значит, что доставляет вам удовольствие.

— Для вас почли бы за честь составить подборку профессионалы, профессора английской литературы.

— Не сомневаюсь. Но я прошу именно вас.

— Даже боюсь браться. Я ведь просто читатель, читаю бессистемно, больше всего современных авторов.

— Тем лучше. Я остаюсь один чаще, чем вы думаете. Помещения мои удобны, но выйти из

них — всегда проблема. Ни в кафе, ни в кино или в какой-нибудь клуб. Я могу попросить у моих гостеприимных хозяев, но велика ли радость читать книги, отобранные комитетом. А добрая книга — всё равно что добрый друг.

Ван, можно сказать, почти жаловался на своё положение в «Перигелионе» и на Земле. В дневное время ему всегда было чем заняться, времени на ностальгические воспоминания не оставалось, да и нельзя сказать, что он уже обвыкся в новой обстановке мира, который для него всегда останется чужим. Но ночью, перед тем, как заснуть, он иногда представлял себя идущим по берегу марсианского озера, видел парящих над водой птиц. Эта воображаемая прогулка всегда происходила при вечернем освещении. Он всматривался в даль, где неслась по ветру, расцвечивала небо поднятая ветрами пыль пустыни Ноакис. В видениях он всегда оставался один, но знал, что его ждут за следующим поворотом извилистого берега, за выступом крутой скалы. Ждут друзья или случайные знакомые, ждут погибшие дети. Ван знал, что они обрадуются, увидев его, заговорят с ним, притронутся, обнимут. Видения, грёзы…

— Когда я читаю, то слышу эхо голосов, — сказал он мне.

Я пообещал ему принести книги. Тут нас опять отвлекли. Один из костюмов приблизился и доложил:

— Вас ожидают наверху.

Ван отодвинул свою сёмгу и принялся обстоятельно слезать со стула. Я стал прощаться, но костюм повернулся ко мне:

— Вы тоже. Они просят вас обоих.

* * *

Нас проводили до зала заседаний, соседствующего с офисом Джейсона, где сам Джейсон и горстка его начальников отделов уже заняли места напротив приехавшей делегации, включавшей И-Ди Лоутона и потенциального нового президента Престона Ломакса. Все какие-то кислые.

И-Ди Лоутона я не встречал со дня похорон матери. Худоба его выглядела почти патологически. Как будто из него постоянно вытекала жизнь. Костлявые порыжевшие кулаки курьими лапами торчали из накрахмаленных манжет. Волосы на голове поредели, расчёсаны как-то вразнобой. Но глаза живые и быстрые. Глаза И-Ди всегда оживлялись, когда он злился.

Если И-Ди излучал злость, то вице-президент

чуть не ёрзал от нетерпения. Ломакс приехал, в основном, чтобы сфотографироваться с Ваном, иметь снимки наготове для немедленного их выпуска в свет после объявления о прибытии марсианского посла. Конечно, он обсуждал и проект запуска репликаторов, который уже решил поддержать. И-Ди присутствовал в силу своего неоспоримого авторитета. Он энергично подключился к предвыборной кампании на стороне Ломакса и с той поры не снижал активности.

Во время часовой экскурсии по компаунду И-Ди подвергал сомнению, высмеивал, разоблачал каждое высказанное Джейсоном и его сотрудниками положение, особенно когда группа дошла до «инкубатора». Но, как мне позже рассказала начальник отдела крионики Дженна Уайли, Джейсон отбивал все наскоки отца спокойно, терпеливо, чуть ли не ласково. Можно подумать, что он предвидел всё происшедшее и хорошо подготовился ко всем вариантам развития событий. Что ещё больше злило И-Ди, дошедшего, по словам Дженны, до состояния разбушевавшегося короля Лира.

Битва ещё не отгремела, когда вошли мы с Ваном. И-Ди подался вперёд, навис над столом и продекламировал:

— Подчёркиваю: беспрецедентно, не проверено, основано на неизвестной нам технологии, которую мы не в состоянии ни понять, ни контролировать.

Джейсон улыбнулся, как будто не желая обидеть уважаемого, но свихнувшегося старца.

— Но ведь всё, чем мы занимаемся, связано с риском. Однако…

Однако прибыл марсианин. И я при нём. Некоторые из присутствующих Вана ещё не видели; этих можно было определить по исполненным напряжённого любопытства взглядам. Ломакс прочистил горло:

— Прошу прощения, но я хотел бы немедля обменяться парой слов с Джейсоном и новоприбывшими господами. Минуту-другую, не более.

Все, кроме упомянутых, поднялись и покинули помещение, включая и И-Ди, который, однако, выглядел вовсе не смущённым, а чуть ли не обрадованным.

Двери закрылись. Подбитая пухом тишина опустилась на нас свежим снегом. Ломакс, как будто ещё не всё переваривший, повернулся к Джейсону:

— Вы предупреждали, что прогремят громы, но чтобы такой интенсивности…

— Понимаю, многое из сказанного придётся ещё не раз опровергать.

— Конечно, я бы не хотел, чтобы И-Ди, оказавшись снаружи, обсикал нам дверь, но вреда от него ждать не приходится, если…

— Если его обвинения беспочвенны? Уверяю вас, так оно и есть.

— Вы хотите сказать, что он уже впадает в старческий маразм?

— Нет, так далеко я не зайду, но что он исходит из неверных посылок и приходит к неверным заключениям — бесспорно.

— Интересно, что ваши с И-Ди обвинения взаимны.

Так близко к президентам или почти президентам я ещё в жизни не находился. Ломакса ещё не избрали, но никто не сомневался, что изберут. Ломакс всегда казался слегка угрюмым, задумчивым, скалистый Мэйн рядом с жарким Техасом Гарланда. Своей физиономией он украсил бы любые похороны. Во время кампании он по необходимости научился улыбаться, но улыбка его всё же оставалась не вполне убедительной. Политические карикатуристы избрали для него шаблон нахмуренного типа с закушенной нижней губой, как будто он сдерживается, чтобы не разразиться

проклятиями. Глаза кандидата дышали прохладой зимнего Трескового мыса.

— Взаимны? — переспросил Джейсон. — Вы имеете в виду инсинуации И-Ди относительно моего здоровья?

Ломакс вздохнул:

— Честно говоря, мнение вашего отца по поводу проекта репликаторов многого не стоит. Он защищает точку зрения меньшинства. Судя по всему, ситуация в ближайшем будущем не изменится. Но я должен признать, что обвинения, выдвинутые им сегодня, внушают беспокойство. — Ломакс повернулся ко мне: — По этой причине вас и пригласили сюда, доктор Дюпре.

Джейсон тоже перевёл взгляд на меня. Голос его стал осторожным, подчёркнуто нейтральным:

— Полагаю, И-Ди выдвинул какую-нибудь дикую версию, вроде того что я страдаю буйным помешательством.

— Необратимым неврологическим заболеванием, препятствующим исполнению Джейсоном обязанностей по руководству «Перигелион фаундейшн», — процитировал Ломакс слова Лоутона-старшего. — Что вы на это скажете, доктор Дюпре?

— Я бы сказал, что Джейсон сам в состоянии на

это ответить.

— Я уже ответил, — сказал Джейс. — Я рассказал вице-президенту о своём рассеянном склерозе.

О болезни, которой он не болел. Однако он просуфлировал мне ответ. Я откашлялся.

— Нельзя сказать, что рассеянный склероз полностью излечим, но он вполне поддаётся контролю. В наши дни пациент с рассеянным склерозом может жить столь же долго и продуктивно, как и вполне здоровый индивид. Если Джейсон и не стремится обсуждать эту тему, что вполне естественно, то я могу уверенно сказать, что на его работоспособности эта болезнь не сказывается.

Взгляд Джейса, последовавший за моей тирадой, я не смог истолковать.

— Благодарю вас, — несколько суховато сказал Ломакс. — Я эту информацию приму к сведению. Кстати, вы знакомы с доктором Малмстейном? Дэвид Малмстейн? — И он полоснул меня стальным клинком своего сурового взгляда.

— Знаком, — ответил я, возможно, чуть позже, чем следовало.

— Он невропатолог, так?

— Так.

— Вы консультировались с ним?

— Разумеется. Я консультируюсь с множеством специалистов, это неизбежно для врача общего профиля.

— Дело в том, что, если верить И-Ди, вы консультировались с Малмстейном по поводу, э-э… серьёзного нервного расстройства.

Вот чем объяснялся взгляд Джейсона. Кто-то рассказал И-Ди об этом. Кто-то сведущий. Но не я. Я постарался не думать о том, кто бы это мог быть.

— Я обратился бы к невропатологу в случае любого пациента с подозрением на рассеянный склероз. У нас, конечно, хорошая клиника здесь, в «Перигелион фаундейшн», но возможности Малмстейна в крупной больнице превышают наши.

Ломакс, конечно, понял, что я уклоняюсь от ответа, но снова переметнулся к Джейсону:

— То, что говорит доктор Дюпре, правда?

— Разумеется.

— Вы доверяете доктору Дюпре?

— Конечно. Он мой личный врач.

— Потому что, извините за откровенность, я желаю всем всего наилучшего, но меня интересуют не ваши медицинские проблемы, а сможете ли вы оказать нам поддержку в доведении проекта

до практического воплощения. Сможете?

— Пока продолжается финансирование — да, сэр. Смогу.

— А что вы скажете, посол Вен? У вас никаких опасений не возникло? Вопросов относительно будущего «Перигелион фаундейшн»?

Ван слегка надул губы, обозначив три четверти марсианской улыбки:

— Никаких опасений. Я полностью доверяю Джейсону Лоутону. И также доктору Дюпре. Он и мой личный врач.

Последнее заявление заставило меня сделать усилие, чтобы не выдать удивления. Джейсон, я уверен, удивился не меньше моего. Но Ломакс вполне удовлетворился услышанным. Он пожал плечами:

— Отлично. Извините, Джейсон, что я поднял этот вопрос. Надеюсь, вы останетесь в добром здравии и не обиделись. С учётом статуса И-Ди я просто обязан был поинтересоваться.

— Понимаю, — сказал Джейсон. — А относительно И-Ди…

— Об отце не беспокойтесь.

— Я не хочу, чтобы он чувствовал себя униженным.

— Мы тихо и постепенно выведем его на за-

пасный путь. Если же он сам пожелает заварить кашу… — Ломакс снова пожал плечами. — Тогда, боюсь, люди начнут сомневаться в его собственных умственных способностях.

— Мы все надеемся, что этого не случится, — заключил Джейсон.

* * *

Час после этого я провёл в медчасти. Молли не появилась и не позвонила. Лусинда работала за неё. Я поблагодарил девушку и отпустил на остаток дня. Позвонить бы — но я не хотел пользоваться телефонами компаунда.

Вертолёт Ломакса снялся с крыши, его свита отбыла через главные ворота. Я очистил стол и попытался сосредоточиться. Руки тряслись. Не из-за рассеянного склероза. От злости, возмущения. От боли. Одно дело — поставить диагноз заболевания, другое — ощущать его симптомы на себе. Лучше оставить болезни на страницах справочника по диагностике.

Направившись к выходу, я столкнулся с Джейсоном.

— Спасибо за поддержку, Тайлер. Я, конечно, уверен, что И-Ди о Малмстейне сообщил не ты.

— Разумеется, не я, Джейсон.

— Не сомневаюсь. Но кто-то сообщил. И следует выяснить, кто. Кто в курсе, что я был у невропатолога?

— Ты, я, Малмстейн и его штат.

— Малмстейн не знает, что И-Ди копает под меня. Как и его штат. Значит, кто-то ближе. Если не ты и не я…

Молли. Он мог бы и не говорить.

— Нельзя обвинять её бездоказательно.

— Это ты так считаешь. Потому что с ней спишь. У тебя есть записи о моих визитах к Малмстейну?

— Не здесь.

— Значит, дома?

— Д-да.

— Ей не показывал?

— Конечно, нет.

— Значит, она смогла докопаться до них тайком от тебя.

— Пожалуй… Да, могла.

— И её здесь нет. Случайное совпадение?

Я пожал плечами:

— Она просто пропала. Лусинда попыталась дозвониться, но её телефон не отвечает.

Джейсон вздохнул:

— Я тебя не обвиняю. Но надо сделать выводы,

Тайлер.

— Я разберусь.

— Пожалуй, уже ни к чему. И, пожалуйста, без глупостей. Просто разберись на будущее относительно своей позиции.

— Я чётко представляю свою позицию.

* * *

Я попытался позвонить Молли из машины, но она не отвечала. Я направился к ней домой. День тёплый, на газоне перед малоэтажным оштукатуренным домом, где она снимала квартиру, крутятся спринклерные поливалки, выгоняют из земли грибной запах, мгновенно окутавший машину.

Я направился к гостевой стоянке, когда заметил Молли, занятую погрузкой побитого прокатного прицепа к её трёхлетнему «форду». Я подъехал вплотную и загородил ей выезд. У неё вырвалось неслышное мне восклицание, судя по выражению лица — ругательство.

— Здесь нельзя стоять. Загораживаешь выезд! — напустилась она на меня, когда я вышел из машины.

— Ты куда-то собираешься?

Молли грохнула в гофрированный кузов кар-

тонную коробку с надписью «Посуда».

— Что, не видишь?

На ней бурые брюки, джинсовая рубаха, волосы подвязаны платком. Я шагнул к ней, и она испуганно отпрянула.

— Не бойся, я тебя не трону.

— Тогда чего тебе надо?

— Хочу узнать, кто тебя нанял.

— Я тебя не понимаю.

— Сам И-Ди или через посредника?

— Чёрт, — выдавила она сквозь зубы, примеряясь к дверце автомобиля. — Выпусти меня, Тайлер. Чего тебе надо? Чего ты хочешь?

— Ты сама ему предложила меня продать, или это его инициатива? И когда это началось? Ты легла под меня уже с этой целью или потом, попутно появилась возможность приработка?

— Иди к чёрту.

— Сколько получила? Мне интересно, сколько я стою.

— Иди к чёрту. Какая разница? Это не из-за…

— Только не говори, что не из-за денег. Что из высоких побуждений.

— Деньги — самое высокое побуждение. — Она отёрла руки о штаны, менее испуганная и более вызывающая.

— И что ты хочешь купить, Молли?

— Что я хочу купить? Единственную вещь, которую можно купить. Смерть получше сортом. Почище, покомфортнее. В тот день, когда солнце взойдёт, и небо вспыхнет. И я хочу жить поудобнее до того дня. Сама по себе, как хочу. И когда настанет последний день, у меня будут дорогие таблетки, чтобы безболезненно отправиться в мир иной. Я хочу уснуть до того, как начнётся кавардак. Вот и всё, чего я хочу. И спасибо тебе за то, что ты мне помог в этом. — Она сердито хмурилась, но по щеке соскользнула слеза. — Убери машину, прошу тебя.

— Значит, уютная квартирка и пузырёк таблеток? И вся цена?

— Если я о себе не позабочусь, никто обо мне не позаботится.

— Звучит патетически, но разве мы не заботились друг о друге?

— Доверять тебе? Не обижайся, но ты глянь на себя. Живёшь — как будто постоянно чего-то ждёшь. Не то какого-то ответа, не то какого-то спасителя, не то сам не знаешь чего.

— Я стараюсь жить разумно, Молли.

— О, это я заметила. Если бы разумность была ножом, из меня бы уже вся кровь вытекла. Твоя

разумность — я тоже поняла, чего она стоит. Твоя разумность — это месть. Ты свою святость как штаны надеваешь. Это твоя месть миру за то, что он тебя обидел. Не дали, чего тебе хотелось, а ты за это всем улыбочку и аспиринчик.

— Молли, что ты несёшь…

— И не вздумай сказать, что ты меня любил, не такая я дура, чтобы не видеть. Да ты и разницы-то не знаешь между «любить» и «изображать любовь». Ты меня подобрал, но на моём месте могла бы оказаться и любая другая. И, поверь мне, Тайлер, всё равно кончилось бы разочарованием, так или иначе.

Я отвернулся и пошёл к своей машине, несколько неуверенно и неспешно, шокированный не столько изменой, сколько её бесповоротностью. Вся интимность стёрта, как корова языком… Я остановился:

— А всё-таки, Молли? Ладно, продала так продала. Но ты, бедная, и трахалась со мною только ради того, чтобы меня продать?

— Я трахалась с тобой, потому что одиноко было.

— А сейчас снова одиноко?

— Да всё время было одиноко! — крикнула она.

Я уехал.

Под тиканье старинных часов

Приближались выборы президента. Джейсон решил использовать их в качестве прикрытия.

— Ты мой врач? Вот и лечи.

И сам предложил метод лечения. Необычный метод, с применением средств, не одобренных федеральным управлением по лекарствам, однако испытанных временем, хотя и на другой планете. Он ясно дал мне понять, что со мной или без меня, но он использует этот метод.

И поскольку Молли в результате моей оплошности чуть не скинула его с пьедестала — а меня оставила у разбитого корыта, — я согласился. Вспомнилось весьма кстати наставление И-Ди: «…ты должен следить за ним. Я надеюсь на твоё благоразумие». Вот я и следил. Уж как там насчёт благоразумия…

Итак, перед выборами мы прошли инструктаж у Ван Нго Вена, узнали о процедуре, её течении, рисках.

Общаться с Ваном тоже не очень просто, и не столько из-за службы безопасности, тоже, конечно, откровенности не способствующей, сколько из-за толпы аналитиков и исследователей, сле-

тевшихся на марсианина, как пчёлы на нектар. Множество уважаемых учёных, проверенных ФБР и министерством национальной безопасности, подписали обязательства «о неразглашении» на требуемый срок и занимались данными, доставленными Ваном с Марса. Цифровые банки соответствовали пяти сотням тысячестраничных томов по астрономии, биологии, математике, физике, медицине, истории, технологии. Марсиане во многом ушли далеко вперёд. Возродись в прежнем блеске Александрийская библиотека, и она вряд ли возбудила бы такой оживлённый интерес учёной братии.

Все эти люди спешили завершить работу до официального объявления о присутствии Вана. Федеральное правительство хотело получить хотя бы приблизительный каталог архивов. Многое в привезённом излагалось на некоем варианте английского, но кое-что было записано и на каком-то марсианском научном жаргоне. Естественно, что правительства других стран тоже желали получить доступ к марсианским архивам. Госдепартамент планировал изготовить «санированные» копии для иностранцев, из которых предполагалось удалить кое-что потенциально ценное и всё потенциально опасное. А

оригиналы припрятать подальше.

Отряды господ учёных воевали за право доступа к марсианину, интерпретировавшему и объяснявшему неясные места. Несколько раз меня изгоняли из квартиры Вана подчёркнуто вежливые джентльмены и дамы из группы физики высоких энергий или группы молекулярной биологии, требуя свои законные, назначенные заранее четверть часа. Ван охотно знакомил меня с ними, но они энтузиазма не проявляли, а руководительница медицинской группы чуть не упала в обморок, узнав, что я личный врач марсианского гостя.

Джейс слегка успокоил учёных, кинув им версию, что я представляю собою часть «процесса социализации», облегчающего усвоение Ваном туземных манер вне научного и политического контекста. Я пообещал руководительнице медиков, что не стану ничего назначать или прописывать Вану без её ведома. Среди исследователей прошёл слушок, что я мирской авантюрист и затесался в их сферу деятельности лишь для того, чтобы сочинить о Марсе и марсианах толстую книгу, контракт на которую у меня уже в кармане. Слух этот возник сам по себе, но мы его не опровергали, так как он нашим целям лишь

способствовал.

Доступ к фармацевтике оказался проще, чем я ожидал. Ван прибыл с грудой марсианских лекарств, ни одно из которых не имело аналогов на старой Земле и каждое, по его словам, могло ему понадобиться. При посадке всё имущество забрали, но затем, когда Госдепартамент присвоил Вану статус посла, вернули. Без сомнения, правительство распорядилось произвести анализ всех марсианских лекарственных средств, но Ван сомневался, что грубые земные инструменты позволят проникнуть в суть мудрёной марсианской фармакопеи. Ван просто выдал несколько сосудов с потребным материалом Джейсону, который вынес их из компаунда в кармане, пользуясь своим начальственным положением.

Ван подробно проинструктировал меня относительно дозировки, графика введения, противопоказаний и возможных осложнений. Меня этот длинный перечень сопутствующих опасностей, разумеется, не обрадовал. Ван сказал, что даже на Марсе летальность составляет вовсе не пренебрежимую величину в 0,1 процента. Нельзя было забывать также, что случай Джейсона осложняется его заболеванием.

Но без лечения Джейсону пришлось бы ещё

хуже. И он твёрдо решился сделать этот шаг, со мной или без меня. Здесь руководителем лечения выступал не я, а Ван Нго Вен. Моя роль ограничивалась надзором за процедурой и выявлением побочных эффектов. Это, конечно, облегчало мою совесть, но вряд ли было бы учтено судом. Хотя Ван и «прописал» лекарства, ввёл-то их в организм больного не он.

Ввёл их я.

Ван Нго Вен даже не присутствовал при этом. Джейс устроил себе — и мне — трёхнедельный отпуск в ноябре — начале декабря, на время, в течение которого Ван должен был стать мировой знаменитостью и прославить своё не для всех обычное имя. Вану суждено было выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН и воспользоваться гостеприимством сонма более или менее запятнанных кровью монархов, мулл, премьеров, а Джейсону — потеть и блевать, прорываясь к здоровью.

Нам нужно было укромное местечко, в котором можно было «болеть на здоровье», не привлекая излишнего внимания, однако в пределах досягаемости кареты скорой помощи на случай, если что-то пойдёт наперекосяк.

— Я знаю приличное местечко, — сказал Джей-

сон.

— Где?

— «Большой дом».

Я рассмеялся, но потом понял, что он не шутит.

* * *

Диана позвонила примерно через неделю после посещения Ломаксом «Перигелион фаундейшн» и после того, как Молли уехала получать свой гонорар, обещанный И-Ди или нанятыми им детективами.

Воскресный вечер. Я один в доме. Солнце, шторы задёрнуты. В течение недели меня отвлекали работа в медпункте и наши засекреченные заседания с Ваном и Джейсом. И в течение недели я с опаской подумывал о выходных. Будни хороши занятостью, нагромождением осязаемых дел, для которых находится решение; забот, вытесняющих боль и заглушающих угрызения совести. Здоровый процесс или, по крайней мере, отсрочка неизбежного. Но рассеиваются толпы, затихает шум, ты попадаешь домой, в пустую комнату, к перегоревшей лампочке, к скомканной неубранной постели.

Хреново я себя чувствовал. Я даже не знал, как себя и чувствовать. Точнее, какой из противо-

речивых, сталкивающихся, конфликтующих, но друг друга не уничтожающих режимов боли ощутить первым. «Без неё тебе лучше», — то и дело внушал мне Джейсон. Чего ж вернее! Конечно, лучше. Но, слыша эту банальную истину, я не чувствовал облегчения. Лучше без неё, но ещё лучше было бы, если бы я смог понять её. Использовала ли она меня или наказала за то, что я использовал её, уравновешивалась ли моя пресная и не чрезмерно истинная любовь её холодным и материально небезвыгодным отказом от этой «любви».

Телефон зазвонил весьма не вовремя, потому что я как раз сдирал с постели простыни и комкал их, чтобы везти в прачечную, где стиральный порошок и горячая вода отбелят ауру измены. Такую деятельность прерывать не следует. Выполнение такого рода задачи наполняет самосознанием. Но я всегда оставался рабом телефонного звонка. И снял трубку.

— Тайлер? — Диана. — Это ты, Тай? Ты один?

Я признал, что один.

— Ну и хорошо. Наконец-то я до тебя дозвонилась. Знаешь, мы меняем номер телефона. Будет закрытым, вне справочника. Мало ли, тебе надо будет срочно дозвониться…

Она продиктовала номер, который я записал на попавшейся под руку салфетке. Чем вызвана смена номера, да ещё такая сопровождающая её секретность? У них с Саймоном на двоих одна линия, и я заподозрил ещё одну добавочную епитимью религиозных фанатиков, вроде их пресловутых «в кино не ходи» да «газет не читай».

— Начались странные звонки от И-Ди. Звонит среди ночи и начинает честить Саймона на чём свет стоит. Может, даже и пьяный, не удивлюсь. Он Саймона ненавидит лютой ненавистью, с первого взгляда, но с тех пор, как мы в Финикс переехали, он нас оставил в покое. И вот, пожалуйста. Молчание обижало, но это ещё хуже.

Телефонный номер Дианы Молли могла вытащить из компьютера вместе со всем остальным, но этого я Диане объяснить не мог, так же как не имел права упоминать о Ван Нго Вене и репликаторах-лёдоедах. Я лишь сказал ей, что Джейсон схватился с отцом за первенство в фирме и это сказалось на душевном равновесии И-Ди.

— Может быть. К тому же сразу после развода.

— Какого развода? И-Ди развёлся с Кэрол?

— Джейсон тебе не сказал? И-Ди снял себе жильё в Джорджтауне, с мая там живёт. Базар у них всё ещё продолжается, но похоже на то, что Кэрол

получит «большой дом» и содержание, а И-Ди — всё остальное. Развод по его инициативе. Можно понять, конечно. Кэрол не просыхает уже десятки лет. Из неё ни матери, ни жены не получилось.

— Ты, стало быть, его одобряешь?

— Вот ещё. Я о нём мнения не изменила. Отец он ужасный, совершенно безразличный. Во всяком случае, что касается меня. Я его не любила и об этом не жалею. Но я его, в отличие от Джейсона, и не уважала. Джейсон видел в нём короля индустрии, монументальную фигуру. Как же, вашингтонский делец…

— А разве нет?

— Ну, он добился успеха, влияния, но это всё относительно. Таких Лоутонов только в этой стране десять тысяч. Он бы не всплыл, если бы отец и дядя не финансировали его первые шаги. А делали они это, как я сильно подозреваю, чтобы налоги скостить. У И-Ди получилось, он раскрутился, а тут «Спин» подоспел, он и вышел в чемпионы. Но в сравнении с по-настоящему толстыми мешками он всё равно остался выскочкой. Нет за ним йельско-гарвардской мафии в мантиях. Я не скакала по светским раутам. Мы оставались бедными детками из квартала. Из богатого квартала, но всё равно бедными. Есть

старые деньги и есть новые, и мы явно в новых.

— Не спорю, только из моего маленького домика через газон всё выглядит несколько иначе. Как Кэрол справляется?

— Лечится. Лекарство всё из той же бутылки. А у тебя как дела? Как у вас с Молли, без проблем?

— Молли ушла.

— Ушла в смысле «выбежала в лавчонку» или…

— Или. Совсем ушла. Разрыв, не знаю, как там помягче выразиться.

— Сочувствую, Тайлер.

— Спасибо, но это к лучшему. Все за меня радуются.

— У нас с Саймоном всё в порядке, — сообщила она, хотя я вовсе этим не интересовался. — Церковные дела на него только давят.

— Новая политика?

— «Табернакл» таскают по судам. Я не в курсе всех деталей. Нас лично это не затрагивает, но Саймон переживает. Ты точно в порядке? Голос какой-то хриплый.

— Ничего, пройдёт.

* * *

Утром накануне выборов я упаковал пару чемоданов (чистое бельё, книжки в мягких обложках, медицинский саквояж) и поехал за Джейсоном. Мы направлялись в Вирджинию. Джейсон сохранил склонность к шикарным тачкам, но ни к чему привлекать излишнее внимание. Стало быть, моя «хонда», а не его «порше». Неуютные времена настали для «порше» на федеральных дорогах. Гарланд всем хороший президент, но лишь для тех, у кого за полмиллиона годового дохода, а остальным приходилось затягивать пояса потуже. Дорога — неплохой индикатор состояния страны. Лотки мелких торгашей у забитых досками супермаркетов; парковки, заполненные бесколёсными прицепами и автомобилями с фанерой вместо окон, в которых ютятся бездомные и полубездомные; маленькие городки, живущие доходами с придорожных закусочных и радарных ловушек. Практические советы полиции штата:

НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ; ДЛЯ ГАРАНТИИ ОТВЕТА СЛУЖБЫ 911

ЗВОНИТЕ С ПРОВЕРЯЕМОГО НОМЕРА.

Разбой на дорогах свёл движение к минимуму. Нас то и дело зажимали восемнадцатиколёсные автопоезда, иные из них в кошмарном состоянии, да защитного цвета военные грузовики местных военных баз.

На этом мы внимания не заостряли. Об исходе выборов тоже не беспокоились, Ломакс далеко опережал обоих основных и троих второстепенных кандидатов. Не говорили ни о репликаторах, ни о Ван Нго Вене, и уж, конечно, не поминали И-Ди. Вспоминали старые времена, добрые книги, а чаще всего молчали. Я загрузил в память автомобильного проигрывателя угловатый альтернативный джаз, любимые вещи Джейсона: Чарли Паркер, Телониус Монк, Сони Роллинз — исполнителей, давно постигших дистанцию, отделяющую землю от звёзд.

К «большому дому» мы подкатили в сумерки.

Внушительные окна «большого дома» ярко светились, масляно желтели под небом цвета переливчатых синих чернил. Погоду природа выбрала для выборов прохладную. Кэрол Лоутон вышла на крыльцо, спустилась по ступеням. Субтильную фигурку окутывали пёстрые вязаные

шарфы, намотанные и накинутые поверх просторного свитера. Кэрол оказалась почти трезвой, судя по её подчеркнуто уверенной поступи.

Джейсон бережно высвободился из машины, ступил на гравий дорожки. Он всё ещё держался в ремиссии или почти в ремиссии. Немного самоконтроля — и он мог казаться вполне нормальным. Однако, к моему удивлению, он перестал пытаться себя контролировать, как только мы прибыли в имение Лоутонов. В дом он ввалился, слегка покачиваясь. Прислуга отсутствовала, Кэрол устроила так, чтобы нам никто не мешал. Повариха, однако, оставила для нас блюдо холодного мяса с овощами, на случай, если приедем голодными. Джейсон рухнул в кресло.

Мы с Кэрол присоединились к нему. Кэрол постарела, сильно сдала со дня смерти моей матери. Сквозь поредевшие тонкие волосы просвечивала розовая обезьянья кожа черепа. Рука на ощупь казалась щепкой, покрытой тонким шёлком. Щёки впалые, глаза яркие и нервные, взбудораженные вынужденным воздержанием. Когда я сказал, что рад её видеть, она виновато улыбнулась:

— Спасибо, Тайлер. Я, конечно, кошмарно выгляжу, чего там. Глория Суонсон из «Сансет-бульвар». Крупным планом лучше не давать, fuck

его мать. — Я так и не понял, о чём она толковала. — Как Джейсон?

— Как всегда.

— Как всегда, ты мастер увиливать от ответа. Но я… не скажу, что знаю всё, но знаю, что он болен. Это он мне уже сказал. И знаю, что он ожидает, что ты его вылечишь. Каким-то необычным, но эффективным способом. — Она взяла меня за руку и заглянула в глаза: — Правда, что этот способ эффективен?

Она настолько застала меня врасплох, что я выдавил из себя краткое:

— Да.

— Он заставил меня пообещать не приставать с расспросами. И правильно. Джейсон тебе доверяет, Тайлер. И я тебе доверяю. Гляжу на тебя и вижу мальчика, живущего в домике через газон. И когда на Джейсона гляжу, тоже вижу ребёнка. Пропавшие дети. Где я их потеряла?

* * *

Эту ночь я провёл в гостевой спальне «большого дома», в которую когда-то в детстве мельком заглянул лишь раз-другой. Всё равно, часть ночи я проспал. Остальное время лежал, соображая, что мне «светит» в случае, если меня затянет в

судебные жернова. Не зная точно, какие запреты преступил Джейсон, вынеся марсианскую фармапродукцию за проходную фирмы, я понимал, что уже стал соучастником преступления.

Утром Джейсон поднял вопрос хранения нескольких пузырьков с прозрачной жидкостью, выданных ему Ваном, — их хватило бы человек на пять.

«На случай, если мы уроним чемодан, — пояснил мне Джейсон перед поездкой. — Избыточность».

— Опасаешься обыска? — Я представил себе, как федеральные служащие в костюмах биохимической защиты грохочут сапогами по ступеням «большого дома».

— Нет, но дополнительная подстраховка не помешает. — Он смотрел прямо на меня, однако глаза его то и дело дёргались влево. Болезнь давала о себе знать всё более явно. — А ты ничего не опасаешься?

Я предложил ему спрятать запас в домике за лужайкой. Если им не нужно охлаждение, конечно.

— Ван говорит, что они химически стабильны, если рядом атомная бомба не взорвётся. Но ордер на «большой дом» включит в себя и маленький

домик.

— Насчёт ордера я не знаю, но насчёт потайных местечек — кое-что у меня есть.

— Идём, покажешь.

И мы направились через газон. Джейсон шагал с усилием, прихрамывая и покачиваясь, то и дело отставая. День выборов клонился к вечеру, но трава, густо торчавшая из почвы, не вела строгого учёта дней и месяцев, различая лишь времена года. Где-то в столпившихся у ручья деревьях завопила птица, решительно и раздражённо; однако тут же утратила решимость, застеснялась и закончила чуть ли не вопросительным знаком. После долгих лет отсутствия я отпер дверь, и мы вступили в тишину.

В домике поддерживали порядок, периодически производили уборку, но в остальное время он пустовал. Я так и не занялся разборкой имущества, других жильцов не намечалось, а Кэрол не видела причины что-то менять. Время придерживалось иных позиций. Время свило в доме гнездо, устроилось по-хозяйски, обзавелось своим пыльным запахом истлевающей бумаги, застывшей мебельной обивки — характерным запахом нежилого помещения, за состоянием которого всё-таки следят. Позже Кэрол сказала мне, что

зимой, когда температура падала до точки замерзания, дом протапливали, чтобы не замёрз водопровод, а летом задёргивали шторы, чтобы комнаты не перегревались. В тот день снаружи и внутри ощущался холодок.

Джейсон вошёл в помещение, дрожа. По причине нестабильности походки он доверил переноску драгоценных пузырьков мне — кроме тех, что я оставил в «большом доме» для использования. Около полуфунта стекла и жидкостей я бережно нёс в неприметной кожаной сумке с толстой поролоновой подкладкой.

— После смерти твоей матери я здесь впервые, — как-то робко произнёс он. — Мне её как-то не хватает… Что, глупость сморозил?

— Нет, не глупость.

— Она первая, в ком я заметил доброту. Вся доброта в «большом доме» исходила от Белинды Дюпре.

Я провёл его через кухню к дверце в подвал. Маленький домик Лоутонов — стилизация под новоанглийскую сельскую старину или, во всяком случае, воплощение чьего-то смутного представления о ней, включавшего и погреб с потолком из шероховатых бетонных плит, достаточно низким, чтобы заставить Джейсона

сгорбиться. Погреб невелик, как раз места для водяного котла с топкой, стиральной машины и сушилки. Воздух здесь казался ещё холоднее и отдавал какой-то загробной влагой.

Я влез в узкий закуток за металлическим кожухом котла, пыльный тупичок, в который не заглянул бы даже профессиональный уборщик. Здесь можно было, приложив определённые усилия, вынуть кусок блока сухой кладки, за которым между сосновыми стойками и наружной стеной фундамента находилась небольшая щель. Всё это я изложил Джейсону.

— Интересно. — Джейсон стоял в ярде от меня, скрытый углом давно остывшего котла. — И что же ты там держал, Тайлер? Небось порнуху прятал.

Десятилетним я держал здесь игрушки, не потому, что боялся каких-нибудь воображаемых воров, а ради таинственности, чтобы знать, где они, знать, что, кроме меня, никто на свете их не найдёт. Позже туда же последовали менее невинные мои затеи: первые дневники, никогда никем, кроме меня, не прочитанные письма к Диане — даже не оконченные; наконец, в чём я не стал признаваться Джейсону, и распечатки обнажённой натуры из интернетовской порно-

графии. Всё это давно съедено временем.

— Надо было фонарик прихватить, — с запозданием сообразил Джейсон. Единственная потолочная лампочка еле светилась в своей оплетённой паутиной проволочной сетке.

— Там, на столе под распределительным щитом, всегда лежал фонарик. — Там он и остался. Я подался назад, протянул руку и принял фонарик у Джейсона. Умирающая батарея осилила хилый размытый луч, и я увидел, наконец, свой тайник, вынул блок, спрятал сумку, снова закрыл и запорошил швы пылью неопределённого происхождения.

Но, уже собираясь вылезать обратно, я выронил фонарик, и он закатился ещё дальше в пыль и паутину за котлом. Я чертыхнулся, нагнулся, вытянул руку, нащупал цилиндрический корпус фонаря… и наткнулся ещё на что-то. Немалого размера. Коробка. Я подтянул её поближе.

— Что там, Тайлер?

— Фонарик уронил. Сейчас.

Осветил коробку. Обувная. Коробка из-под обуви фирмы «Нью баланс» с надписью «Школа». Та самая пропавшая с этажерки коробка, которую я не смог отыскать после похорон матери.

— Ну как?

— Готово.

К коробке можно вернуться и позже. Я запихнул её подальше и вылез из щели. Отряхнул руки.

— Ну что, пошли?

— Запомни как следует. Мало ли я, чего доброго, забуду, — сказал Джейсон.

* * *

Позже мы уселись перед внушительным, хотя и далеко не новым телеэкраном в гостиной Лоутонов. Кэрол не смогла отыскать свои контактные линзы и уселась вплотную к экрану, часто мигая и пытаясь разобрать, что там происходит. Почти всю свою жизнь она политикой не интересовалась — «Это епархия И-Ди», — так что нам пришлось объяснять ей самые очевидные, с нашей точки зрения, вещи. Ей нравилась атмосфера наших посиделок, она смеялась мягким, незлым шуткам Джейсона, и при смехе в её лице мне виделись черты Дианы.

Скоро, однако, она утомилась и ушла в свою комнату, как раз когда сети начали представлять штаты. Обошлось без сюрпризов. Ломакс загрёб весь Северо-Восток, большую часть Среднего Запада и Запада. На юге успех поскромнее, но здесь голоса противников раскололись почти

поровну на старых демократов и христианских консерваторов.

Мы начали убирать кофейные чашки, когда последний побеждённый противник с мрачной вежливостью поздравил победителя.

— Значит, силы добра восторжествовали, — усмехнулся я.

Джейсон ответил такой же усмешкой:

— Сил добра там днем с огнём не сыщешь.

— Разве Ломакс для нас не добро?

— Ну… Относительно. Только не думай, что Ломаксу есть дело до «Перигелиона» или до репликаторов, если не считать использования их одновременно для пропаганды и для того, чтобы срезать ассигнования на космос и закачать освободившиеся средства в военных. Именно поэтому И-Ди не смог сколотить ничего против Ломакса из своих аэрокосмических корешей. Ломакс не обидит ни «Боинг», ни «Локхид-Мартин». Он их лишь немного переориентирует. Так что им не из-за чего копья ломать.

— Оборона… Тоже важно. Затухание местных конфликтов, вызванное «Спином», давно забылось, армию надо подкормить.

— Это ты наслушался Ломакса. Принимаешь всё на веру.

— А ты — нет?

— К сожалению, не могу себе позволить такой роскоши.

На этой ноте я решил, что пора отдохнуть.

* * *

Утром я вколол Джейсону первую дозу. Он растянулся на диване в большой передней гостиной, напротив окна. В джинсах и хлопковой рубахе он выглядел весьма аристократично, казался хрупким, но собранным, спокойным. Если и боялся, то страха не проявлял. Закатал правый рукав и выставил руку.

Я вынул шприц, насадил стерильную иглу, наполнил шприц прозрачной марсианской субстанцией. Мы всё это прошли с Ваном, обсудили и даже отрепетировали. Протоколы четвёртого возраста. На Марсе процедура проводилась бы в атмосфере тихой торжественности, сопровождалась бы церемонией психологического плана. Мы обошлись ноябрьским солнцем и тиканьем старинных часов.

Я протёр кожу тампоном, обильно пропитанным спиртом.

— Можешь не смотреть, Джейсон.

— Нет, я хочу это видеть.

Его всегда интересовал процесс.

* * *

Инъекция подействовала не сразу, но к полудню следующего дня у него поднялась температура.

По его словам, ощущение не более зловещее, чем лёгкая простуда, и ближе к вечеру он предложил мне засунуть мой термометр и рукав измерителя давления «себе в…». В общем, убрать их куда-нибудь подальше.

Я поднял ворот, втянул голову в плечи, прячась от вялого мелкого дождика, зарядившего ещё ночью и не собиравшегося ни усиливаться, ни ослабевать, и снова направился через газон. Спустившись в подвал, я вытащил коробку с надписью «Школа» и перенёс её наверх.

Сквозь шторы проникал серый свет, приглушённый дождём. Я включил лампу.

Мать моя умерла пятидесятилетней. Восемнадцать лет я провёл с ней в этом доме. Чуть больше трети её жизни. Об остальных двух третях я знал лишь то, что она мне посчитала нужным открыть. Иногда она рассказывала о Бингеме, своём родном городке. Жила она с отцом, агентом по недвижимости, и с мачехой, дневной сиделкой.

Дом их находился на вершине холма, куда по крутому склону взбиралась обсаженная деревьями улица. Подругу детства её звали Моникой Ли. Городскую речку Литл-Уайклифф перекрывал типовой крытый мост, за которым находилась пресвитерианская церковь. Церковь мать моя посещала до шестнадцати лет, после чего появилась там лишь на похоронах родителей. Но она никогда не рассказывала мне о Беркли, о том, чего собиралась достичь со своей степенью магистра делового администрирования. Или почему она вышла замуж за отца.

Бывало, она снимала с этажерки эти коробки, чтобы познакомить меня с тем, чем жила до моего появления, продемонстрировать экспонаты своего музея. В коробках покоились фрагменты прошлого: пожелтевшие газетные вырезки с сообщениями о террористических актах, о войнах, об избрании или импичменте президентов. Были и предметы, которые мне нравилось держать в руках чуть ли не с младенчества: потускневшая пятидесятицентовая монета, выпущенная в обращение в год рождения её отца — 1951, четыре тёмно-рыжих с розовым морских ракушки с пляжа в Кобскук-бей…

Коробка с надписью «Школа» — наименее ин-

тересная для малолетка. Единственное, что мне в ней нравилось, — значок «Голосуйте за…» — за какого-то неуспешного кандидата от демократической партии. Яркий значок, броский. Остальное — макулатура, с моей точки зрения: дипломы и свидетельства, несколько страниц, вырванных из зачётки её выпускного года, и стопка небольших конвертов, к которым меня не тянуло и к которым мне не разрешалось прикасаться.

Теперь я открыл один из этих конвертов и обнаружил, что: а) они содержат любовные послания и б) послания эти написаны почерком, совершенно не похожим на почерк писем моего отца, хранившихся в коробке с надписью «Маркус».

Таким образом я узнал, что в колледже у матери имелся кавалер. Такая новость, конечно, не пришлась бы по вкусу Маркусу Дюпре, брак с которым она заключила через неделю после окончания, но вряд ли кто-либо другой стал бы её осуждать. И уж, разумеется, это не причина, чтобы прятать коробку в подвале, да ещё после того, как она долгие годы торчала на виду, на этажерке.

Собственно, с чего я взял, что спрятала её моя мать? Кто побывал в доме в период между её инсультом и моим прибытием днём позже?

Конечно, Кэрол, нашедшая её без сознания на диване, вероятно, ещё кто-то из прислуги, если Кэрол позвала на помощь. Люди из службы скорой помощи, готовившие мать к транспортировке в больницу. Но у кого из них и с какого рожна возникло бы желание тащить коробку с надписью «Школа» в подвал и прятать за котлом-водогреем?

Возможно, это вообще не имело значения. Перемещение коробки с сувенирами из одного помещения дома в другое ни один суд преступным деянием не признает. Может, какой-нибудь подвальный домовой постарался. По всей видимости, мне этой тайны не прояснить, спокойнее вообще над нею не задумываться. Всё в этой комнате, всё в доме, включая и эти коробки, рано или поздно продадут, сдадут в утиль, выкинут. У меня руки не доходили, у Кэрол тоже, хотя давно бы пора здесь навести порядок.

А до того времени…

До того времени… Я сунул коробку обратно на этажерку между двумя другими, надписанными «Маркус» и «Разное».

И пустая комната заполнилась.

* * *

Больше всего меня беспокоил вопрос совместимости лекарств, и я обсудил его с Ваном. Я не мог прервать лечение Джейсона без риска тут же вернуть в катастрофическое состояние. Но как будут взаимодействовать в организме земные и марсианские средства при одновременном их применении?

Ван обещал, что с этим проблем не возникнет. «Лекарство долголетия» не являлось лекарственным средством в обычном смысле слова. В кровь Джейсона вводился биологический эквивалент компьютерной программы. Обычные лекарства взаимодействуют, по большей части, с протеинами и поверхностью клеток. «Лекарство долголетия» обращалось напрямую к ДНК.

Однако, чтобы подействовать, оно должно было проникнуть в клетки и взаимодействовать с иммунной системой Джейсона. Ван отмёл и эти мои соображения. Он утверждал, что «коктейль долголетия» достаточно универсален и гибок, чтобы функционировать в любом физиологическом состоянии — кроме смерти, разумеется.

Но гены АРСа на красную планету не попадали, лекарства, которые принимает Джейсон, на

Марсе неизвестны. И хотя Ван настаивал, что мои опасения необоснованны, я заметил, что он при этом не улыбался. И я принял свои меры: убавил дозировку средств против АРС за неделю до первой инъекции.

Казалось, эта мера подействовала. К моменту прибытия в «большой дом» Джейсон почти не проявлял признаков болезни, потребляя намного меньший объём лекарств. Поэтому мы приступили к лечению с оптимизмом.

Через три дня я уже не мог сбить мучивших его приступов. Ещё день — и он впал в полубессознательное состояние. Затем кожа его покраснела, на ней высыпали пузыри. К вечеру он закричал и не перестал кричать, несмотря на вколотую мной дозу морфина.

Он не вопил во всю глотку, а начинал с протяжного стона, лишь периодически повышая громкость до максимально возможной. Звук такого рода можно услышать от больной собаки, звук непроизвольный и нечеловеческий. Когда Джейсон приходил в себя, он замолкал и даже не помнил о своих стонах, хотя воспалённая от крика глотка напоминала о себе резкой болью.

Кэрол пыталась мириться с происходящим. В немалом по габаритам «большом доме» можно

было отыскать уголки, до которых крики не доносились — или, во всяком случае, едва доносились. Кухня, задние гостевые спальни — она проводила время там, читая или слушая местное радио. Но напряжение сказывалось и на ней, она опять пристрастилась к спиртному.

Собственно говоря, выпивала Кэрол каждый день, но дозу ради приезда сына убавила до минимума, позволявшего ей сохранять приличный вид и предохранявшего от истинных ужасов внезапного воздержания. Хочу подчеркнуть, что ради сына Кэрол, можно сказать, совершила подвиг, обрекла себя на реальные лишения. И помогла ей в этом материнская любовь, дремавшая долгие годы и проснувшаяся с неожиданной силой при виде его мучений.

В ходе второй недели процесса я подключал Джейса к капельницам, бдительно следя за повышением давления крови. Однажды у него выдался просветлённый денёк, хотя выглядел он ужасно, весь покрыт чуть ли не древесной корой, с проступавшими местами почти голого мяса, глаза — заплывшие щёлочки в распухшей плоти. Он спросил, появился ли уже Ван Нго Вен на телевидении. Но до запуска марсианина на политическую орбиту оставалось ещё несколько

дней. К вечеру он снова сполз в полубессознательную трясину, булькавшую стонами и вскриками, переходящими в протяжные вопли.

Кэрол, наконец, не выдержала. Она появилась в дверях спальни со слезами в глазах, гневная, исполненная решимости:

— Тайлер! Хватит! Сколько можно!

— Я делаю что могу, но он не реагирует на опиаты. Давайте лучше отложим разговор до утра.

— Ты что, не слышишь его?

— Я прекрасно его слышу.

— И что? И это для тебя ничего не значит? Тебе наплевать? Бог мой! Да ему лучше было бы в Мексике, в лапах какого-нибудь кактусового шарлатана. У монаха-экзорциста с крестом и в грязной рясе. Ты вообще представляешь, чем его пичкаешь? Шаман безмозглый! Бог мой, Бог мой!

К несчастью, на её последний вопрос я не мог толком ответить. Я и сам себя не раз спрашивал, чем я его пичкаю. Что я мог ответить Кэрол, если сам для себя ничего толком не уяснил? Я верил обещаниям человека с Марса, но повторять их разгневанной Кэрол остерёгся. Процесс оказался более сложным и куда более мучительным, чем я позволял себе ожидать. А вдруг всё впустую? А вдруг роковой исход?

Джейсон испустил нечеловеческий, замогильный вопль и завершил его хриплым выдохом. Кэрол зажала уши.

— Он страдает, страдает, бедный мальчик! Тебе в морге сторожем работать, а не людей лечить! Глянь на него!

— Кэрол…

— Что Кэрол? Палач! Мясник! Я вызываю скорую! Я полицию вызову!

Я подошёл к ней, положил руки на плечи. Хрупкая и маленькая, она казалась сгустком энергии, опасным загнанным в угол животным.

— Кэрол, послушайте меня.

— С чего мне тебя слушать?

— С того, что ваш сын доверил мне свою жизнь. Послушайте, Кэрол, послушайте. Мне нужна помощь. Я уже который день толком не сплю. У меня в глазах двоится. Мне нужен кто-то, кто следил бы за ним, кто-то разбирающийся в медицине.

— Сестру надо было привезти.

Конечно, надо было. Но если бы это было возможно…

— Мне не нужна сестра. Я надеюсь на вас.

Секунда — и моя фраза улеглась в её сознании.

Широко открыв глаза, она отступила на шаг.

— Я?!

— Ваша лицензия всё ещё действует.

— Но я уже десятки лет не практиковала.

— Речь ведь не о трепанации черепа. Следить за давлением да за температурой. Вы запросто справитесь.

Гнев её угас. Она почувствовала себя польщённой. Испугалась. Озадачилась. Чуть подумав, уставилась на меня исподлобья:

— Участвовать в этой пытке?

Я всё ещё компоновал следующий хитроумный аргумент, когда сзади раздалось:

— Ну что вы, ребята…

Голос Джейсона. Одна из особенностей этой марсианской процедуры. Вдруг, внезапно наступает просветление. И так же внезапно обрывается. Очевидно, Джейсону полегчало. Я обернулся.

Лицо его кривилось, он не вполне успешно попытался усесться. Но глаза ясные, глядят на мать:

— Почему бы тебе не помочь Тайлеру? Он знает, что делает. И я знаю, что он делает. А делает он всё, что нужно.

Кэрол глядела на него:

— Но я… я не должна… То есть я не могу…

Она отвернулась и неуверенным шагом, придерживаясь за стенку, вышла.

Я остался с Джейсоном. Утром Кэрол вошла в спальню, хмурая, но трезвая, и предложила меня подменить. Джейсон провёл мирную ночь, ухаживать за ним особой нужды не было, и я оставил его на попечение матери.

Я на двенадцать часов провалился в сон. Проснувшись, отправился проведать больного. Кэрол всё ещё сидела возле его кровати, держала Джейсона за руку и гладила его лоб с нежностью, которой я за ней прежде не замечал.

* * *

Фаза восстановления заняла полторы недели. Никаких «магических мгновений», никакого внезапного перехода. Периоды просветления удлинялись, давление крови вернулось почти к номиналу.

Перед выступлением Вана в ООН я перетащил обнаруженный в служебной половине «большого дома» портативный телевизор в спальню Джейсона. К нам присоединилась Кэрол, которая, кажется, вообще не верила в существование марсиан.

О присутствии на Земле посла Красной планеты объявили лишь в последнюю среду. Фото Ван Нго Вена появилось во всех газетах мира,

по телевидению транслировали его проход по газону перед Белым домом в сопровождении лучезарного хозяина — действующего президента Соединённых Штатов. Белый дом объявил, что Ван прибыл, чтобы нам помочь, но что у марсиан нет готового решения проблемы «Спина» и что они ненамного больше нас знают о гипотетиках. Реакция публики оказалась не слишком оживлённой.

И вот Ван выступает перед Советом Безопасности, подходит к трибуне, приспособленной к его росту.

— Глянь-ка, совсем кроха, — удивилась Кэрол.

— Этот кроха представляет цивилизацию, намного более древнюю, чем земная, — заметил Джейсон.

— Надо же. Я бы сказала, что он лигу лилипутов представляет.

Кадры ближнего плана восстановили достоинство инопланетного гостя. Опытные операторы умело подчёркивали его глаза и ловили ускользающую улыбку. Очень хорошо Ван говорил, мягко, негромко, совсем по-земному.

Ван знал — его подготовили к этому, — насколько невероятным кажется его появление на Земле среднему жителю планеты. Представляя его,

Генеральный секретарь ООН заметил, покачав головой:

— Воистину, мы живём в век чудес.

На добротном англо-американском Ван поблагодарил землян за гостеприимство, рассказал о причинах своего появления и с любовью описал родную планету. Марс в его представлении хотя и непривычное для землян место, но весьма привлекательное, о котором приятно вспомнить; люди там дружелюбные, пейзаж живописный, хотя зимы и холодные в сравнении с земными.

— На Канаду, стало быть, смахивает, — сделала вывод Кэрол.

По основной теме Ван мало чего добавил. О гипотетиках марсианам тоже почти ничего не известно, они окружили Марс оболочкой, когда Ван летел на Землю, и марсиане перед ними так же беспомощны, как и жители Земли.

О мотивах, движущих гипотетиками, он тоже ничего не мог сказать. Этот интересующий всех вопрос обсуждался веками, но для решения его отсутствуют основные исходные посылки.

Ван подробнее остановился на том, что как Земля, так и Марс оказались в оболочках накануне глобальных катастроф:

— У нас, как и у вас, численность населения

приближается к верхней возможной границе. Ваша экономика базируется на нефти, запасы которой подходят к концу. На Марсе нефти нет, но мы зависим от другого жизненно важного элемента, от атомарного азота. Он определяет развитие сельского хозяйства и налагает ограничения на численность населения. Мы справляемся несколько лучше вас, но лишь потому, что распознали проблему с самого начала. Обе наши планеты вплотную подошли к реальности промышленного и сельскохозяйственного краха, всеобщего экономического кризиса, голода, вымирания населения. Обе планеты попали в оболочки, едва не достигнув критической точки.

Возможно, гипотетики понимают нашу ситуацию и приняли её во внимание, но мы можем это лишь предполагать. Нам неизвестно, чего они ожидают от нас и ожидают ли они от нас вообще чего-то. Пока непонятно, следует ли прогнозировать снятие «Спина». Мы не можем узнать этого, пока не получим достаточно информации о гипотетиках.

К счастью, — камера дала лицо Вана крупным планом, — существует способ сбора информации в межгалактическом масштабе. Я прибыл на вашу планету с конкретным предложением,

которое уже обсуждал с президентом Гарландом, с избранным президентом Ломаксом и с рядом глав других государств Земли. — И Ван кратко остановился на сути проекта применения репликаторов. — Если повезёт, мы узнаем, установили ли гипотетики контроль над другими мирами, узнаем о реакции этих миров, узнаем, что ожидает Землю.

Далее Ван развил репликаторный план несколько подробнее. Когда он упомянул облако Оорта и «автокаталитическую технологию с обратной связью», глаза Кэрол остекленели, она замотала головой.

Ван под аплодисменты ошеломлённой публики покинул трибуну, медиагуру телевизионной сети тут же принялись кромсать, пережёвывать, глотать, отрыгивать и снова пережевывать текст выступления гостя с Марса.

— Бррр, — Кэрол замотала головой. — Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Джейсон, что ты скажешь? Неужели это всё правда?

— Как минимум, почти всё. Насчёт погоды на Марсе я в деталях не осведомлён.

— И мы действительно на грани катастрофы?

— Мы на грани катастрофы с того момента, как

погасли звёзды.

— Я имею в виду нефть и всё такое. Если бы не «Спин», то народ бы с голоду вымер?

— Народ уже вымирает. Народ вымирает, потому что мы не в состоянии поддерживать семь миллиардов человек на уровне жизни Северной Америки без совершенного истощения ресурсов планеты. С цифрами не поспоришь. Да, всё верно. Если «Спин» нас не убьёт, то мы убьём себя сами.

— И… это как-то связано со «Спином»?

— Возможно. Но этого не знаем ни я, ни этот марсианин.

— Джейсон, ты надо мной потешаешься.

— Ничего подобного.

— Ещё как потешаешься. Но я не обижаюсь. Я и вправду отстала от жизни. В газеты не заглядывала уж лет десять. Там того и гляди на твоего папашу нарвёшься, глаза б мои на него не глядели. А по телевизору я только вечернюю драму смотрю. А там никаких марсиан. Я как Рип ван Винкль. Слишком долго проспала. И мир, в котором я проснулась, мне не нравится. Те его части, которые меня не пугают, — она махнула рукой на телеэкран, — поражают абсурдностью.

— Мы все Рип ван Винкли, — утешил её Джейсон. — Всем нам пора бы проснуться.

* * *

Настроение Кэрол улучшалось одновременно с улучшением состояния Джейсона, она с интересом вникала в его историю, интересовалась прогнозом.

Я рассказал ей о его недуге, об атипичном рассеянном склерозе, в котором во времена, когда Кэрол получила диплом врача, ещё никто толком не разобрался. Я вдавался в детали болезни Джейсона, чтобы увильнуть от описания цели процедур, свидетельницей которых она стала. Она этот мой маневр поняла и приняла. Главным для неё оставалось то, что кожные покровы Джейсона постепенно приходили в норму, что он чувствовал себя всё лучше, а анализы крови, проведённые в лаборатории в Вашингтоне, не давали поводов для беспокойства.

О «Спине» она отказывалась говорить с каким-то религиозным упорством, очень не любила, когда мы с Джейсоном обсуждали всякие космические темы в её присутствии. Я снова вспомнил рассказанный мне Дианой давнишний стишок о младенце, который не заметил, как его сожрал медведь.

Кэрол пожирало целое медвежье семейство,

начиная с самого большого — «Спина», и кончая крохотным — молекулой этилового спирта. Похоже, что она могла бы позавидовать младенцу из стишка.

* * *

Диана позвонила мне на мобильник, пренебрегая домашним телефоном Кэрол. Произошло это через несколько дней после выступления Вана в Генассамблее ООН. Я очень удачно оказался в своей спальне, за Джейсоном присматривала Кэрол. Ноябрь выдался дождливым, разговор проходил под перестук капель дождя по оконным стёклам.

— Ты в «большом доме», — сообщила мне Диана.

— Кэрол сказала?

— Да. Я ей звоню раз в месяц. Образцовая дочь. Не всегда она, правда, достаточно трезва, чтобы говорить. Что с Джейсоном?

— Длинная история. Но ему намного лучше, беспокоиться не о чем.

— Мне такие заверения никогда не нравились.

— Понимаю. Но это правда. Опасность миновала.

— И это всё, что ты мне можешь сказать?

— Пока что всё, — подтвердил я и сменил тему:

— Как там у вас с Саймоном? В прошлый раз ты говорила, что вас по судам таскают.

— Ничего хорошего. Мы уезжаем.

— Куда?

— Во всяком случае, из Финикса. Храм закрыт. Пока что временно закрыт. Ты об этом не слышал?

— Нет. — Откуда бы я узнал о каких-то неурядицах какого-то захолустного храма какой-то мелкой секты на Юго-Западе? Диана пообещала сообщить мне новый адрес, мы поговорили ещё о чём-то, распрощались.

И в тот же вечер я услышал об их «Иорданском табернакле».

К нашему удивлению, Кэрол вдруг захотелось посмотреть последние новости. Джейсон, несмотря на общую слабость и усталость, тоже бодро глядел на экран, и мы высидели сорок минут международного бряцания оружием и дежурных улыбок высокопоставленных слуг разных народов. Сообщили и о том, что Ван Нго Вен прибыл в Бельгию для встреч в Брюсселе с важными шишками Евросоюза, отрадная новость прилетела из Узбекистана, где, наконец, удалось освободить от кольца блокады передовую базу морской пехоты США.

Затем программа перешла к СПАССА и израильскому молочному животноводству. Последовали драматические картины захоронения отбракованного скота. Бульдозеры заваливали землёй громадные траншеи, заполненные убитыми животными и густо посыпанные негашёной известью.

Пять лет назад подобный сокрушительный удар получила японская мясоконсервная промышленность. Коровий СПАССА — синдром прогрессирующей атипичной сердечно-сосудистой атрофии — или, иначе, СПАССА копытных — поразил дюжину стран от Бразилии до Эфиопии. СПАССА представлял угрозу и для человека, но современными средствами его успешно лечили, и он представлял угрозу, по сути, лишь для населения стран третьего мира.

От израильских фермеров естественно было бы ожидать строгого соблюдения всех санитарных норм, поэтому вспышка эпидемии застала всех врасплох. Ещё более возмутительным выглядел тот факт, что первый случай заболевания указывал на источник из Соединённых Штатов, откуда нелегально поставили в Израиль оплодотворённые яйцеклетки.

В Штатах след привёл к религиозному благо-

творительному фонду под названием «Слово ко всем сословиям» (СквС) со штаб-квартирой в промышленном парке под Цинциннати, в Огайо. Для какой надобности СквС занялся контрабандой коровьего семенного фонда в Израиль? Как выяснилось, с благотворительностью цели фонда не имели ничего общего. Через десяток подставных фирм следствие вышло на странный конгломерат церквей Судного Дня, Промысла Божия, Армагеддона и тому подобного, а также разномастных полумафиозных общественно-политических группировок. Одна из разделяемых ими библейских доктрин проистекала из книги Чисел (глава 19) и намёков в текстах от Матфея и к Тимофею. Согласно их верованию рождение в Израиле «рыжей телицы без порока и недостатка» станет предвестием Второго Пришествия Иисуса Христа и воцарения Его на земле.

Идея не нова. Иудеи-экстремисты в Израиле полагали, что «всесожжение» всё той же телицы на Храмовой горе в Иерусалиме ознаменует пришествие Мессии. Последовали нападения на храм Скалы, одно из них нанесло ущерб мечети аль-Акса и чуть не развязало очередную полномасштабную войну на Ближнем Востоке. Израильское правительство вроде бы пыталось

справиться с экстремистами, но смогло лишь загнать их в подполье.

Согласно новостям на Среднем Западе и Юго-Западе США СквС держал несколько скотоводческих хозяйств, тёлки которых рассматривались как воины предстоящего Армагеддона. Целью ставилось выведение кроваво-красной коровы, телицы из телиц, превосходящей всё достигнутое в многочисленных прежних опытах.

Конспирация — основной закон всяких заговорщиков, и эти фермы успешно уклонялись как от федерального надзора, так и от соблюдения утвержденных правил содержания и кормления скота. Не сообщили они и о вспышке коровьего СПАССА, случившейся сразу через границу, в Ногалесе. Заражённые яйцеклетки отправились в Израиль, на одной из ферм Негев развились в особей сочной красно-рыжести, которые, однако, дружно пали жертвами респираторных расстройств чуть ли не сразу после рождения. Трупы тихонько закопали, однако избежать заражения не удалось. Инфекция распространилась на взрослое поголовье, не пощадив и нескольких работников ферм.

Новость для американской администрации, что и говорить, не сахарная. Федеральная админи-

страция по контролю за лекарствами оповестила о пересмотре и ужесточении политики, департамент национальной безопасности арестовал счета СквС и устроил настоящую охоту на все замешанные в афере церкви и иные организации, группы, фирмы. Экран демонстрировал нам федеральных агентов, выносящих из разных помещений ящики с конфискованными документами, опечатывающих кабинеты и целые здания — в том числе и церковные.

Модератор упомянул ряд преступных группировок по именам.

Прозвучало и наименование «Иорданский табернакл».

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

На подъезде к Падангу мы сменили карету скорой помощи Ниджона на легковой автомобиль с водителем минанг и скоро оказались во дворе складской базы, зажатой между шоссе и побережьем. На обширной огороженной гравийной пустыне возвышались пять здоровенных ангаров, крытых листовым железом. Между ними под навесами серели укрытые полиэтиленовой плёнкой горы цемента. С краю на подъездном пути ржавела одинокая железнодорожная цистерна. У самых ворот, в дощатом бараке, украшенном вывеской «Байюр форвардинг», разместилась контора.

Ина объяснила, что здесь находится одно из предприятий её бывшего мужа. Его мы почти тут же увидели в приёмной. Корпулентный господин, щёки-яблочки, канареечного цвета пиджачная пара — Джала смахивал на пивную кружку, оформленную в виде сидящего толстопуза. Бывшие супруги дружески обнялись, как и положено разведённой по взаимному согла-

сию паре, после чего Джала пожал руку мне и нагнулся, чтобы обменяться с Эном солидным рукопожатием двух настоящих мужчин. Присутствующему персоналу Джала представил меня как импортёра пальмового масла из Саффолка, вероятно, предназначая эту информацию для возможной передачи в какие-либо инстанции новых реформазов. Затем мы уселись в его семилетний BMW на топливном элементе и отправились на юг, к Телук-Байюру. Джала и Ина сидели впереди, мы с Эном сзади.

Телук-Байюр — порт к югу от Паданга, принимающий глубокосидящие морские суда. Здесь Джала делал деньги. Тридцать лет назад, рассказал он, Телук-Байюр был сонным перевалочным пунктом на берегу грязной мелкой лужи со скромными портовыми мощностями и вполне предсказуемым оборотом угля, нерафинированного пальмового масла и удобрений. Благодаря экономическому буму, вызванному реставрацией «нагари», и росту населения в Эпоху Арки, Телук-Байюр превратился в глубоководный порт с расширенным бассейном, современными причалами и таким множеством полагающихся подобному порту атрибутов, что даже столь живой и интересующийся новинками бизнесмен,

как Джала, потерял счёт всем здешним буксирам, пакгаузам, кранам, погрузчикам.

— Джала может гордиться Телук-Байюром, — слегка заметно усмехнувшись, сказала Ина. — Он тут, почитай, всё начальство на корню скупил.

— Не преувеличивай, — поморщился Джала.

— Не скромничай. — Улыбка Ины расширилась.

— А что, делать деньги — нехорошо? — разгорячился Джала. — Что мне, бездельничать и сквозь дырявые штаны голой задницей сиять?

Ина погасила улыбку.

— Это, как я понимаю, вопросы риторические.

Я спросил, едем ли мы сразу на судно.

— Нет, не сразу, — ответил Джала. — Сначала в надёжное место в порту. Это ведь не просто посадка на пассажирский теплоход: оркестр, цветы, улыбки у трапа…

— Судно ещё не пришло?

— Пришло. Хорошее судно, надёжное. «Кейптаун-мару». Сейчас идёт погрузка кофе и специй. Сначала принимается груз, потом пассажиры. Когда трюмы заполнятся и все документы оформятся, тогда придёт очередь пассажиров. Без лишнего шума, так я понимаю.

— А Диана уже здесь, в Телук-Байюре?

— Скоро, — сказала Ина, посмотрев на Джалу. — Скоро прибудет.

— Да, скоро, — подтвердил Джала.

* * *

Если когда-то Телук-Байюр и был мелкой сонной гаванью, то теперь он вырос в целый город. Как и любой крупный порт, он представлял собою город в городе, построенный не для людей, а для грузов, товаров. Сам порт находился за глухим забором, но вокруг него, как кабаки и публичные дома вокруг военной базы, столпились конторы судовых компаний и экспедиторов, цыганские кооперативы сухопутных грузовых перевозчиков, гаражи, склады, заправочные станции, мимо которых вез нас Джала. Он хотел устроиться до наступления темноты.

Бухта Байюр представляла собой как бы выбоину от гигантской подковы, в которой плескалась загаженная маслом солёная вода. От бетонных причальных стенок далеко в воду выстреливали бетонные же языки пирсов, лизали борта сухогрузов и контейнеровозов. На берегу хорошо организованный хаос хранилищ и грузовых дворов, гигантские журавли кранов клюют что-то в трюмах пришвартованных у причалов купцов.

Джала остановил машину у поста в разрыве колючей проволоки, сунул что-то охраннику, не то пропуск, не то бакшиш, а может, и то и другое. Охранник кивнул, Джала дружески махнул ему и проследовал мимо поезда из железнодорожных цистерн СРО и «Avigas» на бешеной, как мне показалось, скорости.

— Вам придётся здесь переночевать, — бросил он мне через плечо. — У меня склад на экспортном причале. Удобств, правда, особых нет, но зато спокойно. Утром я привезу Диану Лоутон.

— А потом?

— Терпение. Вы не единственный, отправляющийся в рантау. Но вы наиболее заметный. Нам надо не нарваться на неприятности.

— Какие?

— Главным образом, чёртовы реформазы. Полиция время от времени устраивает набеги на порт, ищет нелегалов, арочников. Обычно кого-то находит. Мало или много, но всегда находит. Тех, кто не заплатил. Но сейчас Джакарта здорово давит, так что лучше застраховаться. И ещё назревает забастовка портовиков. Профсоюз грузчиков разбушевался. Если повезёт, успеем отвалить до их стачки. Эту ночь проведёте на полу, что поделаешь, а Ину и Эна я устрою у наших.

— Нет, — отрезала Ина. — Я останусь с Тайлером.

Джала хмыкнул и мурлыкнул ей что-то на минанг.

— Дурак. По себе судишь, — бросила она ему. Он не обиделся.

— Ну, значит, ты мне не доверяешь.

— Много у меня оснований тебе доверять!

Джала улыбнулся во весь рот. Зубы бурые от табака.

— Ай-ай. Приключений ищешь…

— Пусть так, — вздохнула Ина.

* * *

Таким образом мы с ибу Иной оказались в мрачном кубическом помещении, бывшей конторе заведующего этим складским ангаром до того, как его закрыли на ремонт прохудившейся кровли. Одна из стен комнаты представляла собою сплошное окно со стеклом, армированным стальной проволокой. За этим окном простирался пустой склад, запорошенный цементной пылью. К потолку вздымались с пола поддерживающие его стальные колонны.

Свет в комнату проникал из склада, от ламп дежурного освещения, подвешенных вдоль стен

через равные промежутки. Вокруг них роились насекомые, обжигались, падали на пол. Под каждой лампой скопилось по куче трупов этой крылатой мелочи. Ина пощёлкала выключателем настольной лампы, подёргала её из стороны в сторону, и лампа зажглась. В углу громоздился штабель пустых картонных коробок. Я отобрал самые сухие и разложил их в какое-то подобие матрасов. Одеял не предвиделось, однако жара не спадала. Близился сезон дождей.

— Думаете, что сможете заснуть? — спросила меня Ина.

— Не «Хилтон», конечно, но как-нибудь переживём.

— Нет, я не об этом. Шум. Сможете заснуть под такое звуковое сопровождение?

Порт громыхал круглые сутки. Портовое время слишком дорого, чтобы терять его ради ночного отдыха. Лязг металла, грохот механизмов, рычание дизелей…

— Бывало и похуже.

— Сомневаюсь, однако ценю ваш оптимизм, — похвалила меня Ина.

Разумеется, нам не спалось. Мы сидели при свете настольной лампы и разговаривали. Ина расспрашивала меня о Джейсоне.

Я дал ей прочесть кое-что из написанного мной за время болезни. Ей показалось, что переход Джейсона в четвёртый возраст прошёл менее болезненно, чем мой. Я разуверил её, сказав, что опустил наименее аппетитные детали.

— А как насчёт памяти? Не замечалось провалов в памяти? Он не беспокоился об этом?

— Он избегал разговоров об этом, но я уверен, что беспокоился.

Однажды, выплывая из очередного приступа, Джейсон попросил меня составить его биографию. «Запиши это, Тай, запиши. На случай, если я забуду…»

— Но желания записывать самому у него не возникало?

— Нет. Графомания проявляется, когда мозг начинает перестраивать свои речевые связи. Графомания лишь одно из внешних проявлений. Возможно, его стоны и крики — проявление того же в другой форме.

— Это вам рассказал Ван Нго Вен?

— Да, а кое-что я почерпнул из его медицинских архивов. Впоследствии я смог с ними ознакомиться.

Ван Нго Вен интересовал Ину не меньше, чем Джейсон.

— То предупреждение Вана в ООН о перенаселении и истощении ресурсов… Он обсуждал его с вами? Я имею в виду, до выступления.

— Понимаю. Да, в некоторой степени.

— И что он говорил?

Во время одного из наших разговоров о целях гипотетиков Ван начертил диаграмму, которую я воспроизвёл для Ины на пыльном паркетном полу. Горизонтальная и вертикальная оси координат; по вертикали откладывается численность населения, по горизонтали время. На график наложилась кривая, ось которой проходила параллельно оси времени.

— График изменения численности населения с течением времени, — сказала Ина. — Это я понимаю. И что же дальше?

— Численность популяций животных сохраняется почти на одном уровне, будь то лисы Аляски или обезьяны-ревуны Белиза. Их численность изменяют внешние факторы, такие как суровая зима или появление врагов, но при прочих равных условиях число животных примерно постоянно.

Далее Ван перешёл к виду, без излишней скромности называющему себя разумным, использующему искусственные инструменты. Что

происходит в этом случае? В той же системе координат я изобразил для Ины ещё одну кривую, взмывающую круто вверх, асимптотически стремящуюся к оси ординат.

— В этом случае, — пояснил я, — население — мы можем использовать для его обозначения термин «народ», — итак, в этом случае народ учится использовать инструменты, развивает навыки, изобретает новые инструменты. Люди не просто бьют камнем о камень, высекая искру или обтёсывая этот камень, но и учат тому же себе подобных, распределяют труд, осваивают экономику. Они добывают больше пищи, численность населения увеличивается. Крупные сообщества людей вырабатывают новые навыки, возделывают земли, разводят животных. Письменность позволяет не только более эффективно передавать знания современникам, но и сохранять достижения прежних поколений, «консервировать» сведения.

— Значит, кривая стремится вверх всё круче, пока мы все не утонем сами в себе.

— Вовсе не обязательно. Существуют и факторы, отклоняющие кривую вправо. Рост благосостояния и развитие технологий побуждают ни в чём не нуждающихся, по-настоящему разумных лю-

дей, которым ничто не угрожает, ограничивать воспроизводство. Наука, техника, технология и культура способствуют этому самоограничению, кривая «горизонтализируется», по выражению Вана.

Ибу Ина подняла на меня взгляд:

— Тогда в чём проблема вашего графика? Где перенаселение, мор и голод?

— К сожалению, на нашей планете «горизонтализирующие» факторы работают недостаточно эффективно. И мы семимильными шагами стремимся к самоудушению, к граничному состоянию.

— К граничному состоянию?

Ещё одна кривая. Эта загогулина похожа на латинскую букву S курсивного шрифта с плоской макушкой. Над ней я нанёс на график две прямые, параллельные горизонтальной оси; одна из них (обозначенная буквой A) намного выше кривой, другая (обозначенная буквой B) — пересекающая её взлёт.

— Ну, жду пояснений, — подбодрила меня ибу Ина.

— Эти линии означают предел выживаемости, «предел прочности» планеты, определяемый наличием обрабатываемой земли, резервами

топлива и сырья, чистой воды и свежего воздуха. Диаграмма показывает разницу между успешным разумным видом и видом-неудачником. Вид, не вылезший за положенный ему предел, обладает потенциалом для продолжения существования при прочих равных условиях. Ему открыты те возможности, о которых мечтали утописты-визионеры: исследование галактик, манипуляция пространством и временем…

— Грандиозно…

— Однако не для нас. Наше положение куда хуже. Вид, не успевший стабилизироваться до достижения предела выживаемости, по всей вероятности, обречён. Голод и эпидемии, технологические и экологические катастрофы, умирающая планета, истощённая цивилизацией идиотов.

— Прелестно. Значит, мы идиоты. Это вам Ван поведал?

— Ну, может быть, всё и не так мрачно, но близко к этому. И для Земли, и для Марса. Мы уже принялись влезать в зону предела. И гипотетики вмешались как раз перед тем, как мы там увязли окончательно.

— Но почему они вмешались? Чего они от нас ожидают?

На этот вопрос у народа Вана ответа не оказалось. Как и у землян.

Хотя Джейсон Лоутон всё же нашёл кое-что вроде ответа.

Но я пока что не был готов об этом говорить.

* * *

Ина зевнула, и я стёр свои пыльные графики с пола. Ина выключила лампу. Остались наши «ночники» — дежурные фонари ангара. Всеми наружными шумами повелевали какие-то монотонные набатные удары колокола.

— Бом, бом… — размеренно произнесла Ина, растянувшись на воняющем плесенью «матрасе» из сложенных коробок, и добавила, несколько изменив ритм и интонацию: — Тик-так. Я помню, как тикали старые механические часы, Тайлер, а вы?

— У нас были на кухне, у матери.

— У времени много лиц. Временем мы измеряем жизнь, месяцами и годами. Большое время стирает горы и создаёт звёзды. А сколько случается между двумя ударами сердца! Трудно жить в таких разных масштабах времени, они разрывают тебя. Проще забыть, что ты жил в этих разных временах.

Клацанье громадного метронома снаружи продолжалось.

— Вы рассуждаете, как будто живёте в четвёртом возрасте, Ина.

В полумраке я различил, что она слегка улыбнулась:

— Полагаю, мне одной жизни достаточно.

* * *

Утром мы проснулись от нового звука. Громадная стальная гармошка ворот отъехала в сторону, в ангар ворвался дневной свет, а за ним и Джала, выкликающий наши имена.

Я выскочил из конторки кладовщика, кинулся вниз по гулкой железной лестнице. Джала уже одолел половину пути до конторки, за ним медленно шагала Диана.

Подбежав ближе, я выдохнул её имя.

Она попыталась улыбнуться, но трудно улыбаться, когда челюсти крепко стиснуты. Лицо Дианы показалось мне совершенно белым, она прижимала к телу повыше бедра что-то вроде большого тампона. Одежда Дианы в пятнах живого красного цвета — кровь, с ужасом понял я.

Эйфория отчаяния

Через восемь месяцев после обращения Ван Нго Вена к Генеральной Ассамблее ООН криогенные инкубаторы «Перигелион фаундейшн» выдали первые промышленные объёмы марсианских репликаторов. На космодроме Кеннеди и на базе Ванденберг готовили к запуску армаду ракет «Дельта-7». Примерно тогда Ван и загорелся желанием посетить Большой Каньон, а разжёг его интерес старый номер «Arizona Highways», оставленный в его покоях каким-то биологом-энтузиастом.

Он продемонстрировал мне этот журнал чуть ли не на следующий день:

— Вы только посмотрите! — Ван чуть не дрожал от возбуждения, показывая мне иллюстрированную статью о воссоздании в первозданном виде «Тропы ясного ангела». Река Колорадо рассекает докембрийский песчаник. Турист из Дюбаи трясётся на муле вместо ожидаемого под ним верблюда. — Слыхали об этом чуде, Тайлер?

— О Большом Каньоне? Конечно. Мало кто о нём не наслышан.

— Потрясающе! Грандиозно!

— Ну, впечатляет, как говорят. Но ведь на Марсе и своих каньонов предостаточно, не так ли?

Он улыбнулся:

— Вы имеете в виду Гиблые Земли. У вас они называются на латыни Valles Marineris, открыли их с орбиты шестьдесят лет назад — или же, что то же самое, сто тысяч лет назад. Да, там есть похожие пейзажи. Но я там никогда не бывал. И теперь уж, конечно, вряд ли придётся. Вместо этого я бы с удовольствием посетил Большой Каньон.

— За чем же дело стало? У нас свободная страна.

Ван поморгал, возможно, впервые услышав этот штамп, и кивнул:

— Непременно попрошу Джейсона устроить поездку туда. Поедете со мной?

— В Аризону?

— Да, да, в Аризону, в Большой Каньон! — Ван, конечно, в четвёртом, но вёл себя чуть ли не как десятилетний пацан. — Поедете?

— Ну, надо подумать.

Я всё ещё «думал», когда позвонил И-Ди.

* * *

Воцарение Ломакса превратило И-Ди Лоутона в политического невидимку. Его статус крупного промышленника остался незыблемым, устроенный им приём не отказывались посетить и крупные государственные шишки, но влияние на уровне кабинета министров, которым он располагал в президентство Гарланда, И-Ди безвозвратно утратил. Поговаривали, что он об этом переживает, что впал он в прострацию, психологически уже не тот, что, окопавшись в своей джорджтаунской резиденции, досаждает бывшим политическим соратникам нежелательными звонками… Всё возможно, но ни Джейс, ни Диана о нём больше не слыхали, и я буквально остолбенел, когда, сняв с аппарата трубку, услышал его голос.

— Надо переговорить, — отрезал он без долгих предисловий.

Интересно мне было этакое услышать от человека, вдохновившего Молли Сиграм на роль сексуального шпиона. Рука сама чуть не дёрнулась обратно к аппарату, чтобы положить трубку. Но… неприлично, сами понимаете.

Он добавил:

— О Джейсоне.

— Ну и поговорите с Джейсоном.

— Не могу. Он меня не станет слушать.

— Это вас удивляет?

И-Ди скорбно вздохнул:

— О'кей. Я понимаю, ты на его стороне, и это естественно. Но я не стремлюсь ему навредить. Наоборот, хочу помочь. Могу добавить: время не ждёт. Речь идёт о его благосостоянии.

— Я вас не понимаю.

— Но я не могу доверить это проклятому телефону. Я сейчас во Флориде. Двадцать минут от вас. Подъезжай к отелю, с меня стакан — и можешь послать меня куда угодно, прямо в лицо. Прошу тебя, Тайлер, не выламывайся. В восемь, в баре вестибюля, «Хилтон» на девяносто пятом шоссе. Может быть, от твоей теперешней покладистости зависит чья-то жизнь.

Он положил трубку, не дожидаясь моего ответа. Я тут же позвонил Джейсону.

— Хм… Если верить слухам, И-Ди теперь ещё менее сахарный, чем был раньше. Так что будь осторожен, Тай.

— Да я к нему и не собирался.

— Конечно, я тебя не буду уламывать. Но, может быть, имеет смысл съездить.

— Он мне, кажется, уже достаточно отвесил плюх.

— Понимаешь, надо бы всё же выяснить, что он там затевает.

— То есть ты хочешь, чтобы я с ним встретился.

— Только если это тебе удобно.

— Удобно? Ну ты даёшь!

— Хорошо, решай сам.

Что ж, я преисполнился сознанием выполняемого долга, влез в машину и порулил мимо всяких пёстрых тряпок, флагов и плакатов (дело было на следующий день после Дня Независимости), мимо уличных торговцев сувенирами (нелицензированными, готовыми в любой момент при виде полицейской мигалки сорваться с места в своих помятых пикапах), репетируя в уме гневные отповеди, смачные ругательства, которые я швырну в наглую физиономию этого старого хлыща, этого… До «Хилтона» я добрался, когда солнце уже опустилось за карнизы, а гостиничные часы показывали 20:35.

И-Ди сидел за столиком, целенаправленно накачиваясь алкоголем. Увидев меня, он удивился. Встал, схватил под руку, отволок на виниловый диванчик в нише, напротив своей особы.

— Выпьешь?

— Я ненадолго.

— Выпей, Тайлер. Это улучшит настроение и восприятие.

— Ваше уже улучшило? Лучше скажите, чего вы от меня хотите, И-Ди.

— Что человек на меня сердит, можно понять по тому, что он моё имя произносит. Как будто посылает подальше. Мол, иди ты, И-Ди, в… и так далее. Ты на меня сердит. Из-за чего, из-за той патриотической мадам, не знаю даже, как её звать, и доктора… чёрт… Малмстейна? А я ведь даже и не знал об этой афере, то есть узнал, когда её уже провернул мой штат. Ретивые ребята, предприимчивые. Так, к твоему сведению.

— Мне от этого легче?

— Ну, виноват. Моя ответственность. Прошу прощения, искренне. Давай, поговорим лучше о другом.

Почему я не встал и не ушёл? Думаю, потому что он не находил себе места от беспокойства, чуть ли не от отчаяния. И-Ди всё ещё мог излучать этакую автоматическую снисходительность, внушавшую его семье безмерное уважение. Он мог казаться уверенным, но уверенность утратил. Руки его в промежутках между фразами

беспокойно чего-то искали, потирали подбородок, мяли коктейльную салфетку, приглаживали волосы. Он замолчал, приложившись ко второму стакану. Пожалуй, уже не второму. Официантка, сновавшая между столиками, поглядывала на него как на старого знакомого.

— Джейсон к тебе прислушивается, — прервал он, наконец, молчание.

— Почему вы не попытаетесь поговорить с ним?

— Да ведь ясно, почему.

— Ну ладно, что я должен ему передать?

И-Ди уставился на меня с недоверием, прищурился. Перевёл взгляд на свой стакан:

— Скажи ему, чтобы прикончил проект репликаторов. Буквально. Чтобы вырубил криогенераторы. Чтобы убил этих ублюдков.

Пришёл мой черед удивляться:

— Вы же понимаете, что это безнадёжно.

— Не дурак, понимаю.

— Тогда почему…

— Он мой сын, Тайлер.

— Как это вы вдруг вспомнили.

— Он не перестал быть мне сыном из-за политических расхождений. Я не столь туп, чтобы на меня подействовала разница во взглядах,

пойми. Если я не согласен с ним, я не перестаю его любить.

— Ну, я вижу, что вижу.

— Да ничего ты не видишь. — Он открыл рот, закрыл снова, что-то подумал, что-то решил, заговорил снова: — Джейсон пешка в игре Ван Нго Вена. Пусть очнётся и сообразит наконец, что происходит.

— А кто воспитал его пешкой? Он был вашей пешкой. А теперь, когда его использует кто-то другой, вы возмущаетесь.

— Чушь собачья… То есть верно. Или отчасти верно, не знаю. Может быть, нам всем нужно вкатить коллективный семейный клистир, но сейчас не в этом дело. А дело в том, что вся вашингтонская верхушка души не чает в вашем марсианине и его грёбаных репликаторах. Это понятно: дёшево и сердито, избирательской массе нравится. Зверушки какие-то невидимые… А то, что это бесполезная затея, никого не колышет. Любые потуги ни к чему не приведут, а когда из-за горизонта появится красное солнце, все мы дружным хором споём иную песню. Что, не так? Они подают всю затею как ловкий ход ушлого карточного шулера, но на самом деле это фокус второразрядного ярмарочного фигляра, рассчи-

танный на простофиль-деревенщин.

— Интересная точка зрения, доскональный анализ, но…

— Стал бы я тебя уламывать ради пустого теоретизирования, ради интересного анализа? Если хочешь возразить, возражай по существу, задавай вопросы по сути.

— Какие, например?

— Например, кто такой Ван Нго Вен? Кого он представляет, чего добивается. Его сервируют как Махатму Ганди в обличье доброго гномика. Он прибыл, потому что они там чего-то от нас хотят. Чего-то хотели ещё тогда, когда его отправляли.

— Очевидно, хотели запустить репликаторы.

— Логично.

— Это преступление?

— Давай лучше спросим, почему они сами их не запустили?

— Потому что без согласования с нами не хотели выступать от лица всей Солнечной системы. Потому что такие операции нельзя проводить в одностороннем порядке.

И-Ди закатил глаза:

— Надо же, какая щепетильность. Это всё сусальный охмурёж, Тайлер, эти дипломатические байки о плюралистическом подходе и тэ дэ. Это

всё равно что мурлыкать «люблю больше жизни, дорогая» для того, чтобы подруга ноги раздвинула. Ну разве что наши марсиане ангелы небесные, спустившиеся, чтобы нас спасти. Во что, как я полагаю, ты и сам не слишком веришь.

Того, что марсиане отнюдь не ангелы небесные, Ван вовсе не скрывал с самого начала.

— Глянь на их технологию, — продолжал напирать И-Ди. — Они уже с тысячу лет как развивают биоинженерию на недоступном нам уровне. Если бы они хотели заселить галактику нанороботами, давно бы это сделали и без нас. Почему они от этого воздержались, если отвлечься от версии об их ангельской природе? Очевидно, потому, что не хотят получить по шапке.

— По шапке… от гипотетиков? Но они знают о гипотетиках не больше нашего.

— Так они утверждают. Но даже если так, они могут их бояться. Что до нас — мы уже проявили себя полными кретинами, не так давно обстреляв полярные артефакты. Давай ещё и это добавим, чего там. Чёрт побери, Тайлер, это же классическая подстава.

— Или у вас больное воображение.

— Ага, классический диагноз: спин-шизофрения. Мы все здесь шизики. Все знаем, что

существуют какие-то злобные силы, которые нас зажали в кулаке, — чем не паранойя?

— Я вообще-то всего лишь врач общего профиля, не психиатр. Но умные люди говорят…

— Умные люди — это для тебя, конечно, Джейсон. Джейсон успокаивает, Джейсон поёт, что всё в норме.

— Не только. Вся администрация Ломакса. Большинство членов Конгресса, обе палаты.

— Они опираются на своих консультантов. А консультанты все как один под гипнозом, как и Джейсон. Что движет твоим другом Джейсоном? Страх. Чего он боится? Смерти? Как бы не так. Он боится умереть невеждой. Если он умрёт невеждой, значит, род человеческий сгинет, не зная, от чего. А это с его точки зрения явный непорядок. Как же так, вид, считающий себя разумным, позволил стереть себя с лица Земли, вычистить из Вселенной, не зная, отчего и почему. Может, вместо моей паранойи поразмысли лучше о джейсоновской мании величия. Он задался целью вызнать природу «Спина» перед тем, как погибнет. А тут появляется Ван и суёт ему инструмент познания. Как же не клюнуть на такой соблазн. Это всё равно что пироману спички подарить.

— И вы хотите, чтобы я ему всё это сказал?

— Не знаю. — И-Ди вдруг помрачнел. Может быть, возмутился накопившийся в крови алкоголь. — Я думал, что, коли он к тебе прислушивается…

— То что?

И-Ди закрыл глаза:

— Бесполезно? Пусть так. Но я пытался. Для очистки совести. — Я чуть не вздрогнул от неожиданности, услышав из уст И-Ди слово «совесть». — Если говорить откровенно… Я как будто наблюдаю крушение поезда в замедленном темпе. Колёса локомотива уже соскользнули с рельсов, но машинист ещё ничего не заметил. Что делать? На тормоз жать уже поздно, стоп-кран не сорвёшь. Не успеешь даже крикнуть. Всё бесполезно. Но он мой сын, Тайлер. Машинист в локомотиве — мой сын.

— Он подвергается такой же опасности, как и все остальные.

— Пожалуй, нет. Даже в случае, если проект даст результаты, что мы получим? Абстрактную информацию. Джейсона это устроит. Но всех остальных вряд ли. Ты Ломакса не знаешь, как знаю его я. Ломакс охотно выставит Джейсона козлом отпущения. В его администрации немало

желающих закрыть «Перигелион» или отдать его военным. Это в лучшем случае. А в худшем гипотетики разозлятся и выключат «Спин».

— Вас беспокоит, что Ломакс прикроет «Перигелион»?

— Я его создал. Конечно, меня волнует судьба моего детища. Но здесь я не поэтому.

— Конечно, я передам Джейсону всё сказанное вами. Но неужели вы думаете, что он изменит своё решение?

— Я… — И-Ди внимательно изучал поверхность стола слегка помутневшими глазами. — Нет, не думаю. Конечно, не думаю. Но если он вдруг захочет поговорить… Пусть знает, что ко мне можно обратиться. Если захочет. Я не буду его донимать. Просто поговорить…

Как будто он открыл дверь, и из этой двери хлынуло его одиночество.

Джейсон предполагал, что И-Ди прибыл во Флориду с каким-то макиавеллиевским замыслом. От прежнего И-Ди ничего иного можно было бы и не ждать. Но передо мной сидел за столиком бара новый И-Ди — стареющий, мучимый сомнениями, в чём-то бессильный, ищущий ответа на дне стакана, в чём-то считающий себя виноватым.

— А с Дианой вы пытались говорить? — спро-

сил я его более доверительно.

— С Дианой? — И-Ди вяло махнул рукой. — Она номер сменила, нового я не знаю. Да к тому же она с головой увязла в этом поганом культе.

— Это и культом не назовёшь. Просто мелкая церквушка со странными идеями. В основном в ней Саймон замешан, Диана в гораздо меньшей степени.

— «Спин» её парализовал. Как и всё ваше поколение раздолбаев. Она с головой утонула в этом религиозном дерьме, лишь из пелёнок выскочила. Я этот период помню. «Спин» её оглушил. Она вдруг начала цитировать за столом Фому Аквинского. Я просил Кэрол с ней побеседовать по душам, но от Кэрол проку мало. Тогда я придумал хитрую штуку. Организовал дебаты между ней и Джейсоном. Полгода они спорили о Боге. По типу дебатов в колледже, только фокус весь в том, что каждый из них должен был представлять точку зрения противника. Джейсон должен был доказывать, что Бог существует, а Диана — изображать безбожницу.

Об этих дебатах ни один из них мне не упоминал. Но я живо представил себе, с каким отвращением они выполняли это образовательное начинание И-Ди.

— Я хотел, чтобы она прозрела, увидела воочию, насколько заблуждается. Она старалась, видно было, что хочет произвести на меня впечатление. Но, в основном, повторяла то, что уже слышала от Джейсона. А Джейсон… — И-Ди просиял, вспомнив о достижениях своего сына. Даже лицо порозовело. — Джейсон развернулся во всём блеске. Я просто диву давался. Джейсон оборачивал каждый её аргумент против неё. Он не только возражал, отбивался, но и успешно атаковал. Не как какой-нибудь попка-дурак. Он читал, вникал в теологию, в библейские тексты. И всё время с его мордашки не слезала улыбочка, этакая ехидная. Мол, я твои аргументы наизусть знаю, среди ночи разбуди, отвечу, но они все гроша ломаного не стоят. Несокрушимый и неотразимый. Она чуть ли не каждый раз плакала в конце. Выдерживала до конца, но по щекам слёзы катились.

Я глядел на И-Ди, выпучив глаза.

Он это заметил и поморщился:

— К чертям твоё моральное превосходство. Я пытался дать ей урок. Я хотел вернуть её на землю, к реальности, оторвать от этих дубоголовых постспиновских созерцателей пупков. Всё ваше долбаное поколение…

— Вас ещё интересует, что с ней?

— Конечно, интересует.

— Она не даёт о себе знать. С ней вообще утерян контакт. Пожалуй, надо попробовать её отыскать. Как вы относитесь к этой идее?

В этот момент официантка подошла с очередным стаканом, и И-Ди потерял интерес к Диане, ко мне, ко всему окружающему миру.

— Да-да, давай, валяй. Надо узнать, что с ней случилось. — Он снял очки и протёр их салфеткой. — Да, займись этим, Тайлер.

Так я и решил составить Вану компанию в его аризонской авантюре.

* * *

Сопровождать господина Ван Нго Вена — всё равно что ездить с рок-кумиром или главой государства. Плотная стена охраны, тяжеловесность и отсутствие спонтанности, но во всём эффектность и эффективность, основательность. Чётко согласованная последовательность коридоров следования, спецрейсов, конвоев сопровождения — и вот мы уже у начала «Тропы Ясного ангела». До запуска репликаторов три недели, июльский день горяч, как искры фейерверка, ясен, как ключевая водица.

Ван остановился у ограждения, у обрыва каньо-

на. Управление парка перекрыло доступ туристов и выделило троих наиболее фотогеничных рейнджеров (в дополнение к его собственному контингенту охранников с кобурами под белым летним облачением). Программа предусматривала спуск на дно каньона и ночёвку в полевом лагере.

Организаторы обещали обеспечить идиллию уединённости, обернувшуюся, однако, обычным фарсом. Машины медиакорпуса заполонили стоянку, репортёры всех мастей напирали на кордон охраны, липли к шнурам ограждения, над каньоном завис вертолёт прессы. Но Ван как будто этого не замечал. Он улыбался, с наслаждением вдыхал хвойный воздух. Жара меня устрашала, я боялся за его непривычный марсианский организм, но Ван не выказывал никаких признаков утомления или расстройства, лишь пот блестел на его морщинистой коже. Он облачился в рубашку цвета хаки, такого же цвета брюки и детского размера сапоги с высокими голенищами, которые разнашивал уже недели две.

Глотнув воды из алюминиевой фляги, он протянул её мне.

— Водяное братство, — улыбнулся он.

Я засмеялся и посоветовал ему беречь воду.

— Тайлер, давайте спустимся вместе. Тут… — он произнёс что-то на своём наречии, — слишком много каши на одну порцию. Слишком много красоты на одного.

— Ну, одному вам остаться не дадут.

Он нахмурился и покосился на свой почётный караул:

— Да ну их. Они смотрят, но не видят.

— Тоже марсианское выражение?

— Да кто его знает.

* * *

Ван проводил пресс-коференцию для медиаэскорта и общался с прибывшим для встречи с ним губернатором Аризоны, а я взял одну из выделенных нам машин и направился в Финикс.

Никто за мной не увязался, пресса в полном составе хлынула на встречу с марсианином. Личный лекарь марсианина — фигура сама по себе не чрезмерно привлекательная. Кондиционер в машине создал атмосферу канадской осени. Чувствовал я себя прекрасно. Может быть, меня переполняла изобретённая прессой «эйфория отчаяния», накладывающаяся на ощущение обречённости надежда, связанная в немалой степени с появлением на планете марсианина. На носу

конец света, а тут кто-то свалился с неба. Что ещё свалится нам на голову? Всё возможно! Ничего невероятного! Аргументы о пристойном поведении, достоинстве, терпении и «нераскачивании лодки» полетели за борт этой лодки.

И-Ди обвинил моё поколение в спин-параличе. Вероятно, не без оснований. Вот уже тридцать с лишним лет нас ослепляет прожектор. Мы не в состоянии стряхнуть с себя ощущение ранимости, обречённости, как будто над нашими головами подвешен пресловутый меч, бросающий тень на каждый наш миг, отравляющий радость, превращающий любое смелое начинание в робкую полумеру.

Но паралич оказался неполным. Он выдохся, хватка его ослабла. Безнадёжность породила отвагу. Парализованный зашевелился, начал действовать.

Отнюдь не любое действие милых современников вызвало у меня бурный восторг. На обочинах трижды промелькнули предупреждения полиции об опасных участках, на которых свирепствовали грабители. Репортёр местного радио перечисляла дороги, закрытые по случаю полицейских операций, с таким привычным спокойствием, как будто речь шла об укладке

свежего асфальта.

И всё же я добрался до стоянки у молельни «Иорданского табернакла» без всяких приключений.

Действующий пастор храма, молодой человек по имени Боб Кобел, подстриженный под военный полубокс, ещё по телефону согласился со мной побеседовать. Чтобы меня встретить, он даже вышел на стоянку, когда я запирал автомобиль, и пригласил меня смягчить непростую беседу кофе с пончиками. Выглядел парень как недавний школьник-спортсмен, слегка отяжелевший, но бодрости духа не утративший.

— Я размышлял над вашими словами. Понимаю, почему вы хотите встретиться с Дианой Лоутон. А вы понимаете, что это щекотливая тема для нашей церкви?

— Извините, не вполне.

— Спасибо за откровенность. Я объясню. Пастором я здесь стал уже после шума вокруг красной телицы, но в общине состою уже давно. Диану и Саймона тоже давно знаю. Я мог назвать их своими друзьями.

— А теперь?

— Хотелось бы верить, что мы по-прежнему друзья. Но лучше спросите об этом у них. Видите

ли, доктор Дюпре, община нашей церкви немногочисленна, но история её весьма неспокойна. Начали мы как дворовая община старомодных христиан Произволения Божия, к которым присоединилась горстка хиппи, осколков «Нового царства». Объединяющим мотивом служила истовая вера в неизбежность конца времен и искреннее стремление к христианскому братскому единению. Можете себе представить, как нелегко все эти люди притирались. Постоянные противоречия, раскол, поиски своих уголков в христианском учении, их доктринированность… Двое спорят до хрипоты, а остальным непонятно, из-за чего сыр-бор вспыхнул… Саймон же с Дианой объединились с группой закоренелых посттрибуляционистов, решивших подчинить себе общину. Это привело к политическим осложнениям, которые с мирской точки зрения можно было бы назвать и борьбой за власть.

— И в этой борьбе они потерпели поражение?

— Ни в коей мере. Они этой власти добились. На некоторое время, по крайней мере. Они радикализировали «Табернакл», постепенно превращая его в неудобную для большинства институцию. Один из наиболее активных оппонентов — Дэн Кондон. Он и установил связь с течением, споспе-

шествующим Второму Пришествию с помощью всесожжения рыжей телицы. Что лично мне кажется явной натяжкой. Как будто Господь Саваоф, царь воинств небесных, станет дожидаться успеха каких-то ветеринаров, чтобы призвать верных под знамёна веры.

Пастор Кобел поднёс к губам чашку с кофе.

— Ну, в вопросах веры я не компетентен, — заверил его я.

— По телефону вы сказали, что Диана не контактирует с семьёй.

— Да.

— У неё могут быть на это свои причины. Я раз видел её отца по телевидению. Мне он показался устрашающим господином, резким и жёстким.

— Но я не собираюсь её похищать. Хочу лишь убедиться, что с ней всё в порядке.

Снова чашка поднялась к губам. Глоток кофе. Задумчивый взгляд.

— Мне кажется, что с ней всё в порядке. Надеюсь, что это так, во всяком случае. Но после скандала вся группа сочла за лучшее удалиться, замести следы. Некоторых из них ещё разыскивает ФБР, так что гостей они не любят.

— Но могут сделать исключение?

— Для некоторых делают исключение, но я не

знаю, доктор Дюпре, входите ли вы в число этих некоторых.

— А если вы за меня походатайствуете?

Пастор Кобел заморгал. Оставил чашку и задумался.

Но вот он улыбнулся, подтянул к себе листок бумаги и написал на нём адрес, разъяснение пути.

— Почему бы и нет. Скажите им, что вы от пастора Боба. Но будьте осторожны.

* * *

Указания пастора Кобела оказались толковыми, и через несколько часов я уже подъезжал к ферме Дэна Кондона. Аккуратный двухэтажный дом возвышался среди поросшей кустарником долины. Рядом с домом я заметил большой амбар, или бывший амбар, ныне полуразвалившийся, и больше никаких построек не припомню. На лугу паслись какие-то не то коровы, не то быки.

Как только я остановился перед домом, с крыльца спустился крупный мужчина в комбинезоне, весом фунтов в двести пятьдесят, ступени под ним крякали. На физиономии окладистая борода и траурное выражение. Я опустил стекло.

— Частная собственность, шеф.

— Я приехал повидаться с Саймоном и Дианой.

К такому заявлению он явно оказался не готов.

— Они меня не ждут, но они меня знают.

— Приглашали, что ли? Мы тут гостей не очень жалуем.

— Пастор Боб Кобел не возражает против моего визита.

— Кгхм… Ы-ы…

— Он мне сказал, чтобы я заверил вас в своей полной безвредности.

— Кх… Пастор Боб… А-а… Кто вы такой?

Я сунул ему свою визитку. Он зажал её в шарнирной лопате ладони и потопал обратно в дом.

Не вылезая из машины, я открыл окно напротив, позволив горячему ветру продуть машину. Солнце опустилось достаточно, чтобы изобразить солнечные часы с помощью столбов крыльца, тени которых заметно удлинились, прежде чем бородач-тяжеловес вернулся. Он вернул мне почти не помятую карточку.

— Саймон и Диана вас ждут. Извините за подозрительность. Меня зовут Сорли. — Я вылез из машины, и он сжал мою ладонь в своей лапе. — Аарон Сорли. Или просто брат Аарон.

Он распахнул вставленную в дверной проём скрипучую раму, затянутую сеткой от мух, провёл меня в коридор. В доме, несмотря на жару,

жизнь била ключом. Мимо нас, смеясь, пробежал ребёнок в длинной рубашонке. Миновал дверь в кухню, где готовилась еда на немалое количество едоков: галлонные кастрюли на плите, гора наструганной капусты на разделочной доске, хлопочут две кухарки.

— Саймон и Диана наверху, в последней спальне, по коридору справа. Найдёте.

Но искать не пришлось. Саймон встретил меня, едва я взошёл на второй этаж.

Бывший богатый наследник осунулся, исхудал, выглядел изможденным. Неудивительно, ведь столько лет прошло со дня китайской атаки на станции гипотетиков, когда я видел его в последний раз. Конечно же, и он отметил произошедшие со мной изменения. Улыбка его осталась широкой и щедрой, такую мог бы использовать Голливуд, если бы Саймон поклонялся мамоне, а не Богу. Брат Саймон, в отличие от брата Аарона, рукопожатием не удовлетворился, а полез обниматься.

— Тайлер! Тайлер Дюпре! Добро пожаловать. Прошу прощения за брата Аарона, за его резкость. Гости к нам нечасто заворачивают, но в нашем гостеприимстве ты убедишься. Мы пригласили бы тебя, если бы знали, что есть у тебя возмож-

ность посетить нас.

— Чисто случайно. Я попал в Аризону…

— О, знаю, знаю. Новости до нас доходят. Ты сопровождаешь морщинистого чёрного человека. Ты его врач.

Он провёл меня по коридору, довел до последней двери кремового цвета и открыл её.

Комната оказалась обставленной удобно, хотя и несколько старомодно. В углу кровать под стёганым одеялом, большая и тоже с виду удобная, на окне жёлтые полосатые шторы, на дощатом полу небольшой ковёр. У окна стул. На стуле Диана.

* * *

— Рада тебя видеть, — сообщила она мне, как только я вошёл. — Спасибо за то, что смог выкроить время для посещения. Надеюсь, на работе твоё отсутствие не скажется.

— Да чёрт бы с ней, с работой. Никуда не убежит. Как у вас дела?

Саймон пересёк комнату, остановился рядом с Дианой, положил руку ей на плечо и застыл в таком положении.

— У нас всё хорошо, — так же спокойно продолжила Диана. — Не процветаем, но перебиваемся. Для теперешних времен вовсе не плохо. Жаль,

что мы не смогли поддерживать контакт, Тайлер. После скандала с церковью доверять миру вне нашего круга сложно. Ты, наверное, слышал о наших невзгодах.

— Хорошенькая каша заварилась, — вступил Саймон. — Агенты забрали компьютер и копир и не вернули. А ведь мы ничего общего с этой телячьей историей не имели. Мы лишь распространяли брошюры, а уж дело читающего, верить изложенному там или нет. Из-за этого нас таскали на допросы. Очевидно, в Америке Престона Ломакса это считается преступлением.

— Надеюсь, никого не арестовали?

— Нет, даже не угрожали.

— Но нервов истрепали достаточно, — добавила Диана.

— Понимаю, понимаю, — посочувствовал я. — Тут задумаешься о вещах, которые раньше считались обычными. Звонки, письма… Вам всё ещё приходится соблюдать осторожность, так?

— Да, конечно… Конечно… — закивали оба, ответив мне в один голос.

На Диане простое свободное платье, стянутое на поясе, на голове красно-белый платок, напоминающий домашний хиджаб. Лицо без косметики — да она в косметике и не нуждалась. Одевать её

в лохмотья — всё равно что прятать прожектор под соломенной шляпой.

Я вдруг почувствовал острый голод, возбуждённый одним её видом. Нерациональный, неразумный голод. Удовольствие, которое я ощущал, глядя на неё, вызвало у меня стыд. Она просто сидела на обычном деревянном стуле, отводила глаза в сторону, глядела на меня, когда взгляды наши встречались, слегка розовела — а я как будто взмывал над полом.

Нелогично и несправедливо, подумал я. Несправедливо по отношению к ней, по отношению ко мне самому. Не стоило мне сюда приезжать.

— А как у тебя дела? — участливо справилась Диана. — Всё ещё с Джейсоном, как я понимаю. У него, надеюсь, всё в порядке?

— У него всё наилучшим образом. И от него большой привет.

Она улыбнулась:

— Ой, не верю. Не похоже на него.

— Он изменился.

— Неужто?

— О Джейсоне много толков, — снова ожил Саймон, по-прежнему державший свою мозолистую темную руку поверх светлой ткани её платья. — О Джейсоне и о морщинистом человечке, который

якобы прибыл с Марса.

— Не якобы. Он родился и вырос на Марсе.

Саймон несколько озадачился:

— Ну хорошо, я верю, раз ты это утверждаешь. Однако народ, как я уже сказал, толкует. Антихрист уже среди нас, он обладает влиянием, присматривается, выжидает, готовит заведомо обречённую войну. Поэтому ко всем заметным фигурам у нас пристально присматриваются. Я не разделяю мнения, что Ван Нго Вен Антихрист, но оно достаточно распространено. Ты с ним близко знаком, Тайлер?

— Иногда разговариваем. Насколько могу судить, для Антихриста у него амбиций не хватает.

Этот бы аргумент И-Ди Лоутону взять на вооружение, подумал я.

— Поэтому мы постоянно настороже, — продолжал Саймон. — Поэтому Диана остерегается поддерживать контакт с семьёй.

— Из-за того, что Ван Нго Вен может оказаться Антихристом?

— Из-за того, что не хотим привлекать к себе внимания облечённых властью. В свете приближающегося конца времён.

Ну что на такое ответить? Я промолчал.

— Тайлер не один час провёл за рулём, — вдруг

вспомнила Диана. — Наверное, в горле пересохло.

Саймон вновь распространил улыбку на всю физиономию:

— О, да, освежить горло перед трапезой. У нас запасы газировки. «Горная роса»…

— Не откажусь.

Он снял, наконец, руку с Дианы и вышел. Диана настороженно прислушивалась, пока его шаги не затихли на лестнице, затем слегка склонила голову к плечу и всмотрелась в меня:

— Дальний путь проделал, Тайлер.

— Ну а как бы я иначе сюда попал.

— Да мог бы и не беспокоиться. Я здорова и счастлива, располагаю всем необходимым для жизни. Можешь передать это Джейсону. И Кэрол. И И-Ди, если его это интересует. В присмотре не нуждаюсь.

— Да я, в общем-то, вовсе не с надзорным визитом.

— Завернул по случаю, привет от родни передать?

— Что-то вроде этого. Рядом оказался.

— Мы не присоединились ни к какому культу. И я не в заточении.

— Что ж, рад за тебя.

— Но ты предполагал что-то подобное?

— Я же говорю: рад за тебя.

Она слегка повернула голову. В глазах заиграло закатное солнце.

— Извини. Ты меня застал врасплох. Раз — и вот вдруг ты перед глазами. Хорошо, что у тебя всё ладится там, на востоке. У тебя ведь всё нормально?

Меня понесло:

— Какое там нормально! Я в параличе! Во всяком случае, такой диагноз поставил твой почтенный папочка. И не только для меня, для тебя тоже. Всё наше поколение в постспиновом параличе. Как только звёзды погасли, так нас и разбил паралич. Мы так и не нашли себя после этого.

— Думаешь, он прав?

— Может быть, в его словах больше истины, чем любой из нас готов допустить. — В общем-то я вовсе не собирался этого говорить, но в любой момент мог впереться Саймон с бутылкой приторной пепсикольной замазки и задавить всё своею стопудовой улыбкой. — Я смотрю на тебя и вижу всё ту же девицу на ночной лужайке, в момент, когда погасли звёзды. Никаких изменений, никакого развития. Так что И-Ди, пожалуй, прав. Двадцать пять лет коту под хвост. Пролетели — и

никаких следов.

Диана реагировала молчанием. Тёплый воздух играл прикрывавшей окно тканью, в комнате становилось темнее. Потом, тихо-тихо:

— Закрой дверь.

— Но это… покажется необычным.

— Закрой дверь, Тайлер. Я не хочу, чтобы меня услышали.

Что ж, я осторожно закрыл дверь. Она встала, подошла ко мне, взяла мои руки в свои. От её рук исходила прохлада.

— Конец света слишком близок, чтобы лгать друг другу. Я, конечно, обязательно звонила бы, но здесь четыре семьи в доме и один стационарный телефон, так что всем сразу ясно, кто с кем перезванивается.

— Ну да, Саймон этого бы не допустил.

— Ничего подобного. Саймон бы это принял. Саймон принимает большинство моих привычек, даже капризов. Но лгать ему я не хочу. Не хочу нести такую ношу. И всё же мне этих звонков не хватает, Тайлер. Эти звонки были отдушиной, связью с жизнью. Когда не было ни гроша, когда церковь трещала по швам, когда без видимой причины меня терзало одиночество… Звук твоего голоса был… как глоток свежего воздуха.

— Что ж, теперь обходишься без свежего воздуха?

— Теперь это было бы актом предательства. Проявлением неверности. — Она покачала головой, как бы пытаясь передать мне важную мысль. — Я знаю, что ты думаешь о «Спине». Я тоже об этом много думала. Иногда я представляю себе, что произошло бы с нами, если бы не нагрянул «Спин», как бы мы тогда жили. Мы, ты и я. — Она судорожно вздохнула, густо покраснела. — И если уж в том мире мне жить не суждено, то я хотя бы бросала в него взгляд раз-другой в месяц, звонила тебе, по-дружески беседовала о чём угодно, кроме конца света.

— Ты считаешь это предательством?

— Это и есть предательство. Я отдалась Саймону. Он муж мне в глазах Господа и мирского закона. Если выбор этот и не отличается мудростью, всё же это мой выбор. Пусть я не такая добрая христианка, какой бы мне следовало быть, но я не утратила чувства долга, сознаю необходимость его выполнения, необходимость нести свой крест, даже если…

— Даже если что, Диана?

— Даже если это неприятно. И лучше бы нам не всматриваться в наши жизни слишком при-

стально.

— Я вовсе не хотел причинить тебе боль своим приездом.

— Понимаю. Но…

— Тогда я не буду задерживаться.

— Останься на ужин. Ради вежливости. — Она опустила руки и упёрлась взглядом в пол под ногами. — Пока есть возможность, я тебе скажу ещё кое-что. Объясню, что к чему. Я не разделяю всех убеждений Саймона. Если честно, то я не верю, что, когда миру придёт конец, праведники поднимутся на небеса. Прости меня Господь, но мне это кажется полной ахинеей. Но что миру придёт конец — в этом я не сомневаюсь. И конец этот близок. Конец нашим жизням. И…

— Диана…

— Нет, дай мне закончить. Дай признаться. Исповедаться. Значит, я верю в то, что миру конец. Я верю тому, что Джейсон сказал давным-давно, что однажды утром солнце вспухнет, запылает и сожрёт нас всех. И я не хочу быть одинокой в то утро.

— Никто не хочет.

Кроме, может быть, Молли Сиграм, подумал я. Молли на пляже с бутылочкой пилюль. Молли и ей подобные. Что они, зря, что ли, бутылочками

запасались…

— И я не останусь одна. Со мной будет Саймон. В чём я тебе признаюсь, Тайлер, за что я хочу попросить прощения… Когда я представляю себе тот день, я вижу себя с Саймоном.

Дверь шумно распахнулась. Саймон. С пустыми руками.

— Ужин уже на столе. И большой кувшин ледяного чая для жаждущих странников. Прошу вниз, присоединимся к трапезе.

— Спасибо, с удовольствием. — Я непринуждённо улыбнулся.

* * *

В доме восемь взрослых. Пара Сорли, Дэн Кондон с женой, пара МакАйзеков, Саймон с Дианой. У Сорли трое детей, у МакАйзеков пятеро, так что за большим столом в комнате рядом с кухней уселось семнадцать человек. Рассаживались шумно, весело. Гул висел до того мгновения, когда «дядя Дэн» произнёс благословение. В этот момент все ладони попарно сложились, все головы смиренно склонились.

Правил бал «дядя Дэн». Высокий, вида чуть не похоронного, чернобородый, некрасивый на декоративный линкольновский манер. Благосло-

вением своим он как-то умудрился напомнить присутствующим, что накормить странника — дело добродетельное, даже если странник этот припёрся незваным, аминь.

По ходу застольного общения я выяснил, что брат Аарон Сорли второй в местной иерархии, возможно, решающий аргумент руководства в случае споров и недоразумений. Как Тедди МакАйзек, так и Саймон во всём уступали Сорли, но в рот при этом смотрели Кондону. Не пересолен ли суп? «Нет, как раз в меру», — выносил судьбоносное решение не кто-нибудь, а брат Кондон. А погода-то как разгулялась… «Ничего необычного для этих мест», — объявлял патриарх.

Женщины открывали рты, лишь чтобы ввести в них пищу, и живо интересовались лишь содержимым тарелок, не отрывая от них глаз. Жена Кондона — весьма невысокая, весьма дородная и весьма скромная особа; жена Сорли в габаритах почти не уступала мужу, мадам МакАйзек выглядела лет на восемнадцать, тогда как число лет мужа её явно подползало к полувеку. Ни одна из женщин на меня не смотрела и ко мне не обращалась, представить их незваному страннику тоже никто не удосужился. Диана выделялась на их фоне, как бриллиант чистой воды среди на-

ждачной крошки. Возможно, этим и объяснялось её преувеличенно осторожное поведение.

«Дядя Дэн» охотно объяснил мне за столом, что эти беженцы «Иорданского табернакла» не были самыми радикальными прихожанами, вроде бешеных, удравших аж в Канаду, в Саскачеван, однако твёрдо придерживались канонов веры, в отличие от мягкотелых пастора Кобела и его приверженцев. Они удалились на ранчо Кондона, чтобы избежать городских соблазнов и дождаться трубного гласа в мире и покое. Пока что план их выполнялся без заминок.

Далее беседа сконцентрировалась на барахлящем двигателе грузовика, на туго продвигающемся ремонте кровли и надвигающемся кризисе с ассенизационной цистерной. На детей застолье давило в ещё большей степени, чем на меня. Одну из особо громко вздохнувших девочек Сорли Кондон даже приморозил к стулу взглядом.

После трапезы женщины принялись убирать со стола, а Саймон сообщил мне, что пора и честь знать.

— Не боитесь дороги, доктор Дюпре? — деловито осведомился Кондон. — У нас тут грабежи, что ни вечер.

— Ничего, стёкла до потолка, педаль газа до

пола, как-нибудь выберусь.

— Мудрое решение.

Саймон выразил желание проводить меня до забора. Ночная прогулка, мол, подействует на него освежающе.

Да ради бога.

Последовало сердечное прощание, я пережал руки всем детям, после чего их прогнали, пришёл черед взрослых. Диана кивнула мне, не поднимая глаз. Так же, не глядя на меня, приняла она и мою руку.

* * *

Саймон проехал со мной с четверть мили, ёрзая на сиденье, как будто желая что-то сказать, но рта не раскрывая. Я делал вид, что его состояния не замечаю. Воздух остыл и посвежел. Я остановился, где он попросил, на гребне холма, у сломанного забора и живой изгороди из кактусовой сосны окотильо.

Он поблагодарил за прогулку, вышел, но всё ещё медлил, не отпуская дверцы, очевидно распираемый желанием высказаться.

— Что-то хотите сказать? — помог я ему.

Он прокашлялся.

— Знаешь… — просипел он наконец чуть гром-

че ветра. — Я люблю Диану так же, как Господа, хотя это и звучит кощунственно. Звучало кощунственно долгое время. Но потом я подумал, что Бог послал её на землю, чтобы она была моей женой, что это её предназначение. И теперь я считаю, что это две стороны одной монеты, что любовь к ней и есть любовь к Господу. Как вы считаете, доктор Дюпре?

Высказавшись, он как будто проснулся, не дожидаясь моего ответа, закрыл дверцу, включил свой фонарик и зашагал вниз по склону холма под стрекотание кузнечиков.

* * *

На бандитов я в ту ночь не нарвался.

Ни звёзд, ни луны, ночная дорога, ставшая крайне опасной с ранних лет «Спина». Преступники выработали изощрённые технологии засад на сельских дорогах. Ночное путешествие резко повышало мои шансы отправиться в мир иной прежде времени.

Естественно, мало кто из водителей отваживался отправляться в путь на ночь глядя. По большей части большегрузные поезда дальнобойщиков, неплохо защищённые, с двумя водителями. Я вслушивался в шорох покрышек и свист ветра и

думал, что эти звуки лучше всего подчеркивают одиночество. Чтобы их заглушить, и монтируют в автомобилях радиоприёмники.

Но грабителей и убийц на дорогах почему-то не попалось.

По крайней мере, в ту ночь.

* * *

Я остановился на ночь в мотеле под Флагстаффом и на следующее утро встретился с Ваном и его свитой в VIP-зале аэропорта.

Вана переполняли впечатления. Он живо интересовался геологией, на обратном пути в Финикс остановил свою кавалькаду возле сувенирных лотков и, порывшись в кусках породы, купил кусок сланца примерно в кубический дюйм объёмом. Ван воодушевлённо продемонстрировал мне спиральную выемку на одной из сторон камня. Отпечаток трилобита, сказал он, животного, погибшего с десяток миллионов лет тому назад здесь, в теперешней каменистой пустыне, которая когда-то была дном моря.

Ископаемых раньше ему видеть не приходилось. На Марсе нет ископаемых, да и нигде во всей Солнечной системе их нет, лишь здесь, на древней Земле.

В Орландо снова заднее сиденье бронированного лимузина, снова конвой, на этот раз в направлении «Перигелион фаундейшн». После часовой задержки на периметре безопасности мы вырвались на шоссе. Ван смачно зевнул и извинился:

— Не привык я к такой интенсивной нагрузке.

— Не скромничайте. Я видел вас на тренажёре в «Перигелионе».

— Каньон не тренажёр.

— Да, пожалуй.

— Устал, но не жалею. Прекрасная экспедиция. Надеюсь, у вас тоже всё сложилось удачно.

Я сообщил, что нашёл сестру Джейсона, что она здорова.

— Вот и отлично. Жаль, что я её не смог повидать. Если она хоть чем-то напоминает брата, то с ней интересно было бы пообщаться.

— В какой-то мере напоминает.

— Но вы от этого визита ждали большего, Тайлер?

— Может быть, не с той стороны ждал.

Может быть, я слишком долго ждал совершенно не того, чего следовало.

Ван ещё раз зевнул, веки его опустились.

— М-да… — пробормотал он, уже засыпая. — Во-

прос в том, как смотреть на солнце, не щурясь.

Я хотел спросить, что он имел в виду, но будить его не хотелось. Очень уж он утомился.

* * *

Наш конвой состоял из пяти бронированных лимузинов и бронетранспортёра с солдатами на всякий непредвиденный случай.

Бронетранспортёр с виду несколько напоминал инкассаторскую бронемашину, используемую местными банками.

Банковский конвой, опережавший нас на несколько минут, свернул с шоссе и направился к Палм-бей, и разведка бандитов, дислоцированная на перекрёстках, приняла нас за денежный ящик с сопровождением и выдала целеуказание своей ударной группе, поджидавшей дальше по шоссе.

Бандиты подготовились основательно, заминировали дорогу на участке, пересекавшем глухое болото заповедника. Их вооружение состояло из автоматических винтовок и пары реактивных гранатомётов. С банковским конвоем они бы, разумеется, расправились без труда, и через пять минут их бы уже и след простыл. Привычные процедуры: разделить добычу, отметить удачу. Но в результате грубой ошибки наблюдателей

вместо банковского сейфа на колёсах им достались бронированные лимузины с вооружённой охраной и бронетранспортёр, набитый элитными пехотинцами.

Я тупо глазел сквозь тонированное стекло, мимо мелькали лысые кипарисы и болотные кочки, как вдруг свет над шоссе погас. Бандиты перерезали подземный кабель, и за окном внезапно выросла чёрная стена, а в стекле передо мною возникло зеркальное изображение моей собственной удивлённой физиономии.

— Ван, — сказал я. Но он не проснулся. Морщинистое лицо его в этот момент напоминало отпечаток пальца.

В этот момент передний автомобиль нашей колонны нарвался на мину.

Удар опрокинул бронированную машину. Следовали мы, соблюдая разумную для крейсерской скорости дистанцию, однако я чётко разглядел, как жёлтая вспышка подбросила машину, как она загорелась и опрокинулась с вывернутыми на сторону колёсами.

Наш водитель уклонился от подбитого лимузина и, несмотря, вероятно, на все инструкции, замедлил ход, понимая, что дорога впереди всё равно перекрыта. Раздался второй взрыв — сзади.

Мина вырвала из полотна дороги куски асфальта и град гравия, затарабанивший по крышам и стёклам.

Ван проснулся, ошеломлённый и перепуганный. Его округлённые расширенные глаза метались по сторонам.

Вблизи затрещали выстрелы. Я пригнулся и потянул за собой Вана. Мы лихорадочно принялись выпутываться из ремней безопасности. У водителя в руке откуда-то появился пистолет, он открыл дверцу и выскочил из машины. Из следовавшего за нами бронетранспортёра высыпала дюжина автоматчиков и принялась палить во тьму, ориентируясь по вспышкам и стремясь установить контроль над периметром. Охранники от других машин побежали к нашей, чтобы защитить свой «объект», но огонь из тьмы пригвоздил их к дороге.

Быстрая реакция конвоя разозлила бандитов. В ход пошли базуки. Позже мне сказали, что в нашу машину попала реактивная граната. Я, во всяком случае, заметил, что вдруг оглох и начал вращаться вместе с диваном сразу вокруг нескольких осей, а воздух пропитался дымом и непригодными для дыхания осколками пуленепробиваемого стекла.

* * *

Следующие, не менее неожиданные ощущения — вкус крови во рту, шероховатый асфальт прямо перед глазами, вместо подушки под щекой; лежать на нём неприятно. По пояс я снаружи, нижняя часть осталась на полу лимузина. Ван в нескольких футах передо мной, валяется на боку. Один его сапог из детской пары, купленной для каньона, горит.

Я выкликнул его имя. Он пошевелился. По кузову машины щёлкали пули. Левой ноги я не ощущал. Я с трудом подполз к Вану, подцепив по пути кусок подушки сиденья, задушил пламя на подошве его сапога. Ван застонал и поднял голову.

Слышно, что перестрелка в разгаре, но что происходит на дороге, не понять.

Ван выгнулся, перевалился на живот, поднялся на колени. Из носа его текла кровь, лоб разбит.

— Лежать! — крикнул я. — Не вставать!

Но он, как будто не слыша, заскрёб по асфальту своими обгоревшими сапогами, поднимаясь на ноги.

— Ради бога! Ради бога, не вставай!

Я протянул к нему руку, но он увернулся. Встал,

качаясь на фоне горящей машины. Он удивлённо посмотрел вниз, на меня, как будто с трудом узнавая:

— Тайлер? Тайлер, что происходит?

Тут пули нащупали его.

* * *

Многие на нашей планете ненавидели Ван Нго Вена лютой ненавистью. Одни не доверяли его мотивации, как И-Ди Лоутон, другие видели в нём врага Господа, презирали за то, что он оказался чернокожим, за то, что его существование подтверждало эволюционную теорию; у многих он вызывал неприязнь как персонализация «Спина», как свидетельство старения Вселенной.

Много где помышляли о его физическом устранении. Департамент национальной безопасности зарегистрировал множество угроз и раскрыл не один заговор.

Но погиб Ван не в результате покушения. Он пал жертвой человеческой алчности, недоразумения, вызванной «Спином» разнузданности.

На диво земная смерть.

Тело его кремировали — после досконального исследования и выемки множества образцов. Хоронили на президентском уровне. На службе

в Национальном соборе в Вашингтоне присутствовали представители со всего земного шара. Президент Ломакс закатил речь чуть ли не на час.

Поговаривали запустить его пепел на орбиту, но так ничего и не решили. Джейсон сказал, что урна с прахом Вана хранится в подвале Смитсоновского института, ожидая окончательного решения.

Наверное, и по сей день она там.

Домой до наступления темноты

Я провалялся несколько дней в госпитале в Майами; залечивал лёгкие ранения и повреждения, рассказывал, что и как, федеральным следователям и репортёрам, усваивал факт смерти Вана. Тогда я и решил оставить «Перигелион фаундейшн», открыть частную практику.

Однако сообщить о своём решении Джейсону не торопился. Не хотел дополнительно тревожить его в канун запуска репликаторов.

* * *

В сравнении с давними пусками терраформинга Марса репликаторы особенного внимания к себе не привлекли. Результаты проекта могли бы стать и более значащими для человечества, но масштабность — горстка ракет, некритичность момента запуска — явно не тянула на драматические эффекты.

Администрация Ломакса максимально засекретила всё, касающееся репликаторов. Это взбесило Евросоюз, китайцев, русских и индийцев. Ломакс отказался выпустить информацию о репликато-

рах за узкий круг специалистов НАСА и «Перигелиона», без которых нельзя было обойтись. Из передаваемых «нашим друзьям» марсианских архивов и хроник стёрли все упоминания об «искусственных микробах», как окрестили их словотворцы из окружения президента. Мол, технология повышенного риска. Возможно, мол, «двойное применение», то есть использование в военных целях. Это утверждение, правда, полностью соответствовало действительности, о чём предупреждал и Ван. Соединённые Штаты, таким образом, «взвалили на себя тяжкую ношу ответственности за нераспространение нанооружия и предотвращение нового витка гонки вооружений» (конец цитаты).

Больше других беспокоился Евросоюз, по инициативе которого ООН учредил специальный комитет для рассмотрения вопроса. Однако в мире, на четырёх континентах которого не затихали вооружённые конфликты и полномасштабные войны, аргументы Ломакса нашли понимание. Хотя марсиане, по признанию Вана, от землян в смысле склочности и агрессивности недалеко ушедшие, жили с нанотехнологией на протяжении многих веков.

В общем, в день запуска ракет с репликато-

рами, в самом конце лета, к мысу Канаверал съехалось совсем небольшое количество народу — как аккредитованного медиаакулами, так и простых зевак. Марсианин умер, средства массовой информации уже охрипли, перепевая песни о его жизни и смерти, о его деле, и запуск казался лишь примечанием, сноской к некрологу. А то и бледным повторением пройденного, размытой копией грандиозного пуска марсианского проекта.

Но всё же шоу не утратило государственного масштаба, и Ломакс решил покрасоваться на запуске. И-Ди получил приглашение в качестве почётного гостя, так как уже некоторое время блистал примерным поведением. Утром назначенного дня я занял место рядом с Джейсоном на VIP-трибуне на восточном берегу мыса Канаверал.

Мы сидели лицом к морю. Старые плавучие платформы, вполне пригодные, хотя и отмеченные ржавчиной, могли запускать куда более тяжёлые ракеты, чем новенькие «Дельты», казавшиеся на них карликами. Собственно, многого мы на таком расстоянии разглядеть не могли, лишь четыре белые колонны в летней океанской дымке да фермы платформ, мосты, вышки, суда

обеспечения и охранения, замершие по периметру на почтительном удалении. Жару слегка смягчал порывистый ветер, недостаточно сильный, чтобы повлиять на запуск, однако успешно треплющий флаги и испортивший аккуратную причёску президента, поднявшегося на трибуну для приветствия.

Речь его, к счастью, оказалась краткой. Он помянул добрым словом Ван Нго Вена и его веру в то, что сеть репликаторов, развёрнутая на ледяных окраинах Солнечной системы, даст нам необходимую информацию о природе и целях «Спина». Ломакс похвалил храброе человечество, «оставившее отметку в космосе».

— Блин, Галактику он имеет в виду, а не космос, Галактику, — возмущённо зашипел Джейсон. — И что за отметка? Как будто кобель тротуарную тумбу обосс… пометил, то есть… Что за бараны ему речи сочиняют!

Потом Ломакс процитировал русского поэта XIX века по имени Ф. И. Тютчев, о «Спине» понятия не имевшего, но описавшего его так, как будто видел своими глазами:

И, как виденье, внешний мир ушёл…
И человек, как сирота бездомный,

Стоит теперь и немощен, и гол,
Лицом к лицу пред пропастию тёмной…
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое…
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнаёт наследье родовое.[1]

Ломакс сошёл с трибуны, поэзию Тютчева сменила проза обратного отсчёта, и первая из ракет взревела двигателями, испустила языки пламени и клубы дыма, поднялась и исчезла в голубом небе. Чуждое, неразгаданное. Наследье родовое. Присутствующие поедали взглядами происходящее. Джейсон же закрыл глаза и сложил руки на коленях.

* * *

После пуска мы с остальными приглашёнными проследовали на приём — и на съедение журналистам. Джейсон был записан на двадцать минут эфирного времени, я на десять. Меня подавали как «врача, пытавшегося спасти жизнь марси-

[1] Примечания: 1
Ф. И. Тютчев, отрывки из стихотворения «Святая ночь на небосклон взошла».

анского посла», хотя все мои подвиги сводились к успешному гашению горящего сапога Вана, безуспешным призывным воплям и бесполезному оттаскиванию его тела подальше от горящей машины. Самый поверхностный контроль (отсутствие дыхания и пульса) сразу показал, что ни в какой помощи убитый более не нуждается и лучше всего оставить труп в покое и подумать, как сделать себя менее заметным, слиться с землёй и выждать, пока закончится заваруха. Всё это я в общих чертах и пытался пересказать репортёрам.

Президент Ломакс циркулировал по залу, пожимая руки, пока помощники не сдёрнули его куда-то согласно расписанному до минуты графику. Тут И-Ди и прижал нас с Джейсоном к буфетному столу.

— Полагаю, ты добился того, к чему стремился, — сказал он Джейсону, почему-то сверля глазами меня. — Теперь уж обратного хода нет.

— Значит, и спорить больше не о чем, — сказал Джейсон.

По завершении перехода мы с Ваном постоянно следили за состоянием Джейсона. Я осматривал его сам, направлял на неврологическое тестирование, на магнитный резонанс. Ни одна из

проверок не выявила каких-либо отклонений от нормы, все изменения носили исключительно положительный характер. Здоровье у него оказалось куда лучше, чем я мог бы ожидать.

Но наблюдались в нём какие-то тонкие непонятные отличия. Я спросил Вана незадолго до его гибели, неизбежны ли изменения в психике Четвёртых.

— В определённом смысле, неизбежны, — ответил он.

В определённом смысле ожидалось, что марсианские Четвёртые будут вести себя иначе. Причём «ожидалось» в двояком смысле, то есть, во-первых, изменения в их поведении считались вероятными, а во-вторых, общество как бы требовало от них иного поведения.

Что изменилось в Джейсоне? Прежде всего, он иначе двигался, хотя это логически следовало из факта исчезновения его недуга. Он умело маскировал недостатки свой походки, а теперь в этом отпала нужда. Он стал похож на свежесмазанного Железного Дровосека. Капризность из его характера не улетучилась, однако сгладилась, вспышки эмоций не отличались прежней остротой. Джейсон реже ругался, из его инвективного лексикона почти исчезли наиболее крепкие вы-

ражения, он чаще шутил.

Всё это звучит очень неплохо, то есть можно подумать, что он изменился к лучшему. В этом отношении он действительно изменился к лучшему, но прослеживались и иные изменения, не столь поверхностного плана и куда более тревожные. Он совершенно отстранился от руководства предприятием, дошло до того, что заместители лишь информировали его раз в неделю, а в остальное время фактически не замечали. Он принялся за чтение марсианских астрофизических трактатов в сыром переводе, обходя, если не нарушая, протоколы секретности. Единственное событие, выведшее его из новодостигнутого равновесия, — смерть Вана. Отразилось оно на Джейсоне тоже не вполне понятным образом.

— Ты понимаешь, что мы присутствуем при закате «Перигелиона»? — спросил его И-Ди.

И-Ди не преувеличивал. Кроме интерпретации данных от репликаторов, за «Перигелионом» как гражданским агентством уже мало что числилось. Началось реальное сворачивание предприятия, сокращение вспомогательного персонала. Техники оттягивались медленнее, перебегали в университеты и промышленные фирмы.

— Значит, быть по сему, — изрёк Джейсон, демонстрируя не то душевное равновесие, присущее Четвёртым, не то давно подавляемую неприязнь к отцу. — То, что от нас требовалось, мы совершили.

— И ты спокойно говоришь это мне?

— Я говорю то, во что верю.

— А то, что я посвятил свою жизнь созиданию того, что ты разрушаешь, не имеет никакого значения?

Джейсон чуть помедлил с ответом:

— В конечном счёте не имеет. Не имеет никакого значения.

— Джейсон, что с тобой происходит? Ты совершаешь ужасающую ошибку…

— Не думаю, что это ошибка.

— И ты должен нести за неё ответственность.

— Разумеется.

— Ты понимаешь, что в случае неудачи станешь козлом отпущения?

— Понимаю.

— Ты взойдёшь на костёр.

— Что поделаешь.

— Я не смогу тебя защитить.

— А когда ты мог?

* * *

В «Перигелион фаундейшн» я возвращался с Джейсоном в его машине, редкой германской марке с топливным элементом. Большинство производителей считали, что будущего, о котором стоит заботиться, у землян больше нет, и большинство водителей — я в их числе — нещадно жгли бензин и воздух. Мимо нас по левой полосе проносились трудящиеся граждане, спешащие добраться домой до наступления темноты.

Я сказал ему, что собираюсь оставить фирму и основать собственную практику.

Джейсон некоторое время помолчал, следя за дорогой, над которой в перспективе поднимались лужи миражей из раскалённого воздуха.

— Какой смысл, Тайлер? — спросил он, наконец. — «Перигелион» протянет ещё не один год, бюджет позволяет тебя держать. Могу тебя и частным образом принанять, если надо будет.

— Вот-вот, если надо будет. Во мне нет особой нужды. Я чувствую, что способен на большее.

— Скучно, что ли?

— Хочется и пользу приносить.

— Ты не чувствуешь себя полезным? Если бы не ты, сидеть бы мне сейчас в инвалидной коляске.

— При чём тут я? Это заслуга Вана. Я лишь шприцем работал, как медсестра.

— Не сказал бы. Ты провёл меня сквозь мучительные процедуры, поддерживал меня во всех отношениях. И я это ценю. Кроме того… Иной раз и словом перекинуться надо с кем-то, кто не стремится меня купить или продать.

— Брось, Джейс. Вспомни, когда мы последний раз беседовали.

— И если я одолел один медицинский кризис, то может случиться и другой.

— Нет, Джейс, ты теперь Четвёртый, врач тебе потребуется лишь через полсотни лет.

— И знаете об этом только ты да Кэрол. Ещё одна причина, по которой мне не хочется тебя отпускать. — Пауза. — Почему бы тебе самому не пройти эту процедуру? Перейдёшь в Четвёртые, получишь лишних полсотни лет, а то и больше.

Конечно, можно было бы. Но за эти пятьдесят лет гелиосфера распухающего Солнца проглотит Землю.

— Я хотел бы приносить пользу сейчас.

— Ты окончательно всё обдумал?

И-Ди сказал бы: «Оставайся. Твоя работа — следить за ним».

И-Ди много чего сказал бы.

— Окончательно.

Джейсон, держась обеими руками за баранку, всматривался в дорогу, и она его, судя по выражению его лица, не радовала.

— Что ж, мне остаётся лишь пожелать тебе удачи.

* * *

В день, когда я покидал «Перигелион фаундейшн», обслуживающий персонал устроил для меня прощальную вечеринку в одном из нечасто теперь используемых конференц-залов. Меня осыпали дождём сувенирной мелочи, характерной для таких участившихся в последнее время прощальных вечеринок: крохотный кактус в художественно оформленном горшочке из тёмной терракоты, кружка для кофе с лихим росчерком моего имени, белого металла медицинский значок-кадуцей, змеи которого слились в страстном поцелуе…

Джейсон появился вечером с подарком совершенно иного плана, зажав под мышкой картонную коробку, перевязанную разлохмаченной джутовой бечёвкой. Он предложил мне открыть коробку, и я обнаружил внутри около фунта бумажных документов и шесть немарки-

рованных дисков оптической памяти.

— Джейс…

— Сплошная медицина. Можешь рассматривать как учебник.

— Что за медицина?

Он ухмыльнулся:

— Из архивов.

— Марсианских?

Джейс кивнул.

— Но это же секретно…

— Ха! Формально секретно, конечно. Но ты ведь знаешь, Ломакс засекретил бы и номер экстренной помощи, если бы смог. А тут такие штучки… Этим можно вышибить с рынка «Пфайзер» и «Илай Лили». Меня моя гражданская совесть почему-то совершенно не заедает. А что, тебя мучают патриотические сомнения?

— Нет, но…

— А главное, Ван вовсе не стремился это засекретить. А потому я ссужаю данными из архивов народ, которому доверяю. Ты за это не в ответе. Глянь, если интересно, выкинь, если нет.

— Ну, благодетель, спасибо. С твоими подарками как раз в каталажку угодишь.

Его улыбка расширилась:

— Я верю, что ты всё сделаешь как надо.

— А как надо?

— Ну, там сообразишь. Я в тебя верю. После перехода…

— Что?

— Я как-то яснее всё вижу.

В объяснения он не вдавался.

Коробку я засунул в багаж. Меня подмывало надписать её на манер тех коробок, которые мать хранила на этажерке.

* * *

Репликаторы казались медленными даже в сравнении с терраформингом мёртвой планеты. Прошло два года, прежде чем до нас дошёл сигнал из-за Плутона.

Репликаторы, едва затрагиваемые светом и притяжением Солнца, делали своё дело, росли и крепли, согласно программам, заложенным в их сверхпроводящем эквиваленте ДНК, питались временем, льдами, углеродистыми и некоторыми другими элементами — всё это ради того, чтобы «позвонить домой», сообщить родителям о самочувствии и успехах. Однако первым спутникам, запущенным за оболочку «Спина» для слежения за репликаторами, не хватило срока жизни, чтобы дождаться этого звонка.

В течение этих первых двух лет я нашёл партнёра, сработался с Гербертом Хакимом, прибывшим в Штаты из Бенгалии, врачом с добродушной улыбкой и мягкой манерой речи, окончившим интернатуру в год посещения Ваном Большого Каньона. Мы переняли практику в Сан-Диего, сменив ушедшего на пенсию терапевта. Хаким легко находил общий язык с пациентами, но к общению вне практики не стремился, со мной тоже редко встречался в нерабочей обстановке, а самый «нескромный» вопрос, который я от него услышал, относился к моей «сверхтелефонизации». Хаким с обычной своей улыбкой поинтересовался, для чего я таскаю с собой два мобильника.

Вторым, старым карманным телефоном я, собственно, никогда не пользовался, а носил его с собой лишь потому, что его номер знала Диана. Он никогда не звонил, и я тоже не делал попыток с ней связаться. Но засунь я этот телефон в какой-нибудь почётный долгий ящик, и она не сможет в случае надобности со мной связаться. А этот вариант всё ещё казался мне… как бы это сказать… нежелательным.

Работа меня вполне удовлетворяла, в общем и целом даже и пациенты нравились. Огне-

стрельных ранений встречалось гораздо больше, нежели я ожидал, зловредное влияние «Спина» всё сильнее портило нравы, статистические кривые убийств и самоубийств всё круче загибались кверху. Казалось, все, не достигшие тридцати лет, носили какую-нибудь форму, если не военную, то национальной гвардии, национальной безопасности, частных охранных фирм, лесной службы… Даже ставшие редкой роскошью дети щеголяли в скаутской и рейнджерской униформах. Голливуд пёк фильмы, в которых рекой лилась кровь либо елей и ни намёком не упоминался «Спин», подобно сексу и ненормативной лексике, изгнанный цензурой культурного совета при Ломаксе и федеральной комиссией по связи.

Причёсывала администрация и марсианские архивы, приняв с этой целью ряд законодательных актов. Архивы Вана, согласно утверждениям президента и его союзников в Конгрессе, содержали потенциально опасную информацию, которую надлежало обезопасить. Открыть их для широкого доступа означало бы то же самое, что «разместить в интернете руководство по изготовлению портативного ядерного взрывного устройства». Редактировался даже антропологический материал, а четвёртый возраст

определялся как «уважаемые старейшины». И никаких упоминаний о медицински инициированном долголетии.

Но кого интересовало долголетие? Приближался конец света.

Мерцание стало его провозвестником даже для самых упрямых скептиков.

* * *

Первые сигналы от репликаторов поступили за полгода до появления мерцания. Я узнал о них от Джейсона дня за два до того, как данные открыли средствам массовой информации. Собственно, ничего сенсационного не произошло. Один из спутников наблюдения НАСА, «Перигелион», зарегистрировал слабый сигнал с одного из известных малых тел облака Оорта, вращающегося вокруг Солнца далеко за орбитой Плутона. Сигнал представлял собой повторяющийся некодированный всплеск колебаний, излучал его один из репликаторов растущей репликаторной колонии — можно сказать зрелой. Невзрачный сигнал на первый взгляд казался малозначащим, но по сути свидетельствовал о том, что новая биологическая форма, посланная на окраины нашей Солнечной системы, закрепилась на дальних рубежах,

использовала скудный свет своей звезды, улавливала молекулы воды, углеродосодержащие частицы и развивалась, размножалась, используя местные материалы.

За многие годы колония выросла до размеров, может быть, горошины. Космонавт, знающий точно, где её искать, обнаружил бы крохотный нарост на заурядном космическом обломке. Но колония объединяла возможности составляющих её репликаторов, ускоряла рост, генерировала больше теплоты. Температура колонии отличалась от окружающей на незаметные для человека доли градуса, кроме моментов, когда репродуктивные вспышки вызывали резкий рост выделения энергии в окружающую среду, но процесс продолжался постоянно и неуклонно.

На их орбите проходили тысячелетия, равные земным месяцам. Подпрограммы генетической подложки репликаторов, стимулируемые локальными градиентами температуры, модифицировали процесс. Клетки специализировались. Подобно человеческому эмбриону, колония не просто производила больше клеток, но порождала клетки разного рода, как в человеческом зародыше образуются сердце и лёгкие, руки и ноги. Щупальцы внедрялись в планетоиды, из-

влекая потребный для развития материал. На определённой стадии развития целенаправленные выбросы пара начали замедлять вращение планетоида-хозяина, продолжая процесс до тех пор, пока колония не стабилизировала своё положение, обратившись к Солнцу. Теперь дифференциация началась всерьёз. Колония этаблировала связи между атомами углерода, между углеродом и кремнием, образовывались мономолекулярные цепочки, строились лесенки, завязывались узлы, рождались светочувствительные точки — аналоги глаз, конструировались источники радиочастотных шумов.

И вот, по прошествии ещё многих веков, колония настолько развила свои способности, что смогла издать писк новорождённого воробья, обнаруженный спутником на околоземной орбите.

Медиа обсасывали тему меньше недели, обильно разбавляя её материалом о Ван Нго Вене, о его гибели и похоронах, о марсианском терраформинге с демонстрацией запусков. Затем всё забылось. В конце концов, репликаторы ничего героического пока что не совершили.

Бледная новость, не вдохновляющая. Если не задумываться о ней больше, чем полминуты.

Ведь это технология, живущая собственной

жизнью — причём в буквальном смысле. Джинн, выпущенный из кувшина на авось.

* * *

А через несколько месяцев возникло мерцание.

Мерцание представляло собой первый признак изменений — если не нарушений — в Спин-оболочке. Если, конечно, не считать явления, последовавшего за обстрелом китайскими ракетами артефактов над полюсами в ранние годы «Спина». Оба явления наблюдались с любой точки планеты. Но этим сходство между ними и ограничивается.

После ракетной атаки барьерная оболочка вскоре восстановилась, продемонстрировав землянам стробированное изображение меняющегося неба, мультиплицированные луны и вращающиеся звёзды.

Мерцание протекало иначе.

Я наблюдал его с балкона своей пригородной квартиры. Тёплый сентябрьский вечер. Многие соседи уже вышли на улицу. После того, как это началось, выскочили все. Мы торчали на своих балконах, как вороны на ветках, многие возбуждённо переговаривались.

Небо сияло.

Небо сияло не россыпью звёзд, а узюсенькими нитями золотого огня, неслышно потрескивающими, как холодные молнии, протянувшимися от горизонта к горизонту. Нити бессистемно двигались, мерцали, возникали и исчезали. Зрелище завораживало и пугало.

Явление глобального характера. На дневной стороне планеты нити едва наблюдались, засвечивались солнцем или закрывались облаками. В обеих Америках и в Западной Европе кое-где вспыхнула паника.

В конце концов, сколько можно ждать конца света? И вот, наконец, вроде бы первое его знамение.

Тот вечер только в городе, где я жил, отмечен сотнями успешных и неудавшихся самоубийств. Сколько же их насчитывалось по всей планете! Не так уж мало на свете оказалось людей, подобных Молли Сиграм, решивших с помощью нескольких таблеток избежать прогнозируемого закипания морей и прочих прелестей глобальной катастрофы. И прихватить друзей, членов семьи. Многие из людей этого сорта решили, что их час настал. Как выяснили пережившие — преждевременно решили.

Зрелище длилось восемь часов. Утром я направился в местную больницу в отделение травмы и скорой помощи. К полудню насчитал семь случаев отравления моноксидом углерода. Люди запирались в гаражах и включали двигатели своих автомобилей. Большинство их них умерли, хотя и выжившим пришлось ненамного лучше. Ещё вчера здоровые люди, на которых я не обратил бы внимания на улице или в магазине, на всю оставшуюся жизнь оказались прикованными к инвалидным коляскам, обречёнными тупо созерцать вращение лопастей вентиляторов. Результат неудачно выбранной стратегии выхода. Но огнестрельные раны головы выглядели хуже. Обрабатывая их, я не мог не вспоминать о Ван Нго Вене, лежащем на асфальте флоридского шоссе с развороченным пулями черепом.

Восемь часов. Небо снова очистилось, солнце светит, как будто смеясь дурацкой шутке.

Через полтора года явление повторилось.

* * *

— Ты выглядишь, как будто веру потерял, — сказал мне однажды Хаким.

— А может, у меня её и не было.

— Я не про Бога. Бога ты вообще никакого нико-

гда не ведал. Я имею в виду веру во что-то другое, не знаю даже, во что.

Весьма туманно. Но при следующем разговоре с Джейсоном я, кажется, частично проник в смысл сказанного Хакимом.

Джейсон позвонил, когда я был дома. На мой основной телефон, не на тот, который я таскал с собой талисманом. «Привет!» — «Привет!» — И он мне настоятельно рекомендует включить ящик для идиотов.

— Зачем?

— Включи новости. Ты один?

Конечно, один. Хватит с меня всяких Молли, не надо осложнять последние дни. Пульт управления телевизором валяется, как и почти всегда, на кофейном столике.

На экране сразу выскочила какая-то многоцветная диаграмма под неразборчивый бубнёж какого-то многомудрого эксперта. Я выключил звук.

— И что это я там вижу, Джейс?

— Пресс-конференция из Лаборатории реактивного движения. Данные от последнего орбитального приёмника. Надо понимать, передал эти данные репликатор.

— И?

— Дела идут. — Я живо представил себе его улыбку.

Спутник наблюдения принял узконаправленные сигналы от нескольких источников из другой солнечной системы. Что означало созревание уже не одной системы репликаторных колоний. И издавали эти колонии уже не младенческий писк, а нечто осмысленное. По мере созревания и старения репликаторных колоний рост их замедлялся, но зато оттачивалось функционирование. Они не просто глазели на светило и собирали энергию, они анализировали излучения, рассчитывали орбиты спутников, используя свои кремнеуглеродные нейросети, сравнивали, взвешивали — соображали. Не меньше дюжины колоний прислали данные, для сбора которых их и направили в глубины галактики. Четыре повторяемых пакета данных в двоичном кодировании открыли нам следующее:

1. В наличии планетная система звезды с массой в 1,0 солнечную единицу ($1{,}981 \times 10^{30}$ кг).

2. В системе восемь планетарных тел значительного размера (масса Плутона не дотянула до порога обнаружения).

3. Две из этих планет оптически пусты, то есть закрыты Спин-оболочками.

4. Пославшие информацию колонии включили режим репродукции, послав в космос пакеты репликаторов, передвигающихся с помощью реактивной силы кометного пара.

Джейсон добавил, что то же самое сообщение разослано другим колониям, менее зрелым, и что колонии-получатели соответствующим образом реорганизуют свою активность и усилят репродуктивную функцию.

Иными словами, мы успешно заразили галактику квазибиологическими существами Ван Нго Вена.

Которые продолжали процесс.

— Но что это нам сказало о «Спине»? — спросил я.

— Пока ничего. Но погоди, этот ручеёк информации скоро вырастет в мощный поток. И мы сможем составить Спин-карту нашего ближайшего звёздного окружения. А то и всей галактики. И сможем узнать, откуда взялись гипотетики, где они ещё развлекаются «Спином», а главное — что происходит с мирами, когда их звёзды выгорают.

— Но это ничего не изменит, так ведь?

Он вздохнул, как будто расстроенный моим глупым вопросом:

— Даже если не изменит, лучше знать точно,

чем гадать на кофейной гуще. Может быть, мы обнаружим, что обречены, но зато узнаем, сколько у нас остаётся времени. Возможно, больше, чем мы ожидали. Не забывай, что мы работаем и в других направлениях. В частности, с архивами Вана по теоретической физике. Если представить Спин-оболочку как туннель, зажавший объект, ускоренный до субсветовой скорости…

— Да кто нас ускорил! Никуда мы не ускоряемся, ползём себе… кувырком, сломя голову… в неизвестное будущее.

— Расчёты дадут нам материал для сравнения с наблюдениями, и мы получим представление о силах, которыми манипулируют гипотетики.

— И что это даст?

— Пока рано гадать. Но я не верю в тщетность знания.

— Даже если мы обречены на смерть?

— Всё, что живёт, обречено на смерть.

— Я имею в виду гибель вида.

— Посмотрим. Я не верю, что «Спин» — всего лишь какая-то глобальная эвтаназия. У гипотетиков должна быть определённая цель.

Возможно. Но я осознал, что это уже из области веры, а веру я потерял. Веру в Большое Спасение. Во все его ипостаси. Вот мы в последний момент

совершаем научно-технологический рывок — и планета спасена. Вот гипотетики изображают доброго дядю — и планета превращается в царство любви и мира. Вот Господь простирает длань — и все… ну, по крайней мере праведники… И прочий бред в том же роде.

Большое Спасение. Сладкий сон. Бумажный кораблик, соломинка утопающего. Не «Спин» искалечил моё поколение, а соблазны Большого Спасения.

* * *

Мерцание повторилось следующей зимой. На этот раз оно продержалось сорок четыре часа, после чего исчезло. Многие предполагали, что это какой-то феномен «небесного климата», непредсказуемый, но, по сути, безвредный.

Пессимисты указывали на то, что интервалы между явлениями сокращаются, а длительность их увеличивается.

В апреле мерцание продержалось уже трое суток и опять исчезло. Оно вызвало сбои в работе стратосферных линий связи, панику и волну самоубийств. В этот раз причиной паники было не то, что народ видел в небе, а отказ любимых телевизоров и мобильников.

Я перестал интересоваться новостями, но кое-что всё равно проникало в сознание: неудачи армии в Северной Африке и Восточной Европе, культовый переворот в Зимбабве, массовые самоубийства в Корее… Сторонники апокалиптического ислама выиграли выборы в Алжире и Египте. Какой-то массовый культ на Филиппинах обожествлял Вана как сельского святого, аграрного Ганди, и «под знаменами Ван Нго Вена» парализовал жизнь в Маниле всеобщей забастовкой.

Время от времени звонил Джейсон. Он прислал мне по почте мобильник со встроенным шифратором, «неплохой защитой от любителей взламывать пароль», — не знаю, кого он имел в виду.

— Похоже, у тебя развивается мания, — предостерёг его я.

— Мания не без основания, — усмехнулся он.

Конечно, если бы он собирался обсуждать вопросы национальной безопасности… Но мы щекотливых тем не касались, во всяком случае поначалу. Он спрашивал меня о работе, о жизни, о музыке, которую я слушал. Я понял, что он стремится воссоздать атмосферу общения двадцати-тридцатилетней давности, периода жизни

до «Перигелиона», если не до «Спина». Джейсон рассказал, что ездил в гости к матери. Кэрол жила всё так же, по часам и по бутылке. Никаких изменений она не допускала. Прислуга содержала дом в порядке, всё чисто, всё на местах. «Большой дом» как будто закуклился от времени, сказал Джейсон. Как будто у него собственная Спин-оболочка. Ему там даже стало несколько не по себе.

Я спросил, объявлялась ли Диана.

— Диана перестала общаться с Кэрол ещё до гибели Вана. Ничего о ней не известно.

Потом я спросил, как дела у репликаторов. В газетах о них ничего больше не сообщали.

— Да и не смотри. Пасадена сидит на данных, как наседка на свежей кладке.

Голос Джейсона звучал невесело.

— Так худо?

— Да нет, не всё плохо. Пока что, во всяком случае. Репликаторы сделали всё, что предрекал Ван. Удивительные вещи, Тайлер, совершенно удивительные. Хотел бы я показать тебе карты, которые мы выполнили по их данным. Подробнейшие навигационные карты. Почти двести тысяч звёзд на сто световых лет в диаметре. Астрономы поколения И-Ди и вообразить не могли чего-то подобного. Такие данные об эволюции планет!

— И ничего о «Спине»?

— Ну почему же…

— Есть что-то?

— Хотя бы то, что мы не одиноки. В упомянутой округе обнаружены три затемнённых планеты, размером сравнимые с Землёй, на их орбитах возможна жизнь нашего типа, уж есть ли она там или была когда-то… Ближайшая крутится вокруг номера 47-го Большой Медведицы. Наиболее удалённая…

— Да ладно, к чему такие подробности.

— Если сравнить возраст рассматриваемых звёзд и прикинуть вероятия, то гипотетиков стоит поискать где-то в районе ядра галактики. И ещё кое-что. Репликаторы обнаружили пару белых карликов, выгоревших звёзд, которые несколько миллиардов лет назад выглядели примерно как наше Солнце. И вокруг них обращаются целёхонькие скалистые планеты, которые никак не могли бы пережить расширения своей звезды.

— Пережившие «Спин»?

— Почему бы и нет?

— И на них кто-то живёт?

— Гм… Этого мы не знаем, хотя Спин-оболочек вокруг них в данное время не наблюдается, а среда там сейчас, по нашим стандартам, совер-

шенно исключает наличие жизни — опять же нашего типа.

— Ну и что дальше?

— Не знаю. Никто не знает. Мы полагали, что выясним больше с расширением сети репликаторов. Ведь вон какую сеть раскинули! Они общаются между собой, как нейроны нервной сети, разве что разделены они сотнями световых лет. Прекрасная картина, бесподобно… Такого ещё не достигало человечество. Сбор информации, обработка, передача нам…

— Короче, Джейсон, что с ними случилось? — прервал я его восторги.

Ему явно не хотелось даже говорить об этом.

— Может, состарились… Всё стареет, даже защищённые генетические коды. Может быть, развитие пошло другим путём. Может…

— Но что случилось-то, Джейсон?

— Данных меньше. От самых удалённых репликаторов информация фрагментарная, иногда противоречивая. А что это означает… Если они умирают, значит, в исходных кодах какая-то ошибка. Но прекратили работу и некоторые давно устоявшиеся узлы, прочные, этаблированные.

— Кто-то их истребляет?

— Слишком поспешное предположение. Есть

другая идея. Запустив их в облако Оорта, мы создали простую межзвёздную экологию: лёд, пыль, искусственная жизнь. Но что, если не мы первые? Что, если межзвёздная экология не столь проста?

— Ты имеешь в виду, что кто-то до нас запустил своих репликаторов?

— Почему бы и нет. Если так, то у них борьба за ресурсы. Может, они друг друга используют в качестве исходного материала. Мы полагали, что запускаем наш материал в стерильную среду. А если в ней уже были конкуренты? Да ещё и хищники?

— Джейсон… Ты полагаешь, что их кто-то пожирает?

— Да запросто.

* * *

В июне мерцание повторилось и забавлялось в небе почти сорок восемь часов.

В августе пятьдесят шесть часов плюс хаос в стратосферной связи.

В конце сентября появлению этой небесной чехарды уже никто не удивлялся. Я провёл большую часть первого вечера перед телевизором, задёрнув шторы, не интересуясь небом, уставившись на экран, просматривая старый, предспиновский

фильм из памяти телевизора. Интересуясь не сюжетом, а лицами людей, которые прожили жизнь без страха перед будущим. Людей, которые говорили о Луне и звёздах без иронии и ностальгии.

В это время запиликал телефон.

Не мой рабочий телефон, не шифровальная машина Джейсона. Трёхтональный сигнал я распознал мгновенно, хотя не слышал его уж несколько лет. Еле слышный трёхтональный гудок. Еле слышный, потому что мобильник находился в пиджаке, висевшем в прихожей, в одёжном шкафу.

Он успел продудеть дважды, а я уже вырвал его из кармана и сказал «Хелло», ожидая услышать незнакомый голос абонента, неверно набравшего номер.

Ожидая услышать чужой голос. Надеясь услышать голос Дианы. Надеясь и боясь.

Но услышал я голос мужской. Саймон, как я не сразу понял:

— Тайлер? Тайлер Дюпре? Это ты?

Я не раз слышал встревоженные голоса звонящих по экстренным случаям, поэтому сразу же ответил:

— Я, я, Саймон. Что там у вас стряслось?

— Мне не следовало тебе звонить. Но я не знаю,

куда ещё обратиться. Не знаю местных докторов. А она так больна, так плоха, Тайлер! Я не знаю, что с ней, не зна…

И тут эти небесные бестии заглушили его голос оглушительным треском.

И больше ничего, кроме этого треска, услышать мне не удалось.

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

За Дианой следовали Эн, десятка два его кузенов и примерно столько же иных соплеменников, собравшихся в новый мир. Джала загнал всех в ангар, вернул гармошку ворот в исходное положение и отрезал наружное освещение. Вернулся полумрак. Диана обхватила меня рукой, я подвёл её ближе к одной из галоидных ламп. Ибу Ина раскатала на полу джутовый мешок, и мы помогли Диане улечься.

— Шум… — сказала Ина.

Глаза Дианы закрылись, как только она опустилась на мешок. Очевидно, ей не хватало сил даже на то, чтобы поднять веки. Я расстегнул блузку и начал осторожно снимать её.

— Мой саквояж…

— Да-да. — Ина послала Эна в конторку за обоими медицинскими наборами, моим и её. — Шум…

Диана вздрогнула и простонала, когда я начал отлеплять ткань от запёкшейся крови вокруг раны, но мне нужно было сначала увидеть, что

предстоит обрабатывать.

— Какой шум?

— Шум в порту. Утром должно быть особенно шумно. Но там тишина. Абсолютная тишина.

Я замер. Да, она права. Портовый грохот стих, слышен лишь бойкий полушёпот племени минанг да приглушённая дробь дождевых капель на жестяной крыше.

Но главное сейчас не шум.

— Спросите Джалу, он-то знает, что случилось.

И я повернулся к Диане.

— Так, пустяк, — выдавила Диана сквозь сжатые зубы, не открывая глаз и морщась от боли. — Задело. Думаю, что просто задело.

— Пулевое ранение, Диана.

— Да… Реформазы нашли укрытие Джалы. Нам повезло, мы как раз уходили. О-о-о… — простонала она.

Она оказалась права, рана оказалась касательной, но её непременно следовало зашить. Пуля взбороздила жировую ткань над тазовой костью. Но я опасался, что ударное действие пули могло повредить внутренние органы. Однако крови в моче, как заверила Диана, она не заметила, давление и пульс при данных обстоятельствах внушали надежду на лучшее.

— Тебе надо принять обезболивающее, и я зашью рану.

— Шей, если надо, но я не хочу никаких наркотиков. Надо выбираться со свежей головой.

— Не могу же я шить тебя без анестетиков!

— Тогда что-нибудь местное.

— Мы не в больнице. У меня нет с собой ничего местного.

— Тогда шей, Тайлер. Я выдержу.

Она выдержит… Но выдержу ли я? Я посмотрел на свои руки. Чистые. Водопровод в умывальнике склада функционировал, Ина помогла мне натянуть свежие перчатки перед тем, как я занялся Дианой. Чистые умелые руки. Но твёрдыми их в данном состоянии никак не назовёшь.

Никогда я в своей работе затруднений подобного плана не испытывал. Ещё студентом, даже на первых вскрытиях, я находил в себе силу отключить симпатию, сочувствие, скрупулезность, ощущение чужой боли в качестве своей — все мешающие работе факторы. Я мог заставить себя считать, что порванная артерия не принадлежит живому существу, и поверить в это на несколько необходимых минут.

Но тут… руки мои тряслись, и необходимость вонзить иглу в окровавленные края этой раны

представлялась мне непереносимой жестокостью.

Диана положила ладонь на моё запястье.

— Это Четвёртое, — сказала она.

— Что?

— Тебе кажется, что пуля прошла сквозь тебя.

Я кивнул.

— Четвёртое. Может быть, оно сделает нас лучше. Но ты ведь врач. Ты должен исполнить свой врачебный долг.

— М-мм… В конце концов, если не осилю, Ина справится не хуже.

Но я осилил. Не знаю, каким образом, но осилил.

* * *

Ина вернулась после совещания с Джалой:

— Сегодня должна была начаться забастовка. Полиция и реформазы у ворот, всё блокировали и собираются занять порт. Ожидается потасовка. — Она нагнулась над Дианой: — Как вы, милая?

— В хороших руках, — прошептала Диана. Губы её едва шевелились.

Ина проинспектировала мою работу:

— Отлично сшито, доктор.

— Спасибо.

— Если учесть обстоятельства, — несколько разбавила она комплимент. — Но нам срочно нужно отсюда уходить. Сейчас нас от тюрьмы только стачка и защищает. Надо срочно грузиться на судно.

— Полиция ищет нас?

— Да нет, пока что не конкретно вас. Джакарта клятвенно пообещала американцам искоренить нелегальную эмиграцию. Время от времени они устраивают набеги в порт — спектакли для американского консульства. Конечно, всё остаётся по-прежнему, уж слишком много денег приносит эта торговля, чтобы её прикрыть. Но время от времени непременно нужно, чтобы бравые молодцы в форме вытаскивали из трюмов дрожащих негодяев под обличительные объективы телевидения и прессы.

— Они раскрыли явку Джалы, — прошептала Диана.

— Да, они знают о вас обоих и, конечно же, с удовольствием вас бы сцапали, но сейчас их сюда не это пригнало. Пока ещё выход судов из порта не закрыт, но это вопрос времени. И не из-за полиции, а из-за профсоюза. Докеры в Телук-Байюре — мощная сила. И они настроены решительно.

Джала что-то крикнул от ворот на минанг, я

ничего не понял.

— А теперь пора уходить, — растолковала Ина.

— Надо носилки соорудить, — спохватился я. Диана попыталась сесть:

— Я смогу идти.

— Нет, милая, — сдержала её Ина. — Тайлер прав. И не пытайся.

Из здоровенного мешка получилось что-то вроде гамака. Я схватился с одной стороны, к другому Ина бесцеремонно подтолкнула одного из наиболее мощных своих земляков.

— Ну, теперь быстро, быстро! — благословил нас Джала и выгнал под дождь.

* * *

Муссонный сезон — сезон дождей. Что такое муссон? Утренняя мгла, как в сумерки. Тучи сплошняком висят низко над бухтой, зацепившись за радары и деррики сухогрузов и громадных танкеров-катамаранов. Воздух горяч и горек, дышать им не в радость. Промокли мы, лишь только вышли из ворот.

Диану погрузили на заднее сиденье машины Джалы, к которой пристроились ещё три легковых и пара погрузчиков на твёрдых резиновых колёсах.

«Кейптаун-мару» ожидала нас в самом конце высокого бетонного пирса в четверти мили от ангара. Обернувшись, я увидел сзади, за красно-белыми цистернами «Авигаза», толпу докеров, собравшихся перед воротами. Шум дождя перекрыл усиленный и искажённый мегафоном мужской голос. Затем послышались хлопки — может быть, выстрелы.

— Живей, живей, — поторапливал Джала, спешно усаживаясь за руль. Я вскарабкался к Диане, согнувшейся над своей раной, как будто в молитве.

Я ещё раз обернулся. Над толпой летело что-то похожее на футбольный мяч, оставляя в воздухе спирали белого дыма. Канистра со слезоточивым газом.

Машина рванулась вперёд.

* * *

— Если б только полиция, — раздражённо бросил Джала, не оборачиваясь. — В полиции таких идиотов не сыщешь. Это реформазы. Навербовали в джакартских трущобах подонков, засунули их в форму — и вот вам борцы за высокую идею.

Засунули в форму… И вручили оружие, добавил я мысленно. И про слезоточивый газ не забыли.

Облака его плыли, смешивались с дождевой пеленой. Толпа начала размываться по краям.

В отдалении ухнуло, полыхнул огненный шар.

Джала глянул в зеркало заднего вида:

— Господи, что за кретины! Пальнули в бочку с горючим. Это же…

Взвыли сирены. Толпу охватила настоящая паника. Теперь я увидел и полицейских. Отряд полиции входил на территорию порта. Можно было разобрать, что физиономии передних закрывали газовые маски.

В направлении ворот, завывая сиреной, понеслась пожарная машина.

Наш автопоезд наконец добрался до места назначения. «Кейптаун-мару», типичная посудина «удобного флага», выкрашенная белым и ржаво-оранжевым, удобно устроилась главной палубой вровень с пирсом, с которым её соединял короткий стальной трап. Туда и устремились наиболее прыткие минанг, на ходу соскочившие с погрузчиков.

Джала выпрыгнул из машины. Когда я помог выбраться Диане, и она переводила дыхание, тяжело опираясь на меня, Джала уже ожесточённо переругивался по-английски с каким-то серьёзным коротышкой, судя по головному убору

— сикхом, не то капитаном, не то лоцманом, в общем, с моряком, ответственным за судьбу судна.

— Всё давно уже согласовано, — напирал Джала.

— Но погода…

— К чёрту погоду! В любую погоду!

— Но без разрешения капитана порта…

— Какой, к шайтану, капитан порта! Разуй глаза!

Как бы в подтверждение своих слов Джала махнул рукой в сторону ворот, возле которых возвышались громадные резервуары для хранения горючих веществ.

Жест его произвёл волшебное действие: как раз в этот момент один из этих резервуаров взлетел на воздух.

Взрыва я не видел. Ударная волна швырнула меня на бетон пирса, жаркий язык взрыва лизнул затылок. Грохот раздался оглушительный, но особенного действия на меня почему-то не произвёл. Я почти сразу перекатился на спину. В ушах звенело. «Авигаз», — подумал я. Бензин, керосин, солярка, пальмовое масло… — для какой-то надобности перечисляло сознание возможное содержимое взорвавшегося танка. Эти придурки в запале своего мнимого могущества выпалили

куда не следует. Я нашёл взглядом Диану. Она лежала рядом, выглядела более изумлённой, чем испуганной. Я сообразил, что не слышу дождя. Зато услышал другой, более опасный звук: металл с силой бился о бетон. С неба на причал и на палубу «Кейптаун-мару» сыпались осколки, некоторые ещё горели.

— Головы закройте! — кричал Джала. — Прячьте головы!

Я попытался прикрыть Диану своим телом. Горящий металл в течение нескольких нестерпимо долгих секунд градом сыпался на судно, на причал, в воду. Потом огненный град прекратился, с неба падали лишь капли дождя.

Мы поднялись на ноги. Джала уже пропихивал народ по трапу, бросая на пламя весьма неприязненные взгляды.

— Живее, живее, может ещё рвануть! Все на борт, живо, живо!

Команда «Кейптаун-мару», не обращая внимания на «пассажиров», спешно устраняла мелкие очаги возгорания, сдирала швартовые концы.

Клубы чёрного дыма закрыли от нас сцену у ворот. Я помог Диане взойти на борт. Лицо её кривилось от боли, сквозь повязку проступила кровь. Мы оказались последними, и двое матросов тут

же схватились за рукоятки лебёдки, потянули на борт ажурную металлическую структуру, не отрывая испуганных глаз от дымно-огненного ада на берегу.

Под палубой взревел двигатель. Джала подхватил Диану с другой стороны.

— Теперь мы в безопасности? — спросила она его слабым голосом.

— Пока нет, надо ещё из гавани выбраться.

В желающих покинуть порт недостатка не было. В акватории гудели, свистели, свиристели судовые сигналы, суда и судёнышки отваливали от причальных стенок и устремлялись к выходу из порта, в открытое море. Джала обернулся, посмотрел на берег и воскликнул:

— Ваш багаж!

Багаж остался на берегу. Два побитых жёстких чемодана с бумагами, чипами памяти и лекарствами валялись, забытые на одном из погрузчиков.

— Трап на берег, — повелительно бросил Джала матросам.

Те нерешительно заморгали. Подскочил первый помощник. Джала выпятил грудь и заорал ему что-то на незнакомом мне языке. В результате связь с берегом восстановилась.

Судовой двигатель зазвучал ровнее и мощнее.

Я понёсся по трапу, стуча башмаками по металлическим сотам. Схватил чемоданы. Невольно обернулся. На пирсе появилось с дюжину реформазов в форме. Они явно направлялись к «Кейптаун-мару».

— Швыряй чемоданы! Прыгай сам! — гаркнул Джала мне и сразу после этого переключился на матросов, как будто был хозяином судна: — Трап на борт, живо!

Трап пополз на судно. Я швырнул чемоданы на палубу, вскарабкался за ними сам.

Лишь только я оказался на палубе, как судно пришло в движение.

И тут взорвался второй резервуар «Авигаза». Взрывная волна смела нас всех с ног.

В окружении снов

Ночные баталии между дорожными бандитами и полицией сделали дороги не самым удобным средством сообщения. Мерцание усугубило ситуацию. Дорожная полиция официально предупреждала о нежелательности перемещения в это время, но предупреждения не могли удержать народ от желания поскорее оказаться дома, повидать родственников или друзей, а то и просто прыгнуть за руль и погнать куда глаза глядят, пока не закончится горючее или свободное время. Я упаковал с собой всё, что не хотел оставлять, включая принесённые мне Джейсоном материалы.

На шоссе Альварадо движение со скоростью улитки, на «Интерстейт-8» немногим лучше. Времени поразмышлять над абсурдностью моего поведения предостаточно.

Итак, поспешаем на выручку, собираемся спасать чужую жену. Женщину, о которой я когда-то думал намного больше, чем следовало бы. Закрыв глаза, я пытался представить себе Диану Лоутон, но не мог вызвать в памяти слитный образ; выскакивали лишь размытые фрагменты, жесты,

моменты. Диана, одной рукой откидывающая назад волосы, другой ерошит загривок Святого Августина, своего пса. Диана, тайком принёсшая в сарай интернетовский наладонник — в этой ситуации у меня яснее возникла перед глазами разобранная Джейсоном газонокосилка, чем сама Диана. Ещё один всплеск — она читает антологию викторианской поэзии в тени склонившейся над ручьём ивы, улыбается чему-то мне непонятному. «И лето зреет там всечасно… А мальчишка так и не узнал…»

Я пытался вспомнить Диану, взгляды и жесты которой показывали, что она влюблена в меня, хотя, возможно, лишь полуосознанно. И которую всегда сдерживали силы для меня непостижимые: её отец, Джейсон, «Спин». «Спин» связал нас и разъединил, запер в соседних комнатах, разделённых глухой перегородкой.

Я миновал Эль-Сентро, когда местное радио сообщило о «повышенной полицейской активности» к западу от Юмы и о трёхмильной пробке впереди. Я решил не рисковать и пустился в объезд по местной дороге, на карте выглядевшей весьма неплохо, через пустыню на север, чтобы выйти на «Интерстейт-10» на пересечении границы штата у Блайза.

Эту дорогу тоже отнюдь нельзя было назвать пустынной, хотя движение на ней всё же не застопоривалось. Мерцание искажало мир, заставляло думать, что верх светлее низа. То и дело от северного до южного горизонта вытягивалась причудливо изломанная колеблющаяся дуга, как будто проникающая снаружи сквозь мембрану «Спина», как будто к земле прорывались искры полыхающей Вселенной.

В моём кармане лежал телефон, номер которого знала Диана, на который звонил Саймон. Позвонить обратно я не мог, данные звонившего в памяти не остались, номера телефона их фермы я не знал — если они всё ещё на ферме. Да и в справочниках он наверняка не числился. Я надеялся, что снова раздастся звонок. Надеялся и боялся.

У Пало-Верде, где дорога приблизилась к шоссе штата, движение стало более плотным. Уже миновала полночь, я делал не больше тридцати миль в час. Клонило ко сну. Я нуждался в отдыхе. Но останавливать машину и спать в ней — благодарю покорно. Я проехал мимо нескольких стоящих на обочине машин. Каждую из них выпотрошили, все они зевали в небо распахнутыми багажниками.

К югу от мелкого городка по имени Рипли фары

на мгновение высветили старый выцветший щит мотеля, к которому ответвлялась двухполосная дорога с разбитым покрытием. Я свернул и через пять минут оказался у ворот компаунда, который действительно сильно смахивал на мотель. Двухэтажное здание изгибалось подковой вокруг плавательного бассейна, казавшегося пустым под мигавшим небом. Я вышел из машины и нажал на кнопку звонка.

Ворота управлялись дистанционно, с какого-то пульта, находящегося в здании. С высокого шеста за воротами на меня уставилась видеокамера величиной с ладонь. Вмонтированный в столб ворот динамик вдруг щёлкнул, зашипел, и я услышал доносящуюся откуда-то из коридора или погреба мотеля еле слышную музыку. Затем её заглушил грубый металлический мужской голос. Весьма недружественный:

— Сегодня приёма нет.

Я подумал секунды три и снова нажал на кнопку. Голос вернулся.

— Я что-то неясно разъяснил?

— Заплачу наличными, — решительно заявил я. — Торговаться не буду.

— Нет-нет, сожалею, но это исключено.

— Слушайте, подождите… Я могу остаться в

машине, во дворе, просто чтобы не торчать всю ночь на дороге. Может быть, за дом заеду, чтобы только с дороги не было видно, а?

Пауза. Я расслышал трубу, оттеснившую малый барабан.

— Нет. Сегодня — нет. Проезжайте.

Молчу. Стою, не двигаюсь. В пальмах и кустах надрываются кузнечики. Снова жму на кнопку. На этот раз ответ следует сразу же:

— Слушай, парень, мы тут вооружены и раздражены. Катился бы ты отсюда…

— «Harlem Air Shaft».

— Как?

— Музыка. Эллингтон. Пятидесятые прошлого века.

Ещё пауза. Долгая, но динамик не выключается.

Я почти уверен, что не ошибся, хотя Дюка Эллингтона не слыхал уж сколько лет. Затем музыка оборвалась на полузвуке.

— Кто-нибудь ещё в машине?

Я опустил стекло и включил верхний свет. Камера на шесте вильнула, клюнула машину и вернулась ко мне:

— Ишь ты. О’кей, скажи, кто на трубе играл, и я тебя впущу.

Труба… Когда я вспоминал оркестр Эллингтона пятидесятых, на ум всегда приходил Пол Гонсалвес, но Гонсалвес — сакс. Труба… Трубачей там… Сколько? Кэт Андерсон? Вили Кук? Молчание затягивалось.

— Рэй Нэнс.

— Шиш. Кларк Терри. Ладно уж, заезжай.

* * *

Я въехал, и хозяин вышел навстречу. Длинный парень лет сорока в джинсах и в клетчатой рубахе навыпуск. Он внимательно меня оглядел:

— Не обижайся, но, когда это случилось впервые, — он ткнул большим пальцем вверх, в небо, пожелтевшее от сгустившихся сполохов, — и закрыли границу в Блайзе, люди у меня дрались за комнаты. Буквально дрались. На этом самом месте пара-другая дурней грозили мне стволами. Я потратил на ремонт и уборку вдвое больше, чем в ту ночь заработал. Пьянки, пьяные драки, всё заблёвано, разбито, загажено… А на десятке что творилось! Ночного портье в «Дэйз Инн» под Эренбергом прирезали насмерть, на месте умер. После этого я соорудил забор. И теперь, когда эти штуки начинают сверкать, я выключаю рекламу и запираюсь.

— И слушаешь Дюка.

Он улыбнулся. Мы зашли внутрь, он открыл книгу регистрации:

— Дюка, Попса, Диз-Майлза… Смотря по настроению. — Как настоящий знаток-любитель, он упоминал усопших корифеев как старых знакомых, по первым именам. — Ничего после этак 1965-го.

Я огляделся. Скудно освещённый холл обставлен и оклеен в духе древнего «Дикого Запада», но из приоткрытой двери во внутреннее святилище — я понял, что он обитает за этой дверью, — доносилась всё та же тихая музыка. Он проверил мою кредитную карточку:

— Доктор Дюпре. Я Аллен Фултон. В Аризону?

Я сообщил, как свернул с «Интерстейт» у границы. Он кивнул и вздохнул:

— Только на десятке лучше не будет. В такие ночи кажется, что всё население Лос-Анджелеса рванулось вон. Как будто землетрясение там или цунами с океана.

— Что делать. Ехать-то надо.

Он вручил мне ключ:

— Поспи, отдохни. В любое время лучший совет.

— Карта устроит? Могу наличными.

— Сойдёт и карта, пока мир стоит. А если рухнет, то какая разница?

Он рассмеялся. Я попытался улыбнуться.

Через десять минут я, скинув лишь пиджак, растянулся на жёсткой койке в комнате, дезодорированной антисептиком и чрезмерно увлажнённым кондиционированным воздухом, размышляя, не лучше ли было остаться на дороге. Телефон положил рядом, смежил веки и мгновенно заснул.

* * *

И проснулся часом позже, не понимая, отчего.

Уселся, оглядел комнату. Серые силуэты на фоне тьмы памяти. Взгляд поблуждал, набрёл на прямоугольник окна, зацепился за него… Когда я вошёл в эту комнату, жёлтый занавес подсвечивался снаружи вспышками небесного фейерверка.

Но фейерверк погас.

Казалось бы, условия для сна и отдыха только улучшились. Но я чувствовал, как говорится, «нутром чуял», что ни о каком сне не может быть и речи. Я легко загнал свой сон в корраль, но он, как необъезженный бронко, перемахнул через изгородь, и теперь его больше не изловишь.

Я обнаружил в номере маленькую кофеварку-перколятор, заварил чашку, выпил. Через полчаса снова глянул на часы. Стрелка, испугавшись чего-то, застряла на без пятнадцати два и дальше двигаться не желала. Самая гуща ночи. Зона утраты объективности. Хоть сейчас под душ и снова в путь.

Я оделся, проследовал пустым коридором в холл, чтобы оставить ключ, но… Фултон так и не ложился. Он сидел перед телевизором в задней комнате и высунул голову, заслышав мои шаги. Странно он выглядел. Не то поддал, не то накурился. Или что-то его безмерно поразило.

— Не спится, док?

— Не хотел шуметь среди ночи, но надо поторапливаться. Спасибо за гостеприимство.

— Что ж тут объяснять. Всего наилучшего. Желаю добраться до зари.

— Тоже надеюсь.

— Мне от экрана не оторваться.

Я вдруг перестал понимать, о чём он.

— Звук я убавил, чтоб не разбудить Джоди. О Джоди я не говорил? Дочка. Ей десять. Мать её живёт в Ла-Холла с мужиком, который мебель чинит. Летом Джоди живёт у меня. В глуши, в пустыне. Ужас, как считают некоторые.

Я не знал, как реагировать.

— Не хочу её будить. — На лице его вдруг появилось сомнение. — А может, стоило бы? Или пусть спит, пока может… Или надо всё же разбудить… Ведь она их никогда не видела, а ей уже десять. Наверное, последний шанс.

— Прошу прощения, я не понимаю…

— Они сильно изменились. Не такими я их помню. Я, конечно, не знаток, но раньше здесь… Ночь научит в них разбираться.

— В чём?

Он поднял брови:

— В звёздах.

* * *

Мы вышли во двор, к пустому бассейну. Водой его не заполняли уже давно. Дно покрывала рябь надутого туда песка, стенки разукрасили какие-то любители увековечиваться на всех доступных поверхностях. Ветер трепал звякавшую о металлическую сетку табличку с предупреждением об отсутствии при бассейне штатного спасателя. Тёплый восточный ветер. Звёзды.

— Видишь? Совсем другие. Старых созвездий как не бывало. Как будто кто-то всё перемешал… рассыпал.

Несколько миллиардов лет рассыпали звёзды. Всё стареет, даже небо. Всё устремилось к максимуму энтропии, к хаосу, к беспорядку. Три миллиарда последних лет нашу галактику трясли какие-то неведомые силы, смешали её содержимое со звёздами меньшей спутниковой галактики M41 (по старым каталогам). Как будто в небе хозяйничала бесцеремонная лапа времени.

— Что, проняло тебя, доктор Дюпре? Может, присядешь?

Да, он прав. Ноги не держали. Не отрывая взгляда от неба, я сел на резину, покрывающую край бассейна, свесил ноги к мелкому концу его «лягушатника».

Небо. Никогда я ещё не видел его столь прекрасным. И столь устрашающим.

— Скоро рассвет, — печально произнёс Фултон.

Здесь. Но над Атлантикой солнце уже выглянуло из-за горизонта. Но сказать об этом я не успел. Из тени у двери послышался тонкий голосок.

— Пап, я тебя слышу. — Джоди проснулась. Она нерешительно подходила ближе. Белая пижама, незашнурованные кроссовки. Широкое, не красивое, но симпатичное личико с заспанными глазами.

— Иди сюда, не бойся. Влезай ко мне на плечи,

посмотри на небо. — Фултон усадил дочурку себе на шею и замер, придерживая её за лодыжки, приблизив к звёздам.

— Видишь? Сегодня далеко видно, Джоди. Очень далеко, до конца чего угодно. До конца всего.

Он улыбался, хотя по щекам его катились слёзы.

* * *

Я вернулся, чтобы послушать новости. Фултон сказал, что на кабельных каналах вещание круглосуточное. Мерцание прекратилось час назад. Просто исчезло, прихватив с собою Спин-оболочку. Как «Спин» начался, так и завершился, без фанфар, без шума, если не считать необъяснимых радиошумов, доносящихся с освещённой Солнцем стороны планеты.

Солнце.

Три с лишним миллиарда лет назад оно исчезло за оболочкой «Спина». Я попытался вспомнить, что Джейс говорил о нынешнем состоянии светила. Смертельно, это ясно, зона безопасности давно убежала от нас, об этом все знали. Кипящие океаны — любимый штамп прессы. Но когда мы поджаримся? Утром, к полудню, через неделю?

Собственно, велика ли разница?

Я вернулся в свой номер, включил видеопанель, нашёл Нью-Йорк. Паника ещё не разразилась, народ в массе своей спал, а проснувшиеся и увидевшие звёзды сделали свои выводы и приняли свои меры. Редакция телеканала, к которому я подключился, в пароксизме журналистского героизма выставила камеру, направленную к океанскому горизонту, на крыше, на Тодт-хилл, на острове Стейтен-Айленд. Восточный горизонт уже светлел, но солнце ещё не показалось. Пара взбудораженных дикторов читали друг другу свежеполученные бюллетени.

По их словам, с Европой связь после прекращения мерцания не восстановилась вследствие ионосферных возмущений и сбоев в работе связной электроники. Поэтому предполагать худшее пока нет никаких оснований.

— Как всегда, пока не представлено официальное мнение, лучше всего оставаться на местах и слушать наши сообщения. По возможности оставайтесь дома, уважаемые телезрители, — воззвал к аудитории один из дикторов.

— Сегодня, как никогда, — добавил его партнёр, — люди хотят видеть своих близких, членов своих семей.

Сидя на краю койки, я дождался восхода солнца.

Вот высотная камера засекла край алого облака, как будто всплывшего над маслянистой поверхностью Атлантики. Облако превратилось в бурлящую дугу, и объектив прикрыл оптический фильтр, чтобы убрать ореол.

Размер представить, конечно, затруднительно, да и цвет, возможно, искажался камерой, но солнце казалось чрезмерно вспухшим светящимся воздушным шаром красно-оранжевого цвета. Оно всплыло над океаном, над Куинсом, над Манхэттеном.

Я ждал дальнейших комментариев, но взошедшее солнце вдруг сменилось студией на Среднем Западе, в которой какой-то дежурный репортёр, явно не диктор и не модератор, сбивчиво увещевал публику сохранять спокойствие.

Я выключил коммуникационную панель, подхватил чемодан и медицинский саквояж и отправился к машине.

Фултон и Джоди вышли меня провожать. Оба ощущали себя моими старыми друзьями и не хотели со мной расставаться. Джоди почему-то выглядела испуганной.

— Джоди разговаривала с матерью, — объяс-

нил мне Фултон. — Та о звёздах не слыхала, как я полагаю.

Я старался не думать об этом предутреннем звонке. Джоди из пустыни звонила, чтобы сообщить матери то, что та мгновенно восприняла как надвигающийся конец света. Конечно же, мать постаралась проститься с дочерью, не пугая её, защищая от страшной правды.

Джоди прижималась к отцу, тот обнимал её рукою за плечи, олицетворение нежности и привязанности.

— Вам надо уезжать?

Я заверил её, что мне очень надо уехать.

— А то вы можете остаться. Папа сказал.

— Мистер Дюпре врач, — объяснил Фултон. — Его, наверное, ждёт больной.

А ведь так оно и было.

* * *

В восточном направлении на дорогах в это утро происходило нечто, напоминавшее чудо. Многие ведут себя в заведомо последние свои часы непристойно. Мерцание, забравшее с собой Спин-оболочку, практически все восприняли как генеральную репетицию перед последним ударом неумолимого рока. Кто из нас не вслуши-

вался с замиранием сердца в зловещие прогнозы: вспыхнувшие леса, обжигающе жаркий воздух, кипящие водоёмы… Неясным оставалось лишь день или неделя — на сколько растянется мучение и как скоро подоспеет на помощь смерть.

И потому разбивались витрины и изымалось из них то, что приглянулось, руки тянулись к тому, чем обделила жизнь; мужчины бросались на женщин, иные из них обнаруживали, что сдерживающие факторы перестали действовать и на жертв, так что не одну мошонку сокрушили колени и когти внезапно обретших силу и решимость представительниц «слабого пола». Старые счёты сводились при помощи пистолетов, выстрелы трещали по малейшему поводу и без повода. Самоубийствам потеряли счёт. Я подумал, что Молли, если она не покончила с собой при первом же проявлении мерцания, теперь почти наверняка поставила точку, где-то в глубине души довольная тем, что её мудрый план осуществился по-задуманному. По этой причине я даже пожалел её — в первый и единственный раз в жизни.

Но не обошлось в этом море беззакония и без островков здравого смысла, вежливости и героической доброты. Один их таких островков я

обнаружил на шоссе «Интерстейт-10» на границе Аризоны.

На время мерцания к мосту через реку Колорадо выслали подразделение национальной гвардии. Гвардейцы исчезли вместе с мерцанием, не то согласно распоряжению сверху, не то и без такового, просто разбежавшись по домам. Мост в их отсутствие мог бы превратиться в затычку на шоссе, в место кровопролития.

Но не превратился. Движение гладко и спокойно протекало в обоих направлениях, управляемое дюжиной добровольцев с мощными аварийными фонарями, в штанах и куртках со светоотражением, извлечённых из багажников. И даже самые нетерпеливые, стремящиеся докатить до рассвета до Нью-Мексико, Техаса, а то и до Луизианы, если не расплавятся их моторы, даже они, казалось, понимали, что необходимо терпеть, что попытка прорваться вне очереди никчёмна. Не знаю, долго ли продлилось это состояние и какое стечение доброй воли и внешних обстоятельств его создало. Может быть, человеческий фактор поддержала благоприятная погода. Невзирая на катящуюся на нас с востока катастрофу, ночь выдалась извращённо прелестной. Россыпь звёзд в прохладном ясном небе, порывистый ветерок,

уносивший вонь выхлопа и ласкавший физиономии с материнской нежностью…

* * *

Я подумал, не остаться ли добровольцем в какой-либо из местных больниц. В Пало-Верде и Блайзе я наезжал для консультаций. Или в окружном госпитале Ла-Пас в Паркере. Но для чего? То, что надвигалось, ничем не излечишь. Морфин, героин — вот и все доступные полумеры, возможные, если больничные аптеки ещё не разграблены. Кроме того, Фултон не наврал Джоди. Меня действительно ждал пациент.

Меня гнало чувство долга. Донкихотство, конечно. Что бы там с Дианой ни приключилось, этому не поможешь. Тогда к чему этот дальний путь? Просто чтобы себя занять перед концом света. Чтобы руки не дрожали, нужно их чем-то занять. То же самое и для мозга, чтобы не впадал в панику. Однако чувство долга не объясняло ощущения срочности, желания увидеть Диану, толкнувшего меня в машину и погнавшего в дорогу, ещё когда не исчезло мерцание, и теперь, по всей видимости, лишь усилившегося.

Я миновал Блайз, пронёсся мимо спящих торговых точек и бодрствующих заправочных

станций, вокруг которых кое-где кипели страсти. Здесь небо казалось темнее, звёзды ярче. Мои раздумья прервал телефон.

Шаря в кармане, я чуть не съехал с дороги, притормозил. Мимо с воем пронёсся внедорожник.

— Тайлер, — простонал Саймон.

Прежде чем о смог продолжить, я торопливо выпалил:

— Дай мне свой номер, пока связь не прервалась.

— Нельзя. Я…

— С домашнего или с карманного звонишь?

— С карманного, но иногда его носит с собой Аарон.

— Я без крайней надобности не позвоню.

— Да ладно, теперь это не имеет значения. — Он продиктовал мне номер. — Но небо-то ты видел, Тайлер? Наверное, видел, раз не спишь. Это ведь последняя ночь мира, так?

Какого чёрта он спрашивает об этом меня! У него этих последних ночей уже три десятка лет набралось. Он большой спец в последних днях, ночах, минутах…

— Что с Дианой?

— Я хотел извиниться за последний звонок. Потому что…

— Как она?

— Я как раз об этом. Какая теперь разница…

— Она умерла?

Пауза. Долгая. Затем, обиженным голосом:

— Нет. Нет, не умерла. Но не в этом дело.

— Воспаряет выше крыши, дожидаясь Пришествия?

— Не надо оскорблять мою веру, — ещё больше обиделся Саймон, а я с невольным злорадством зарегистрировал: мою веру, сказал он, не нашу.

— Потому что, если нет, то ей всё ещё нужна медицинская помощь. Она всё ещё больна, так, Саймон?

— Да. Но…

— Ты можешь, наконец, сказать, что с ней случилось?

— Тайлер, через час взойдёт солнце. Ты, конечно, понимаешь, что это означает.

— Пока я ни хрена не понимаю и не собираюсь ни о чём гадать. Я на шоссе. И прибуду на ваше ранчо ещё до рассвета.

— О нет, нет, только не это… Нет, нельзя… Я…

— Почему? Какая разница, если всё равно конец света?

— Ты не понимаешь. Происходящее не есть просто конец мира. Это рождение мира нового…

Похоже, он настроился меня просвещать.

— Саймон, не отвлекайся от темы. Она говорить в состоянии?

Голос его дрожал. Он на грани срыва. А кто сейчас не на грани?

— Еле шепчет. Еле дышит. Страшно похудела.

— Давно? Резко?

— Не знаю… Давно началось, постепенно.

— Когда выяснилось, что она заболела?

— Да уж не одна неделя… Да нет, какая неделя… Месяц… а то и два.

— Её лечили? — Молчание. — Саймон!

— Нет.

— Почему?

— Это не казалось необходимым.

— Кому?

— Пастору Дэну.

И ты не послал его в… — подумал я.

— Надеюсь, ваш пастор Дэн изменил своё мнение.

— Нет.

— Если нет, ты должен мне помочь до неё добраться.

— Не надо, Тайлер. Это не принесёт добра.

Я уже всматривался в окрестности, искал поворот. Воспоминание смутное, но на карте я в

прошлый раз сделал отметку. Безымянная дорога через какую-то высохшую трясину.

— Она обо мне спрашивала?

Молчание.

— Саймон, Диана спрашивала обо мне?

— Да.

— Скажи ей, что я еду и скоро буду.

— Тайлер, не надо. На ранчо чёрт знает что творится. Ты не сможешь просто так, запросто заявиться.

— Чёрт знает? А я думал, у вас там только божественное. Новый мир рождается…

— Рождается в муках.

Утро и вечер одного дня

Я вкатил на холм и остановил машину вне видимости из дома Кондона. Выключив фары, сразу заметил лёгкое свечение вдоль восточного горизонта, уже затемняющее звёзды, до которых могло дотянуться.

Тут-то меня и затрясло.

Даже не пытаясь справиться с дрожью, я открыл дверцу, вывалился из автомобиля. Усилием воли собрался. Земля во тьме казалась заброшенной, утраченной. Серые холмы, превратившиеся в пустыню пастбища, длинный пологий склон к отдалённому фермерскому дому. Мескиты и окотильо дрожали на ветру, как будто меня передразнивали. Охвативший меня страх отличался от страха привычного, с которым мы все жили с воцарения «Спина», от дремавшего беспокойства разума; этот животный страх хватал за горло, сковывал мышцы и кишки. Окончательный расчёт. Выпускной праздник. Обжалованию не подлежит. Телега подана, добро пожаловать на виселицу.

Я подумал о Диане. И она так же боится, или ей для страха не хватает сил? Смогу ли я ей помочь?

Способен ли в таком состоянии?

Ветер усилился, порывисто швырялся песком в воздух. Может быть, этот ветер — первый вестник раздувшегося солнца, ветер с уже поджаренного бока планеты.

Присев на корточки, чтобы меня не смогли заметить из дома, я умудрился набрать номер, продиктованный Саймоном.

После нескольких гудков он ответил. Я плотнее прижал трубку к щеке, чтобы ветер не мешал разговору.

— Ох, не надо бы… — с ходу принялся причитать он.

— Что, задерживаю конец света?

— Я не могу говорить.

— Где она, Саймон? В какой части дома?

— А ты где?

— На холме, у дороги.

Небо светлело, западный горизонт окрасился на манер злого синяка под глазом. Главный дом уже ясно виден. За эти годы он не изменился. Зато амбар посвежел; очевидно, его подремонтировали и побелили.

Гораздо больше меня обеспокоили свежие следы земляных работ возле амбара. Засыпанная траншея. Возможно, канализационный сток.

Аппетитная тема тогдашней застольной беседы — сточная цистерна. Но не исключено, что братская могила.

— Я иду к дому.

— Нет, нет, это невозможно.

— Полагаю, что она в доме, в одной из верхних спален. Так?

— Даже если ты её найдёшь…

— Скажи ей, что я уже здесь, Саймон.

Внизу, на территории фермы, от дома к амбару двигалась человеческая фигура. Не Саймон. Не брат Аарон — разве что он потерял сотню фунтов веса.

Скорее всего, пастор Дэн Кондон. В обеих руках по полному ведру с водой. Походка спешная, торопится святой отец. Что-то в амбаре не заладилось.

— Ты рискуешь жизнью, — прошептал Саймон.

Тут я не выдержал, расхохотался. Не смог сдержаться:

— Ты в амбаре или в доме? Кондон в амбаре, так? Где Сорли и МакАйзек? Как мне на них не нарваться?

Я почувствовал, что кто-то коснулся моего затылка, как будто тёплой рукой. Обернулся…

Меня коснулась рука солнца. Край его всплыл над горизонтом. Мой автомобиль, валуны, щетина окотильо — всё, торчавшее над поверхностью, обзавелось длинными фиолетовыми тенями.

— Тайлер, Тайлер, тебе не пройти. Тебе надо…

Голос Саймона исчез в треске помех. Солнце, должно быть, уже расправилось с аэростатом-ретранслятором. Я автоматически ткнул пальцем в кнопку повтора, но тщетно… Телефон умер.

Скрючившись на холме, я наблюдал за солнцем, пока оно не выползло из-за горизонта на три четверти. Ржаво-оранжевый диск казался непропорционально громадным, поверхность его испещряли фурункулы тёмных солнечных пятен. Время от времени песчаные джинны пустыни затемняли светило.

Я встал. Живой или уже зажаренный? Не знаю. Может, получивший смертельную дозу радиации, даже этого не заметив. Жара вполне выносимая, пока что, по крайней мере, но что происходит во мне на клеточном уровне, в моём пронизываемом смертоносными излучениями организме? Безоружный и пока что неповреждённый, я выпрямился во весь рост и направился к дому по плотно укатанной дороге, не скрывая своего присутствия. Дошёл я почти до крыльца, с

которого навстречу мне с поразительной для его сложения прытью соскочил братец Сорли и приложился к моему виску прикладом охотничьей двустволки.

* * *

Не убил меня брат Сорли, возможно, потому, что не хотел брать греха на душу в канун Второго Пришествия. Вместо этого он заволок моё обмякшее тело наверх и запер в одной из спаленок.

Часа через два я уже смог усесться, не опасаясь, что меня стошнит.

Когда головокружение, наконец, позволило мне встать, я подковылял к окну, отодвинул жёлтую штору. Солнца не увидел, оно висело за домом, землю и амбар заливал хищный оранжевый свет. Воздух жестоко горячий, но возгораний я нигде не заметил. Кот, местный обитатель, не обращая внимания на небесные явления, лениво лакал стоялую воду из канавы в тени. По его поведению можно было понять, что он полон решимости встретить вечер этого дня в добром здравии. Отсюда я сделал вывод, что у меня тоже есть шанс дожить до заката.

Я обследовал рамы древнего подъёмного окна. Мало того что оно заперто — ручки или петли

отсутствовали, противовесы заклинены, рама за многие десятилетия закрашена многими слоями краски. Впрочем, спрыгнуть с такой высоты всё равно слишком рискованно.

Мебели в комнате, если не считать кровати, никакой; ничего, что можно было бы использовать в качестве инструмента. Лишь в кармане бесполезный телефон.

Единственная дверь кажется монолитом толстого дерева, взломать её нечего и думать. Диана может быть в паре ярдов, даже за стенкой, а что проку? Положение совершенно безнадёжное.

Но даже мысленное усилие вызвало у меня головокружение и тошноту, боль в виске, к которому приложился прикладом братец Сорли. Пришлось снова лечь.

* * *

После полудня ветер стих. Я снова поковылял к окну и увидел высунувшийся из-за дома и ангара край солнечного диска, настолько здоровенного, что странным казалось, как он держится в небе. Подпрыгни — и достанешь.

Воздух в комнате постоянно нагревался, измерить его температуру я не мог, но за сотню по Фаренгейту она перевалила с гарантией. Конеч-

но, чересчур для нормальной жизни, однако не смертельно. Мгновенная смерть, во всяком случае, не грозит. Хотелось поговорить с Джейсоном насчёт термодинамики выпаривания человечества. Он бы изобразил процесс графически, нарисовал бы диаграмму вымирания.

Раскалённая земля дышала жаром.

Дэн Кондон несколько раз пересёк двор. Его легко можно было распознать в резком солнечном свете, человека из века девятнадцатого, с подстриженной чёрной бородой, безобразным изрытым оспинами лицом. Линкольн в синих джинсах, длинноногий, целеустремлённый. Он не поднял головы, даже когда я заколотил по стеклу.

Стучал я и по стенкам, надеясь на ответ Дианы. Но ответа не дождался.

Снова приступ головокружения, снова на кровать, в раскалённом воздухе непроветриваемой комнаты, обливаясь потом.

Заснул… или потерял сознание.

* * *

Очнувшись, подумал, что комната вспыхнула, но впечатление пожара возникло не от огня, а от страшной жары и невероятно яркого заката.

Снова к окну.

Солнце уже коснулось восточного горизонта и быстро опускалось. В темнеющем небе клубились тёмные облака. Скудная влага, взмывшая в небо от иссушённой земли. Автомобиль мой кто-то доставил с холма и припарковал слева от амбара. Ключи, без сомнения, забрал. Бензина в баке всё равно воробью по колено.

Но день-то я прожил. Мы прожили день. Я и Диана. И, без сомнения, миллионы кроме нас. Значит, апокалипсис предстоит медленный. Мы изжаримся постепенно. Или из-за разрушения земной экосистемы.

Распухшее светило, наконец, исчезло. Температура, казалось, мгновенно упала на десяток градусов.

В небе показались первые звёзды.

Кормить меня никто не собирался, страшно мучила жажда. Может быть, Кондон намеревался держать меня взаперти, пока я не умру от обезвоживания организма. Или же просто забыл обо мне. Что может происходить в мозгу у такого, как пастор Дэн, для меня оставалось тайной; его мании и фобии явно относились к области психиатрии, его бы с этими глубинными тайнами к Малмстейну на обследование…

В комнате стемнело. Ничего электрического в ней, кроме телефона в моём кармане, не содержалось. Где-то снаружи, однако, застрекотал мотор генератора, из окон первого этажа на землю упали прямоугольники света, свет проникал и из ворот амбара.

Утомлённый тьмой, я вынул из кармана телефон и вяло нажал на выключатель, просто чтобы полюбоваться свечением экрана.

Однако первое движение подсказало последующие.

* * *

— Саймон? — Молчание. — Саймон, слышишь меня?

Молчание. Затем какой-то жестяной, как будто машинный голос:

— Ты меня до полусмерти перепугал. Я думал, телефон сломался.

— Ночью, видишь, работает.

Солнце забило своими помехами наш предыдущий разговор, но, выходит, не окончательно вывело из строя аппаратуру аэростатов, хотя полоса пропускания явно сузилась, голос Саймона сильно искажался. Но главное — связь, хоть какая-то связь с миром.

— Я сожалею о том, что произошло, но я ведь предупреждал. Мне не до объяснений.

— Ты где? В амбаре или в доме?

Пауза.

— В доме.

— Я торчу у окна весь день, но ни жён, ни детей не видел. И Тедди МакАйзека тоже не видел. Что с ними?

— Они уехали.

— Ты уверен?

— Что за вопрос! Конечно, уверен. Диана не единственная, кто заболел. Но она слегла последней. Первой свалилась младшая дочка Тедди МакАйзека. Потом его сын. Потом сам Тедди. Когда выяснилось, что все они, и особенно его дети, болеют очень серьёзно и не поправляются, мы погрузили их всех в пикап и отправили с женой пастора Дэна.

— Когда?

— Да уж не один месяц… Жена Аарона с детьми тоже не долго после этого продержалась. Вера в них ослабела. Ну и боялись они что-нибудь подцепить, заразиться.

— Ты видел, как они уезжали? Ты уверен, что они уехали?

— Конечно, уверен.

— Траншея возле амбара здорово смахивает на могилу.

— А, это… Да она и есть могила. Там скотина зарыта.

— Какая скотина?

— Длинная история. Есть в Сьерра-Бонита такой богатый парень, Босуэлл Геллер, друг нашего «Иорданского табернакла» с давних времён. Личный друг пастора Дэна. Он выводил красных тёлок, но департамент сельского хозяйства начал в прошлом году расследование, нагнали к нему агентов… И как раз когда он добился таких успехов! Босуэлл и пастор Дэн хотели создать красных телиц из пород разных стран, разных континентов, потому что это символизировало бы обращение язычников. Пастор Дэн цитирует книгу Чисел, девятнадцатую главу, там об этом, о чистой рыжей телице, рождённой в конце времён, из пород разных континентов, отовсюду, где проповедовалось Евангелие, Благая Весть Иисуса Христа. Жертвоприношение как буквальное, так и символическое, и то и другое сразу. Если по Библии, то пепел всесожжения телицы очищает осквернённого. Но в конце времен солнце пожрёт телицу, испепелит её, пепел развеется по всему земному шару, очистит всю землю, очистит её от

смерти. Вот это-то сейчас и происходит. Послание святого апостола Павла «К евреям», девятая глава: «Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принёс Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!»

— И вы держали этот скот здесь?

— Ну, не весь, конечно. Пятнадцать производителей успели спасти, вывезли, прежде чем департамент сельского хозяйства лапу наложил.

— После этого и начали болеть люди.

— Да. И не только люди. Скотина тоже. Для них и траншею вырыли. Все издохли, кроме трёх из первого стада.

Стало быть, амбар оказался коровником.

— Слабость, нетвёрдая походка, потеря веса перед смертью?

— Да… Откуда ты знаешь?

— Симптомы СПАССА. Переносчики болезни — копытные. Коровы. Эту же дрянь подцепила и Диана.

Молчал он долго. Потом, наконец, заговорил:

— Мне нельзя с тобой разговаривать.

— Я наверху, в запертой спальне.

— Знаю.

— Тогда выпусти меня.

— Не могу.

— Почему? За тобой следят?

— Я не могу тебя выпустить. Я не имею права с тобой даже разговаривать. Кроме того, я занят, Тайлер. Я готовлю ужин для Дианы.

— Значит, у неё ещё хватает сил, чтобы есть.

— Чуть-чуть. С моей помощью.

— Выпусти меня. Никто не узнает.

— Нельзя.

— Ей нужен врач.

— Я бы не смог тебя выпустить, если бы даже захотел. Ключи у брата Аарона.

Я обдумал ситуацию, потом сказал:

— Когда будешь её кормить, дай ей телефон. Ты говорил, что она хотела со мной поговорить.

— Она иногда говорит то, чего не думает.

— И ты полагаешь, это как раз такой случай?

— Всё, больше нельзя, всё, всё.

— Оставь ей телефон. Саймон! Саймон!

Конец связи.

* * *

Снова у окна, коротаю время, наблюдая за небом и двором.

Пастор Дэн с двумя пустыми вёдрами из амбара к крыльцу — потом обратно с теми же вёдрами, но наполненными чем-то жидким и горячим. Через несколько минут за ним проследовал Аарон Сорли.

В доме, кроме меня, лишь Диана и Саймон. Может, он её уже и кормит.

Рука сама тянется к телефону, но я сдерживаю позыв, заставляю себя выждать, дать воздуху поостыть. Слежу за амбаром. Судя по свету, вырывающемуся наружу из открытой двери его ворот и сквозь щели в дощатой забивке проёмов, внутри он освещён обильно. Судя по вниманию, оказываемому амбару пастором Дэном, там происходит нечто для него важное. Что — Саймон мне не сказал.

Мои часы отсчитали час.

Потом я услышал скрип двери, шаги на ступенях крыльца, и к амбару прошёл ещё и Саймон.

Головы он не поднял.

И из амбара сразу не вышел, остался внутри с Дэном и Аароном. Если телефон при нём и если он настолько лопух, что поставил его на звуковой вызов, то, позвонив, я мог подвергнуть его опасности. Но избегать риска причинить неудобство Саймону, когда на карту поставлена жизнь

Дианы… И пусть расплачивается за то, что не оставил ей телефон.

Зато если телефон у Дианы…

Я послал вызов.

— Да, — прошептала она еле слышно и сразу же, с вопросительной интонацией снова: — Да?

Этих двух «да» хватило для подтверждения диагноза:

— Диана, это я, Тайлер.

— Тайлер… Тай… Саймон сказал, что ты можешь позвонить.

Я с трудом разбирал её слова. Они звучали бессильно, грудная клетка почти не принимала участия в дыхании. Полностью соответствует этиологии СПАССА. Болезнь поражает сначала лёгкие, затем сердце. Чётко, как по стратегическому наступательному плану прусского генштаба. Поражённые лёгкие, забитые пеной, дают меньше кислорода, голодающее без кислорода сердце менее эффективно перекачивает кровь. Бактерии СПАССА пользуются слабостью организма и оккупируют ткани организма с каждым вздохом больного.

— Я совсем рядом, Диана.

— Рядом… Я тебя увижу?

Дырку бы прогрыз в стене.

— Скоро увидишь. Тебя нужно отсюда забрать. Тебе нужна медицинская помощь. Мы тебя вылечим.

В трубке судорожное дыхание. В сознании ли она? Но вот снова её голос:

— Как будто я видела солнце.

— Но это не конец света, Диана. Пока что не конец.

— Нет?

— Нет.

— Саймон…

— Что?

— Его это разочарует.

— Диана, твоя болезнь называется СПАССА. Почти наверняка то же самое, что и у семьи МакАйзеков. Они вовремя уехали. Болезнь излечима. — Конечно, я не добавил «до определённого момента» или «пока она не достигла стадии необратимых изменений в организме». — Но надо забрать тебя отсюда.

— Я по тебе скучала.

— Я тоже по тебе скучал. Ты поняла, что я тебе сказал о болезни?

— Да.

— Ты готова уехать?

— Если время придёт…

— Время уже куда как приспело. Пока отдыхай. Но нужно спешить. Понимаешь, Диана?

— Саймон… Разочаруется.

— Отдыхай и…

Но закончить я не успел.

Тяжёлые шаги, в замке повернулся ключ. Я захлопнул телефон и сунул его в карман. Дверь открылась, в проёме возник Аарон Сорли, вооружённый всё той же двустволкой. Он пыхтел, как будто по лестнице бежал бегом. Силуэт его подчеркивало тусклое освещение прихожей.

Я попятился и упёрся спиной в стену.

— У вас там… на номере, на машине…. Что вы врач. Так?

Я кивнул.

— Тогда пошли.

* * *

Сорли провёл меня вниз, затем наружу через заднюю дверь и двинулся к амбару.

Над восточным горизонтом поднялась трёхчетвертная луна, янтарная, соответственно теперешнему рыжему солнцу. Ночной воздух свеж, прохладен, дышал бы да дышал. Дыхание, впрочем, перехватило сразу же, как только Сорли распахнул передо мной дверь амбара. Оттуда

шибанул грубый животный дух крови и навоза, воняло скотобойней и скотопригонным двором.

— Смелее, смелее. — И Сорли придал мне ускорение толчком верхней конечности.

Амбар освещался мощной галоидной лампой, висевшей с вопиющим нарушением всех норм и правил без арматуры, непосредственно на шнуре, да ещё и скрученном из обрывков разномастных проводов. Лампа угрожающе нависала над открытым стойлом. Где-то в отдалении гудел генератор, мотор его надрывался, как будто кто-то дал полный газ мотоциклу.

Дэн Кондон стоял у стойла-загона, мыл руки в горячей воде. Он глянул на меня и нахмурился. Лицо его по-прежнему поражало своими рельефами, подчёркнутыми мощным светом, исходящим из одной точки, но выглядел он вовсе не устрашающе. Как-то ссохся, может быть, даже уже ощущал первые признаки подхваченного у своих любимых тёлок СПАССА.

— Дверь закрой, — буркнул он.

Аарон захлопнул дверь. Саймон стоял в двух шагах от Кондона, нервно поглядывая на меня.

— Подойдите, — приказал мне Кондон. — Нам нужна ваша помощь. Может, и ваш медицинский опыт пригодится.

В загоне на куче грязной соломы лежала тощая корова, пытающаяся выдавить из себя телёнка.

Костлявая туша коровы обмякла на соломе. Её задранный хвост соединяла с шеей бечёвка — чтобы не путался под руками родовспомогателей. Из вульвы вылез амниотический мешок, а солому под задней частью коровьего тела обильно орошала кровавая слизь.

— Но я не ветеринар, — сказал я, постаравшись придать голосу максимально миролюбивое звучание.

— Подозреваю, — спокойно произнёс Кондон. Однако глаза его сверкали лихорадочно, мне показалось, что внутренне он близок к панике, что выглядит он как гостеприимный хозяин, неудачно устроивший праздничный приём. Гости ведут себя по-свински, соседи жалуются, пустые бутылки летят из окон как гаубичные снаряды… — Нам сейчас любая помощь к месту.

Всем, что я знал о разведении скота, я обязан Молли Сиграм, её рассказам о жизни на родительской ферме. Истории эти отнюдь не оставили в моей памяти впечатления пасторальной идиллии. Однако Кондон располагал здесь, в амбаре, всем, что мне казалось необходимым. Под рукой горячая вода, средства для дезинфекции, акушер-

ская цепь, большая бутыль минерального масла, на которой уже отпечатались окровавленные пятерни.

— Она смесь как минимум трёх пород, — сообщил Кондон не то мне, не то самому себе. — Ангельн, датская красная и белорусская красная. Это ближайшие и основные. А чем больше смешано пород, тем больше риск дистоции. На это часто жаловался брат Геллер. Дистоция — осложнённые роды. Скрещённые особи рожают труднее. Уже четыре часа мучается. Придётся извлекать плод.

Кондон произнёс всё это монотонно, как будто учитель перед классом недоразвитых детишек. Кто я и как там оказался, не имело значения. Но, как он уже отметил, ему нужны были помощники.

— Воды, — сказал я.

— Вон вода. — Кондон указал на ведра.

— Нет, не для мытья. Для питья. Я со вчерашнего дня ничего не пил.

Кондон, казалось, не сразу сообразил, о чём я. Потом кивнул и сказал, не поворачивая головы:

— Саймон, обеспечь.

Саймон кивнул — было похоже, служил им мальчиком на побегушках.

— Сейчас, Тайлер, принесу, — сказал он и направился к выходу. Сорли открыл дверь, выпустил его.

Кондон вернулся к загону. Вокруг роженицы роились мухи, с десяток их опустились на плечи Кондона. Не обращая на них внимания, он налил на ладонь минерального масла, смазал руки и присел, чтобы расширить родовой канал. На физиономии пастора Дэна читались усердие, раздражение, отвращение. Едва он прикоснулся к корове, как та напряглась, из влагалища хлынула кровавая жижа и показалась голова телёнка. Плод для такой коровы явно оказался слишком велик. Молли рассказывала о таких случаях. Лучше, конечно, чем тазовое предлежание, но всё же осложнение.

Корова к тому же еле дышала, изо рта её сочилась гнусная зеленоватая слизь. Я подумал, стоит ли обратить на это внимание Кондона, но счёл за лучшее промолчать. Божественный плод коровы, конечно, родится уже заражённым.

Но не об этом думал пастор Дэн, глава отколовшегося крыла «Иорданского табернакла», съежившегося до двух прихожан, Саймона и Сорли. Я подумал, насколько укоренилась в нём вера, чтобы поддерживать его до самого конца

времён. Явно нервничая, он воскликнул:

— Красный, красный телёнок, Аарон! Смотри!

Аарон Сорли, всё ещё торчавший с ружьём возле ворот, вошёл в загон. Пригнулся. Телёнок, разумеется, красный. Весь в крови. И вялый, неподвижный.

— Дышит? — спросил Сорли.

— Задышит, — уверенно изрёк Кондон. Он явно отвлёкся от прозаического окружения, видел перед собою не умирающую корову и мертворождённый плод, а сонмы ангелов Царствия Небесного. — Цепи на бабки, быстро.

Сорли бросил на меня предостерегающий взгляд, и я понял, что лучше помалкивать. Мы принялись за работу, почти сразу по локоть измазавшись кровью. Потуги ветеринаров при вытягивании крупного телёнка отдают одновременно жестокостью и курьёзностью. На помощь физиологии приходит грубая сила двоих — по меньшей мере — здоровых мужчин, тянущих за акушерские цепи. Тянуть следует в такт с потугами роженицы, иначе плоду угрожает разрыв тканей.

Но мамаша от слабости совершенно не могла тужиться, а плод — голова его болталась, как будто подвешенная на верёвке, — казался явно

мертворождённым.

Я вопросительно глянул на Сорли, тот, всё так же мрачно, на меня. Мы молчали, а Кондон приговаривал:

— Первым делом вытащим, а потом оживим, оживим…

От двери потянуло холодком. Саймон вернулся с бутылкой питьевой воды. Он остановился у двери, глазея на нас, на обессилевшую корову, на полувытащенный из неё мёртвый плод.

— Я воду принёс, — выдавил он нерешительно.

Корова окончательно выдохлась, потуги прекратились. Я отпустил цепь.

— Иди, сынок, напейся. Потом продолжим.

— Надо хоть руки вымыть.

— Ну и вымой. Только поживей.

Я сполоснул и дезинфицировал руки. Сорли исподлобья внимательно следил за мной. Он цепь не выпустил, но ружьё стояло у изгороди, стоило лишь руку протянуть.

Я подошёл вплотную к Саймону и, принимая бутылку, прошептал ему:

— Диане ничем не поможешь, пока она здесь. Надо увезти её отсюда. Понимаешь? И без твоей помощи я этого сделать не смогу. Нам нужна надёжная машина с полным баком, и лучше бы

погрузить туда Диану, прежде чем Кондон поймёт, что телёнок мёртв.

Саймон ахнул:

— Умер? — Слишком громко, но ни Сорли, ни Кондон, казалось, ничего не заметили.

— Телёнок не дышит, — всё тем же шёпотом сообщил ему я. — Корова тоже скоро его догонит.

— Но красный? Он красный? Без пятен?

— Саймон, очнись! Пусть он красный, как пожарная машина, но Диане-то от этого не легче.

Он глянул на меня, как дошкольник, которому сообщили, что сбежал его любимый щенок. Куда девалась его былая безграничная самоуверенность, когда он обменял её на застывшую в глазах перманентную удивлённость? Случилось ли это разом, или радость покидала его, как песок пересыпается из верхней половины песочных часов, тонкой струйкой?

— Спроси её, хочет ли она уехать, — не ослаблял я напора.

Если она ещё в состоянии отвечать. Если она ещё помнит, что я с ней разговаривал.

— Я люблю её больше жизни, — прошептал Саймон. В глазах его выступили слёзы.

— Скорее сюда! — крикнул Кондон.

Я выглотал уже половину бутылки. Свежая

чистая вода — лучший напиток на всей планете.

И вот я уже рядом с Сорли, под управлением Кондона, приспосабливаясь к предсмертным судорогам коровы, мы вытягиваем из неё погибшего телёнка.

* * *

Завершили мы эти такелажные работы около полуночи. Трупик телёнка валялся на окровавленной соломе, передние ноги подмяты под обмякшим туловищем, безжизненные глаза налились кровью.

Кондон с минуту постоял неподвижно, потом слегка повернул голову в мою сторону:

— Может быть, можете что-нибудь предпринять?

— Я не Господь всемогущий, чтобы воскрешать мёртвых, — огрызнулся я и наткнулся на предостерегающий взгляд Сорли. «Не надо растравлять ему душу», — как бы говорил этот взгляд, но угроза из него уже исчезла.

Меня тянуло к выходу. Саймон исчез час назад, когда мы ещё суетились вокруг коровы, обливаясь её кровью, уже пропитавшей солому, наши руки и одежду. В приоткрытую дверь я видел, что Саймон возится возле машины — моей машины.

Он чем-то там активно занимался, и я надеялся, что знаю, чем.

Сорли переводил взгляд с мёртвого телёнка на пастора Дэна Кондона и обратно, разглаживал бороду, забыв, что руки испачканы кровью.

— Может, сжечь его… — нерешительно протянул он. Кондон поднял на него страдальческий взгляд.

— А всё-таки… — не сдавался Сорли.

В этот момент Саймон открыл дверь. Снова потянуло прохладой. Мы обернулись. Луна над фигурой Саймона выглядела инородным телом, к небу не имеющим отношения.

— Диана в машине, — сказал Саймон. — Всё готово.

Обращался он ко мне, но смотрел на Кондона, как будто провоцируя того на реакцию. Но пастор Дэн лишь пожал плечами. Мирские заботы его не волновали.

Брат Аарон потянулся к ружью.

— Я вас остановить не могу, — сказал я ему. — Но иду к двери.

Он замер с вытянутой к ружью рукой. Казалось, он старался воссоздать последовательность событий, приведших к такой развязке. Одно за другим, шаг за шагом, как по ступенькам лестницы.

Сорли опустил руку и повернулся к пастору Дэну:

— Всё равно можно сжечь.

Не оглядываясь, я шагал к выходу. Сорли мог передумать, схватить ружье, прицелиться, выстрелить. Я утратил способность думать об угрозе.

— Может, лучше сжечь до утра. До того, как солнце взойдёт, — продолжил Сорли свой монолог.

— Садись за руль, — сказал Саймон, когда мы дошли до машины. — Бензина полный бак и две канистры в багажнике. Пищу и воду тоже взял. Ты веди, а я буду поддерживать её сзади.

Я запустил двигатель и медленно повёл машину вверх по склону, за забор, мимо освещённых лунным светом окотильо, в направлении шоссе.

«Спин»

Удалившись от ранчо Кондона на несколько миль, я остановился на обочине и велел Саймону вылезать.

— Зачем?

— Надо осмотреть Диану. Возьми в багажнике фонарь, посвети мне. О'кей?

Он кивнул и полез за фонарём.

За всё это время Диана не проронила ни звука. Она тряпкой лежала на заднем сиденье, головой на коленях Саймона, чуть дыша. Но её еле слышное сипящее дыхание меня оглушало.

Саймон вытащил фонарь, а я тем временем стащил с себя испачканную кровью одежду, сполоснулся, как мог, истратив бутылку минеральной воды и немного бензина для оттирки особо грязных пятен, затем вторую бутылку воды для полоскания. После этого натянул чистые джинсы и свитерок из багажа, пару латексных перчаток из медицинского саквояжа. Утолил жажду третьей бутылкой минералки. Поставил Саймона так, чтобы свет на Диану падал под нужным углом, и начал осмотр.

Можно сказать, что она сохраняла сознание и

могла связать слова в понятную фразу. Изможденной она оказалась чуть ли не до порогового состояния. Опасно высокая температура, учащённое сердцебиение и повышенное давление, а лёгкие при прослушивании издавали звук, как будто малый ребёнок всасывал молочный коктейль через тонкую соломинку.

Я заставил её проглотить воды, затем аспирин и ещё дал воды, запить. Вытащил шприц. Саймон насторожился.

— А это для чего?

— Антибиотик общего действия. Универсальный. — Я протёр руку Дианы спиртом, с трудом отыскал вену. — Тебе тоже вколю. И себе. Коровья кровь пропитана бактериями СПАССА.

— Это её вылечит?

— К сожалению, нет. Месяц назад вылечило бы. Но сейчас… В больницу ей надо.

— Но ты же врач.

— Врач. Но не больница.

— Может, тогда в Финикс?

О Финиксе я думал. Но всё, чему меня выучили небесные мерцания, позволяло предположить, что городская больница переполнена до отказа. Это в лучшем случае. В худшем же от неё остались лишь дымящиеся развалины. Проверить,

конечно, можно.

Я вынул мобильник и выудил из его памяти полузабытый номер.

— Куда звонишь? — забеспокоился Саймон.

— Куда надо, — урезонил его я.

Его звали Колин Хинц, мы с ним жили в одной комнате в Стоуни-Брук. Контактировали и позже. Последний раз, когда он работал в больнице Святого Иосифа в Финиксе. Пока солнце не выползло на небо, можно было попробовать.

Звонил я на его личный номер. Ответил он не сразу, с ходу заявив:

— Только если срочно.

Я назвался и сообщил, что нахожусь в часе езды и что на руках у меня тяжёлый пациент, причём вовсе мне не посторонний.

Колин устало вздохнул:

— Даже не знаю, Тайлер. Сент-Джо работает, и клиника Майо в Скотсдейле открыта, но штат у нас сократился, а загрузка — сам представляешь. О других стационарах разное сообщают, но нигде тебе особенно не светит. У нас груды недостреленных, недоломанных, недогоревших, с инфарктами, с инсультами. Если бы не кордон копов, нас бы уже разнесли по кирпичику. Что с твоим пациентом?

Я сообщил о запущенном СПАССА и надвигающейся потребности в искусственных лёгких.

— Здрассте! Где это она умудрилась подхватить СПАССА? Впрочем, какая разница. Честно, Тайлер, рад бы тебе помочь, но нечем. У меня сёстры всю ночь под охраной копов следят за сохранением очередности, начиная с парковки, и даже моя личная заинтересованность ничего не изменит. До твоей больной даже на осмотр очередь не дойдёт раньше чем за сутки. Если мы через сутки ещё в живых останемся.

— Ладно, что поделаешь. Но ведь я сам врач, мне хотя бы дыхательную трубку, кислород, физиологического раствора…

— Тайлер, не хочу показаться чёрствым, но мы тут по лужам крови шлёпаем. Спасение умирающего от СПАССА, да ещё, по твоему описанию, безнадёжного… Введи обезболивающее, дай ей умереть спокойно.

— Мне не нужно, чтобы она умерла спокойно, мне нужно её спасти.

— О'кей… Но по твоему описанию я полагал, что её спасти невозможно. — Я услышал, что моего собеседника окликают. Разговор наш проходил сопровождаемый звуковым фоном человеческого горя.

— Мне нужно довезти её живой, нужна не койка в больнице, а лекарства и материалы, — сказал я, теряя надежду.

— Тайлер, извини, но ничем не помогу. Если у тебя больше ничего, то меня тут треплют.

Я лихорадочно перебирал варианты:

— Ладно, Колин, но где-нибудь я могу разжиться хоть чем-то?

— Гм…

— Что?

— Вообще-то я бы не должен тебе этого… У нас контакт с пригородной базой чрезвычайных ситуаций. Аптечно-медицинский центр «Новапрод» на северном выезде из города. — Он дал мне адрес и описал дорогу. — Охраняется национальной гвардией. Мы оттуда снабжаемся.

— Они меня впустят?

— Я позвоню, чтобы впустили. Предъявишь что-нибудь удостоверяющее…

— Пожалуйста, Колин, буду век обязан.

— Позвоню, если линия не лопнет, чёрт бы драл эту связь.

— Если чем-нибудь смогу отплатить…

— Да чего там… Кстати, ты в «Перигелионе» работаешь?

— Больше нет, но работал.

— Не знаешь, случайно, сколько ещё эта вся тряхомудия протянется? — Это он спросил почти шёпотом, и я услышал в голосе его усталость и, кажется, страх. — Пусть бы закончилось поскорее так или иначе.

Я извинился, сказал, что не знаю и что наверняка в «Перигелионе» тоже никто ничего не знает. Он вздохнул:

— О'кей. Дурацкое состояние. Пашешь, пашешь, а, может, всё коту под хвост. Стоит ли упираться…

— Честно, сказал бы, если бы знал.

Я снова услышал чей-то нервный голос, вызывающий Колина.

— Ладно, Тайлер, всего наилучшего. Пока.

Я успел его поблагодарить, и связь оборвалась.

До рассвета ещё несколько часов.

Саймон отошёл на несколько ярдов от машины, отвернулся, глядя на звёзды, и притворялся, что не вслушивался в мои переговоры. Я окликнул его и позвал в машину:

— Поехали.

— Что-нибудь нашёл?

— Вроде бы да.

Расспрашивать меня он не стал, но перед тем, как влезть в машину, вдруг дёрнул меня за ру-

кав:

— Тайлер! Что это там, в небе?

Он указывал на западный горизонт, где примерно на пять градусов ночного неба растянулась слегка изогнутая серебристая линия. Как будто громадный ноготь процарапал в тёмном небе букву С.

— Может, конденсат. Самолёт пролетел.

— Ночью? С чего бы это…

— Тогда не знаю. Садись, садись, Саймон, надо ехать. Не будем терять времени, каждая минута дорога.

* * *

До склада мы добрались быстрее, чем я ожидал. Ещё затемно нашли указанный Колином номер в скучной промзоне. Я предъявил документы насупленному стражу у входа, он препоручил меня другому стражу. Второй сдал меня гражданскому клерку, а тот провёл в хранилище. Третий национальный гвардеец помог доволочь добытое до машины, однако, увидев Диану, побледнел и, дрогнувшим голосом пожелав нам успеха, быстро ретировался в здание.

Тут же, не включая зажигания, я приспособил к пиджачному крючку машины полевую внут-

ривенную капельницу, объяснил Саймону, как проследить, чтобы Диана во сне не смахнула её. Она даже не заметила, что я ввёл в её руку иглу.

Саймон некоторое время молчал, но, когда машина вывернула на шоссе, не выдержал.

— Она… умирает?

Я крепче сжал баранку:

— Если я смогу её вытащить, не умрёт.

— Куда мы едем?

— Домой.

— Как, в такую даль? К ней домой? К Кэрол и И-Ди?

— Точно.

— Почему?

— Потому, что я не смогу ей помочь на обочине.

— Но ведь это такая даль… Она… Да и обстановка…

— Да, дорога дальняя.

Я глянул назад. Он нежно гладил её волосы, слипшиеся от пота, свалявшиеся. Руки его, отмытые от крови, казались бледными.

— Я недостоин… Недостоин быть с нею рядом. Я виноват. Надо было уехать вместе с Тэдди.

Да, подумал я. Надо было.

— Но я верил в то, что мы делали. Может, ты

этого не поймёшь. Но дело даже не в рыжей телице, Тайлер. Я верил в осмысленность всего происходящего. В вознаграждение.

— За что вознаграждение?

— За веру. За выдержку. Потому что с самой первой встречи моей с Дианой, с первого момента меня охватила уверенность, что мы с ней представляем часть чего-то великого, даже если я этого и не в состоянии полностью постичь. Что однажды мы с нею предстанем перед троном Господним — и никак не меньше. «Не прейдёт поколение сие, не исполнив всего». Наше поколение, даже если мы сначала пошли ложным путём. То, что мы творили на сходках «Нового царства», теперь мне кажется постыдным заблуждением. Пьянство, разнузданный разврат, ложь, лицемерие… Мы отвернулись от добра. Но когда мы находились среди людей, не пытавшихся строить Царствие Небесное на земле, мир казался мельче, несовершеннее. Как будто мы оказывались вне семьи. И я говорил себе: ищи тропу чистую и простую, она поведёт тебя в верном направлении. «В терпении своём обретёте души ваши».

— В общем, «Иорданский табернакл», — подытожил я.

— «Спин» напрашивается на пророчество. Зна-

мения небесные, солнце, луна и звёзды, как в Евангелии от Луки. Ну и вот, пожалуйста. Свод небесный потрясён. Но это не… Это не…

Он поморщился.

— Как у неё с дыханием? — Вопрос излишний, я её трудное дыхание не только слышал, но и чувствовал, как будто дышал вместе с нею. Однако следовало вернуть его на землю.

— По-прежнему. — Он чуть помолчал. — Тайлер, пожалуйста, останови машину, выпусти меня.

Мы ехали на восток. Движение на шоссе оказалось на диво слабым. Колин Хипц предупредил о пробке перед аэропортом Скай-Харбор, и я его объехал. Навстречу попадались редкие легковые автомобили, но на обочине брошенные машины встречались довольно часто.

— Это ещё зачем? — строго спросил я. В зеркале заднего вида отражался Саймон, утирающий глаза кулаками. В этот момент он выглядел как десятилетний пацан на похоронах матери.

— У меня было в жизни два маяка, Бог и Диана. Я предал их. Слишком долго ждал. Она умирает.

— Вовсе не обязательно.

— Я не хочу видеть это и сознавать, что погубил её. Лучше умереть в пустыне. Останови, Тайлер.

Выпусти меня.

Небо снова светлело. Зловещее фиолетовое свечение больше всего напоминало бесполезную дугу в испорченной люминесцентной лампе и никоим образом не предвещало ничего доброго.

— Плевать, — изрёк я.

— Что? — не понял он.

— Мне плевать на твои переживания. Ты должен остаться с Дианой, потому что впереди долгая, трудная дорога, а я не могу одновременно сидеть за баранкой и следить за ней. Рано или поздно мне придётся заснуть. Если ты на это время сядешь за руль, нам не надо будет останавливаться, кроме как заправиться да отовариться. Надеюсь, найдём где. Без тебя дорога займёт вдвое больше времени.

— Это что-то изменит?

— Она очень больна, Саймон, ты не ошибаешься. Но это не значит, что она обречена. Без ухода и надёжного лечения она точно умрёт. А место, где ей можно обеспечить уход и лечение, в паре тысяч миль от нас.

— Небо и земля умирают. Мы все умираем.

— За небо и землю я не в ответе. Но дать ей умереть, если я вижу шанс, — от этого я отказываюсь.

— Завидую я тебе, — тихо сказал Саймон.
— В чём это мне можно позавидовать?
— Вере твоей завидую.

* * *

Какое-то подобие оптимизма проявлялось лишь ночью. Днём оптимизм выгорал.

Я вёл машину навстречу Хиросиме восходящего солнца, уже не думая о том, что свет его может меня убить, что добра от этого света ждать не приходилось. То, что мы пережили первый день, — для меня загадка, хотя Саймон объяснил бы это чудом. Защитный рефлекс — или приобретённая в процессе жизни практичность — заставил меня вынуть из бардачка тёмные очки и прикрыть ими глаза, чтобы вычленить дорогу на фоне огненной оранжевой полусферы, вырастающей над горизонтом. Где-то между Альбукерком и Тукумкари усталость сдавила мне виски, веки налились свинцом, машина чуть было не спрыгнула с дороги. Тут я понял, что больше не выдержу. Заплетающимся языком я предложил Саймону залить в бензобак горючее из канистры и сменить меня за рулём.

Мы одолели больше, чем я рассчитывал. Движение на дороге почти вымерло. Возможно, люди

боялись передвигаться. Саймон полез за канистрой, и я поинтересовался, что из съестного он захватил с собой.

— Вон, в коробке. Что на кухне нашёл.

В картонной коробке, зажатой в багажнике канистрами и упаковками с медицинского склада, за раскатившимися по дну бутылками минеральной воды, оказались три коробки сухих завтраков — кукурузно-пшеничных колечек «Cheerios», две жестянки говяжьей тушёнки и бутылка диетической пепси.

— Ради бога, Саймон, ты что?

Саймон вздрогнул, и я понял, что оскорбил его религиозное чувство упоминанием Господа всуе.

— Больше там ничего и не было.

Ни мисок, ни ложек. Но есть мне хотелось не меньше, чем спать. Я решил охладить двигатель, мы опустили оконные стёкла и сели в тени машины. Вместо чашек использовали отрезанные донышки пластиковых бутылок из-под воды, размочили в них колечки тепловатой водой. Получившаяся гуща видом и вкусом напоминала сопли, однако голод заставил проглотить её без остатка.

Я проинструктировал Саймона относительно следующего участка дороги, напомнил, чтобы

он включил кондиционер, как только двинет машину, велел будить в случае неясностей и неожиданностей и занялся Дианой.

Внутривенное и антибиотики оказали некоторое действие, она открыла глаза и произнесла:

— Тайлер…

Я помог ей напиться, заставил проглотить несколько ложек нашей питательной бурды, но много она не осилила, очень скоро сжала губы и попыталась отвернуться. Глаза её угасли, кожа на впалых щеках посерела.

— Потерпи ещё немного, Диана.

Я зафиксировал капельницу, помог Диане подняться и подвинуться к боковому краю сиденья, стащил с неё трусы, и она испустила за дверцу какое-то количество рыжевато-коричневой мочи. Затем я её, как сумел, протёр, заменил её заношенные трусики свежими из своего чемодана.

Снова устроив её на сиденье, я расстелил одеяло на полу между передним и задним сиденьями, чтобы улечься, не мешая Диане. Саймон лишь слега вздремнул во время поездки, ему, должно быть, хотелось спать немногим меньше моего, однако его висок братец Аарон не массировал ружейным прикладом. Голова моя гудела пустым котлом войсковой кухни, прикосновений к виску

я избегал.

Саймон наблюдал за моими стараниями с расстояния в несколько ярдов, мрачный — возможно, ревновал. Когда я его позвал, он отвернулся, тоскливо глянул в солёную пустыню, как будто заглянув в небытие, и лишь потом подошёл. С подавленным видом он влез за руль и упёрся взглядом в приборную доску.

Я втиснулся в приготовленную щель. Диана, казалось, потеряла сознание, но прежде, чем заснуть, я ощутил слабое пожатие её руки.

* * *

Проснулся я уже ночью. Саймон остановил машину, чтобы поменяться местами.

Я вылез наружу, потянулся. Голова гудела, позвоночник искривился в горб девяностолетнего старца, но я всё же чувствовал себя бодрее, чем Саймон, который мгновенно заснул, как только забрался в спальную нишу за передним сиденьем.

Где мы оказались, я не имел представления, соображал лишь, что где-то на «Интерстейт-40», что едем на восток, что местность уже не столь иссохшая, по обе стороны дороги тянулись, сколько хватало взгляда, освещённые алым лунным

светом орошаемые поля. Я проверил Диану. Она спала сравнительно спокойно, дыхание улучшилось, и я на несколько минут оставил распахнутыми все двери, чтобы проветрить салон, выветрить запахи болезни, крови и бензина. Потом влез на переднее сиденье, за баранку.

Звёзд на небо высыпало немного, распознать их я даже и не пытался. Подумал о Марсе. Всё ли он ещё под оболочкой, или тоже оголился, как и Земля? Но где его искать, я не знал, да и всё равно бы не узнал его. А вот загадочную линию, замеченную Саймоном в Аризоне, ту, которую я принял за след самолёта, не мог не заметить. Она расположилась в небе более по-хозяйски, разрослась в овал, напоминая уже не С, а О.

Небо, на которое я глядел, прожило три миллиарда лет с того момента, как я видел его перед исчезновением, на лужайке перед «большим домом». Чего только оно ни таило в своей бездне…

Двинув машину, я сразу включил приёмник. Цифрового ничего не поймал, но на FM обнаружил местную станцию, из тех, что почти всё время дуют музычку кантри да долдонят о христианских добродетелях. На этот раз мне попалась на диво разговорчивая радиоточка, и до того, как сигнал её исчез в шумах, я узнал много нового.

Прежде всего, узнал, что не зря мы избегали больших городов, враз превратившихся в зоны бедствия. Причём не из-за грабежей и насилия — таких случаев оказалось на диво мало, — а из-за коллапса инфраструктуры. Кошмарное солнце выглядело настолько похожим на то, которое предсказывалось авторами апокалиптических прогнозов, что большинство населения просто осталось дома, чтобы умереть тихо-мирно, семейно-келейно. Центры городов опустели, там патрулировала полиция, ждали вызовов пожарные да критически неукомплектованные штатом больницы. Не так уж много народу решилось ускорить события с помощью пуль да слоновьих доз алкоголя, кокаина, оксиконтина, амфетаминов, но именно эти люди стали причиной множества проблем. Они оставляли включёнными газовые плиты, теряли сознание за рулём, умирая, роняли сигареты. Загоралось ковровое покрытие пола, и некому было позвонить по 911, а во многих случаях некому было бы и ответить на такой звонок. Загорались дома, сгорали до угольков кварталы и районы.

Диктор сообщил, что над Оклахома-сити вздымаются четыре громадных столба дыма, что чикагский Саутсайд выгорел дотла. В каждом

из упомянутых в передаче крупных городов бушевали вышедшие из-под контроля крупномасштабные пожары.

Однако ситуация стабилизировалась и даже улучшалась. Стало ясно, что мгновенной смерти опасаться не следует, что жизнь меняется, но пока продолжается, и большинство работников неотложных служб вернулись на свои места. Оборотной стороной этого осознания стало то, что люди вспомнили о необходимости питаться, и следующей проблемой стало разграбление продовольственных магазинов. Власти призывали всех, у кого нет настоятельной необходимости передвигаться, оставаться вне дорог. Это сообщение постоянно повторяли все действующие каналы радио и телевидения, услышал его и я. Возможно, поэтому движение на шоссе протекало гладко. Встречались военные и полицейские патрули, но на нас внимания не обращали. Возможно, из-за моих номеров. Калифорния, как и большинство других штатов, после первого проявления мерцания ввела наклейки к номерам врачей.

Контроль на дорогах, впрочем, оставался пока что эпизодическим. Регулярная армия сохраняла видимость порядка и организованности, несмотря на участившиеся случаи дезертирства,

но резерв и национальная гвардия оказались полностью дезорганизованными, что осложняло задачи местной администрации. Участились аварии на электросетях. Большинство электростанций страдали от нехватки персонала. Ходили неподтверждённые слухи, что атомные электростанции Сан-Онофре (Калифорния) и Пикеринг (Канада) чудом избежали катастроф.

Диктор снова перешёл к местным темам, зачитал список действующих пищевых складов и супермаркетов, больниц с указанием времени ожидания обслуживания, дал некоторые практические советы. Зачитал рекомендацию метеорологов поменьше оставаться на солнце. Солнечное излучение, хотя и не смертельное, при длительном облучении может «привести к серьёзным проблемам в будущем». Упоминание о будущем вызывало смешанные чувства.

* * *

Ещё несколько раз я ловил радиопередачи, но поднимающееся солнце уже забивало их частоты шумами.

Это утро выдалось облачным, то есть мне не пришлось ехать навстречу ослепляющему сиянию. Однако даже сквозь облака восход выглядел

странно и жутко. Вся восточная половина неба превратилась в какой-то кипящий суп из жгучего красного перца, гипнотизирующий бульканьем и брызгами янтарных вспышек. К полудню, однако, облака сгустились, полил дождь — горячий, безжизненный дождь, покрывший шоссе зеркальной пеленой, отражавшей безрадостные краски неба.

Где-то между Каиром и Лексингтоном стрелка уровня горючего поползла к нулю, а последнюю канистру я влил в бак ещё утром. Я разбудил Саймона, объяснил ему, что собираюсь завернуть к ближайшей заправке… и сворачивать к каждой следующей, пока не найду станцию с горючим.

Ближайшей оказалась мелкая заправочная станция семейного типа с четырьмя насосами, лавчонкой и кофеваркой, в четверти мили от шоссе. Ни на что не надеясь, я лихо вкатил под навес, вылез из машины и снял заправочный пистолет с крюка.

Из будки вышел мужчина в кепке-бенгалке и с дробовиком на сгибе руки:

— Не работает.

Я медленно вернул на кишку на место:

— Электричество отключили?

— Угу.

— Генератора нет?

Он пожал плечами, подходя ближе. Саймон высунулся из машины, но я махнул ему, и он влез обратно. Мужчина с дробовиком, лет тридцати от роду, перебравший тридцать фунтов живого веса, прищурился на капельницу, затем скосил глаз на докторскую наклейку номера. Калифорнийский номер вряд ли внушил ему особое доверие, но врачебный стикер улучшил его отношение ко мне.

— Вы врач?

— Тайлер Дюпре, врач.

— Прошу прощения, что я издали. Это ваша жена в машине?

Я подтвердил, чтобы не пускаться в объяснения. Саймон надулся, но промолчал.

— А у вас есть документ, подтверждающий, что вы врач? Не обижайтесь, но столько случаев угона машин…

Я вытащил бумажник и, оставаясь на месте, швырнул к его ногам. Он подобрал, заглянул в бумажник, вынул очки, снова раскрыл бумажник, снова заглянул в него. Подошёл, вернул бумажник и пожал мне руку:

— Извините, доктор Дюпре. Я Чак Бернелли. Сейчас включу насос. Если нужна еда, могу и

лавчонку открыть.

— Прежде всего, бензин. Может быть, немного провизии, у меня с собой наличных не так много.

— Да чёрт с ними, с наличными. Мы закрыты из-за уголовников да алкоголиков, но военных и полицию круглые сутки заправляем. И медиков, конечно. Ну, пока горючее есть. Ваша жена вне опасности?

— Надеюсь, если вовремя довезу.

— В лексингтонскую самаритянскую?

— Нет, дальше. Ей нужен специальный уход.

Он оглянулся на машину. Саймон опустил стёкла, чтобы проветрить салон. Дождь смыл пыль с машины, капли сверкали на крыше и капоте, асфальт украшали лужи, отливавшие бензиновой радугой. Диана закашлялась.

— Ну, я пошёл включать насос. Вам, конечно, надо торопиться. — И Бернелли отступил в будку.

Заправившись, мы прихватили в лавочке несколько банок супа, коробку солёных крекеров, открывашку для консервов. К машине Бернелли больше не приближался.

* * *

Приступы надрывного, мучительного кашля — характерный признак СПАССА. Можно подумать, что хитроумные бактерии умышленно вызывают этот кашель, чтобы очистить лёгкие, не дать больному быстро задохнуться в катастрофической пневмонии, затянуть течение болезни, сохраняя для себя кров, дом и кормушку. Хотя этот кашель в конце концов и убьёт жертву, если раньше не откажет сердце. На оптовом медицинском складе под Флагстаффом я запасся баллоном кислорода с регулируемым клапаном и маской, и теперь, чтобы избавить Диану от кашля, душившего её, доводившего до панического состояния, я по возможности очищал её дыхательные пути, прижимал кислородную маску к её лицу, в то время как Саймон вёл машину.

Она затихала, щёки розовели, возвращался сон. Я сидел с ней рядом, её горячая голова покоилась на моём плече. Дождь усилился, превратился в ливень, замедлявший движение. Машина, преодолевая низины, разгоняла волны, оставляя за собой пенистый след. Наступил вечер, западный горизонт тлел догорающими углями.

Я вслушивался в успокаивающий грохот ливня

по крыше, когда Саймон вдруг прокашлялся и спросил:

— Ты атеист, Тайлер?

— А?

— Не хочу быть грубым или навязчивым, но меня занимает вопрос, считаешь ли ты себя атеистом.

Этого ещё не хватало! Щекотливый вопрос. Саймон во многом мне помогал, без его активного участия мы не покрыли бы этот путь так быстро. А такой вопрос добра не сулил. Ведь он впрягся в одну телегу с оголтелыми сектантами, зациклившимися на идее о конце света, и, по сути, так и не выпутался из этой упряжки. Я никоим образом не хотел его обидеть и потерять его поддержку. Даже не столько во мне дело — он нужен Диане, думал я. Поэтому я попытался увильнуть от ответа:

— Какая разница, кем я себя считаю?

— Мне интересно.

— Гм… Не задумывался. Не знаю. Пожалуй, это можно считать моим ответом. Во всяком случае, я не претендую на то, чтобы утверждать, что Бог существует или не существует, да ещё и объяснять, почему он существует, почему он так или иначе управляет Вселенной. Меня медицине обучали, а не теологии.

Несколько миль проехали молча. Потом он проронил:

— Может, это Диана и имела в виду.

— Что?

— Мы как-то говорили об этом. Давно, больше мы это не обсуждали. Мы не сходились во мнениях о пасторе Дэне и «Иорданском табернакле» ещё до раскола. Я считал её позицию чрезмерно циничной. Она считала, что на меня легко повлиять. Может, и так. Пастор Дэн… У него дар видеть сквозь любую страницу Библии, открыть её в любом месте и найти знание. Солидное знание, как храм с колоннами, столпами знания. Действительно дар. Я этим никогда не отличался. Так и не научился до сего дня.

— Может, это не так уж и страшно.

— Но мне хотелось. Мне хотелось стать таким, как пастор Дэн, умным, а главное, всегда стоящим на твёрдой почве. Диана говорит, для этого надо продать душу дьяволу. Она утверждает, что Дэн Кондон выменял смирение на уверенность, определённость. Может, мне этого и не хватало. Может, она это в тебе видела, поэтому тянулась к тебе все эти годы. Твоё смирение видела.

— Саймон, я…

— Я тебя не обвиняю, и не надо извиняться. Я

знаю, что она тебе звонила, когда думала, что я сплю или когда меня не было дома. Я знаю, что мне повезло быть с ней все эти годы. — Он повернулся и заглянул мне в глаза: — Сделай мне одолжение, передай ей мои извинения за то, что я так запустил её болезнь.

— Сам извиняйся. Не так уж это страшно.

Он задумчиво кивнул и уставился вперёд, в дождь. Я посоветовал ему включить радио. Уже стемнело, и можно было услышать что-то полезное. Я и сам собирался слушать, но почти сразу всё стало расплываться перед глазами, подбородок мой уткнулся в грудь, веки сомкнулись, и я заснул.

* * *

Спал я крепко и долго, проснулся уже утром.

Дождь лил, не переставая, машина стояла на стоянке к западу от Манассаса, почти в Вашингтоне (это я узнал позже), а по стеклу тарабанила женщина под сломанным зонтиком.

Я заморгал, открыл дверцу. Женщина бросила опасливый взгляд на Диану и отступила на шаг:

— Ваш парень сказал, чтобы вы его не ждали.

— Э-э… Прошу прощения, не понял…

— Ваш парень велел кланяться и сказать, чтобы

вы его не дожидались.

Саймона за рулём не было. Не увидел я его и среди мусорных контейнеров, мокрых пластиковых столов и туалетных кабинок. Машин на стоянке мало, сюда заезжали, в основном, чтобы справить нужду. Деревья, парковка, поодаль мелкий промышленный городишко под жарким небом.

— Худой блондин в грязной футболке?

— Он, он. Сказал, не давать вам спать слишком долго. И ушёл.

— Пешком?

— Да. К реке, не по дороге. — Она снова покосилась на Диану. Диана дышала тяжко, часто и хрипло. — Больная?

— Да. Но мы уже почти приехали. Он ничего больше не сказал?

— Сказал, чтоб вас Господь благословил, а он найдёт дорогу.

Я обслужил Диану, в последний раз осмотрелся на стоянке и сел за руль.

* * *

Несколько раз пришлось останавливаться, менять капельницу, давать Диане кислород. Глаз она больше не открывала. Не спала, но оставалась без сознания. Что это означало, не хотелось

даже и думать.

Дождь лил без перерыва, замедлял продвижение. Не улучшали дорожной ситуации и следы хаоса двух последних дней. На обочине я заметил с дюжину искалеченных в столкновениях или выгоревших автомобилей, некоторые ещё тлели. То и дело приходилось объезжать закрытые участки, кое-где пропускали только военных и автомобили аварийных служб. Дневная жара неприятно раскалила влажный воздух, дышать приходилось с усилием. К вечеру поднялся резкий ветер, но освежения не принёс.

По крайней мере Саймон помог нам добраться почти до конца пути, и к «большому дому» я подкатил ещё засветло.

Ветер усилился, приобрёл шквальный характер. Подъезды к дому густо усеивали ветки, сорванные с придорожных сосен. В доме темно — или кажется темно в ярких янтарных сумерках.

Я оставил автомобиль с Дианой у крыльца и принялся колотить в дверь. Подождал, снова затарабанил. Наконец, дверь приоткрылась, и я увидел Кэрол.

Сквозь узкую щёлку я едва мог различить светло-голубой глаз, часть изборождённой морщинами щеки. Но она меня узнала:

— Тайлер Дюпре! Один?

Дверь открылась шире.

— С Дианой. И ей нужна помощь.

Кэрол вышла на крыльцо и всмотрелась в автомобиль. Увидела Диану, и её маленькое тело напряглось. Она вздохнула:

— Господи! Неужели оба они приехали домой умирать?

Огненная бездна

Буря бушевала всю ночь, тратила накопленную над Атлантикой за три жарких дня энергию, омывала дом солёной водой. Я слышал её даже во сне, слышал, когда несколько раз на считаные мгновения просыпался, слышал в качестве сопровождающей сны мелодии. Она всё ещё стучалась в окна, когда я оделся и пошёл искать Кэрол.

Дом уже не первый день оставался без электроснабжения. Верхний вестибюль слабо освещало завешенное дождевой плёнкой окно в конце коридора. Дубовая лестница спускалась в фойе, где два эркерных окна, тоже замутнённые пеленой воды, пропускали внутрь бледно-розовый свет.

— Как она, Кэрол?

Кэрол подняла голову, обернулась:

— Всё так же. — Она возобновила прерванное моим появлением занятие. Латунным ключом она взводила заводную пружину древних часов. — Я только что от неё, Тайлер. Не думай, что она без присмотра.

— Не ожидал вас встретить так рано. А Джейсон как?

— Помогла ему одеться. Днём ему лучше. Не

пойму, почему. Ночью тяжко. Эта ночь… Трудная ночь…

— Сейчас осмотрю обоих. — Я не стал спрашивать её насчёт новостей, насчёт последних директив Белого дома или агентства по чрезвычайным ситуациям. Что проку, ведь вселенная Кэрол ограничивается прилегающей к «большому дому» территорией. — Кэрол, вам нужно отдохнуть.

— Мне шестьдесят восемь. Сплю я намного меньше, чем раньше. Но ты прав, Тайлер, что-то я подустала. Надо бы прилечь. Вот только часы заведу. Они, видишь ли, отстают, если их не заводить регулярно. Твоя матушка их каждый день заводила, знаешь… А после неё Мари, каждый раз, когда приходила убирать. Но Мари уже полгода как не приходит. Полгода часы показывали четыре с четвертью. Как в старой байке, дважды в сутки точное время.

— И нам надо поговорить о Джейсоне, Кэрол.

По прибытии я скоро свалился, так что узнал лишь фрагменты. Джейсон прибыл без предупреждения за неделю до исчезновения «Спина» и в ночь возвращения звёзд заболел. Среди явных симптомов частичный паралич, высокая температура, расстройство зрения. Кэрол пыталась

вызвать врача, но в сложившихся обстоятельствах успеха не добилась. Таким образом, она лечила сына сама, ограничиваясь мерами по поддержанию организма, не в состоянии даже поставить диагноз.

Она опасалась, что Джейсон умрёт. На остальной мир опасения её не распространялись, ибо Джейсон заверил её, что ничего страшного не случится и скоро всё вернётся в норму.

Кэрол верила сыну и не боялась распухшего солнца. Но ночи тяжелы, тяжелы… Она покачала головой. Ночь всякий раз заставала Джейсона врасплох, давила его кошмарами.

* * *

Сначала я направился к Диане.

Кэрол разместила дочь в одной из верхних спален. В детстве Диана жила в этой комнате, но затем, после того, как она «задурила», помещение превратилось в типовую гостевую. Состояние Дианы стабилизировалось, дыхание несколько нормализовалось, но это нельзя было считать обнадёживающим признаком. Для СПАССА характерно такое «приливно-отливное» течение, за облегчением наступала острая фаза, истирающая ресурсы ослабленного организма.

Я поцеловал её сухой горячий лоб и велел отдыхать. Не знаю, услышала ли она меня.

Затем я направился к Джейсону.

Кэрол рассказала, что Джейсон вернулся домой после какого-то конфликта в «Перигелион фаундейшн». Она не смогла точно вспомнить, что он ей рассказывал, но без И-Ди там не обошлось. «И-Ди снова безобразничал», — сказала Кэрол. И каким-то образом упоминался «этот чёрный морщинистый крошка, которого убили, марсианин», — тоже слова Кэрол.

Марсианин. Ван, снабдивший Джейсона средством перехода в Четвёртое состояние. Средством, которое должно было его защитить от того, что его сейчас убивало.

* * *

Комната Джейсона. Я постучался, вошёл. Та же самая комната, которую он занимал тридцать лет назад, в детстве, до того, как исчезли звёзды. Если всмотреться, можно различить на стене пятно, оставленное листом со схемой Солнечной системы. Тот же ковровый пол, с которого, однако, отмыли и отчистили пятна от пролитой нами колы; никаких бумажек и крошек, оставляемых нами на полу в дождливые дни, подобные этому.

Джейсон не спал.

— Вроде Тайлер. — Он улыбнулся.

Джейсон лежал на кровати, но одетый. В это утро он захотел одеться. Кэрол принесла ему чистые штаны камуфляжного цвета и голубую рубаху. Собственно, он полусидел, подсунув под спину несколько подушек.

— Темновато тут у тебя, Джейс, — заметил я.

— Отдёрни шторы, если хочешь.

Я так и сделал, но намного светлее в комнате не стало. В основном, изменилась окраска помещения, приобрела янтарный оттенок.

— Не возражаешь, если я тебя осмотрю?

— Конечно, валяй.

Он не повернулся ко мне. Если судить по повороту его головы, он глядел на пятно на обоях, оставленное плакатом-схемой Солнечной системы.

— Кэрол сказала мне, что у тебя со зрением не всё в порядке.

Джейсон усмехнулся:

— Кэрол пытается видеть всё в розовом свете. Я фактически ослеп. Со вчерашнего утра вообще ничего не вижу.

Я присел рядом с ним на край кровати. Он повернул ко мне голову. Движением плавным, но

мучительно медленным. Я вынул из кармана ручку с лампочкой и посветил в его правый глаз.

Зрачок не сократился.

Зато вытворил нечто куда более кошмарное.

Засверкал. Казалось, что в зрачок Джейсона кто-то вмонтировал множество крохотных огранённых алмазов.

Джейсон, должно быть, почувствовал, как я вздрогнул.

— Что, худо?

Я не сразу смог ответить. Он несколько помрачнел и продолжил:

— Мне, Тайлер, в зеркало, сам понимаешь, не поглядеться. Так что, прошу тебя, поведай, что там тебя так испугало.

— Э-э… Джейсон, я даже не знаю, что это. Не могу определить.

— Просто опиши, что увидел.

Я попытался сосредоточиться и занять точку зрения беспристрастного исследователя:

— Как будто в твой глаз вросли какие-то кристаллики. Склера выглядит нормально, радужка тоже без заметных изменений. Но зрачок полностью забит… Ну, как будто мельчайшие кусочки слюды, что ли. Услышал бы — не поверил. Я не знаю, что с этим делать.

Я встал, подтащил к кровати стул, уселся снова. Какое-то время мы молчали. Я вслушивался в тиканье прикроватных часов, ещё одной антикварной редкости часового хозяйства Кэрол.

Джейсон вздохнул и попытался изобразить на физиономии бодрую улыбку:

— Спасибо, Тайлер. Естественно, что ты не знаешь, что с этим делать. Ты с этим ничего не сможешь сделать. Но твоя помощь мне в ближайшие дни всё равно понадобится. Кэрол пытается, но она уже не та.

— Я тоже не тот.

Дождь после непродолжительного затишья полил снова.

— Помощь мне нужна не чисто медицинского свойства.

— Ты имеешь какое-то представление о том, что с тобой произошло?

— Лишь отчасти.

— Тогда, пожалуйста, объясни, потому что меня это пугает.

Джейсон слегка склонил голову, как будто прислушиваясь к каким-то неведомым мне звукам. Я уже стал опасаться, что он обо мне забыл, когда он вдруг снова заговорил:

— Вкратце суть в том, что моя нервная система

попала под контроль чего-то мне неподвластного. Состояние глаз — лишь одно из внешних проявлений моего общего состояния.

— Болезнь?

— Нет, но внешние проявления болезни.

— Заразное состояние?

— Нет. Напротив, полагаю, что уникальное. Этой, с позволения сказать, болезнью могу заболеть лишь я один. Во всяком случае, на этой планете.

— Значит, это связано с Четвёртым возрастом?

— В какой-то мере. Но я…

— Нет, Джейс, сначала ответь. Является ли твоё теперешнее состояние прямым следствием применения того средства, которое я тебе вводил?

— Не прямым следствием, нет. Ты заблуждаешься, если так думаешь.

— Мне сейчас наплевать, кто в чём заблуждается. Кэрол сказала тебе, что Диана больна?

— Сказала, что у неё что-то вроде гриппа.

— У неё не грипп, Джейсон. У неё СПАССА в запущенной форме. Я провез её две тысячи миль сквозь то, что все считают концом света, потому что она умирает и потому что есть лишь одно средство её спасти, а теперь у меня появились сомнения и на этот счёт.

Он сделал движение головой, как будто пытался отогнать что-то мешающее, и, когда я уже собирался привлечь его внимание, снова открыл рот:

— Марсианская жизнь сложнее, чем мы её видим. Есть в их жизни определённые аспекты, которых Ван в разговорах с тобой не касался. И-Ди кое о чём догадывался. Марс далеко ушёл от нас в области биотехнологии. Когда-то четвёртый возраст на Марсе представлял собою именно то, что мы о нём думали: долголетие и социальная институция. Но затем произошли кое-какие изменения. Для поколения Вана Четвёртый, скорее, платформа, исходное состояние для дальнейших модификаций. Это уже не просто четвёртый, а четыре-один, четыре-два и так далее, в разных направлениях.

— То, что я тебе вводил…

— Ты вводил мне базовый четвёртый, без всяких подпунктов.

— Но?

— Но… Я пошёл дальше.

— Значит, Ван захватил на землю и другие модификации?

— Да. Цель…

— К чёрту цель. Ты абсолютно уверен, что

страдаешь именно от модификаций, а не от начального лечения?

— Абсолютно уверен.

Я встал.

Джейсон услышал мои шаги, удаляющиеся к двери.

— Я всё могу объяснить, — сказал он. — И мне понадобится твоя помощь. Позаботься о ней, Тай. Я надеюсь, что она выживет. Но имей в виду, моё время тоже ограниченно.

Марсианские медикаменты оказались там же, где я их оставил, в подвальном тайнике маленького дома. Я достал их и вернулся в «большой дом» по мокрой лужайке, под косым янтарным дождём.

Кэрол прижимала к лицу Дианы кислородную маску.

— Экономьте кислород, — сказал я. — Вряд ли мы сможем запросто добыть ещё баллон.

— У неё губы посинели.

— Давайте глянем.

Кэрол отодвинулась, подпустила меня к кровати дочери. Я закрыл кран, снял маску с лица Дианы. С кислородом нужно обращаться осторожно. Он необходим для пациента с расстройством дыхания, но неумеренное его потребление тоже

может вызвать проблемы, «сжечь» лёгкие. Я опасался, что дозировку кислорода придётся увеличить из-за ухудшения состояния Дианы. Могла возникнуть нужда в искусственной вентиляции лёгких, но об аппарате искусственного дыхания я мог лишь мечтать.

Химию крови тоже нечем было исследовать, однако, когда я удалил маску, губы Дианы выглядели относительно нормально. Но дышала она неглубоко и часто, а открытые глаза, похоже, ничего не воспринимали.

Кэрол внимательно следила за мной, за моими манипуляциями с пыльной упаковкой марсианских пузырьков.

— Что это?

— Единственное, что может спасти ей жизнь.

— Ты уверен, Тайлер?

Я кивнул.

— Нет, ты на самом деле уверен? Ведь это то, что ты вводил Джейсону, так? Когда у него был АРС.

Отрицать бесполезно.

— Да.

— Я, конечно, тридцать лет как уже не врач, но кое-что почитывала. И когда вы в последний раз сюда приехали, я поинтересовалась АРСом. И вычитала, что он неизлечим. Что нет от него

чудо-средств. А если бы были, то вряд ли они подошли бы против СПАССА. Таким образом, напрашивается вывод, что ты хочешь применить что-то, связанное с этим морщинистым марсианином.

— Не спорю, Кэрол, не спорю.

— Я не рвусь с тобой спорить, я хочу, чтобы ты меня убедил. Я хочу быть уверенной, что с Дианой не случится того, что теперь стряслось с Джейсоном.

— Не случится, Кэрол, — заверил я её, полагая, что она догадалась о невысказанном мною окончании фразы: «…надеюсь, что не случится».

Она вгляделась в моё лицо:

— А тебе ведь на неё не наплевать.

— Нет.

— Да-а, — протянула Кэрол. — Иной раз диву даёшься, насколько прилипчивой может быть эта самая любовь.

Подняв шприц, я шагнул к Диане.

* * *

К полудню дом не только нагрелся, но и настолько пропитался влагой, что я не удивился бы, увидев на потолке мох и плесень. Я сидел рядом с Дианой, опасаясь ухудшения её состояния

вследствие инъекции. Меня отвлек громкий стук в наружную дверь. «Бандиты… Воры… Грабители…» — промелькнуло у меня в мозгу. Однако, когда я подбежал к лестнице, Кэрол уже благодарила какого-то плотного сложения мужчину, распрощавшегося с нею и отворачивавшегося, чтобы удалиться. Кэрол заперла дверь и повернулась ко мне:

— Это Эмиль Харди. Помнишь Эмиля Харди? У него небольшой колониальный домик на Бантам-Хилл-роуд. Он издаёт газету.

— Газету?

Она помахала в воздухе двумя сколотыми скрепкой листками конторского формата.

— Ночью он включает в гараже генератор, слушает радио, записывает, редактирует, печатает и разносит по соседям. Это уже второй номер. Приятно, конечно, внимание, хотя читать эту белиберду я всё равно не буду.

— Можно взглянуть?

— Да пожалуйста.

Я коршуном налетел на листки и уволок их наверх.

Эмиль оказался весьма добросовестным репортёром-любителем. Первую полосу его «газеты» занимали новости местного значения. Послед-

ствия кризиса в округе Колумбия и в Вирджинии, перечни зон бедствия и закрытых зон, сообщения об эвакуациях, попытках восстановления местной инфраструктуры. Я просмотрел их и дошёл до сообщений несколько иного плана.

Первое касалось оценки солнечного излучения. Эксперты подтвердили, что существуют все основания надеяться на выживание человека как вида даже в теперешних тяжёлых условиях. Источники не указывались, так что можно было считать эти утверждения плодом фантазии комментатора или же попыткой предотвратить развитие паники. Однако я, как и любой другой, на собственной шкуре имел возможность убедиться, что «новое солнце» ведёт себя хотя и недружелюбно, однако не убивает на месте.

Ни слова о том, как изменившийся климат повлияет на урожай, на погоду, на экологию в целом. А ведь как адская жара, так и проливные дожди определённо выходили за рамки явлений нормальных.

Далее сообщалось о небесном оптическом феномене, наблюдаемом повсеместно, во всём мире.

Те же самые небесные С и О, замеченные Саймоном в Аризоне, обнаружились на Аляске в Анкоридже и в Мехико-сити на юге. Проскольз-

нули в радиосообщениях и весточки из Европы и Азии. В Индии тоже отметили подобное явление. «Обратите внимание на то, что, несмотря на ненадёжность каналов связи, видеоинформация из Индии демонстрирует подобный феномен, но в большем масштабе», — говорилось в газете. Мне осталось предположить, что Эмиль Харди имеет в виду всё те же небесные знамения.

* * *

Диана ненадолго пришла в сознание:

— Тайлер…

Я взял её руку. Рука сухая, неестественно горячая.

— Извини, — прошептала она.

— Тебе не за что извиняться.

— Жаль, что ты видишь меня такой.

— Ты уже поправляешься. Это займёт какое-то время, но всё образуется.

Голос её шуршал, как сухой опавший лист. Она обвела взглядом комнату, узнала её. Глаза её расширились:

— Вот где я…

— Да, ты дома.

— Скажи моё имя.

— Диана… Диана, Диана, Диана…

* * *

Состояние Дианы очень тяжёлое, но Джейсон умирал. Он сообщил мне об этом, когда я пришёл к нему в комнату.

Кэрол сказала, что в этот день он ничего не ел. Вытянул через соломинку немного охлаждённой воды, но и пить больше ничего не стал. Он почти не двигался. Когда я попросил его поднять руку, он смог это сделать, но с таким усилием и так мучительно медленно, что я прижал её обратно. Лишь голос сохранял силу, хотя он ожидал, что утратит и дар речи.

— Если этой ночью повторится то же, что и предыдущей, к утру я буду готов. Поэтому надо выговориться сегодня.

— Ты знаешь, по какой причине твоё состояние ухудшается ночью?

— Причина простая. Дойдём и до причины. А пока что сделай одолжение… Мой чемодан ещё на комоде?

— Да, на комоде.

— Открой. В нём диктофон. Разыщи.

Я почти сразу наткнулся на матовую серебристую коробочку размером с колоду игральных карт, рядом со стопкой конвертов плотной ко-

ричневой бумаги, адресованных неизвестным мне людям.

— Это? — спросил я, поднимая коробочку, и тут же спохватился: ведь он не видел, что я ему показал.

— Если на ней написано Sony, это. И под ним упаковка чистых чипов памяти.

— Вижу.

— Итак, поговорим. Дотемна, а то и позже. Включишь рекордер, и поговорим. Если чип заполнится, сменишь. Или батарейки, если сядут. Сделай это для меня, пожалуйста.

— Если ничего не случится с Дианой. Когда начнём?

Он медленно повернул ко мне голову. Засияли странным светом его усеянные бриллиантами зрачки.

— Лучше всего сейчас.

Ars moriendi[2]

Из сказанного Джейсоном следовало, что марсиане вовсе не столь просты и наивны, как можно было заключить, если невнимательно слушать Вана.

Верно, они не славились излишней воинственностью. Пять Республик давно уладили свои политические разногласия мирным путём. В каком-то смысле их образ жизни можно назвать пасторальным — поскольку большинство их ресурсов посвящалось сельскому хозяйству. Но простотою они никоим образом не отличались. Марсиане достигли выдающихся успехов в синтетической биологии, их цивилизация базировалась на этой отрасли. Мы сделали их планету обитаемой биотехническими средствами, и с самого первого поколения марсиане понимали функции и возможности ДНК.

Техника их и тяжёлая индустрия характеризовались некоторой грубоватостью. Космический корабль Вана, к примеру, оказался чуть ли не примитивным, какое-то ньютоновское пушечное

---

[2] Примечания: 2
Ars moriendi (*лат.*) — искусство умирать.

ядро, но причины этого кроются в ограниченности природных ресурсов. Марс лишён нефти и угля, крайне ограниченны его запасы воды и азота. Базирующейся на обильных природных ресурсах экономики, подобной земной, на Марсе невозможно себе представить. Усилия жителей планеты Вана направлялись, в первую очередь, на прокормление населения, численность которого строго регулировалась. Биотехнология служила именно этой цели. И обходилась без «кузниц тяжёлой индустрии», коптящих небо высоченными дымовыми трубами.

— Это тебе Ван рассказал? — спросил я Джейсона под непрекращающийся шум дождя.

— Да, он, хотя практически всё это можно вывести из его архивов.

Ржавый вечерний свет отражался в изменившихся слепых глазах Джейсона.

— Но он мог… исказить истину.

— Не припомню, чтобы он когда-нибудь соврал, Тайлер. Другое дело, что он иной раз оказывался скуповат на правду.

Микрорепликаторы, доставленные Ваном на Землю, представляли собой последнее слово марсианской биотехнологии. Способные выполнить всё, что обещал Ван, они могли выполнять и ещё

кое-какие функции, о которых он не упоминал.

Среди этих неупомянутых возможностей оказалась их способность поддерживать связь между собой и точкой происхождения при помощи также неупомянутого Ваном канала связи, не то узконаправленного радио, не то чего-то ещё более экзотического. Джейсон подозревал последнее, требовавшее приёмника, на Земле не существовавшего. Впоследствии Ван сообщил, что приёмник должен быть биологическим. Приёмником могла стать модифицированная человеческая нервная система.

* * *

— И ты решился?

— Я бы решился, если бы меня попросили. Но Ван мне доверился лишь потому, что с первого дня пребывания на Земле опасался за свою жизнь. Он не питал иллюзий насчёт природы человеческой и видел, какими средствами у нас делается политика. Ему нужно было кому-то доверить фармакопею и информацию на случай, если с ним что-нибудь приключится. Он не предлагал мне превратиться в приёмник. Модификация срабатывает лишь на Четвёртых. Помнишь, что я тебе говорил? Долголетие — лишь база для мо-

дификации в других направлениях. Это — одно из направлений.

— И ты целенаправленно применил эту модификацию к себе?

— Я ввёл себе это вещество после смерти Вана. Сильной реакции на инъекцию не последовало, никакого непосредственного действия я не ощутил. Надо иметь в виду, что не существовало способа проникнуть сквозь функционирующую Спин-мембрану. Я привил себе лишь возможность коммуникации.

— В таком случае зачем?

— Потому что не хотел умереть в невежестве. Мы полагали, что, когда «Спин» отступит, мы погибнем в течение нескольких часов или дней. Модификация давала мне возможность в течение этих последних часов или дней жизни, пока я жив, поддерживать контакт с базой данных чуть ли не с галактику величиной. И в результате узнать, кто такие гипотетики, зачем они всё затеяли, с какой целью…

Меня подмывало прервать его вопросом: «И ты узнал?» Может быть, и узнал. Может быть, именно это он и хотел сообщить, пока ещё в состоянии говорить. Может быть, именно это он и стремился записать на плёнку.

— Ван знал о твоём намерении?

— Нет. И вряд ли он бы его одобрил. Хотя сам он выполнял именно такую функцию.

— Неужто? Я не знал.

— Ничего удивительного. Имей в виду, то, что случилось со мной, с моим телом и мозгом, не проявление этой функции. — Он повернул слепые глаза в моём направлении: — Это не функция, а дисфункция. Сбой.

* * *

Репликаторы, запущенные с Земли, распространились за пределами Солнечной системы, улетели к другим солнцам. Заметили ли это гипотетики? Поставили ли они в вину землянам это фактически марсианское мероприятие? Соответствовало ли это, как предполагал И-Ди, хитроумному замыслу коварных марсиан? Джейсон этого не касался. Скорее всего, он этого и не знал.

Шло время, репликаторы распространились до ближайших звёзд, до следующих звёзд, далеко, возможно, очень далеко. Ни в какой телескоп их колоний не разглядишь, но, если составить карту их распространения в нашей галактике, возникла бы внушительная картина, громадное облако

ледяной искусственной жизни. Разумной жизни.

Репликаторы не бессмертны. Как индивиды, они живут, размножаются, умирают. Но построенная ими сеть расширяется, растёт, как коралловый риф взаимосвязанных узлов, обменивающихся информацией, накапливающих информацию и передающих «домой», в точку происхождения.

— При последнем нашем разговоре ты упомянул проблему, — напомнил я Джейсону. — Ты сказал, что численность репликаторов уменьшается.

— Они встретились с чем-то… незапланированным.

— И что это было, Джейс?

Он несколько мгновений помолчал, как бы собираясь с мыслями:

— Запуская репликаторный проект, мы считали, что вводим во Вселенную нечто совершенно новое, новый вид искусственной жизни. Так вот, мы, человеческие существа, люди как Земли, так и Марса, оказались простачками и наивнячками. Не одни мы в галактике наделены разумом, и не мы первые. Куда там. Напротив, мы — явление заурядное. Практически всё, что мы предприняли в своей короткой истории, предпринималось

прежде нас другими, в других местах.

— То есть репликаторы напоролись на других репликаторов?

— Наши репликаторы попали в мир репликаторов. Звёздный мир, Тайлер, оказался джунглями, а не пустыней, как мы предполагали.

Я пытался представить себе процесс, описываемый Джейсоном.

Далеко от захваченной «Спином» Земли, вдали от Солнечной системы, там, откуда наше Солнце кажется заурядной захолустной звездой, какой-то репликатор, осев на ледяную пылинку, начал процесс репродукции, инициировал стандартные процедуры роста специализированных «кирпичиков» колонии, наблюдения, сбора и передачи информации, уже многократно повторявшийся ранее предками. Может быть, новая колония достигла зрелости, может быть, далее начала передавать данные. Но в этот раз цикл прервали.

Что-то учуяло присутствие наших репликаторов. Что-то голодное.

Этот хищник (по выражению Джейсона) какой-то иной полуорганической автокаталитической системы с обратной связью — другая колония саморепродуцирующихся клеточных

механизмов, полумашина, наполовину живое существо, — вторгся в нашу систему. Хищник более развитой, более сильный, со встроенным в генетику агрессивным инстинктом, способный искать и употреблять в качестве питательного вещества конкурирующие системы. Земные репликаторы, слепые и беззащитные, не способные даже удрать, пали жертвой этого хищника.

И нападающий не просто сожрал наших посланцев, не просто усвоил составляющие их молекулы. Он проанализировал состав и назначение структуры жертвы, он усвоил то, что посчитал для себя полезным, на ходу внедрил новое в свою структуру, реорганизовал, если в том возникла нужда, свою колонию. Наша колония не умерла, она оказалась втянута в новую, так сказать, онтологически пожравшую её систему, более сложную, иерархически превосходящую…

Не в первый и не в последний раз.

— Цивилизации разумных существ рано или поздно приходят к использованию репликаторных сетей, — продолжал Джейсон. — Субсветовые полёты в космосе — штука дорогая и малоэффективная, поэтому большинство технологически развитых культур в конце концов упираются в необходимость использования фоннейманов-

ских машинных систем, каковыми и являются репликаторы. Очень выгодная затея, ведь репликаторы сами себя строят и обслуживают, на них не нужно тратить ни сентаво самой девальвированной валюты. А объём поступающей информации экспоненциально увеличивается с течением веков.

— Понимаю. Марсианские репликаторы не уникальны, они вошли в новую для себя, но привычную для космоса экологию…

— Экологию фон Неймана. По математику XX века Джону фон Нейману, первым предположившему возможность создания самовоспроизводящихся машин.

— …экологию фон Неймана, хорошо… Вошли в эту экологию и ушли от нас. И ни черта не сказали нам ни о гипотетиках, ни о «Спине».

Джейсон капризно выпятил губы:

— Тайлер, как ты не понимаешь… Экология фон Неймана и есть гипотетики. Это ведь то же самое.

* * *

В этот момент я мысленно как бы отпрыгнул назад и попытался осмыслить, с кем же я беседую.

Внешне вроде Джейс. Но его слова как-то за-

ставляют не верить глазам своим.

— Ты… Ты общаешься с этой… системой? Я имею в виду, сейчас, во время нашего разговора?

— Не знаю, не знаю. Не знаю, что ты называешь общением. Общение действует в обе стороны. Это — нет. То есть это не то, что ты имеешь в виду. Общение не бывает столь… ошеломляющим. Это — да. Особенно ночью. Днём поток умеряется, вероятно, Солнце глушит сигнал своим излучением.

— Значит, ночью сигнал сильнее.

— Может быть, термин «сигнал» тоже не вполне корректен. Сигнал — это то, что должны передавать наши репликаторы. Я же получаю информацию на той же несущей, но информация эта не пассивная, какую мы получали раньше, и даже не просто активная, но откровенно агрессивная. Со мной пытаются сделать то же, что сделали с каждым другим узлом системы. Фактически, Тай, это пытается овладеть моей нервной системой и перепрограммировать её.

Значит, мои подозрения оправдались. С нами в комнате присутствовал третий. Во время нашего разговора гипотетики продолжали пожирать Джейсона заживо.

— И они в состоянии это сделать? Перепрограм-

мировать твою нервную систему?

— Не думаю. Они считают меня ещё одним узлом сети репликаторов. Та биотехнология, которую я инициировал инъекцией, сделала меня чувствительным к их манипуляциям, но не так, как они этого ожидают. И поскольку они не воспринимают меня как органическую биологическую единицу, они могут лишь убить меня.

— Может быть, есть какой-то способ экранировать тебя от их излучений?

— Насколько мне известно, нет. Если бы марсиане что-то знали, они бы включили это в свои архивы.

Окно комнаты Джейсона выходило на запад. Заходящее солнце пронизывало облака и окрашивало стены розоватым свечением.

— Они и сейчас с тобой. В тебе. Разговаривают с тобой.

— Они… Оно… Это… Надо найти для них какое-то другое местоимение. Вся эта общность, вся экология фон Неймана представляет собой единую сущность. Она мыслит и куёт свои планы, медленно, но верно. Но все триллионы составляющих её частей одновременно представляют собой автономные существа, часто конкурирующие, более быстрые, чем вся сеть, и куда более

интеллектуально развитые, чем любая человеческая особь. Спин-оболочка, к примеру…

— Спин-оболочка — индивидуум?

— Во многих отношениях — законченный индивид. Цель ей задаётся сетью, но она сама оценивает события и выбирает действия. Она сложнее, чем мы себе представляли, Тай. Мы, к примеру, предполагали, что она либо включена, либо выключена, как электрическая лампочка, что она работает в двоичном коде. Ан нет. В зависимости от обстоятельств и целей она выбирает нужное из множества состояний. Взять, к примеру, различие проницаемости. Мы давно знаем, что оболочка пропускает космический корабль, ракету, но задерживает астероид. А сколько того, что мы не знаем… Почему мы до сих пор не уничтожены солнечным излучением? Потому что мембрана всё ещё защищает нас до известной степени.

— Я, Джейс, не знаю числа жертв, но только в этом городе тысячи людей потеряли близких с момента исчезновения «Спина». Я бы воздержался сообщать им, что нас защищают.

— Но нас защищают. Спин-оболочка не Господь, она не видит, что ласточка задохнулась и упала, но она обеспечивает защиту, достаточную, чтобы

ласточка не вспыхнула на лету.

— Но для какого рожна это им надо?

Джейсон нахмурился:

— Не вполне схватываю. Или… или не могу перевести.

Стук в дверь — и в комнату вошла Кэрол со стопкой, как мне показалось, постельного белья. Я выключил диктофон и отложил его в сторону. Глядит Кэрол угрюмо.

— Простыни меняете? — спросил я.

Она вздохнула:

— Вязать. — Простыни оказались разрезанными на полосы. — Скоро начнутся конвульсии.

Она покосилась в сторону окна, постепенно угасающего.

— Спасибо, — тихо сказал Джейсон. — Тайлер, есть возможность прерваться. Но возвращайся поскорее.

* * *

Я заглянул к Диане, спавшей теперь уже «между двух огней». Подумал о введённом ей марсианском средстве четвёртого возраста («базовый четвёртый», если опираться на терминологию Джейсона). «Мыслящие» молекулы, готовые побороть любой человеческий недуг, вышвырнуть

из организма многократно превосходящие их численностью полчища СПАССА, залатать прорехи и начать перестройку тела. Если оно ещё не чрезмерно ослаблено, если способно выдержать все эти пертурбации.

Я поцеловал её в лоб и произнёс нелепые слова, которых она, вероятно, не услышала. Затем покинул её комнату, спустился по лестнице, вышел на газон перед «большим домом», выкроил момент для себя, для размышлений.

Дождь прекратился — внезапно, обрывисто, полностью. Воздух посвежел. Небо в зените посинело. Коснувшееся западного горизонта солнце куталось в рваные грозовые тучи. На каждой травинке висели дождевые капли.

Джейсон полагал, что умирает. Я начал склоняться к его мнению.

Врач видит смерть чаще, чем большинство остальных людей. Я наблюдал смерть в разных её проявлениях. Известные представления о том, как люди встречают смерть — приемлют или не приемлют, смиряются или протестуют, — в лучшем случае, верны «в общих чертах». Эти эмоции могут проявиться, угаснуть, могут вовсе не проявиться — смерть растопчет все эмоции вместе с их носителями. Для многих умирающих

вопроса о встрече со смертью вообще не возникало, смерть наступала неожиданно. Неверное решение на оживлённом перекрёстке или лопнувшая аорта — и всё.

Но Джейс сознавал, что умирает. И меня ошеломило его приятие близящейся смерти. Объяснить это можно было лишь осуществлением его стремлений. Он почти достиг понимания того, за что боролся всю жизнь, понимания сути «Спина» и места человека, своего места в системе.

Как будто он коснулся звёзд.

И они коснулись его. Они убивали его, но умирал он в состоянии благодати.

* * *

Кэрол отправилась зажигать свечи в коридорах, на лестнице и в используемых комнатах.

— Надо поторопиться, — забеспокоился Джейсон. — Уже ведь стемнело, так?

— Почти.

— И дождь перестал. По крайней мере я его больше не слышу.

— Прохладнее стало. Открыть окно, Джейс?

— Конечно. И включи рекордер.

— Уже включил.

Я приподнял раму окна на несколько дюймов,

и в комнату хлынул прохладный воздух.

— Мы говорили о гипотетиках…

— Да, Джейс. — Молчание. — Джейс, ты меня слышишь?

— Я ветер слушал. Твой голос. Я…

Снова пауза.

— Джейсон!

— Извини. Не обращай внимания, Тай. Я легко отвлекаюсь в последнее время. Я… — Он вдруг захрипел, напрягся, руки и ноги натянули матерчатые ограничители, привязанные его матерью к кровати. Голова запрокинулась. Выглядело случившееся с ним как эпилептический припадок, но длилось лишь несколько секунд и завершилось прежде, чем я успел подскочить к кровати. Он вздохнул:

— Извини…

— Не надо извиняться, Джейс.

— Понимаешь, это от меня не зависит. Извини.

— Джейс, я прекрасно понимаю, ты тут ни при чём.

— И их не вини.

— Гипотетиков?

Он улыбнулся, преодолевая боль.

— Надо для них новое имя подыскать. Какие уж тут гипотетики! Но не вини их. Они не созна-

ют, что со мной происходит. Я ниже их порога абстрагирования.

— Этого я не понимаю, Джейсон.

Он заговорил быстро, торопливо, как будто стараясь заглушить физическую боль, отвлечься от неё. Или же эта торопливость служила симптомом боли.

— Ты и я, Тайлер, мы представляем собой сообщества живых клеток, так? Если ты разрушишь достаточное количество моих клеток, я умру, ты меня убьёшь. Но если мы пожмём друг другу руки, я потеряю какое-то количество клеток эпителия, и ни один из нас даже не заметит этой потери. Это ниже нашего порога восприятия. От чего-то мы абстрагируемся умышленно, а чего-то просто не замечаем. Мы взаимодействуем как организмы, а не как колонии клеток. То же верно и для гипотетиков. Только их мир больше нашего.

— И это оправдывает убийство?

— Я говорю об их восприятии, а не о морали. Возможно, смерть отдельного человека для них что-то и означала бы, если бы они рассмотрели это событие в определённом контексте. Но они не в состоянии.

— Но ведь они проделывали уже такое, свой фокус со «Спином». Неужели их репликаторы не

обнаруживали подобного раньше, прежде, чем гипотетики закрывали их мембранами?

— Другие миры «Спина»… Да. Много. Сеть гипотетиков разрослась чуть ли не на всю галактику. И когда они натыкаются на планету, населённую разумными существами, использующими инструменты, до некоторой степени зрелыми, они окружают эту планету Спин-оболочкой.

Мне представилась здоровенная паучиха, оплетающая паутиной муху.

— Зачем, Джейс?

Дверь отворилась, вошла Кэрол с витой свечой в фарфоровом подсвечнике. Она поставила подсвечник на комод, чиркнула спичкой… Язычок пламени судорожно затрепыхался, борясь с потоком устремившегося на него из окна воздуха.

— Чтобы защитить.

— От кого?

— От естественного старения, дряхления, гибели. Оттянуть неизбежность. Технологические культуры тоже смертны, Тайлор, как и всё на свете. Развиваются, расцветают, загнивают, умирают.

Неужели это так уж неизбежно? А если нет? А если они расширяют сферу своего влияния, расселяются в иные миры, устремляются к звёздам…

Но взрослый Джейсон предусмотрел моё детское возражение.

— Даже местное космическое путешествие медленно и неэффективно для существ с такой продолжительностью жизни, как у нас с тобою. Может, ты уверен, что мы исключение из правила. Но гипотетики существуют уже давно, всякого навидались. До того, как они соорудили нашу Спин-мембрану, они несчётное число раз наблюдали, как населённые миры тонут в собственном дерьме.

Он вздохнул и, казалось, захлебнулся воздухом. Встревоженная Кэрол резко повернулась к нему. С лица её соскользнула маска самоуверенности, сменилась испугом матери, теряющей ребёнка, не знающей, чем ему помочь. Джейсон, однако, тут же оправился. К счастью, он не мог заметить испуга Кэрол. Он сглотнул, ещё раз вздохнул и задышал нормально, размеренно.

— Но почему «Спин», Джейс? Он толкает нас в будущее, но ничего не меняет.

— Напротив. Он меняет очень многое. Он меняет всё.

* * *

Парадокс последней ночи Джейсона: речь его всё более путалась, сбивалась, в то время как поток воспринятой им информации рос лавинообразно. Я твёрдо верю, что узнал он в эти последние часы куда больше, чем возможно выразить словами. То же, чем он успел поделиться, оказалось необычайно весомым и судьбоносным, влекущим и пугающим.

Он говорил, преодолевая боль, иногда мучительно подыскивая слова, говорил, говорил, говорил…

Начал он так:

— Попытайся подняться на их точку зрения. То есть принять точку зрения гипотетиков. Гипотетики, рассматриваемые как синтетический организм или как совокупность отдельных организмов, возникли в незапамятные времена как машины фон Ноймана и претерпели длительную эволюцию. Происхождение этих самовоспроизводящихся машин, как водится, неясно и им самим. Они не помнили своих корней так же, как и мы не имеем представления о первых ступенях эволюции человека. Вполне возможно, что их создала давно вымершая, бесследно исчезнув-

шая биоорганическая культура; не исключено, что прибыли они из другой галактики. Так или иначе, но появились они в непредставимой для нас древности.

Таких видов, как наш, населяющих иные планеты, развивающихся и погибающих, они наблюдали бессчётное множество и учёта им не вели. Попутно перенося органические молекулы от звезды к звезде, они, вероятно, даже способствовали расселению органики по Вселенной. Видели они и как из биокультур появлялись сети фон Неймана, создавались в ходе их ускоренной, но неустойчивой и в итоге нежизнеспособной эволюции. С точки зрения гипотетиков все мы казались своеобразными питомниками репликаторов. Странными, плодородными, хрупкими колыбелями.

С их точки зрения этот повторяющийся процесс беременности простыми сетями фон Неймана с последующей скорой гибелью породивших эти сети цивилизаций казался таинственным и трагическим.

Таинственным, потому что чередование событий в темпе, диктуемом органикой, в нашем масштабе времени, казалось им не только необъяснимым, но даже непредставимым.

Трагическим, потому что они начали расценивать эти предшествующие им культуры как биологические сети, родственные им самим, растущими, развивающимися, но преждевременно стираемые в труху отказавшими экосистемами планет.

Таким образом, с точки зрения гипотетиков Спин-оболочка служила для нашей защиты так же, как до нас они защищали подобными оболочками другие цивилизации. Но сохранять нас они намеревались не как музейные экспонаты, замороженные для обозрения. Они подвешивали нас в замедленном времени в ходе широкомасштабного эксперимента, имевшего целью построить из элементов, подобных нашей планете, обширный биологический ландшафт взаимодействующих и развивающихся цивилизаций, в иных условиях обречённых на гибель.

Последнее до меня дошло не сразу.

— Обширный биологический ландшафт? Что, больше Земли? — сдуру пролепетал я, сам себя не понимая.

Снаружи полностью стемнело. Речь Джейсона то и дело прерывали конвульсии, неартикулированные звуки, выкрики, которые я не упоминаю в данном повествовании. Время от времени я

проверял его пульс, ускоренный, но слабеющий.

— Гипотетики, — говорил Джейсон, — в состоянии манипулировать временем и пространством. Доказательства тому вокруг нас. Но создание временно́го кокона не исчерпывает их возможностей. При помощи пространственных петель они могут в буквальном смысле соединить нашу планету с другими подобными. С новыми планетами, с искусственными планетами, созданными по продуманному плану. Это путешествие мы можем совершить мгновенно и безболезненно… проникнуть по звеньям, мостам, структурам, созданным гипотетиками, собранным из вещества погибших звёзд, звёзд нейтронных… если это возможно… Конструкции, буквально пронизавшие время и пространство, протянутые терпеливо, постепенно, мгновенно, через миллионы лет…

Кэрол сидела с одной стороны кровати, я с другой. Во время конвульсий я придерживал его плечи, Кэрол гладила его по голове, когда он замолкал. Глаза его сверкали, отражая свет свечи, он пристально глядел куда-то в неведомые нам дали.

— Спин-оболочка на месте, она работает, мыслит, но временна́я функция истекла… завершена… Мерцание — попутный продукт процесса

выхода… Теперь оболочка стала проницаемой, так что сквозь неё может проникнуть в атмосферу что-то большое…

Впоследствии стало ясно, что он имел в виду, но тогда я склонялся к мысли, что он впадает в помешательство под влиянием перегрузки, обусловленной его связью с сетью гипотетиков.

Конечно же, я заблуждался.

* * *

Ars moriendi ars vivendi est — умение умирать составляет искусство жизни.

Прочитал я эту фразу вскоре после окончания медицинской школы, в период прохождения интернатуры, и вспомнил, сидя возле кровати Джейсона. Умирал он, как и жил, в героическом усилии постичь, понять, освоить. Его дар миру — плод этого постижения, не запертый семью замками, а свободный, открытый.

Нервная система Джейсона разлеталась вдребезги, разрушаемая не воспринимавшими этого разрушения гипотетиками, а у меня в памяти всплыла другая картина. Давным-давно, когда он катил вниз с холма на Бантам-Хилл-роуд на моём допотопном велосипеде. Я вспомнил, как умело, с почти балетной грацией он управлял

разваливавшейся на куски машиной, пока уже не осталось ничего, чем можно было бы управлять, пока он сам не стал игрушкой скорости и баллистики, пока порядок не превратился в хаос.

Тело его — а он ведь стал Четвёртым, не забывайте — тонкая машина. Оно не сдавалось, умирало трудно. Около полуночи Джейсон уже не мог говорить. Он выглядел испуганным, уже как будто проявилось в нём что-то нечеловеческое. Кэрол держала его за руку, повторяла, что он дома, в безопасности. Не знаю, слышал ли он её. Надеюсь, что слышал.

Вскоре глаза его закатились, мышцы расслабились. Лёгкие судорожно втягивали воздух чуть ли не до утра.

Потом я оставил его с Кэрол, нежно гладившей его голову и шептавшей ему что-то, как будто он мог её слышать. Я не заметил, что солнце взошло не вспухшим красным шаром, а ярким и совершенным, каким оно и было до снятия «Спина».

Четыре миллиарда лет от Рождества Христова

Все мы куда-то попадаем

Я оставался на палубе, когда «Кейптаун-мару» устремилась в открытое море.

Вместе с нами, убегая от хаоса и пожаров, Телук-Байюр покинула ещё дюжина судов. Все они ринулись к выходу из акватории, создав реальную опасность столкновения. Большинство из них — мелкие судёнышки сомнительной репутации и регистрации, вне зависимости от объявленного пункта назначения направлявшиеся в Порт-Магеллан. Их хозяевам и капитанам было что терять, в случае, если кто-нибудь вздумал бы рыться в судовых документах и сопоставлять их с грузом.

Мы с Джалой стояли рядом, вцепившись в поручни, и с тревогой следили за залихватским манёвром ржавого каботажника, отвалившего от задымленного берега и направившегося нам наперерез. Оба судна тревожно загудели, палубная команда «Кейптауна» настороженно следила за кормой, к которой быстро приближался нос

хулигана. Тот, однако, в последний момент успел отвернуть, и мы с Джалой вздохнули с облегчением.

Судно вышло на морской простор, качка усилилась, и я спустился вниз, к Ине и Диане, находившимся вместе с остальными эмигрантами в кают-компании команды. Эн сидел за столом рядом с Иной и родителями. Все они выглядели неважно, с физиономиями цвета свежего салата. Диане с учётом её ранения уступили единственное мягкое сиденье. Рана её перестала кровоточить, и она уже успела сменить одежду.

Через час спустился вниз и Джала. Он тут же крикнул, призывая всех обратить на него внимание, и произнёс очень яркую речь, которую Ина для меня перевела:

— Если выкинуть все цветастые похвальбы, суть в том, что судно в порядке, он передаёт от капитана привет и обещание, что качка должна прекратиться если не сегодня вечером, то завтра к утру. А до той поры…

В этот момент Эн, сидевший рядом с Иной, схватился за неё, и его вывернуло прямо ей в подол. Я подумал, что Эн прекрасно проиллюстрировал, что будет происходить с пассажирами «до той поры».

* * *

К концу второго дня, когда стемнело, я вывел Диану на палубу. К темноте палуба пустеет, можно без помех любоваться звёздами. Мы нашли местечко между сорокафутовыми контейнерами и кормовым мостиком, где можно было поговорить без помех и без свидетелей. Море притихло, звёзды сияли над вентиляторами и антеннами радиостанции и радара, как будто подвешенные на судовом такелаже.

— Ты ещё сочиняешь свои мемуары?

Диана, конечно, имела в виду чипы и карты памяти, бумажные блокноты и листки, которые она видела в багаже наряду с цифровой и фармацевтической контрабандой.

— Не так часто, — ответил я. — Сейчас это не кажется столь важным. Меня больше не мучает зуд в руках.

— Или больше не боишься забыть.

— Пожалуй.

— Чувствуешь себя иначе? — улыбнулась она.

Я новичок в четвёртом. Она — нет. Рана её уже закрылась, остался от неё лишь шрам, следующий округлости бедра. Способность её тела к регенерации меня поразила, хотя подразумева-

лось, что я наделён такой же.

Улыбалась она, потому что я раньше постоянно донимал её этим вопросом, имея в виду, конечно, чувствовала ли она изменения в своём отношении ко мне.

Толкового, удовлетворяющего меня ответа я от неё так и не получил. Очевидно, она стала другим человеком после сближения со смертью и воскрешением в «большом доме». А на кого бы такое не подействовало? Она потеряла мужа, потеряла веру, проснулась в мире, очутившись в котором, даже Будда недоумённо почесал бы затылок.

— Переход — лишь дверь, — продолжила она. — Дверь в комнату. Ты в этой комнате раньше не был, хотя, возможно, имел о ней какое-то представление. Теперь тебе в этой комнате суждено жить, это твоя комната, она тебе принадлежит. Ты не в состоянии изменить её конфигурацию, увеличить или уменьшить, но как её обставить, зависит от тебя.

— Притчами изъясняетесь, сударыня.

— Извини. Как могу. — Она подняла голову к звёздам. — Смотри, Тайлер, Арку видно.

Мы называем это Аркой вследствие присущей человеку близорукости. По сути, этот артефакт представляет собой кольцо диаметром в тысячу

миль, однако над водой поднимается лишь половина этого кольца. Остальное скрыто под водой и в глубинах земной коры, возможно (некоторые так утверждают), черпая энергию в раскалённом расплаве субокеанской магмы. Но с нашей муравьиной точки зрения это арка, высшая точка которой ушла далеко за атмосферу планеты.

Но даже и верхняя половина полностью видна лишь на фото из космоса, к тому же ретушированных, дабы выделить детали. Арка представляет собой как бы ленту, изогнутую в обруч. В поперечном сечении размер ленты является прямоугольником с короткой стороной в четверть мили и длиной в милю. Грандиозное сооружение это захватывает, однако, лишь ничтожный фрагмент космоса, человеческий глаз не всегда разглядит его на расстоянии.

Судно несло нас с южной стороны кольца, параллельно его радиусу и почти под его верхушкой. Верхняя часть Арки всё ещё сияла в лучах солнца, напоминая уже не гнутую U или J, а карикатурный рот нахмуренной физиономии. «Нахмурка Чеширского котика», — усмехнулась Диана. Арка хмурилась в северной части неба, звезды проплывали мимо неё, как фосфоресцирующий планктон, обтекающий нос судна.

Диана опустила голову мне на плечо:

— Жаль, что Джейсон её не видит.

— Он видел её. Только не под таким углом зрения.

* * *

После смерти Джейсона над «большим домом» нависали три проблемы.

Главное, конечно, — Диана. Физическое состояние её не менялось в течение нескольких дней после инъекции. Она оставалась в коматозном состоянии, её лихорадило, пульс трепыхался, как пойманная муха. Медикаментов не хватало, пить её приходилось заставлять чуть ли не насильно. Улучшение наблюдалось лишь в дыхании, всё более свободном и спокойном. Лёгкие её, во всяком случае, приходили в норму.

Вторая проблема, неприятная, аналогичная мучившей столь многих в те дни: похороны умершего члена семьи.

В последние дни мир захлестнула волна смертей. Убийства, самоубийства, автокатастрофы, пожары… Ни одна нация планеты не могла справиться с таким количеством смертей традиционными методами, и Штаты не составили исключения. Местное радио сообщало адреса

пунктов приёма трупов для массовых захоронений; администрация мобилизовала на выполнение этой задачи рефрижераторные фургоны мясоконсервных комбинатов, восстановленная телефонная сеть выделила специальный бесплатный номер для вызова — но Кэрол не желала и слышать об этом. Когда я намекнул об этой возможности, она изобразила оскорблённое достоинство и заявила:

— Никогда, Тайлер. Я не допущу, чтобы Джейсона швырнули в общую яму, как какого-то средневекового нищего.

— Кэрол, но как…

— Умолкни. У меня ещё сохранились кое-какие связи.

В прошлом уважаемый специалист, она, разумеется, располагала обширной сетью личных контактов, но чего эти контакты стоили через тридцать лет алкогольного затворничества? Тем не менее она провела утро за телефоном, выслеживала несколько изменившихся номеров, возобновляла знакомства, объясняла, упрашивала, умоляла. Мне эта затея казалась безнадёжной, но не более чем через шесть часов к дому подкатил катафалк, и двое явно переутомлённых, однако безукоризненно вежливых и весьма

квалифицированных мужчин вынесли тело Джейсона на сверкающих никелем носилках. Так он в последний раз покинул «большой дом».

Кэрол провела остаток дня рядом с Дианой, держала руку дочери, напевала ей песни, которых та, вероятно, не слышала. В этот вечер она впервые с того утра, как взошло вспухшее солнце, приложилась к бутылке. «Дежурная доза», — сказала она.

Третьей проблемой стал И-Ди Лоутон.

* * *

И-Ди следовало сообщить о смерти сына, и Кэрол взяла эту задачу на себя. Она призналась, что с бывшим мужем в последние годы общалась лишь через адвокатов, и что всегда его боялась — во всяком случае, когда хмель выветривался из головы. Он такой большой, агрессивный, устрашающий, напористый, а она такая маленькая, хрупкая, робкая, хитрая. Но её скорбь и печаль уравновесили чашки весов.

Не один час она собиралась с духом, но затем позвонила ему в Вашингтон — он оказался совсем рядом, в часе езды. Насчёт причины смерти она не распространялась, сказала, что по приезде у Джейсона было что-то вроде пневмонии, что ухудшение наступило как раз, когда рухнула

электросеть, отказали телефоны и мир покатился кувырком. Ни тебе скорой помощи, ни надежды…

Я спросил, как реагировал И-Ди на весть о смерти сына. Она пожала плечами:

— Сначала никак. Молчание — признак того, что ему больно. Его сын умер, Тайлер. Неожиданностью для него смерть Джейсона, по сути, не стала, если учесть то, что произошло в последние дни. Но ударила по нему. Сильно ударила.

— А про Диану вы ему сказали?

— Нет, решила промолчать. И что ты здесь, тоже не сказала. Джейсон и И-Ди постоянно грызлись, Джейсон прибыл домой после каких-то неприятностей в фирме, что-то его там испугало. И полагаю, это как-то связано с марсианскими снадобьями. Нет, Тайлер, не надо мне ничего объяснять. Не желаю слушать и вникать, всё равно ничего не пойму. Но кажется мне, что лучше будет, если И-Ди не припрётся сюда, не станет совать во всё свой нос и распоряжаться.

— Он спрашивал насчёт Дианы?

— Нет, Дианой не интересовался. Однако попросил позаботиться о сохранении тела Джейсона. Очень беспокоился об этом. Я сказала, что уже распорядилась, что будут похороны, что его известят.

Но он на этом не успокоился. Ему непременно нужно было вскрытие. Пошёл бы он… — Она смерила меня суровым взглядом. — Почему ему так нужно вскрытие, Тайлер?

— Не знаю, — сказал я.

Но я решил попытаться узнать. Я зашёл в комнату Джейсона. С кровати уже удалили бельё. Я открыл окно, уселся у комода и просмотрел то, что оставил Джейсон.

Он просил меня законспектировать его последние соображения о гипотетиках и их манипуляциях с Землёй, размножить и отправить в заготовленных им толстых, снабжённых подкладкой из пузырчатой плёнки конвертах, с уже надписанными адресами и адресатами — мне неизвестными — и наклеенными марками. Сделать это, когда жизнь войдёт в норму и почтовое снабжение нормализуется. Очевидно, отправляясь в «большой дом» за несколько дней до снятия «Спина», Джейсон не ожидал, что произнесёт такой монолог. Его терзало что-то другое. Его высказывания на смертном одре — позднейшее дополнение.

Я просмотрел конверты. Все надписаны рукой Джейсона. Среди адресатов всё же попалось знакомое имя — моё.

Дорогой Тайлер!

Сознаю, какой обузой висел на тебе в прошлом. Боюсь, снова придётся тебя озадачить, но в этот раз ставки существенно выше. Сейчас объясню, и извини за сбивчивость. Я должен торопиться, а почему — тоже объясню.

Недавнее проявление того, что окрестили «мерцанием», заставило администрацию Ломакса встрепенуться. Тому же причиной ещё несколько событий, менее широко известных. Вот лишь один из примеров: после смерти Ван Нго Вена изъятые из его тела пробы тканей исследовались на Плам-Айленд, в Центре контроля заболеваний животных, там же, где его мариновали в карантине по прибытии на нашу планету. Марсианская биотехнология тонка и изощрённа, но наши бравые патологоанатомы упорны и настойчивы. Не так давно до них, наконец, дошло, что физиология Вана, в особенности его нервная система, модифицирована намного более радикально, чем предполагают описанные в его архивах процедуры «четвёртого возраста». По

этой и некоторым другим причинам Ломакс и иже с ним начали принюхиваться и почуяли неладное. Они вытащили на свет божий И-Ди, поплакались ему, поделились подозрениями относительно мотивов Вана — в общем, снова пригласили в команду. И-Ди, разумеется, обрадовался возможности вернуть себе «Перигелион» и восстановить утраченные позиции, и он, насколько мог, подхлестнул этих параноиков из Белого дома.

Как может действовать наша администрация? Грубо, напролом. Ломакс — в смысле его советники — разработал план налёта на компаунд «Перигелиона» с целью захвата всего, что попадётся под руку из оставшегося от Вана, включая его пожитки и личные документы, а также наши рабочие материалы.

И-Ди ещё не додумался о связи между моим чудесным избавлением от АРСа и марсианской фармакопеей или, если додумался, не поделился со своими славными соратниками. Во всяком случае, мне хочется в это верить. Иначе меня давно бы сцапала служба безопасности

и после первого же анализа крови упрятала бы на весь остаток жизни в золотую клетку на Плам-Айленд, возможно, ту же самую, в которой держали Вана. Возможно, И-Ди всё же не хотел, чтобы меня превратили в подопытного кролика. Как бы он ни переживал моего «предательства», как бы ни винил в «краже» своего детища и в «сговоре» с марсианином, он всё же мой отец.

Однако мне повезло. Хотя я и не столь глубоко увяз в трясине Белого дома, у меня всё же существуют свои каналы, я поддерживаю свои связи. Это не столь могучий народ, но в определённом смысле куда более могущественный, нежели вашингтонские воротилы, люди яркие и честные, видящие дальше сиюминутной выгоды, заботящиеся о судьбе планеты. С их помощью я узнал о предстоящем рейде и — просто-напросто удрал. Так что теперь я беглец.

Ты, Тайлер, кстати, тоже под дамокловым мечом, хотя всего лишь как пособник. Это тоже может повлечь определённые последствия.

Извини, конечно, за то, что я вовлёк тебя в щекотливую ситуацию. Надеюсь как-нибудь получить возможность извиниться при личной встрече. А пока что могу лишь кое-что присоветовать.

Те цифровые материалы, которые я тебе всучил, когда ты оставлял «Перигелион», разумеется, совершенно сверхсекретны, это выжимки из архивов Ван Нго Вена. Можешь их сжечь, закопать, пустить в Тихий океан — не страшно. Годы проектирования космических аппаратов приучили меня не забывать об избыточности. Эта контрабандная мудрость Вана поехала от меня к дюжине надёжных индивидов по всей стране и — о ужас! — за её пределами, по всему миру. В интернете её, правда, пока ещё никто не выставил, таких отчаянных не нашлось, но птичка улетела. Это с моей стороны в высшей степени непатриотично и преступно. Если меня сцапают, не избежать обвинения в государственной измене. Пока же я пользуюсь своей временной свободой.

Однако я не считаю, что информацию такого рода, включающую и протоколы

модификации человека, излечивающей тяжелейшие заболевания, надлежит хранить под спудом в узконациональных интересах, даже если раскрытие этой информации может вызвать нежелательные побочные проблемы.

Ломакс и приручённый им Конгресс, разумеется, не разделяют моего мнения. Посему я рассылаю остатки архивов и «делаю ноги». Придётся скрываться. Скорее всего, тебе следует сделать то же самое. Тебя к этому принудят. Рано или поздно все, кто со мной контактировал, попадут под федеральную лупу.

Альтернатива для тебя — явиться в ближайший офис ФБР и выложить это моё послание. Поступай так, если сие подскажет тебе твоя гражданская совесть. Я тебя ни в чём не обвиню, но исход этого варианта, мягко говоря, сомнителен. Мой опыт подсказывает, что такое патриотичное поведение тебя ни в коей мере не спасёт от каталажки.

Ещё раз извини за то, что втянул тебя в эти дрязги. С моей стороны неэтично. Я с тебя слишком много спрашивал как с

друга — но всегда гордился правом называть тебя своим другом.

Может, И-Ди прав в одном: наше поколение тридцать лет боролось за то, что «Спин» украл у нас той октябрьской ночью. А стоило ли? Не за что цепляться в этой развивающейся Вселенной, и ничего не приобретёшь в тщетных потугах. Этому прозрению я, можно сказать, обязан своей «четвёртости». Мы эфемерны, как капли дождя. Мы все падаем, и все куда-то попадаем. Все где-то приземлимся.

Падай свободно, Тайлер. Используй прилагаемые документы, если посчитаешь нужным, каким угодно способом. Они весьма дороги и весьма надёжны. Хорошо иметь друзей в высших сферах.

«Прилагаемые документы» все удостоверяли мою — выразимся так условно — личность. Набор подлинных удостоверений, водительских прав, свидетельств о рождении, страховых свидетельств, даже медицинские дипломы. Все с моими данными, но с именами, даже отдалённо не напоминающими моё подлинное.

* * *

Диана уверенно выздоравливала. Пульс её наполнялся, лёгкие очистились, хотя температура всё ещё не спадала. Марсианское средство выполняло свою задачу, перестраивало её изнутри, корректировало и редактировало её ДНК.

По мере выздоровления она осторожно начала задавать вопросы. О солнце, о пасторе Дэне, о путешествии из Аризоны в «большой дом». Ответы я модифицировал, учитывая её состояние. Она неоднократно интересовалась Саймоном. В минуты просветления я рассказывал ей о рыжей телице и возвращении звёзд, когда же сознание её помутнялось, я ссылался на то, что Саймон «где-то» в другом месте и что я пока позабочусь о её благосостоянии. Ни истинные, ни ложные ответы её, казалось, не удовлетворяли.

Часто она часами лежала, подпёрши щёку кулаком, уныло уставившись в окно, наблюдая, как ветер треплет вывешенное для просушки выстиранное бельё. Иногда ею овладевало беспокойство. Однажды ближе к вечеру она потребовала бумагу и перо. Получив принадлежности, она исписала не один лист повторяющейся фразой «Разве я сторож брату моему?» — тру-

дилась, пока ручка не выпала из скрюченных судорогой пальцев.

— Я сказала ей о Джейсоне, — призналась Кэрол, когда я показал ей этот последний автограф Дианы.

— Вы уверены, что не преждевременно?

— Рано или поздно… Она это одолеет, Тайлер. Не беспокойся. С Дианой всё будет в порядке. Она всегда всё осиливала.

* * *

Утром в день похорон Джейсона я приготовил к отправке оставленные им конверты, добавив в каждый запись последней моей с ним беседы. Опустил я их в случайный почтовый ящик по дороге к местной церкви, в которой предстояла заупокойная служба. Возможно, их не вынут в этот же день, думал я, потому что почтовая служба ещё не полностью оправилась от шока, но всё же там, в почтовом ящике, они лучше сохранятся, чем в «большом доме». Такими вот мотивами я руководствовался.

«Церковь» оказалась залом для погребальных церемоний без выраженной религиозной направленности на оживлённой пригородной магистрали. Автомобильное движение уже вос-

становилось в полном объёме, все ограничения по типам машин и местам их проезда сняли. Джейс всегда питал отвращение к религиозным обрядам и службам любого рода, в том числе и к погребальным, но Кэрол настояла, чтобы всё прошло «как положено», пусть даже формально и бездуховно. Она согнала заметного размера толпу, состоявшую, по большей части, из соседей, наблюдавших за карьерой Джейсона по телевизионным новостям и газетам. Можно сказать, что присутствующих привлёк его статус увядшей знаменитости.

Я произнёс несколько прощальных слов. Диана, конечно, смотрелась бы на трибуне лучше, но состояние не позволяло ей покинуть постель. Я сказал, что Джейс посвятил свою жизнь научным исследованиям не ради славы, а ради знаний, что он понимал, что знания не создаются, а открываются, что на них не распространяется право собственности, что ими нужно делиться с соседями, с потомками. Джейсон умел делиться и остался частью системы знаний, он вплёлся в его универсальную галактическую сеть.

И-Ди вошёл в церковь, когда я стоял на трибуне, и весьма внимательно вслушивался в мои слова. Узнал он меня, пройдя уже половину прохода

между рядами, тут же остановился и опустился на ближайшее свободное место.

И-Ди похудел, сбрил остатки жидких седин, и теперь на плеши его серебрилась короткая щетина. Выглядел он, однако, всё ещё импозантно. Костюм скроен как на манекен, нигде ни миллиметра слабины. Величественно сложив руки на груди, он обозрел помещение, проинспектировал присутствующих и остановил орлиный взор на Кэрол, как будто примеривался, как лучше просверлить в ней дырку.

Служба подошла к концу, Кэрол поднялась и с достоинством кивала подходившим цепочкой соболезнующим. Она много плакала в последние дни, но сейчас сохраняла присутствие духа, глядела даже с каким-то оттенком цинизма. И-Ди подошёл к ней, когда все остальные уже разошлись. Она напряглась, как кошка, почуявшая присутствие более крупного хищника.

— Кэрол, — бесстрастно проронил И-Ди и кислым тоном добавил в мою сторону: — Тайлер…

— Умер наш сын, — сказала Кэрол. — Нет больше Джейсона.

— Потому я и здесь.

— Надеюсь, ты здесь, чтобы выразить скорбь…

— Разумеется.

— ...а не по какой-либо иной причине. Потому что он прибыл домой, спасаясь от тебя. Полагаю, тебе это известно.

— Мне известно всё и ещё немного. Джейсон сбился с пути.

— Его можно во многом обвинить, но не в том, что он заблудился. Я была с ним до самой его смерти.

— Да что ты? Это интересно. А я, в отличие от тебя, был с ним при жизни.

Кэрол вздрогнула, как будто он её ударил.

— Ты прекрасно знаешь, Кэрол, что я поднял Джейсона. Я сделал его. Тебе может не нравиться его жизнь, но я дал ему именно такую, я дал ему цель в жизни.

— Я родила его.

— Это физиологический акт, а не моральный. Всё, что было в Джейсоне, заложено мной. Всё, что он знал, он узнал от меня.

— Больше плохого, чем хорошего.

— И ты хочешь меня обвинить в том, что у меня существуют определённые заботы практического плана...

— О-о, твои заботы всегда весьма практического плана.

— В этот раз весьма. Я забираю его для вскры-

тия.

— Не глухая, можешь не повторять. Ты уже сообщил мне это по телефону. Но это недостойно, и к тому же невозможно.

— Я полагал, что ты отнесёшься к моим заботам серьёзнее. Очевидно, я ошибся. Но мне твоё разрешение без надобности. Со мной люди, у которых предписание агентства по чрезвычайным ситуациям.

Она отступила на шаг назад:

— О, великий и могучий!

— В этом вопросе, Кэрол, ничто не зависит ни от меня, ни от тебя. Здесь действуют государственные интересы, причём никому не во вред. Так что давай попытаемся сохранить видимость взаимного уважения и достоинства. Позволь мне забрать тело моего сына.

— Не могу.

— Кэрол…

— Я не могу отдать тебе его тело.

— Ты меня не слушала. У тебя нет выбора.

— Нет, И-Ди, это ты меня не слушал. Я не могу отдать тебе тело. Я не в состоянии отдать тебе тело.

Он открыл и закрыл рот, заподозрив что-то неладное:

— Кэрол… Что ты сделала?

— Нет тела. Нет больше. — Её губы искривились в горькую хитрую усмешку. — Но пепел, конечно, можешь забрать, если настаиваешь.

* * *

Я отвёз Кэрол обратно в «большой дом», где во время нашего отсутствия присматривал за Дианой сосед Эмиль Харди, прекративший выпуск своей «газеты», как только восстановили электроснабжение.

— Мы с Дианой вспоминали старые времена, — рассказал Харди перед тем, как попрощаться. — Помню, как детишки раскатывали по дороге на велосипедах. Давненько это было, сколько лет прошло… А что у неё с кожей?

— Да ничего страшного, это не заразно. Скоро пройдёт, не беспокойтесь.

— Очень необычно, никогда такого не видел.

— Это верно, необычно. Спасибо вам, Эмиль.

— Заходите как-нибудь к нам с Эшли к ужину, Кэрол.

— Спасибо большое. Передайте Эшли привет. — Закрыв за Эмилем дверь, она повернулась ко мне: — Надо срочно выпить. Но есть дела и более срочные. И-Ди знает, что вы с Дианой здесь. Так

что вам обоим надо как можно скорее убираться. Осилишь, Тайлер? Сможешь спрятаться так, чтобы И-Ди не нашёл?

— Смогу, конечно. А вы как же?

— А чего мне опасаться? Ну пришлёт И-Ди своих бандитов, искать, что после Джейсона осталось, что неблагодарный сын якобы украл у доброго папочки. От тебя зависит, чтобы он ничего не нашёл. Дом он у меня не отберёт, этот вопрос давно улажен. В основном между нами мир, если не считать стычек местного значения. А вот тебе угрожает реальная опасность. И Диане он нагадит, даже если не специально.

— Я этого не допущу.

— Тогда давай собираться. Времени вряд ли слишком много осталось.

* * *

За день до предстоящего вхождения «Кейптаун-мару» в Арку я вышел на палубу, чтобы встретить восход. Арка поначалу оставалась полностью невидимой, её нисходящие «опоры» скрывались за восточным и западным горизонтами, но за полчаса до зари верхушка засветилась резкой линией практически в зените, прямо над головой.

Через несколько часов, ближе к полудню, эту

линию скрыли высокие перистые облака, но все знали, что она там, над нами.

Близость перехода действовала на всех. Не только пассажиры, но и опытные члены экипажа нервничали. Команда с повышенным усердием занималась своими скучными повседневными делами: кто-то драил палубу, кто-то счищал старую краску и наносил на очищенные поверхности новую, кто-то перебирал такелаж. В движениях наблюдалась какая-то резкая лихость, в позах — подтянутость. Ещё вчера все они вели себя иначе. Джала вышел на палубу в обнимку с пластиковым стулом и присоседился ко мне, укрывшись от ветра за большим сорокафутовым контейнером, но оставив за собой возможность созерцать поверхность моря.

— Последняя моя прогулка на ту сторону, — сказал Джала. Погода баловала, и он оделся в просторную жёлтую рубаху и джинсы. Рубашку Джала расстегнул на груди, жмурясь, подставился солнцу. Он лихо щёлкнул кольцом пивной жестянки, вынутой из палубного холодильника. Весь вид его и все действия показывали, что передо мной человек светский, которому начхать с высокого минарета и на мусульманский шариат, и на минангский адат. — В этот раз возвращения

не будет.

Он сжёг все мосты — в буквальном смысле, если и мятеж в порту организовал он. Уж очень удачно эти взрывы прикрывали наше бегство, хотя и сами мы рисковали пасть их жертвами. Уже много лет Джала занимался людской контрабандой, гораздо более доходной, чем его легальный бизнес. Из людей можно выжать больше денег, чем из пальм масла, любил повторять Джала. Однако в последнее время усилилась индийская и вьетнамская конкуренция, ужесточился политический режим, и Джала решил, что лучше провести остаток жизни на покое в Порт-Магеллане, чем в тюрьме новых реформазов.

— Вы уже совершали переход?

— Дважды.

— Трудно?

Он пожал плечами:

— Не всему верь, что слышишь.

К полудню почти все пассажиры высыпали на палубу. Кроме минангкабау на борту оказались аченезы — горцы из северной части Суматры, а также проделавшие долгий путь до Телук-Байюра малайцы и тайцы — всего набралось нас около сотни, слишком много для кают, так что под спальни приспособили и три алюминиевых

контейнера в трюме, оборудованных принудительной вентиляцией.

Эта подпольная эмиграция ничуть не походила на прежнюю мрачную, часто связанную со смертельным риском контрабанду людей в Европу и Северную Америку. Большинство нелегальных эмигрантов просто не хотели дожидаться своей очереди в жалких квотах программ переселения ООН. Они платили и получали то, за что платили. Команда относилась к нам уважительно. Многие из членов экипажа провели месяцы в Порт-Магеллане и ориентировались в его прелестях и пакостях, соблазнах и ловушках.

Матросы выгородили часть главной палубы под футбольное поле для детей, оградили его сетями. Группа пацанов гоняла мяч, иной раз перелетавший через сетку и пару раз угодивший в Джалу, очень этим недовольного. Джалу сегодня всё раздражало.

Я спросил его, когда произойдёт переход.

— Если верить нашему шкиперу и если не изменится скорость, то часов через двенадцать.

— Наш последний день на Земле.

— Не шутите так.

— Но ведь это буквально так.

— И потише. Моряки — народ суеверный.

— Пак Джала, чем вы займётесь в Порт-Магеллане?

Джала хмыкнул:

— Чем… Женским полом, конечно. Красавицами… а может, и уродинами. Чем ещё можно там заниматься?

Тут мяч снова перелетел через сетку и, как назло, угодил в Джалу. Рассвирепевший Джала прижал мяч к животу:

— Я вас предупреждал, чёрт возьми! Всё, игра закончена!

Пацаны прижались к сетям, завопили. Эн оказался самым храбрым. Он подскочил к Джале, потный, возбуждённый, дыша как паровоз. Его команда побеждала.

— Дай, пожалуйста.

— Мяч хочешь? — Джала вскочил, выпрямился, как будто разозлившись ещё больше. — Хочешь? Получай! — Он размахнулся и швырнул мяч за борт, в сине-зелёную пустыню Индийского океана.

Эн на секунду замер, потом тихо произнёс что-то на минанг.

Джала побагровел, размахнулся и влепил мальчику оплеуху такой силы, что очки соскочили с носа Эна и запрыгали по палубе.

— Извинись, — потребовал Джала.

Зажмурив глаза, Эн упал на одно колено, всхлипнул. Встал, отошёл за очками, снова насадил их на нос. После этого с очень серьёзным видом подошёл к Джале.

— Нет, — сказал он тихо. — Ты извинись.

Джала ахнул, выругался, замахнулся. Эн сжался.

Я перехватил руку Джалы.

Джала удивлённо повернулся ко мне:

— В чём дело?

Он попытался выдернуть руку, но я её не выпустил.

— Не надо, — сказал я.

— В чём дело? — возмутился Джала. — Я делаю, что хочу.

— Отлично, — согласился я. — Только не надо больше драться.

Джала задохнулся от возмущения:

— И это… И это после всего, что я для вас сделал…

Он снова глянул на меня. Не знаю, что он увидел в моём лице, не понимаю, что я сам ощущал в этот момент. Но что-то смутило Джалу. Рука его обмякла, сам он как-то расслабился.

— Стебанутые американосы, забодай тебя ишак, —

пробормотал он, повернулся к небольшой толпе детей и матросов и обиженным тоном объявил: — Пойду на камбуз. Хоть там найду покой и должное уважение.

И он двинулся прочь.

Эн всё ещё глазел на меня с разинутым ртом.

— Извини, — сказал я ему. Он молча кивнул.

— Мяч теперь уж не вернёшь, — добавил я.

Эн потрогал щёку, по которой его ударил Джала.

— Да ладно, — пробормотал он.

Позже, после ужина с командой, через несколько часов после перехода, я рассказал Диане об инциденте.

— Я сделал это как-то автоматически. Казалось, совершенно естественно. Можно сказать, рефлекторно. Наверно, это атрибут Четвёртого.

— Вполне возможно. Защита жертвы, особенно ребёнка. Мгновенно, без колебаний, без размышлений. Я чувствовала нечто продобное в себе. Вероятно, марсиане закодировали это в перестройку нервной системы. Если они вообще способны манипулировать чувствами, то почему бы и нет… Если бы с нами был Ван Нго Вен, он мог бы объяснить, так? Или Джейсон. Ты действовал, не чувствуя принуждения?

— Нет, совершенно естественно.

— Не стесняясь, не раздумывая?

— Нет-нет. Ощущая правоту.

— Но до перехода в Четвёртый ты бы так не поступил.

— Может быть, и поступил бы так же. Или захотел бы так поступить. Но, возможно, пока бы раздумывал и взвешивал, время бы ушло.

— В общем, ты не сожалеешь.

Нет, я не сожалел. Просто удивлялся. Это ведь был не только я, но и марсианин во мне. Так сказала Диана, и я ей поверил. Но к этому следовало привыкнуть. Как и при любом другом переходе — от детства к юношеству, от юношества к зрелости — открывались новые возможности, приходилось принимать новые условности, испытывать новые ощущения и сомнения.

И снова я сам себе чужак.

* * *

Я почти закончил сборы, когда Кэрол, уже немного навеселе, сошла вниз, держа в руке коробку из-под обуви.

Коробку с надписью «Школа».

— Возьми с собой. Твоей матушки.

— Если она для вас что-то значит, Кэрол, оставь-

те её у себя.

— Спасибо, но я уже изъяла, что хотела.

Я открыл коробку.

— Письма.

Из коробки исчезли анонимные письма, адресованные моей матери.

— Точно. Ты их читал?

— Нельзя сказать, что читал, но понял, что любовные письма.

— Бог мой, Тайлер, что за сю-сю-сю… Любо-овные… Я их представляю себе как восторженную дань… Ну там, что-то возвышенное, в таком вот духе. Они совершенно целомудренны, если вникнуть. Без подписи. Белинда получала их, когда мы учились в университете. Она встречалась с твоим отцом и, конечно, не могла их ему показать. Он ей сам письма писал. Вот она и делилась со мной.

— Она так и не узнала, кто их автор?

— Так и не узнала.

— А ведь, наверное, хотела узнать.

— Ещё бы. Но они с Маркусом уже обручились. С Маркусом она познакомилась, когда он и И-Ди запускали свой первый бизнес, конструировали и производили первые высотные воздушные шары, стратостаты. Маркус называл это «технологией синего неба». Не без идеализ-

ма, конечно, с сумасшедшинкой парень, твой родитель. Белинда называла Маркуса и И-Ди «братьями Цеппелинами». Ну, мы с Белиндой стали «сестрички-цеппелинки». Я тогда и начала флиртовать с И-Ди. И вся моя затея, и позднейший брак с И-Ди — лишь попытки удержать твою матушку в пределах досягаемости как мою ближайшую подругу.

— Письма…

— Интересно, что она их не выкинула, правда? Я потом спросила, почему. И она ответила: «Потому что они такие искренние…» Так она выразила своё уважение тому, кто их написал. Последнее пришло за неделю до её свадьбы. И всё. А через год я вышла замуж за И-Ди. Мы и впоследствии тесно дружили семьями, она тебе говорила? В отпуск ездили вместе, в кино ходили, в кабачки. Белинда ко мне в больницу бегала, когда я рожала двойню, а я к ней, встретила её дома, когда она вернулась с тобой. И тут Маркус… Да… Чудесный парень был. Юмора в нём, причём не злого, тёплого… Кроме него, никто на свете не мог заставить И-Ди засмеяться. Только вот рисковать любил. И вот пожалуйста. Мало того что Белинда от горя чуть с ума не сошла, так он её ещё и голой оставил. Просадил все сбережения, а за дом надо

было платить. Так что, когда И-Ди переселился на восток, и мы купили это имение, вполне естественным казалось пригласить её сюда.

— Экономкой, — добавил я.

— Экономка — это идея И-Ди. Я хотела лишь, чтобы Белинда была рядом. Мой брак не был таким гармоничным, как её. Между мной и И-Ди с самого начала начались трения. Белинда оставалась моим единственным другом. Наперсницей, можно сказать. Почти. — Кэрол улыбнулась. — Да, почти.

— И поэтому вы хотите сохранить эти письма, как часть вашей общей жизни.

Она улыбнулась мне, как малому придурку.

— Ох, Тайлер, и тугодум же ты… Это мои письма. Я их писала. Ну, чего остолбенел? Твоя мать насквозь гетеросексуальна, таких цельных женщин я на своём веку не встречала. Мне не повезло с ней. Моя любовь была совершенно безнадёжной, но я ничего не могла с ней поделать. Больше того, я даже вышла замуж за мужчину, который мне не нравился, только чтобы остаться с нею рядом. И за все эти долгие годы я ни разу ни словом себя не выдала. Только в этих письмах. Мне приятно было, что она их не выкинула, хотя какое-то время это казалось даже и небезопасным. Взрывчатый

материал, некоторым образом, да… хранящиеся на открытом месте свидетельства моей глупости. Когда Белинда умерла, я немножко запаниковала. Попыталась спрятать коробку. Хотела сжечь письма, но не смогла себя заставить. А после развода мне уже нечего было бояться, я взяла их себе. Ведь это мои письма, Тайлер. Они всегда оставались моими.

Я не знал, что и сказать. Кэрол посмотрела на меня и печально покачала головой. Она положила свои хрупкие руки мне на плечи:

— Да не переживай ты так. Мир полон сюрпризов. Мы рождаемся чужими друг другу и самим себе, и познакомиться очень трудно.

* * *

Четыре недели я провёл в Вермонте, в мотеле, выхаживая Диану до полного выздоровления.

Я имею в виду её физическое выздоровление. Эмоциональная травма, полученная на ранчо Кондона, оставила её истощённой и замкнутой. Диана закрыла глаза на мир, который, казалось, дошёл до своего конца, и открыла их в другом мире, в котором не ориентировалась. И не в моей власти оказалось приспособить её к этому миру.

Я помогал ей посильно. Объяснял то, что сле-

довало объяснить, и то, о чём она спрашивала. Ничего от неё не требовал и давал понять, что ничего не потребую в награду.

Её интерес к изменившемуся миру просыпался постепенно. Она спрашивала о вернувшем себе вполне пристойный облик солнце, и я поведал ей то, что рассказывал Джейсон: что Спин-оболочка оставалась на месте, даже когда мы думали, что она «отключилась», что она защищала нас, ослабляла солнечную радиацию до приемлемого для экосистемы планеты уровня.

— А зачем же её отключали на семь дней?

— Не отключали, Диана, она оставалась на месте. Но за это время что-то прошло сквозь мембрану.

— Эта штука в Индийском океане?

— Да.

Она захотела прослушать записи последней беседы Джейсона, слушала и плакала. Спросила, забрал ли И-Ди пепел Джейсона или оставил его Кэрол. Ни то, ни другое не соответствовало действительности.

Кэрол передала прах Джейсона мне, велев распорядиться им так, как я считаю нужным.

— Ужасная правда, Тайлер, в том, что ты знаешь его лучше, чем я. Джейсон для меня всегда оста-

вался загадкой. Сын своего отца. А ты его друг.

Мы наблюдали, как мир снова открывает сам себя. Погибших похоронили, осиротевшие и испуганные начали понимать, что у планеты снова появилось будущее, каким бы необычным оно ни казалось. Для нашего поколения опыт странноватый. Мантия обречённых, ставшая уже привычной, свалилась с плеч, без неё казалось неудобно. Что делать, если ты уже не драматически обречён, а банально смертен?

Мы наблюдали репортажи с Индийского океана, где грандиозная конструкция внедрилась в тело планеты. Океанская вода всё ещё кипела возле громадных, казавшихся абсолютно вертикальными столбов. Суда, проходившие сквозь Арку, как её сразу стали называть, возвращались в порты с историями о потерянных ориентирах, странной погоде, взбесившихся компасах, диковинных берегах, где прежде не было никакой суши. Разные страны направляли к Арке свои военные корабли и соединения. Завещание Джейсона намекало на объяснение, но слышали его лишь немногие: мы с Дианой да дюжина адресатов его писем.

Диана начала упражняться, бегала по дорожке за мотелем, возвращаясь с запахом сухих ли-

стьев и дыма в волосах. Аппетит её улучшился, улучшилось и меню в кафе мотеля. Поставки нормализовались, экономика возвращалась в наезженные колеи.

Мы узнали, что на Марсе происходили аналогичные процессы. Между Марсом и Землёй вёлся оживлённый радиообмен. Президент Ломакс во время одного из своих выступлений даже намекнул на возможность пилотируемых космических полётов в качестве первого шага для установления контактов «с нашими братьями», как он выразился с наигранным воодушевлением.

Мы говорили о прошлом, о будущем. Говорили о стране, о планете, о космосе. Не касались лишь наших отношений. И уж, конечно, не бросались в объятия друг к другу. То ли мы знали друг друга слишком хорошо, то ли вообще почти не знали. У нас было прошлое, но не было настоящего. Диану давило исчезновение Саймона под Манассасом.

— Он чуть тебя не угробил, — мрачно замечал я.

— Он не нарочно. Он не злой, и ты это знаешь.

— Такой дурак опаснее врага, — ядовито замечал я. — Извини, я хотел сказать «такой наивный».

Диана задумчиво уставилась куда-то вдаль.

— Знаешь, пастор Боб Кобел в «Иорданском табернакле» часто употреблял фразу: «Сердце его возопило к Господу». Если это к кому подходит, так именно к Саймону. Вообще-то эта фраза к кому угодно подходит, она универсальна. К тебе, ко мне, к Саймону. Даже к Кэрол. Даже к И-Ди. Когда люди понимают, сколь велика Вселенная и сколь коротка наша жизнь, сердце их вопиет. Иногда это вопль радости. В случае Джейсона, например. Этого я в нём не могла понять, его дара восторгаться. Но большинство из нас вопит от ужаса. Ужас перед исчезновением, ужас перед своей незначительностью. Уж там к Господу ли вопием или просто вопим благим матом, чтобы заглушить молчание. — Она откинула со лба волосы, и я заметил, что рука её, ещё недавно тонкая и бессильная, округлилась и налилась плотью. — И вот я думаю, что вопль сердца Саймона — чистейший человеческий звук, возможный в нашем мире. Да, он нерассудителен, да, он часто заблуждается, почему и сменил столько церквей: «Новое царство», «Иорданский табернакл», община Кондона… Но вопль его чист и полон заботы о душе человеческой.

— И в заботе о тебе убил бы тебя.

— Я не говорю, что он мудр. Я утверждаю, что

в нём нет зла.

Впоследствии я осознал этот тип беседы. Так рассуждают Четвёртые. Отстранённо, но заинтересованно. Глубоко лично, но объективно. Не могу сказать, что мне это не понравилось, но иногда по спине мурашки ползли.

* * *

Вскоре после того, как я объявил её полностью выздоровевшей, Диана сообщила мне, что хочет уехать. Я спросил, куда она собирается. Она сказала, что должна разыскать Саймона, «всё уладить» так или иначе. В конце концов, они всё ещё женаты. И это для неё имело значение, независимо от того, жив он или умер.

Я напомнил ей, что у неё нет ни денег, ни места, где остановиться. Она сказала, что как-нибудь перебьётся. Что ж, я выдал ей одну из кредитных карточек, оставленных мне Джейсоном, и предупредил, что не знаю, насколько эта карточка финансово весома, какие у неё кредитные лимиты и не сможет ли кто-нибудь её по этой карточке выследить.

Она спросила, как со мной связаться.

— Позвони, — сказал я.

Она знала мой номер. Номер остался прежним,

я хранил его уже много лет. Номер телефона, который я постоянно носил с собой, но который очень редко звонил.

И я отвёз её на автобусный вокзал, где она сразу затерялась в толпе туристов, сбитых с толку концом «Спина».

* * *

Телефон зазвонил через полгода, когда газеты ещё посвящали пространные статьи «новому миру», а кабельные сети начали показывать скалистые берега где-то «за Аркой».

К этому времени сквозь Арку прошли уже сотни больших и малых судов, среди которых некоторые несли солидные научные экспедиции под эгидой ООН или Международного геофизического года, в сопровождении военного эскорта и медиакорпуса. Устремились туда и траулеры, возвращавшиеся с трюмами, полными рыбой, которая при слабом освещении могла показаться треской. «Арочный» рыбный промысел строго воспрещался всеми национальными и международными надзорными инстанциями, что не помешало «арочной треске» проникнуть на рыбные рынки Юго-Восточной Азии. Рыбка оказалась вкусной и питательной. Что, как выразился бы

Джейсон, «кидало намёк». Когда рыбу проанализировали «по косточкам», обнаружили, что её геном допускает отдалённое родство с земным животным миром. Новый мир оказался не просто обитаемым, но гостеприимным, как бы созданным «под человека».

— Нашёлся Саймон, — сообщила мне Диана.

— И?

— Живёт на трейлерной стоянке под Вашингтоном. Подрабатывает ремонтом всякой домашней техники и сантехники. Велосипеды, тостеры, унитазы… В основном, конечно, на социальное пособие. Пристроился к церквушке пятидесятников.

— Обрадовался тебе?

— Постоянно каялся, просил прощения за то, что случилось на ранчо. Сказал, что хочет заслужить прощение. Спросил, чем может мне помочь.

Телефон слегка взмок в моей судорожно сжатой ладони.

— Н-ну, и что ты?

— Я попросила о разводе. Он не спорил. И ещё сказал, что я сильно изменилась, что что-то во мне незнакомое. И мне показалось, что это изменение ему не понравилось.

Серный дух преисподней почуял, подумал я.
— Тайлер, я действительно так изменилась?
— Всё меняется.

* * *

Намного более знаменательным оказался следующий её звонок, годом позже, заставший меня в Монреале. Использовав фальшивые документы Джейсона, я ждал подтверждения своего иммигрантского статуса и подрабатывал в службе надомного медицинского обслуживания в Утремоне.

Со времени последнего звонка Дианы базовая динамика Арки более или менее прояснилась. Факты не устроили бы всякого, кто рассматривал эту конструкцию как застывшее образование или простые «ворота». Другое дело, если рассмотреть Арку как сложное разумное сооружение, анализирующее события и манипулирующее ими.

Арка соединяла два мира, пропуская из одного в другой лишь суда с людьми на борту, причём проходящие сквозь неё лишь с южной стороны.

Что это означало? Для ветра, облаков, океанских течений, птиц Арка представляла собой лишь два странных утёса бесконечной высоты, на которых даже гнезда не совьёшь. Два верти-

кальных столба между Индийским океаном и Бенгальским заливом.

Расторопное агентство морских круизов в Мадрасе мгновенно запустило рекламу путешествия на прекрасную планету, отпечатало красочные плакаты. Интерпол прикрыл это мероприятие. В ООН активно мололи языками, пытаясь выработать «отношение» к новому явлению. Но мадрасские плакаты не врали. А что, как, почему? Спросите гипотетиков.

Диана оформила свой развод, но работы не нашла, чем заняться, не представляла.

— Может быть, если вернуться к тебе… — В этом её «может быть» не звучало ничего от Четвёртого. — Если ты не возражаешь. Честно говоря, мне нужна помощь. Найти своё место, обосноваться…

Я устроил ей работу в клинике и оформил документы на проживание. Осенью она прибыла в Монреаль.

* * *

Процесс сближения развивался у нас медленно, старомодно (может, даже по-марсиански), мы исследовали друг друга, взаимно притирались к произошедшим в нас изменениям. Нас больше

не сдерживал «Спин», но и не подгоняла детская нетерпеливость, стремление приткнуться к тёплому боку партнёра, не столь важно, какого. Мы сблизились как взрослые, осознавшие себя индивиды.

Население планеты уже выросло до восьми миллиардов. Множились окутанные ядовитыми испарениями мегаполисы: Шанхай, Джакарта, Манила; береговой Китай представлял собой сплошной многомиллионный супергород; Лагос, Киншаса, Найроби, Мапуто, Каракас, Ла-Пас, Тегусигальпа… — моря огней, кроличьи садки планеты. Чтобы отсосать людской гной из этих нарывов, потребовался бы не один десяток Арок, но к уже имеющейся, не дожидаясь решений ООН, устремился поток переселенцев, беженцев, первопроходцев, прятавшихся в трюмах купцов-нелегалов, иной раз прибывавших в Порт-Магеллан задохнувшимися и не подлежащими реанимации.

Порт-Магеллан стал первым поселением нового мира, получившим собственное имя. Очертания этого мира постепенно картографировались, в основном, с воздуха. Порт-Магеллан обосновался на восточной оконечности материка, названного Экваторией. Второй материк, более крупный,

оседлал Северный полюс планеты и уходил на юг в зону умеренного климата. Южное полушарие изобиловало островами и архипелагами.

Климат планеты радовал, воздух как нельзя лучше подходил для дыхания, сила тяжести составляла 95,5 процента земной. Оба континента казались скатертями-самобранками, ждущими гостей. Реки и моря изобиловали рыбой. В трущобах Дуалы и Кабула рассказывали, что с веток деревьев Экватории свисал готовый ужин, а меж корнями этих деревьев сладко спалось.

Однако не так всё просто. Порт-Магеллан объявили анклавом ООН, навели в нём декоративный порядок и стационировали там гарнизон и полицию. Город, естественно, мгновенно оброс трущобами бидонвилей, никем не управляемых и весьма небезопасных. Но вдоль побережья одна за другой возникали рыбачьи деревни, на берегах лагун Рич-бей и Осси-харбор началось строительство отелей для туристов, плодородные земли долин рек Белой и Новой Иравади притягивали фермеров.

Но самой сенсационной новостью из нового мира стало открытие второй Арки, в полумире от первой. Новая Арка вела ещё в один мир, согласно первым сообщениям не столь привле-

кательный, — разве что разведчики попали туда в сезон дождей.

* * *

— Наверняка есть и ещё такие же, как я, — сказала однажды Диана, уже на шестом году постспиновой эры. — Хотела бы я с ними встретиться.

Я вручил ей марсианские архивы, первый перевод на наборе чипов, и она углубилась в них с той же основательностью, что и прежде в викторианскую поэзию и затем в трактаты «Нового царства».

Если действия Джейсона привели к каким-то результатам, то по земле, конечно же, передвигались и иные представители четвёртого возраста. Но обнаружить себя — значит сразу попасть в лапы федеральной власти. Администрация Ломакса не собиралась открывать марсианских секретов ни миру, ни стране, сидела на них, не используя и не позволяя использовать другим, а федеральные агентства набрали силу в ходе последовавших за «Спином» экономических кризисов.

— Ты когда-нибудь думал об этом? — спросила Диана с некоторой робостью.

Она имела в виду мой собственный переход

в четвёртый возраст. Инъекцию прозрачной жидкости из одного из пузырьков, спрятанных в стенном сейфе нашей спальни. Конечно же, я размышлял об этом. Мы стали бы более похожими.

Но хотел ли я этого? Я постоянно сознавал наличие разделяющей нас пропасти, между её четвёртым и моей естественной человечностью. Но я не боялся этой пропасти. Иногда, глядя в её серьёзные глаза, я даже дорожил этим разделяющим нас пространством. Наличие каньона подразумевало наведение мостов, а мост мы соорудили на диво прочный.

Она касалась своими гладкими пальцами моих морщин, мягкого напоминания о том, что время не стоит на месте, что однажды мне всё же придётся подвергнуться процедуре, которую я стремился оттянуть.

— Нет, пока нет.

— А когда?

— Когда созрею.

* * *

За президентом Ломаксом последовал президент Хьюз, а затем президент Чейкин — все одного до-спинового поля ягодки. Они рассматривали марсианскую биотехнологию как атомную

бомбу новой эры, и, пока они держали её при себе, считалось, что у них в руках большая дубина. В первом же дипломатическом послании Ломакса совету Пяти Республик содержалось требование воздержаться от распространения марсианской информации на Земле. Он мотивировал это вполне убедительно, ссылаясь на возможные негативные последствия распространения такой информации в политически разделённом и страдающем рецидивами насилия мире. В качестве козырного туза Ломакс выкинул смерть Ван Нго Вена. На марсиан аргументация Ломакса, похоже, подействовала.

Но железная хватка на каналах связи с Марсом не спасала от его влияния. Эгалитарная экономика Пяти Республик сделала Ван Нго Вена символом глобального рабочего движения. С чувством странным и не слишком приятным глядел я на экран, на толпы текстильщиков в далёкой Азии, размахивавших плакатами со знакомой чёрной физиономией, натыкался на его изображение на футболках и наколках. Уверен, однако, что ему самому эта популярность пришлась бы по душе.

* * *

Диана пересекла границу, чтобы посетить похороны И-Ди, почти день в день через одиннадцать лет после спасения с ранчо Кондона.

О его смерти мы узнали из новостей. В некрологе вскользь упоминалось, что он на полгода пережил свою бывшую супругу — ещё одна печальная весть. Почти десять лет назад Кэрол прекратила принимать наши звонки. Она полагала, что это слишком рискованно. Она знает, что мы в безопасности, и этого достаточно. А новостей никаких, говорить-то, собственно, и не о чем — так она считала.

Прибыв в Вашингтон, Диана посетила могилу матери. Больше всего, по её словам, её опечалила незавершённость существования Кэрол. Сказуемое без подлежащего, анонимное письмо, превратно понятое из-за отсутствия подписи. «Я скорбела не столько о ней, сколько о том, чем она могла бы стать».

На церемонии похорон И-Ди Диана присутствовала тайком. Прибыло слишком много знавших покойного шишек из администрации, включая министра юстиции и действующего вице-президента. Внимание её привлекла неизвестная

женщина, которая так же внимательно разглядывала Диану. «Я поняла, что она из Четвёртых. Интересно, что между нами сразу установился контакт». По окончании службы Диана подошла к этой женщине и спросила, откуда та знала её отца.

— Я с ним не знакома, — ответила женщина. — Лично не знакома. Я работала в «Перигелион фаундейшн» в дни Джейсона. Я Сильвия Таккер.

Это имя я сразу вспомнил. Сильвия Таккер состояла в команде антропологов. Более открытая и дружелюбная, чем большинство её коллег, она, вероятно, вызвала доверие у Джейсона.

— Мы обменялись электронными адресами, — сказала Диана. — О Четвёртом ни словом не обмолвились, но она тоже поняла, я уверена.

Оживлённой переписки они не вели, но иной раз Диана получала от Сильвии многозначительные сообщения, например:

— об аресте по соображениям национальной безопасности исследователя-химика в Денвере, Колорадо;

— о закрытии федеральными властями гериатрической клиники в Мехико-Сити;

— о гибели в пламени пожара профессора социологи Калифорнийского университета; по-

дозревался поджог…

И тому подобное.

Я, разумеется, не хранил списка имён и адресов рассылки, и даже постарался попрочнее забыть эту опасную информацию. Но имена из этих сообщений отдавались в моём черепе набатным звоном.

— Она считает, что правительство открыло охоту на Четвёртых.

Месяц мы обсуждали, что делать, если на наш след нападут. Куда бежать, если учитывать, что аппарат безопасности президента распустил щупальца по всей планете?

На вопрос, где лучше всего затеряться, напрашивался лишь один ответ. Южная Азия — та мутная вода, в которой плохо видит любой аппарат безопасности. И мы подготовили паспорта, банковские счета, проработали маршрут, чтобы можно было мгновенно сняться с места и улетучиться.

И вот Диана получила не слишком неожиданное последнее сообщение Сильвии Таккер, единственное слово:

— Бегите.

И мы сбежали.

* * *

Вечером, в самолёте, задумчиво глядя в иллюминатор на подлёте к Палембангу, Диана спросила меня:

— Ты уверен, что готов?

Решение я принял ещё в Амстердаме, когда мы осматривались, опасаясь, что за нами увязался хвост, что наши паспорта пометят, что наш багаж арестуют.

— Да. Теперь. Перед переходом.

— Значит, уверен.

— На все сто.

Я преувеличил. Не был я уверен, но желал этого. Желал потерять то, что придётся потерять, приобрести то, что можно приобрести.

И вот мы сняли номер на третьем этаже колониального отеля в Паданге, где на нас никто не обращал внимания. Все мы падаем, напомнил я себе, и все куда-то попадаем.

Севернее всего на свете

За полчаса до пересечения черты, через час после наступления темноты, в кают-компании команды мы наткнулись на Эна. Кто-то из команды презентовал ему большой лист коричневатой обёрточной бумаги и несколько мелков.

Казалось, он нам обрадовался. Перехода он побаивался. Эн поправил очки, вздрогнул, задев большим пальцем ударенную Джалой щёку, и спросил, на что похож этот переход.

— Да я и сам не знаю, — честно признался я. — Я тоже впервые.

— Мы заметим что-нибудь?

— Моряки говорят, что небо слегка изменится. А о переходе они узнают по стрелке компаса. Она скачком изменит направление на противоположное. И мы сразу услышим гудок. Так что узнаем.

— Так далеко, и так быстро, — сказал Эн. — Интересно.

Это он очень верно подметил. Эту Арку — нашу Арку — гипотетики протащили сквозь межзвёздный космос с субсветовой скоростью, прежде чем опустить в Индийский океан. Но у них бездна времени для этой процедуры. Им ничего не

стоило перекрыть расстояние в три миллиарда световых лет. А даже ничтожная доля этого промежутка для нас представляется внушительным интервалом.

— Очень интересно, — согласилась Диана. — И для чего они только это всё вытворяют?

— Как говорил Джейсон…

— Помню, помню. Гипотетитки не хотят, чтобы мы, дураки, вымерли, хотят, чтобы мы развивались дальше, росли и хорошели. Но отсюда сразу вопрос: зачем? Чего они от нас ожидают?

Эн не обратил внимания на наше философствование:

— А после перехода…

— После перехода ещё день, и мы прибудем в Порт-Магеллан.

Эн улыбнулся.

Я глянул на Диану. Она с Эном познакомилась два дня назад, они успели подружиться. Диана читала ему книгу английских детских сказок, найденную в судовой библиотеке, и даже нашла возможность процитировать стишок про косолапого мишку и глупого мальчишку. Эн, правда, этого стишка не одобрил.

Он показал нам свои рисунки. Животные, которых он, должно быть, видел в репортажах из

Экватории, с длинными шеями, задумчивыми глазами и в полосатых тигровых шкурах.

— Красиво, — похвалила Диана.

Эн кивнул, и мы оставили его, вернулись на палубу.

* * *

Арка в ясном ночном небе сверкала прямо над нашими головами, отражая последние лучи света. Здесь её изгиб совершенно исчез, под этим углом зрения мы видели отрезок эвклидовой прямой, элементарную единицу либо заглавную латинскую «I».

Мы подошли как можно ближе к носу судна, стояли, опираясь на ограждение. Ветер трепал волосы и одежду, флаги на мачтах. Волны отшвыривали в разные стороны осколки отражённых судовых огней.

— С собой? — спросила Диана.

Она имела в виду пепел Джейсона. Мы запланировали эту церемонию, если её можно назвать церемонией, задолго до того, как покинули Монреаль. Джейсон всегда плевал на любого рода церемонии, но мне кажется, что на эту он бы согласился.

— Здесь, — подтвердил я и вынул из нагрудного

кармана крохотную керамическую трубочку.

— Мне его всё время не хватает, — сказала Диана. Она прижалась ко мне, я обнял её одной рукой. — Хотела бы я увидеть его Четвёртым. Но вряд ли он слишком изменился.

— Совершенно не изменился.

В каком-то смысле он всегда был Четвёртым.

По мере приближения к переходу звёзды как будто тускнели, как будто судно окутала полупрозрачная дымка. Я откупорил трубочку. Диана положила свою свободную руку на мою.

Ветер внезапно изменился, температура упала градуса на два.

— Иногда, когда я думаю о гипотетиках, мне кажется… я опасаюсь…

— Чего, Диана?

— Что мы — красная тёлка. Или что там Джейсон говорил о марсианах… Что они хотят, чтобы мы их спасли от чего-то. От чего-то, что их пугает.

Кто знает. Но в этом случае, подумал я, мы поступим так, как всегда поступает жизнь: бросим вызов ожиданиям.

Я почувствовал, что она задрожала. Линия Арки над нами растворялась во тьме и в дымке, распространявшейся над водою. Чувствовалось,

что меняется погода.

Арка исчезла, растворилась в небе. Исчез и горизонт. Компас, должно быть, уже совершил свой переходный танец, потому что раздался гудок, громкий, заглушающий все остальные звуки. Я поднял взгляд. Звёзды смешались в какую-то неразбериху.

— Давай! — крикнула Диана мне в ухо, стараясь перекричать гудок.

Я перегнулся через фальшборт, стараясь не стряхнуть её руку с моей, и опрокинул сосуд. Пепел взметнулся на ветру, похожий в свете судовых огней на снег, и исчез из поля зрения, ещё не достигнув буйной поверхности океана. Мне показалось, что он рассеялся в космосе, который мы мгновенно пересекли, в волнах межзвёздного эфира.

Диана прижалась к моей груди, судовой гудок вибрировал в нас, вызывая незнакомые ранее ощущения.

Диана подняла голову.

— Звёзды, — прошептала она в наступившей тишине.

Звёзды — опять новые, опять незнакомые.

* * *

Утром все высыпали на палубу: Эн, его родители, ибу Ина, все минанг, тайцы, малайцы, свободные от вахты члены экипажа. Даже обиженный Джала пожелал ощутить тепло нового мира.

По цвету неба и солнечному свету это вполне могла быть и Земля. На горизонте показалась скалистая линия берега, мыс, на котором находился Порт-Магеллан. Над городом поднимались дымки, сносимые ветром к западу.

Ибу Ина с Эном присоединились к нам.

— Вид привычный, но ощущение незнакомое, — сказала Ина.

Мимо бортов проплывали комья сорванных штормом или приливом водорослей, распластывали по поверхности громадные восьмипалые листья. Арка осталась позади, стала теперь воротами иного рода, воротами в обратном направлении.

— Как будто одна история закончилась, а другая началась, — заметила Ина.

Эн придерживался иного мнения.

— Нет, — промолвил он торжественно, склонив голову, как будто бодаясь со встречным ветром, —

история начнётся, только когда мы высадимся.

Послесловие автора

Интересующихся эволюцией и современным состоянием Солнечной системы могу отослать к работам Питера Уорда и Дональда Браунли «Жизнь и смерть планеты Земля» и Армана Дельсема «Наши космические корни» (The Life and Death of Planet Earth, Peter D. Ward, Donald Brownlee; Our Cosmic Origins, Armand Delsemme), не искажённым восприятием писателя-фантаста.

А из всех, кто помогал мне в сочинении этой книги (всем спасибо), награды наиболее результативного игрока заслужила моя жена Шарри.

В целях развития повествования я изобрёл пару болезней. СПАССА — выдуманная болезнь скота, не имеющая аналогов в реальном мире. АРС тоже продукт моего воображения, хотя симптомы его совпадают с таковыми вполне, к сожалению, реального недуга, рассеянного склероза. Рассеянный склероз пока что неизлечим, но прогресс медицинской науки внушает надежду на появление новых, более действенных методов терапии. Фантастический роман, однако, не следует путать с медицинской периодикой, так что интересу-

ющимся рассеянным склерозом рекомендую посетить сайт www.nationalmssociety.org

Прогноз развития острова Суматра и народа минрингкабау тоже полностью произволен, однако матриархальная культура минанг и её взаимодействие с современным исламом привлекали внимание исследователей. Советую обратиться к работе Пегги Ривз Сэнди «Женщины в центре: реальность современного матриархата» (Peggy Reeves, Women at the Center: Life in a Modern Matriarchy).

Художественное оформление книги

Разворот обложки

